

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

В. Н. Барышников

МАННЕРГЕЙМ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

LENINGRAD

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

В. Н. Барышников

**МАННЕРГЕЙМ
И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ**

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва
2021

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6
Б26

Рецензенты:

А. Л. Вассоевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук,
профессор РГПУ им. А. И. Герцена
В. И. Фокин, доктор исторических наук, профессор СПбГУ

Барышников, Владимир Николаевич

Б26 Маннергейм и Советский Союз. — М.: Издательство «Кучково поле», 2021. — 384 с.: 56 л. ил. — (Реальная политика).

ISBN 978-5-907171-47-3

В монографии впервые комплексно рассматриваются отношения К. Г. Маннергейма с Россией, начиная с периода революции и гражданской войны в Финляндии в 1918 г. и до окончания Второй мировой войны. Особое внимание автор обращает на спорные вопросы и «многоликость» финского маршала как способность, меняя тактику, последовательно реализовывать главную задачу — борьбу против России/СССР в союзе с кайзеровской и позднее нацистской Германией.

Анализируются планы Маннергейма по созданию «великой Финляндии» за счет СССР, объяснено его отсутствие в качестве главного обвиняемого на Хельсинкском процессе над основными виновниками вовлечения Финляндии во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии.

Работа выполнена на основе богатого корпуса малоизвестных российских и финляндских архивных источников, научно-исследовательской и мемуарной литературы.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

На обложке изображена юбилейная монета в 10 евро, изготовленная в Финляндии к 300-летию Санкт-Петербурга в 2003 г. На одной стороне монеты портрет К. Г. Маннергейма, на другой собор Петропавловской крепости.

По словам финского академика В. Мери: «...совершенно независимо от того, занимал ли Маннергейм официальное положение или нет, мысль о завоевании Петербурга не давала ему покоя... Это была великая задача его жизни».

ISBN 978-5-907171-47-3

© Барышников В. Н., текст, иллюстрации, 2021
© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2021
© ООО «Издательство «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2021

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В последние годы острые вопросы истории XX в. перекочевали из узких профессиональных кругов в широкое общественное пространство. Празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне в 2020 г. и ранее восьмидесятилетние годовщины предвоенных событий 1938–1939 гг. спровоцировали настоящие политические сражения на международной арене с принятием скандальных резолюций Европейским парламентом. Однако и внутри России ревизионисты ведут систематическое наступление на историческую правду, причем делают это с двух идеологических позиций: в то время как «либералы» задаются вопросом, не нужно ли было «сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней», «консерваторы» увековечивают память Маннергейма — союзника Третьего рейха, замкнувшего кольцо блокады, в которой погибло более миллиона жителей города-героя.

Научный руководитель Института всеобщей истории РАН академик Александр Оганович Чубарьян объясняет повышенное внимание к вопросам прошлого тремя факторами: активным использованием истории в политике, поиском идентичности и стремлением найти ответы в сложные жизненные моменты. При этом важно, конечно, находить *верные* ответы. Верность ответов проверяется отношением к главному историческому ориентиру, объединяющему всех российских граждан вне зависимости от разногласий по другим вопросам, — Победе Советского Союза в Великой Отечественной войне против германского нацизма и европейского фашизма. Президент Владимир Путин и вся государственная политика Российской Федерации опираются именно на это ключевое событие советской истории.

Поэтому удивительно, что фигура бывшего генерала Российской императорской армии, а затем маршала и президента Финляндии барона Карла Густава Эмиля Маннергейма стала предметом дебатов. Какие могут быть споры по поводу союзника Третьего рейха, кото-

рый несет личную ответственность за гибель сотен тысяч людей в блокаде Ленинграда, геноцид русского населения в Карелии, смерть тысяч советских военнопленных? Любая форма союзничества с Гитлером против нашей страны, а тем более такого крупного масштаба и смертоносного результата, стирает все предыдущие заслуги — если они были — и не оставляет места для дискуссий, как и в случае предателя генерала Власова, французского маршала-коллаборациониста Петена или венгерского диктатора Хорти. Никакие полутона здесь неуместны.

Крупнейший в России специалист по истории Финляндии и личности К. Г. Маннергейма, заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета профессор, доктор исторических наук Владимир Николаевич Барышников дает исчерпывающий и решающий ответ на вопросы о роли Маннергейма в истории России и СССР. В этом фундаментальном труде, на широкой документальной основе, автор впервые в российской исторической науке представляет исчерпывающую картину деятельности К. Г. Маннергейма, проходя по всем ключевым эпизодам карьеры барона-маршала-президента.

В. Н. Барышников подчеркивает «многоликость» Маннергейма. Этот термин весьма академичен и дипломатичен. «Многие лики» главного героя связаны с его «гибкостью» в отношении собственных принципов и союзов. Первые пятьдесят лет жизненного пути Маннергейма связаны с успешной службой в царской армии, хотя, судя по скромным наградам, «героем России» он никогда не был. В декабре 1917 г. Маннергейм переехал в Финляндию, которую молодая Советская Россия только что одарила независимостью — впервые в финской истории. И уже в 1918 г. начал жесточайшую борьбу против недавней Родины — это первая смена «лика».

На посту главнокомандующего войсками «белой» Финляндии Маннергейм скоро перестал осознавать себя генералом русской армии и не принял активного участия в русском Белом движении, отмечает автор. Более того, за помощью браваый генерал обратился к кайзеровской Германии, против которой воевал еще совсем недавно в составе царской армии — очередной «лик» в действии. И именно военная помощь со стороны Германии определила победу «белых» в финской гражданской войне, подчеркивает В. Н. Барышников. Роль Германии в судьбе новой «независимой» Финляндии оказалась столь велика, что главнокомандующему Маннергейму при немецком

военном режиме даже не нашлось места во власти. Финский народ также не хотел, чтобы государством управляли «белые» консерваторы: парламентские выборы в марте 1919 г. принесли успех социал-демократам.

Именно Маннергейм был в центре организации в стране белого террора, причем он первым дал ход практике террора после революции, что подробно объясняет В. Н. Барышников. В итоге за период гражданской войны от «белого» террора людей погибло в пять с лишним раз больше, чем это было у «красных». Чистки шли таких масштабов и жестокости, что даже германский рейхстаг назвал происходящее «самой страшной из всех гражданских войн», а британские газеты усомнились, «можно ли считать Финляндию, где применялась такая жестокость, среди цивилизованных стран».

На приход Гитлера к власти Маннергейм отреагировал «со смутным любопытством и в некотором смысле откровенным восхищением», по словам финского историка Хенрика Мейнандера. Усиление Третьего рейха дало Маннергейму новую надежду на уничтожение Советского Союза, и он направил финскую внешнюю политику строго в кильватере агрессивных замыслов нацистской Германии. Единоличным решением осенью 1940 г. Маннергейм допустил немецкие войска на территорию суверенной Финляндии. Финская армия вместе с немецкой армией пыталась захватить Ленинград в сентябре 1941 г., а затем исправно держала блокадное кольцо вокруг города. Оккупировав значительную часть территории Советской Карелии, Маннергейм снова развязал жестокий этнический террор и приказал «русское население заключать под стражу и переправлять в концентрационные лагеря».

Союз Маннергейма с Гитлером поражает глубиной и персональной близостью. Сложно представить фюрера выезжающим из Третьего рейха к кому-либо на день рождения в острый момент войны. Для Маннергейма он это сделал 4 июня 1942 г. Конечно, 75-летний юбилей был только поводом: фюрер прибыл с фельдмаршалом Кейтелем и свитой своих генералов обсудить план «овладеть Ленинградом и сровнять его с землей». Нацистская пропаганда даже сделала репортаж про визит: маршал Маннергейм склоняется перед Гитлером, отдает ему честь и сержильно слушает, Гитлер вручает ему Большой крест Ордена Германского орла в золоте. За кадром бравый немецкий голос вещает: «Визит стал также выражением исторического братства по оружию этих двух народов, которые во второй раз стоят вместе в общей борьбе против мирового врага — большевизма». Позднее в мемуарах Маннер-

Фрагмент из германского репортажа в «Die Deutsche Wochenschau» («Немецкое еженедельное обозрение») о визите Гитлера в день 75-летия маршала Маннергейма, 4 июня 1942 г. Hitler meets Mannerheim in Finland 4, June 1942. (<https://www.dailymotion.com/video/x2yhfr9>)

гейм будет рассказывать, что визит Гитлера стал для него «неожиданным», но уже через три недели, 27 июня, он сам отправляется в Германию на личном самолете Гитлера. Следует череда встреч с Кейтелем, Гальдером, обед с рейхсмаршалом Герингом, а сразу по возвращении Маннергейм принимает еще одного ближайшего помощника Гитлера — Гимmlера вместе с генералом Вольфом. «Маннергейм оптимистичен в отношении возможностей Германии», — записал в дневнике Ю. К. Паасикиви, будущий премьер-министр и президент.

Но победы Красной армии в Сталинградской битве, а затем на Курской дуге резко убавили оптимизма — и Маннергейм вновь меняет «лик». Нужно сказать, что после победы под Сталинградом любое «несогласие» с Гитлером и разрыв союза с Третьим рейхом — это только попытка спасти свою шкуру. В июне — июле 1944 г. финские войска потерпели серьезное поражение на Карельском перешейке и в Карелии, «линия Маннергейма» была прорвана. Ее архитектору под угрозой полной военно-политической катастрофы ничего не оставалось, как согласиться с советскими условиями перемирия и выйти из войны на стороне нацистской Германии.

Для Маннергейма это, безусловно, был крах, и не только военный: дело всей его жизни было повержено, все его атаки против Советской России потерпели полное поражение. Маннергейм сломлен. Сломлен настолько, что в ноябре 1944 г. поздравил советское руководство с годовщиной Октябрьской революции и согласился на включение коммунистов в состав правительства Финляндии. Его коллеги по правительству тем временем направлялись на скамью подсудимых по делу о главных виновниках участия Финляндии в войне на стороне нацистской Германии.

Что это было? Очередная «смена лика» или полная и безоговорочная капитуляция? До тех пор, при всей его «гибкости» в смене союзников, у «многоликого» Маннергейма была одна константа — борьба с Советским Союзом, с любым сильным российским государством. «Смена ликов» лишь служила этой главной задаче всей его жизни. Ни одно государство в мире не воевало столько с нашей страной в XX в., как Финляндия при Маннергейме, — трижды. Более того, Маннергейм искал возможности присоединить российские территории и построить «великую Финляндию» — после революции на руинах Российской империи, а по мере усиления Третьего рейха на руинах СССР. Он также пробовал создать марионеточное русское правительство и использовать украинских националистов для развала Советского Союза.

Маннергейму было позволено уехать из Финляндии на время Хельсинкского процесса над военными преступниками и вернуться, когда все было решено и готовилось вынесение всем его соратникам обвинительных приговоров. И. В. Сталин заметил: «Во время суда Маннергейм неизбежно будет неоднократно упоминаться как повинный в приказах по армии и за сговор с немцами о вступлении Финляндии в войну на стороне фашистской Германии. Тогда народ Финляндии примет отставку Маннергейма с облегчением». Согласно задумке советского лидера, всего через 10 дней после возвращения, 4 марта 1946 г., Маннергейм подал в отставку и вскоре уехал в Швейцарию, где и умер в 1951 г.

Как указывал в своих воспоминаниях резидент советской разведки в Финляндии Е. Т. Сеницын, руководство СССР решило *позволить* Маннергейму *самому лично осудить «своих соучастников»*. Да, Маннергейм их предал, чтобы избежать тюрьмы, — лишь в этом состояла его «стратегия».

В 1944 г. советское руководство понимало, что по окончании войны Запад не останется союзником, и стремилось нейтрализовать Фин-

ляндию, превратив ее в «доброего соседа». Москва искусно добилась этого руками злейшего врага. Кремль использовал остатки авторитета Маннергейма и удалил его из политической жизни страны. Со своей стороны, Маннергейм пошел на сделку с победителем не из симпатий к своему русскому прошлому, но только потому, что другого выхода ни для Финляндии, ни для него лично не было. Это было финальное признание поражения и полная капитуляция, политическая и личная.

В 1948 г. Финляндия подписала Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом, обязуясь соблюдать нейтралитет и признать особые стратегические интересы СССР. «Линия Паасикиви — Кекконена», названная по именам двух послевоенных президентов Финляндии, означала курс на поддержание дружественных, взаимовыгодных отношений с СССР. Были запрещены созданные в США фильмы, которые могли рассматриваться как антисоветские, из библиотек изымались антисоветские книги. На Западе даже появился термин «финляндизация» для характеристики дружественных отношений капиталистической страны с СССР, с негативным смыслом.

Но советские успехи на финском направлении были достигнуты *не при помощи Маннергейма, а путем полного разгрома его последовательных агрессивных планов*, благодаря стратегическому видению советского руководства и здравому смыслу послевоенных политиков Финляндии. Конструктивные отношения с Финляндией ни в коем случае не значат забвение преступлений К. Г. Маннергейма — террора, этнических чисток, блокады Ленинграда и гибели сотен тысяч советских людей.

*Вероника Крашенинникова,
генеральный директор
Института внешнеполитических исследований и инициатив,
член Российского исторического общества*

ПРЕДИСЛОВИЕ

С именем К. Г. Маннергейма в Финляндии связана целая эпоха, и, безусловно, многие его рассматривают в качестве «позитивного творца», который очень много сделал для своей страны. Как восторженно отметил один финский исследователь, «он обладал способностью из малого творить великое и делал это неоднократно и в самых различных областях»¹. В результате сейчас создан крайне позитивный образ этого человека. Более того, можно сказать, что о жизни Маннергейма написано больше, чем о ком бы то ни было из финляндских государственных, политических, общественных деятелей, а также представителей науки и культуры данной страны. Крупнейший финский историк, профессор М. Клинге отметил, что «наряду с Сибелиусом, он еще при жизни стал самым известным финном как у себя на родине, так и за границей»². Не обошли вниманием и изданные в начале 1950-х гг. мемуары финского маршала. Даже на русском языке они регулярно издаются и переиздаются в самых разнообразных отечественных издательствах³. В Финляндии же на шведском языке была опубликована первая биография Маннергейма уже в 1934 г.⁴ Причем, очевидно, авторы данной работы даже не представляли, что наибольшая слава к их герою придет несколько позже — в период Второй мировой войны, когда Финляндия дважды сумела повоевать с Совет-

¹ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 108.

² *Клинге М.* Густав Маннергейм (1867–1951). Президент республики, регент, маршал Финляндии // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 374.

³ *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999; 2000; 2003; 2004; 2011; 2014 и др.; *Маннергейм К. Г.* Воспоминания. М., 2015.

⁴ *Donner K.* Fältmarskalken friherre Mannerheim. Hels., 1934.

ским Союзом, а Маннергейм, являясь командующим финскими вооруженными силами, стал входить в узкий круг руководства страны и даже стал в 1944 г. ее президентом.

Однако не все действия маршала Маннергейма можно считать абсолютно оправданными и полностью «безгрешными». Особенно это относится именно к тем событиям, которые были связаны с войнами. Реально Финляндия в XX веке трижды воевала с Советским Союзом. Ни одно государство в мире столько не воевало в это время с нашей страной. Проблемы геноцида в отношении русского населения в Финляндии периода так называемой войны за свободу 1918 г. и периода Великой Отечественной войны 1941–1944 гг., также участие финских войск в блокаде Ленинграда, несомненно, тяжелым бременем ложатся на «безупречный» образ финского маршала. Здесь не может быть никаких оправданий.

В этом плане бесспорный интерес вызывают вопросы о том, как складывалось отношение Маннергейма к Советскому Союзу и как личность маршала воспринималась в Москве. При кажущейся простоте ответов на них, учитывая явный антибольшевизм Маннергейма, вызывает удивление то, что до сих пор нет полного и ясного представления, опирающегося на документальные источники, почему он не привлекался, как все остальные представители высшего государственного руководства Финляндии, к суду за вовлечение страны во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. Очевидно, этот факт является одной из больших загадок для современных исследователей, занимающихся изучением жизни Маннергейма.

Тем не менее многое можно понять, если проследить весь жизненный путь финского маршала, обратив особое внимание на его отношение к Советской России, а также более пристально посмотреть на финальную часть его жизни. Именно такой подход позволяет заметить явную многоликость Маннергейма, который нередко просто надевал маску, скрывающую его истинные взгляды и представления. На это уже обращали внимание некоторые исследователи, но их работы, к сожалению, касались в основном периода Второй мировой войны¹. С другой стороны, в последнее время издано немало восторженных книг отечественных авторов, посвященных тем или иным сторонам жизни Маннергейма, начиная с его отношения

¹ *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1997, № 5; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. СПб-Хельсинки, 2004.

к женщинам и лошадям и заканчивая проблемами пребывания в Петербурге или, например, в Польше¹. Также в России проходят масштабные выставки, посвященные Маннергейму, в том числе даже крупные экспозиции в помещениях Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге². Все это превращает Маннергейма в настоящего «героя России», скрывая его истинное лицо и отражая уже существующий культ маршала, сложившийся в последнее время в определенных кругах нашей страны.

Показательно, что в большинстве изданных в последнее время произведений предлагаемые для обсуждения версии отношений Маннергейма с советским руководством имеют нередко экстравагантный характер. Нелепым, в частности, выглядит утверждение, что сталинское руководство просто спасло в 1945 г. финского маршала, «поблагодарив» его за то, что в 1941 г. немецкие войска не взяли Ленинград и армия Маннергейма «никоим образом не участвовала» в штурме города. В этом отношении даже существует утверждение, что финский маршал вместе с Г. К. Жуковым «спасали Ленинград» от его захвата германскими войсками³, а в годы войны еще «между Маннергеймом и Сталиным имелась прямая связь, которая, возможно, позволяла почти даже открыто обмениваться мнениями»⁴. Очевидно, что столь далекие от реальности истории, касающиеся сталинского руководства, конечно, требуют объяснения, поскольку с финской стороны маршал нес наибольший груз ответственности за то, что его страна участвовала в 1941–1944 гг. на стороне нацистской Германии в войне против СССР. Но четкой картины отношений Маннергейма и советского руководства до сих пор нет.

¹ *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003; *Власов Л. В.* Петербург в судьбе Маннергейма. СПб., 2000; *Власов Л., Власова М.* Маннергейм и Польша. СПб., 2005; *Власов Л. В.* Женщины в судьбе Маннергейма. М., 2005; *Власов Л. В.* Маннергейм. М., 2005; *Власов Л., Власова М.* Густав Маннергейм и белая эмиграция. СПб., 2008; *Власов Л. В.* «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!». СПб., 2010; *Власов Л. В.* Долгий путь финского маршала. СПб., 2010. *Шкваров А. Г.* Генерал-лейтенант Маннергейм. СПб., 2005; *Иоффе Э.* Линия Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005 и др.

² Маннергейм. Российский офицер. Маршал Финляндии. Каталог выставки. СПб., 2005; В Санкт-Петербурге отметили юбилей маршала Маннергейма. — URL: <http://www.regnum.ru/news/843188.html> (дата обращения: 14.04.2012); Музей Маннергейма. Краткое описание экспозиции о жизни и деятельности К. Г. Маннергейма, расположенной в отеле «Маршал». — URL: <http://www.marshal-hotel.spb.ru/museum/> (дата обращения: 14.04.2012).

³ *Савицкий В.* Два маршала, или Враги — союзники // Знание и общество. 2007. № 1.

⁴ *Lehmus K.* Kolme kriisia. Hels.-Tapiolla, 1972. S. 205.

Перед тем как разобраться с загадочными или слабо исследованными сторонами политических представлений финского маршала и его отношений к Советскому Союзу, вероятно, следует кратко вспомнить биографию этого человека.

Карл Густав Эмиль Маннергейм родился в семье графа Карла Роберта Маннергейма. Его прадед Карл Эрик Маннергейм в 1824 г. был возведен в графское достоинство. Он лично в 1808 г. возглавлял финляндскую депутацию для переговоров в Петербурге с русским императором Александром I по поводу условий вхождения Финляндии в состав Российской империи. Результатом этого стали решения Боргского сейма 1809 г., по которым Финляндии были предоставлены широкие автономные права, позволившие этой территории встать на путь формирования самостоятельного государства. На первый взгляд это говорило о том, что особых русофобских традиций в семье будущего финского маршала не было.

Его юные годы были далеко не безоблачными. Отец будущего маршала, потеряв значительную часть своего состояния, ушел из семьи и вообще покинул Финляндию. А вскоре умерла его мать. В результате Карл Густав довольно рано остался без родителей. Вероятно, это являлось одной из причин, почему юношу начали готовить к военной службе и в 15 лет отдали в единственное в Финляндии военное училище, где он должен был освоить премудрости военного дела и стать офицером. Однако и здесь все оказалось совсем непросто. За нарушение дисциплины Маннергейм весной 1886 г. был исключен из учебного заведения.

Это неприятное для Маннергейма событие могло в корне поменять его дальнейшую жизнь. Но этого не произошло. Маннергейм решил переехать в Россию и продолжить здесь свое военное образование. В 1887 г. он поступил в Санкт-Петербурге в Николаевское кавалерийское училище, став юнкером. Через 2 года в возрасте 22 лет он закончил училище и был направлен на строевую службу в русскую армию. Маннергейм был приписан к драгунскому полку, который дислоцировался в Польше на границе с Германией. Но повседневная армейская жизнь в полку для него продолжалась недолго, поскольку по протекции уже в 1890 г. Маннергейм был принят в элитный кавалергардский полк охраны императора и, естественно, перебрался в Петербург. Таким образом, изменение характера службы позволило молодому офицеру, который к тому же не имел особых средств, ока-

заться рядом с царской семьей и сблизиться с аристократическими кругами столицы Российской империи.

Более того, в 1892 г. он очень выгодно для себя женился. Его избранницей стала женщина с богатым приданым — Анастасия Николаевна Арапова (1872—1936). Она была дочерью генерал-лейтенанта Н. У. Арапова. В итоге будущий финский маршал в Петербурге получил хороший старт для будущей карьеры. Сам же он, живя в столице и благодаря своему браку, принялся вести достаточно легкую и весьма состоятельную жизнь, меняя квартиры в наиболее престижных районах города. Его увлечением стало также довольно дорогостоящее занятие — разведение лошадей.

Брак для Маннергейма был сугубо коммерческим предприятием. Хотя от Анастасии на свет у него появились две дочери (сын умер в младенчестве), прочной семьи все же не сложилась. Уже к 1895 г., спустя три года после свадьбы, они стали, что называется, проживать «в разъезде», а спустя еще семь лет, в 1902 г., Анастасия без расторжения брачных уз вместе с детьми покинула мужа и отправилась во Францию. Больше супруги не встречались, но официально развелись только в 1919 г. Несмотря на крах этого брака, Маннергейм никогда больше не женился.

Неудачная семейная жизнь тем не менее никак не сказалась на карьерных успехах Маннергейма. В частности, ему, достаточно молодому офицеру, оказали честь 14 мая 1896 г. в Москве участвовать в качестве младшего ассистента в коронации Николая II. В целом, не перечисляя все его достижения на службе в российской армии, отметим, что Маннергейм принял участие в Русско-японской войне (воевал в Маньчжурии), далее был руководителем научно-исследовательской и разведывательной экспедиции в Китае (1906—1908 гг.) и, наконец, командовал сначала кавалерийской бригадой, затем дивизией, а далее уже корпусом на полях Первой мировой войны. За годы службы в российской армии Маннергейм был награжден 11 орденами. Наиболее почетным из них был, несомненно, орден Св. Георгия. Но это была самая низкая, 4-я степень этой награды. Также в августе 1914 г. он был награжден Георгиевским оружием, причем опять не самой высшей степени. В целом таких кавалеров в русской армии было около 2 тысяч. Генерал-лейтенант Маннергейм хотя и продвигался по служебной лестнице, но в ряд выдающихся российских полководцев не встал. В этом отношении трудно его считать «героем России». Он станет героем совсем другого государства...

В целом первые 50 лет жизненного пути первого финского маршала были в большей степени связаны с успешной службой в России, где он фактически сформировался как офицер. Здесь же сложились его жизненные представления. Но тем не менее со своей исторической родиной он связи не утратил и в России был прежде всего финляндцем. Поэтому после прихода в Петрограде к власти большевиков К. Г. Маннергейм в чине генерал-лейтенанта оставил службу в российской армии и в декабре 1917 г. выехал в Финляндию. С этого момента русский период его жизни полностью закончился. К тому же переезд Маннергейма в Финляндию совпал с провозглашением независимости и отделением страны от России.

Очевидно, что К. Г. Маннергейм никоим образом не поддержал революцию и приход к власти большевиков. Тем не менее он не участвовал в русском Белом движении. Для него вся его будущая жизнь стала исключительно связана со своей исторической родиной. С этого периода начинает формироваться новое отношение Маннергейма к прежней Российской империи, он неизменно рассматривал ее как угрозу независимости Финляндии. Следовательно, предполагалась неизбежность борьбы и противостояние Советскому Союзу. В Москве рассматривали финского маршала не иначе, как одного из наиболее опасных врагов. Неизменно в средствах массовой информации Советского Союза Маннергейма квалифицировали как человека, который являлся главным во всех «злых делах», исходящих с территории Финляндии. Причем его дурная слава в СССР имела длительную историю и сложилась задолго до начала Второй мировой войны. Тем не менее история этого противостояния имеет определенные исторические периоды, различающиеся как по форме, так и по взаимовосприятию. Все это, безусловно, представляет научный интерес и требует объективного исследования.

ГЛАВА I

БАРОН МАННЕРГЕЙМ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ФИНЛЯНДИИ

Провозглашение независимости и начало революции в Финляндии

Перед тем как обратиться к конкретной деятельности генерала К. Г. Маннергейма в Финляндии, нужно, прежде всего, учесть внутриполитическую ситуацию, сложившуюся в Великом княжестве к концу 1917 г. При этом сам Маннергейм в течение всего этого «русского революционного года» был еще достаточно далек от бурных событий политической жизни на своей малой родине. Более того, для него наиболее ясными являлись те процессы, которые в это время захлестнули всю империю. В частности, во время Февральской революции Маннергейм оказался в Петрограде и, таким образом, мог наглядно наблюдать происходившие в столице события. Далее из охваченного пламенем революции города он отправился на фронт, в расположение своей части, воевавшей на румынском направлении. Причем Маннергейм добирался до места назначения на поезде около двух недель. В результате, как выразился один финский историк, он «ехал по гребню штормовой революционной волны»¹. Таким образом, Маннергейм лично мог видеть, что в это время происходило в стране, но «переживал революцию по другую сторону баррикад», поскольку «для нее, — по мнению известного финского исследователя В. Мери, — он был смертельным врагом»².

¹ Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 90.

² Там же. С. 91.

Стремительное развитие событий в России осенью 1917 г. фактически происходило на глазах Маннергейма, и это в корне отличало его от правящей элиты Финляндии, которую Октябрьская революция явно застала врасплох. Объективно в Гельсингфорсе совершенно не предполагали столь быстрого падения власти русского императора, а затем и Временного правительства. Но при этом как Маннергейм, так и правительство Великого княжества стремились разобраться в динамично меняющейся ситуации. Тем не менее в любом случае здесь четко стали понимать, что большевики, пришедшие к власти в России, могут представлять опасность. Поэтому Маннергейм сразу же принялся обсуждать со своими офицерами перспективу начала борьбы против новой власти. Однако в Одесском военном округе, где он тогда находился, ресурсов и возможностей для противодействия большевикам не оказалось. Единственное, что ему оставалось, это покинуть армию и отправиться 3 декабря 1917 г. на родину. Таким образом, отбывая с фронта, Маннергейм вполне уже осознавал, по какому пути он пойдет в Финляндии.

Судьба К. Г. Маннергейма зависела от происходящего на его родине, где стала стремительно нарастать революционная активность. Очевидно было то, что Финляндия тоже стояла на пороге революции. Позиции революционно настроенной части финляндского общества являлись достаточно крепкими. Более того, серьезное влияние здесь имели большевики. В частности, советскую власть в Финляндии представлял большевик, член ЦК РСДРП(б) латышский революционер И. Смилга, который, занимая ключевой пост председателя Областного исполкома армии, флота и рабочих Финляндии, мог в конце 1917 г. поставить под контроль всё финское руководство. В целом возникала явная тенденция трансформации областного исполкома в главный орган управления Финляндии, а И. Смилга мог, таким образом, стать высшим от России руководителем края. Эта перспектива хорошо подкреплялась еще и тем, что Облисполком имел возможность руководить находящимися на финской территории российскими войсками. В итоге, как тогда полагали, создавались условия для реанимации теряющего власть в Финляндии института русского генерал-губернаторства¹, а большевик И. Смилга мог эту власть удержать и реально ею пользоваться.

¹ *Ketola E.* Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsingi, 1987. S. 441.

Естественно, тогда Маннергейм обо всех этих хитросплетениях событий, происходящих в Финляндии, имел весьма смутное представление. Он даже впоследствии обмолвился, что «понятия не имел, в какую страну приехал в конце 1917 года»¹. Одновременно и о Маннергейме тогда тоже «мало кто в Финляндии знал»². Поэтому он по-прежнему связывал борьбу с новой властью в России не с Финляндией, а со своей деятельностью в мятежном Петрограде. Не случайно он в самом конце декабря на неделю вернулся в столицу России. Но этот блиц-тур полностью подтвердил его подозрения, что шансов на борьбу с советской властью в Петрограде просто нет. Как справедливо заметил профессор А. В. Смолин, «антибольшевистские подпольные офицерские организации, находившиеся в Петрограде и его окрестностях, были настолько слабы, что говорить о свержении советской власти их силами не приходилось»³.

Тем временем в Финляндии события развивались достаточно быстро. 8 ноября (новый стиль) 1917 г. на заседании финского парламента началось обсуждение вопроса о будущей верховной власти в стране. Достичь договоренности, как и следовало ожидать, не удалось. Более того, парламентская фракция социал-демократов, которая была полностью независимой от большевиков, выдвинула манифест, получивший громкое название «Мы требуем!». В нем, наряду с призывом к началу широких социальных преобразований, был поставлен вопрос о «самостоятельном государственном положении Финляндии»⁴.

Следовательно, Финляндия стала на путь отделения от России, и финские социал-демократы в этом были близки к буржуазному большинству всех остальных фракций парламента. Одновременно шла и внутренняя борьба за власть. Более того, уже тогда в Финляндии могла вообще начаться революция⁵. 14 ноября в стране вспых-

¹ Цит. по: *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 105.

² Там же. С. 97.

³ *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. (Формирование. Борьба. Крушение): Автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 1995. С. 26.

⁴ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 288; *Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920.* Сборник документов. М., 2017. С. 159.

⁵ См.: *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 114–119.

нула мощная всеобщая забастовка. Она продолжалась пять дней. Тем не менее социал-демократы, организаторы этой забастовки, не рискнули тогда пойти путем большевиков и дали сигнал к прекращению открытой борьбы, «постановив передать вопрос о революции на рассмотрение партийного съезда»¹. Это четко характеризовало их линию — «умеренность и аккуратность». Они видели свою перспективу не в «революционном», а в «парламентском образовании правительства»². Все это, естественно, серьезно их отличало от политики, которую тогда проводили большевики в России.

Однако страна все же стремительно раскалывалась. Повсюду уже активно создавались «специально для защиты социальной гармонии» военизированные буржуазные отряды³, которые получили общее название «шюцкор» (финское название — «суоелускунта»). Параллельно стали существовать и отряды красной гвардии. В целом в конце 1917 г. революционное противостояние в Финляндии нарастало. Более того, в стране уже начались весьма ожесточенные стычки между «белыми» и «красными»⁴, и все происходившее, как отмечали очевидцы, «быстро вело к гражданской войне»⁵.

Буржуазное руководство Финляндии стремилось быстро воспользоваться моментом, чтобы отделиться от революционной России и «навести в стране порядок». Этому благоприятствовал тот факт, что советское правительство одним из первых своих декретов объявило о праве наций на самоопределение. В результате 15 ноября финский парламент принял на себя всю верховную власть в стране. Причем социал-демократы это решение поддержали и даже предложили «объявить художественный конкурс на составление самого красивого национального флага, который должен был украсить собой кровлю величественного государственного здания Финляндии»⁶. Но вместо реализации этой во многом бессмысленной и романтической инициативы, 27 ноября было сформировано новое правительство (сенат). Его возглавил антирусски настроенный буржуазный политик

¹ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). Петроград, 1919. С. 25.

² Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 119.

³ Manninen T. Suojeluskuntien synty ja sisällissodan alkaminen // Raja railona. Näkökulmia suojeluskuntiin. Porvoo, 1998. S. 28.

⁴ Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944 // Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 130.

⁵ Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 118.

⁶ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). С. 27.

П. Э. Свинхувуд. Он сразу же заявил, что ему нужна «твердая власть для поддержания порядка»¹.

Действительно, сформированное правительство постаралось получить максимально большие полномочия. В частности, было решено всему новому руководству «принять на себя осуществление <...> власти, принадлежащей согласно действовавшим законоположениям государю императору и великому князю»². Как по этому поводу заметил профессор М. Клинге, «так как генерал-губернатора де-факто уже не было, а представитель большевистского правительства таковым признан не был, 27 ноября парламент решил, что Свинхувуд... мог бы стать главой “правительства”»³. Таким образом в финском буржуазном руководстве стремились, не испытывая судьбу, утвердить «своего» политического деятеля в качестве руководителя государства, игнорируя в результате должность генерал-губернатора. Причем созданное тогда правительство Свинхувуда в финской истории получило название «сенат независимости», поскольку оно четко взяло курс на отделение страны от России⁴.

Но для советской власти в Петрограде значение Областного исполкома армии, флота и рабочих Финляндии тоже отнюдь не утратилось. Теперь для большевиков нужно было, чтобы И. Смилга, как представитель новой власти, стал заниматься всеми проблемами дальнейшего развития российско-финляндского революционного сотрудничества. Поэтому 4 декабря Совнарком принял постановление «о признании Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии единственным представителем Совета Народных Комиссаров в Финляндии»⁵. Таким образом, И. Смилга официально стал во главе

¹ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). С. 28.

² Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. С. 159.

³ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 579.

⁴ В правительственной программе, которую тогда определил П. Э. Свинхувуд, было помечено в качестве главной задачи: «Первое — это независимость». См.: Kansakunnan historia. Porvoo-Hels., Osa VI. 1968. S. 101.

⁵ Армия и Флот. 1917. № 9. 1 декабря; 21 ноября (4 декабря). Постановление о признании Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии единственным представителем Совета Народных Комиссаров в Финляндии // Электронная библиотека исторических документов. — URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9678-21-noyabrya-4-dekabrya-postanovlenie-o-priznanii-oblastnogo-komiteta-armii-flota-i-rabochih-fin-lyandii-edinstvennym-predstavitelem-soveta-narod-nyh-komissarov-v-finlyandii> (дата обращения: 07.09.2018).

новой российской администрации. Это происходило уже в условиях, когда в Финляндии при сохраняющемся революционном напряжении начали стремительно разворачиваться процессы отделения края от России. За всем этим Смилга, разумеется, должен был наблюдать и как-то влиять¹.

Однако воспользоваться полученными полномочиями Смилга так и не успел. 4 декабря правительство Свинхувуда само приняло окончательное решение об отделении Финляндии от России². Причем некоторые исследователи эти действия даже стали расценивать как «настоящее бегство» из состава нового российского государства, полагая, что «оставаться в составе России автоматически означало бы признать большевистскую власть в Финляндии»³. Однако показательно, что и Смилга, и советское руководство в целом на решение о выходе Финляндии из состава России никак не отреагировали. Точнее, никаких контрмер, продиктованных постановлением финского правительства, не стали осуществлять. Таким образом, процесс отделения Финляндии от России набирал темп.

6 декабря вопрос об отделении от России официально был вынесен на обсуждение заседания парламента, где П. Э. Свинхувуд «громким голосом» зачитал перед депутатами принятое правительством постановление, «подчеркивая при этом самые важные слова» о независимости⁴. Однако результат последовавшего за этим голосования оказался ошеломляющим. Только 100 парламентариев из 200 сказали «да»⁵.

Таким образом, безусловно, принятое тогда решение об отделении от России в правовом контексте не могло носить обязательный характер. Оно оказалось поддержано далеко не абсолютным большинством голосов депутатов. Но факт парламентского обсуждения официального заявления позволял его затем «просто» переформатировать в официальную Декларацию о независимости. Это же давало право финскому правительству по личной инициативе приступить к практическому решению вопроса об отделении от России.

¹ См.: *Ketola E.* Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 371, 384; *Lenin ja Suomi. Osa II.* Hels., 1989. S. 107–108.

² *Ibid.* S. 129; *Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa I.* Hels., 1921. S. 323; *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 147.

³ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000. С. 45.

⁴ *Kansakunnan historia. Osa VI.* S. 103.

⁵ *Lenin ja Suomi. Osa II.* S. 130.

В результате, согласно существующему международному порядку, финское руководство должно было срочно начать обсуждать вопрос о независимости с правительством России. Это в практике международных отношений являлось тогда незыблемым положением. С ним на Западе тогда, несомненно, считались и сразу же стали выражать сомнение, как вообще сможет «Финляндия реализовать свою независимость»¹.

Однако Советская Россия, как известно, довольно быстро пошла на признание финской независимости. Причем это произошло, когда в Смольный обратились официальные представители Финляндии. 31 декабря 1917 г. В. И. Ленин и другие члены Совнаркома признали ее независимость от России². Для финляндской делегации, кстати, общая оперативность принятия Совнаркомом решения была явным сюрпризом³. Как вспоминал один из членов финской делегации К. Индман, «мы немножко удивились, получив его [декрет. — *Примеч. авт.*], так как не ожидали, что признание так вот сразу будет вручено»⁴. Характерно, что текст этого декрета Ленин затем, после заседания Совнаркома, сам лично отнес в редакцию газеты «Известия»⁵. Такая стремительность, очевидно, была вызвана необходимостью быстрой международной огласки данного документа.

Таким образом, 31 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров преподнес Финляндии новогодний подарок. Был подписан соответствующий декрет. Причем отношение Ленина к подписанному им декрету затем было еще выражено на VIII съезде РКП(б). Он тогда прямо подчеркнул: «Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации... это будет пустяковой вещью. Не признать того, что есть — нельзя...»⁶.

Тем не менее в Петрограде не теряли надежду на возможность продолжения в Финляндии революции. Это подтверждает и то, что еще

¹ Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma. Hels., 1937. S. 26.

² *Соломещ И.* Обретение Финляндией независимости в освещении российской историографии // Россия и Финляндия в 1808–1809 годах. СПб., 2010. С. 337–340; *Полхлебкин В. В.* СССР–Финляндия. 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975. С. 207; *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013. С. 206–211.

³ См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 34, 38.

⁴ Цит. по: *Kansakunnan historia. Osa VI. S. 108.*

⁵ См.: *Коронен М. М.* В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1977. С. 228.

⁶ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 161.

8 декабря В. И. Ленин прямо посоветовал финским социал-демократам по вопросам отделения Финляндии от России «контактировать» с И. Смилгой. Как он намекнул, в Финляндии «армия находится на стороне большевиков»¹, что и должно было стать определяющим в данном вопросе. В целом в Петрограде «армейский фактор» продолжали считать главным. Это подтвердил и Смилга. Он тоже сообщил финским социал-демократам, что, «если они хотят захватить власть, это нужно будет сделать, пока российские войска все еще находятся в стране»².

Действительно, по справедливому замечанию известного финского историка профессора Т. Вихавайнена, тогда «единственной серьезной военной силой... были находившиеся в стране русские воинские части»³. В этом отношении роль И. Смилги была, несомненно, значительной. Что же касается его позиции в отношении возможности вывода русских войск из Финляндии, то Смилга вполне открыто выступал за необходимость эти войска сохранить, поскольку именно в их присутствии виделась перспектива усиления революционного процесса. По этому поводу 20 декабря 1917 г. он подготовил газетную статью «Россия и Финляндия». В ней, естественно, выступил с четких позиций противника вывода войск и таким образом вполне открыто, публично ответил на требования финского правительства. Он написал: «До тех пор пока не заключен мир, мы не можем оголить подступы к Петрограду», а далее жестко подчеркнул, что их требование «считаем озорством, недостойным ни малейшего внимания». В этой статье Смилга также еще указал, что «мы сами уйдем, как только к этому представится возможность»⁴.

Весьма важным являлось, однако, еще и то, что в опубликованной в Финляндии статье Смилга совершенно открыто сообщал, что «наши симпатии на стороне финляндского пролетариата»⁵. Этого, конечно, никто в Смольном и ранее не скрывал, но автор, обращаясь к фин-

¹ *Ketola E.* Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 410–411. См. также: *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 150.

² Цит. по: *Lenin ja Suomi. Osa II.* S. 98.

³ *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышление о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 111.

⁴ *Смилга И.* Россия и Финляндия // Известия Гельсингфоргского совета. 1917. 20 дек. См. также: *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 112.

⁵ Там же.

скому населению, подчеркнул еще, что «наша революция привела к победе рабочих... призываем и вас победить буржуазию»¹.

Таким образом, российский представитель открыто начал призывать в Финляндии к продолжению революции. Более того, в духе идей интернационализма Смилга в другой своей статье, опубликованной в середине января 1918 г., призвал и российских военнослужащих в Финляндии тоже включиться в «борьбу с белой бандой»². В целом политическая линия Смилги заключалась в том, чтобы склонить финских социал-демократов к началу революции в Финляндии. Как отмечает исследователь А. Луукканен, «здесь роль Смилги была особенно важной». Он даже назвал его одним из «большевистских акушеров финской революции»³.

Тем не менее с официальным признанием независимости Финляндии влияние на ее внутривнутриполитические процессы Советской России, очевидно, должно было ослабнуть. В результате стимулирование здесь революционного действия становилось весьма неоднозначным. Поэтому Смилга сразу же постарался четко уяснить свой новый статус у руководства. Однако из Смольного его быстро успокоили. Там твердо указали, что Областной комитет, который он возглавляет, пока остается «представителем власти как внутри, так и на границах Финляндии». Таким образом, советское правительство полномочия Смилги ничуть не сокращало, а его прежняя политическая деятельность явно должна была продолжаться. Надежды на то, что в Финляндии все же начнется революция, сохранялись.

Именно в этот исторический момент на политическую арену Финляндии вышел бывший генерал-лейтенант российской армии барон К. Г. Маннергейм. Он после повторного возвращения из Петрограда наконец все же смог сблизиться с местной финской военной элитой, которая при правительстве Свинхувуда образовала Военный комитет. Этот комитет должен был заняться созданием в стране вооруженных сил и организовать отпор начинающейся в Финляндии революции. С 7 января 1918 г. Маннергейм стал принимать участие в заседании

¹ Цит. по: *Ketola E.* Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 457.

² *Смилга И.* Финляндская революция и русские войска // Известия Гельсингфорского Совета. 1918. 19 ян. См. также: *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008. С. 223.

³ *Luukkanen A.* Smilga Ivar (1892–1937). – URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/4208> (дата обращения: 04.09.2018).

этого комитета. Обладая к этому времени богатым опытом наблюдения революционных действий в России, Маннергейм предложил срочно начать формирование боеспособных соединений в неохваченных революцией районах страны, в относительно спокойной Приботнической Финляндии. Как указывает историограф Маннергейма В. Мери, у будущего финского маршала «уже сложился план действий, и он спешил его осуществить»¹.

В тот период в финском руководстве не было ни одного более или менее компетентного военного, способного начать данную работу. В результате уже 15 января Маннергейма назначили председателем Военного комитета, а далее, на следующий день поручили приступить к формированию финских вооруженных сил, направив для этого на север страны в Эстерботнию. Причем показательно, что собственных обученных войск у независимого государства реально не существовало, и Маннергейму нужно было «с чистого листа» создать регулярную армию². Эту задачу тогда можно было решить исключительно на базе уже существовавших буржуазных военизированных отрядов шюцкора. Их численность в начале 1918 г. доходила по всей стране до 38 тысяч человек³.

Тем временем революция действительно началась. Причем в Финляндии она оказалась первым подобного характера восстанием на территории бывшей Российской империи после захвата большевиками власти в Петрограде. 28 января 1918 г., спустя месяц после обращения официальных финских представителей в Смольный и предоставления Финляндии независимости, а также десяти дней пребывания в Эстерботнии Маннергейма левые социал-демократы смогли без какого-либо кровопролития взять власть в Гельсингфорсе.

Несомненно, бескровному захвату власти в столице Финляндии большое содействие оказали русские революционно настроенные войска. Гельсингфорс, как указывают некоторые финские исследователи, «был отдан на милость Свеаборгской крепости и тяжелой

¹ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 101.

² *Seppälä H.* Itsenäisen suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974. S. 20.

³ *Manninen T.* Suojeluskuntien synty ja sisällissodan alkaminen. S. 31. См. также: *Хен-тия С.* От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 137; *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 247; *Manninen O.* Valkoisen armeijan suojeluskuntarykmentit // *Sotahistoriallinen Aikakauskirja.* 1989. № 8. S. 7; *Salokangas R.* Itsenäinen tasavalta // *Suomen historian pikkujättiläinen.* Porvoo-Hels.-Juva, 1995. S. 610.

артиллерии Балтийского флота»¹. Однако это не означало полную победу «красных финнов». На севере страны сторонники свергнутого правительства во главе с К. Г. Маннергеймом сохранили свое прежнее влияние и власть. В итоге достаточно быстро началась консолидация всех контрреволюционных сил в единый центр, а Финляндия оказалась расколота на две части — «белую» и «красную». Все это означало, что Финляндия сразу же с началом революции оказалась на пороге гражданской войны, а Маннергейм стал играть ключевую роль в финском белом движении. Показательным при этом было то, что финская гражданская война стала первой, возникшей на территории России в момент распада империи, и ее итоги могли многое показать, в том числе и в отношении будущего уже Советской России.

Финская гражданская война, Советская Россия и Маннергейм

Быстрый и бескровный приход в столице Финляндии социал-демократов к власти означал, что оценка Маннергеймом сложившейся в Гельсингфорсе ситуации была правильной, и для «белых» оставалась лишь возможность получить опору в лице тех военизированных формирований, которые будущий финский маршал на севере страны пытался максимально быстро превратить в войска. Он безотлагательно принял командование ранее образованными отрядами шюцкора. В городе Ваза (Вааса), куда он прибыл, была образована Ставка главного командования белой армии. Главнокомандующим был назначен генерал Маннергейм. Тогда же на севере, контролируемом Маннергеймом, началась обязательная мобилизация финского мужского населения. Причем этим формированиям Маннергейм никоим образом не отводил времени для какой-либо подготовки. Он сразу же бросал их в бой, а точнее в наступление, которое стало быстро развиваться в направлении занятых «красными» территорий и было образно названо «бег к югу».

Однако, как считают некоторые финские исследователи, начавшееся тогда наступление Маннергейм видел лишь только как первоначальный этап общего замысла с целью «занять Петербург и свергнуть большевистское правительство», поскольку, как он полагал,

¹ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 101.

«для Петербурга было бы предпочтительнее иметь финляндцев в качестве завоевателей и оккупантов»¹. При этом, однако, очень важно, что данные мысли Маннергейма в большей части не были связаны с судьбой России. Он уже тогда начал думать, прежде всего, о будущем Финляндии как о независимом от России государстве. Более того, Маннергейм все больше убеждался, что от освобождения от большевиков финскими войсками российской территории скорее «должна была получить конкретную пользу» сама Финляндия, поскольку это вынудит Россию «пойти на компромисс»: не только «навечно признает независимость Финляндии», но и позволит ей присоединить «принадлежащую России Восточную Карелию»².

Показательно, что именно этих принципов Маннергейм очевидно придерживался, когда в России, а точнее в Петрограде, как раз в это время стало складываться нелегальное финское белое движение. С этим движением Маннергейм явно имел тесные связи, поскольку через петроградских «белых финнов» неоднократно и буквально ящиками начал получать любимые им особые сигары, «которые могли быть только в одном известном ему магазине на Невском проспекте»³.

Действительно, в начале 1918 г. в столице России удалось создать среди проживавших в городе финляндцев тайную белогвардейскую организацию, которую возглавил консул К. Ю. Грёнроос⁴. Эта организация, конечно, наладила поставки Маннергейму не только сигар, но и оружия, которое им удавалось добывать. Финское подполье в Петрограде реально стремилось поставлять все то, что необходимо «белым» и все, что «имело большой спрос на... фронте»⁵.

Окончательно оформившись, финская подпольная организация стала всеми силами из Петрограда оказывать Маннергейму разнообразную помощь. Они, в частности, начали активно «помогать переправляться на сторону белых» всем бывшим финляндским офицерам,

¹ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 106, 108.

² Там же. С. 109.

³ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 135.

⁴ Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. Hels., 1923. S. 39; *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. СПб., 2005. С. 102; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 135. Подробно о Кале Юлиусе Грёнроосе (Аапро) см.: Kalle Julius Aapro (Grönroos). — URL: <https://www.geni.com/people/Kalle-Aapro/6000000003918308723> (дата обращения: 06.12.2020).

⁵ Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. S. 40.

которые ранее служили в русской армии¹. Эти покидавшие фронт бывшие военнослужащие русской армии обычно устремлялись в Петроград. Там они достаточно быстро устанавливали связь «с подпольной финской группой, которая организовывала переправку в Финляндию»². В целом в Финляндию из Петрограда «белыми финнами» было переброшено до 150 человек³. Причем это были хорошо подготовленные в военном отношении люди, которые были, безусловно, «заряжены» на борьбу с начавшейся революцией.

Но деятельность «белых финнов» в Петрограде шла значительно дальше, нежели чем просто помощь единомышленникам в борьбе против революции в Финляндии. Эти действия также четко были направлены против установленной в России власти. Более того, на базе своей организации они смогли образовать военный штаб, а сама организация все больше стала напоминать военизированное формирование, создав некую Особую Петроградскую роту⁴, и эта «рота» уже полностью влилась в состав финской белой армии, получив непосредственное подчинение командованию армии Маннергейма. Характерно, что образованное в городе военизированное подразделение руководство «белой Финляндии» не планировало для переброски собственно в Финляндию. Теперь петроградских «белых финнов» стали использовать именно для действий внутри России⁵. Перед «ротой» была даже поставлена задача: «содействие финским войскам в случае, если война будет продолжаться, вплоть до захвата Петрограда»⁶. Причем весьма

¹ См.: *Harjala M.* «Ryssänupseerit»: Ensimmäisen maailmansodan Venäjän asevoimien suomalaistaustaiset upseerit 1914–1956. – URL: <https://books.google.ru/books?id=y04OkQFxTZYC&pg=PA484&lpg=PA484&dq=Harjala+M.+Ryssänupseerit&source=bl&ots=RyCdivjqQn&sig=ACfU3U2xWPxHxdHbNGmphQa7Cco2YYK6QA&hl=fi&sa=X&ved=2ahUKEwi7kcvP47jtAhWF14sKHaFyB8kQ6AEwAHoECAEQAg#v=onepage&q=Harjala%20M.%20Ryssänupseerit&f=false> (дата обращения: 06.12.2020).

² *Пюккенен А.* Георгий Эльфенгрэн: Герой Перешейка. СПб., 2004. С. 13. Подробно см.: Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. S. 39–40.

³ *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 102.

⁴ О деятельности этой роты К. И. Грёнроосом была составлена специальная памятная записка, которая затем отложилась в архивных документах командовавшего в 1918 г. войсками финской белой армии на Карельском перешейке А. Сихво. См.: *Zetterberg S.* Suomi ja Viro 1917–1919 Poliittiset suhteet syksystä 1917 reunavaltiot politiikan alkuun. Hels., 1977. S. 87.

⁵ Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. S. 41; *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 103, 402.

⁶ Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. S. 41.

примечательно, что советская ВЧК так и не смогла данное военизированное подразделение «обезвредить». Как заметил финский историк П. Невалайнен, «белая организация петроградских финнов не была полностью раскрыта». По его сведениям, всего было задержано лишь 9 человек. Им действительно предъявили обвинение «в пособничестве белым в Финляндии», однако после допроса... отпустили¹.

Изначально белая армия Маннергейма начала разворачивать боевые действия прежде всего против русских, а точнее против гарнизонов русских войск, которые находились на севере Финляндии. Именно это являлось первостепенной задачей, которую видел Маннергейм для своих войск. И именно он теперь стал выступать в качестве яростного сторонника антирусских действий в финском «белом» руководстве². Таким образом, бывший генерал русской армии, очень хорошо представляя ситуацию и командуя еще плохо организованными войсками «белых финнов», развернул операции непосредственно против военнослужащих России, имея при этом далеко идущие замыслы по дальнейшему захвату Петрограда.

Трудно сказать, насколько данные действия соответствовали всем тем заслугам, которые он имел, когда проходил русскую военную службу ранее. Вероятно, здесь, прежде всего, проявлялась ненависть к начавшейся революции, к большевикам и ко всему тому, что ему пришлось пережить в 1917 году, и, конечно, делалось это сугубо во имя Финляндии. В результате Маннергейм впервые с оружием в руках выступил против новой русской власти и оказался одним из первых, кто на северо-западе бывшей Российской империи начал, опираясь на войска, разворачивать вооруженную борьбу с Советской Россией.

В начавшейся в конце января 1918 г. финской гражданской войне сторонники «белых», действуя по принципу, что любая «быстрая атака, даже небольшими силами, мгновенно может спасти ситуацию»³, смогли нанести достаточно мощный удар по частям русских войск. Прежде всего, были стремительно разоружены подразделения 423-го пехотного (Лужского) полка русской армии. В целом «белые» атаковали 30 гарнизонов в Приботнической и Северной Финляндии, где располагалось до 8 тысяч русских военнослужащих⁴. Причем само

¹ *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 103.

² См.: там же. С. 104.

³ *Mikola K. J. Vapaussota // Oman maan puolustaminen. Porvoo-Hels., 1964. S. 70.*

⁴ *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 113.

число разоруженных российских военных К. Г. Маннергейм в воспоминаниях несколько занижает¹. Тем не менее к 9 февраля 1918 г. уже стало ясно, что «русские вооруженные силы и власть российских военных к северу от линии Пори [Бьёрнеборг] — Таммерфорс [Тампере. — *Примеч. авт.*] — Выборг были ликвидированы»². Более того, сделать это «белым» оказалось не очень сложно, поскольку было хорошо понятно, что «сопротивления русских либо практически не будет, либо оно будет несущественным»³. Это, несомненно, усиливало среди «белых» «моральное превосходство по отношению к противнику»⁴.

В целом первоначальные действия Маннергейма были вполне понятны и обращены именно против уже находящихся к этому времени в стадии морального разложения солдат русской армии. Но эта борьба в определенной степени была направлена и против Советской России. Это был первый реальный конфликт между Маннергеймом, отражавшим определенные интересы Финляндии, и новой советской властью в России.

Поэтому возник вопрос, как в Петрограде стали относиться к ставшему во главе финской белой армии бывшему российскому генералу, а также готова ли была Советская Россия оказать эффективную помощь русским войскам, оставшимся в Финляндии, и готовы ли были вообще в Петрограде поддержать победивших на юге Финляндии «красных» против стремительно набиравшей силу армии Маннергейма?

Что касается лично К. Г. Маннергейма, то в Советской России, как это ни кажется сейчас удивительным, его не стали рассматривать в качестве врага новой власти. Маннергейма официально уволили из российской армии только в феврале 1918 г. и даже определили пенсию за службу в предшествующий период⁵. Очевидно, что это было связано, прежде всего, с пока еще достаточно толерантным отношением новой власти к своим очевидным врагам. В то время на территории собственно России гражданская война еще не началась, и большевики

¹ Он указывает, что части шюцкора «разоружили около 7000 русских солдат» (см.: *Mannerheim G. Muistelmat. Osa I. Hels., 1951. S. 267*).

² *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914—1918). С. 114.

³ *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. Hels., 1967. S. 152.

⁴ *Mikola K. J.* Vapaussota. S. 70.

⁵ См.: *Власов Л.* Маннергейм. С. 193.

явно стремились демонстрировать свою готовность к миролюбивым действиям.

Безусловно, в Петрограде пытались оказать любую возможную помощь «красной» Финляндии. Это выразилось, в частности, в том, что финским красногвардейцам досталась значительная часть вооружения русской армии, которое находилась на военных складах в южной части Финляндии¹.

В Советской России стремились также поддержать власть финских социал-демократов. Это конкретно проявилось в создании условий для переброски из Петрограда отрядов «красных финнов», которые стали формироваться на территории России². Как образно отмечал один из них, «умы финских красногвардейцев в Петрограде горели в Финляндии»³. В целом численность прибывших в Финляндию из Петрограда «красных финнов» доходила до 1100 человек⁴. При этом до сих пор является дискуссионным вопрос, насколько помощь финнов, прибывших из России, была эффективной. Как впоследствии критически указывал один из «петроградских финнов», отправившийся в составе Второй роты Выборгского района воевать в Финляндию, «невежество мы, красногвардейцы, показывали поистине потрясающее»⁵. Он в целом крайне невысоко оценивал вклад прибывших из Петрограда финнов в какие-либо успешные операции «красных»⁶. С другой стороны, некоторые современные финские исследователи, наоборот, полагают, что «петроградцев считали одними из лучших формирований, сражавшихся на стороне красных в финской гражданской войне»⁷.

Очевидно, можно считать, что наиболее действенным для «красной» Финляндии оказалась все же помощь, которую финские крас-

¹ Вначале красные финны получили около 50 тыс. винтовок, 200 пулеметов, до 50 орудий, несколько самолетов. См.: *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. М.; Пг., 1923. С. 77.

² *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 99. См.: *Тайми А. П.* Страницы пережитого. М., 1956; *Петров И. М. (Тойво Вякя).* Красные финны. Воспоминания. Петрозаводск, 1970.

³ *Turunen V.* Pietarin suomalaisesta punakaartista // Suomen luokkasota. Historia ja muistemia. 1928. — URL: <https://www.marxists.org/suomi/historia/suomen-luokkasota/ch01.htm> (дата обращения: 05.12.2020).

⁴ *Salomaa M.* Punaupseerit. Porvoo-Hels.-Juva, 1992. S. 49; *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 413.

⁵ *Петров И. М. (Тойво Вякя).* Красные финны. Воспоминания. С. 29.

⁶ См.: там же. С. 35–38.

⁷ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. С. 412–413.

ногвардейцы наладили в поставках вооружения из Петрограда. Этим стал заниматься специальный отряд финской Красной гвардии. Им руководили большевики братья Эйно и Юкко Рахья¹. Однако и здесь существует мнение, что и «данная деятельность оказалась не полностью успешной, поскольку социал-демократическое партийное руководство [Финляндии. — *Примеч. авт.*] недостаточно активно стремились получать это оружие»².

Помощь восставшим могла быть оказана еще и со стороны революционно настроенных частей бывшей регулярной императорской армии. Именно против них и был направлен первый удар сил генерала Маннергейма. Но, как известно, противодействие «белым» со стороны русских войск оказалось не столь значительным, чем, возможно, изначально представлялось большевикам. Среди русских военнослужащих не проявлялось широкого стремления вмешиваться в «финские дела». У многих из них «тяга домой... брала верх над их интернациональными тенденциями»³. Это хорошо понимал даже убежденный большевик И. Смилга. Он еще в ноябре 1917 г. пришел к выводу, что русские части, размещенные в Финляндии, «абсолютно к войне неспособны»⁴.

Поэтому в условиях разгоравшейся в Финляндии гражданской войны реальная помощь Советской России «красным финнам» и противодействие силам Маннергейма стала выражаться в большей степени в содействии организации частей финской Красной гвардии. Но численность войск «красных» была изначально меньше, поскольку в отличие от «белых» финская рабочая партия, «не ставя себе целью организации вооруженного выступления, не приняла мер к своевременному военному обучению рабочих»⁵. В целом с возникновением гражданской войны количество красногвардейцев доходило до 25 тысяч человек⁶. Их действия тем не менее «не были достаточно энергич-

¹ *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 49; *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. С. 411; *Петров И. М.* (*Тойво Вяя*). Красные финны. Воспоминания. С. 30.

² *Turunen V.* Pietarin suomalaisesta punakaartista.

³ Там же. С. 73.

⁴ Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция и германская интервенция в Финляндии. С. 128.

⁵ *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 131.

⁶ *Manninen T.* Suojeluskuntien synty ja sisällissodan alkaminen. S. 31; *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 254. Существуют и другие данные о численности красногвардейцев. В частности, указывается на 30 тыс. человек. См.: *Salokangas R.* Itsenäinen tasavalta. S. 610.

ны и решительны». Один из членов финского революционного правительства социал-демократ О. В. Куусинен несколько позже прямо заметил: «Мы тогда не думали, что война затянется на несколько месяцев»¹. В целом стало понятно, что у «красных логика событий привела к революции, прежде чем они оказались готовы» удержать власть. В итоге их «организация была незакончена, установки, которые они направляли по всей стране, опаздывали, а оружия было мало»².

Поэтому необходимость создания боеспособных частей из отрядов красногвардейцев теперь опять могла лечь лишь на плечи только тех из представителей бывших русских военнослужащих, которые остались еще в Финляндии и открыто поддерживали советскую власть. Они теперь также выразили готовность во имя общих целей пролетарской революции встать в один строй с «красными финнами».

Таким образом, генерал Маннергейм, возглавив белую армию, опять стал разворачивать свои действия именно прежде всего против Советской России и таким образом, собственно, против русских. Не случайно разгоравшуюся гражданскую войну в белом лагере стали именовать не иначе, как «войной за свободу».

Если же говорить о том, кто из представителей Советской России активно участвовал и возглавил борьбу против армии Маннергейма, то в этом отношении его оппонентом со стороны «красных», несомненно, оказался большевик М. С. Свечников. Он ранее являлся полковником русской армии, весьма энергичным и достаточно молодым человеком. Свечников, вступая в противоборство с Маннергеймом, был младше его на 14 лет. Но, несмотря на эту разницу в возрасте, Свечников к началу революции уже дослужился в русской армии до весьма ответственной должности начальника штаба 106-й пехотной дивизии. Эта дивизия в момент начала гражданской войны дислоцировалась на стратегически важном направлении в районе города Таммерфорс³.

¹ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). С. 51.

² Salokangas R. Itsenäinen tasavalta. S. 609.

³ Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015. С.65. См.: *Huvönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918.* Hels., 1977. S. 92; *Manninen O. Vapaussota // Historiallinen Aikakauskirja.* 1993. № 2. S. 117; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 128; *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 166. Высоко оценивая заслуги Свечникова, в работе В. М. Холодковского, однако, автор ошибочно характеризует его в качестве полковника «генштаба» (*Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 128), что не соответствовало действительности.

Любопытно, что сам Маннергейм в воспоминаниях явно не стремился уделить Свечникову серьезного внимания. Традиционно имя Свечникова либо игнорируется, либо упоминается в финской литературе с тем, чтобы подчеркнуть «русский след» в гражданской войне в Финляндии, доказывая, таким образом, ее «освободительный» от России характер¹. Игнорирование роли Свечникова, олицетворяющей противостояние Маннергейму со стороны Советской России, просматривается и у отечественных историков. В частности, профессор И. И. Сюкияйнен тоже с крайней нерешительностью упоминает в тексте своей монографии, посвященной гражданской войне в Финляндии, этого активного ее участника².

Однако именно М. С. Свечников сыграл в начальной стадии гражданской войны колоссальную роль. Он возглавил первоначальную борьбу против набиравших силу войск Маннергейма, поскольку Областной исполком армии, флота и рабочих Финляндии собственно и назначил его исполняющим обязанности «командующего русскими добровольческими войсками, действующими в Финляндии»³. Теперь ему предстояло срочно организовать в Центральной Финляндии сопротивление быстро усиливающейся армии Маннергейма.

В этом полковник Свечников оказался достойным оппонентом генералу. Он четко представлял, что главной целью «белых» в ближайшее время станет наступление, которое будет развиваться не в юго-западном направлении, не в сторону прежней столицы Финляндии Або (Турку), вдоль побережья Ботнического залива, и даже не на восток, к границе с Россией, к Выборгу. Вопрос о будущей победе, как весьма справедливо считал Свечников, будет решаться в Центральной Финляндии у стен самого важного промышленного города страны Таммерфорса⁴. Таким образом, грамотно просчитывая действия Маннергейма, Свечников подчеркнул: «Очевидно расчет ген. Маннергейма был основан на двух предположениях: 1) что русские войска останутся нейтральными, а с Красной гвардией, которой в Таммерфорсе было не более 500 человек, легко будет справиться и 2) что, в случае сопротивления русских, при их начинавшемся [моральном. — *Примеч. ред.*] разложении (о чем, конечно, было известно белым), не трудно будет

¹ *Punttila L. A. Suomi vuonna 1918. Helsingi, 1963. S. 343.*

² См.: *Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 15, 242, 255, 258, 259.*

³ *Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 72.*

⁴ Там же. С. 48.

заставить их подчиниться реальной силе, которая уже фактически находилась в руках белых»¹.

Но возникал вопрос, насколько были в состоянии русские войска поддержать «красных» и каковым вообще был правовой статус этих подразделений, которые тогда уже размещались, собственно, в независимой от России стране?

В целом в начале 1918 г. для Маннергейма борьба с Советской Россией не представляла большой проблемы. Тогда русская армия в Финляндии стремительно теряла боеспособность. Она лишь сохраняла определенную возможность влиять на происходящие в Финляндии события. Здесь, вероятно, прав финский исследователь Х. Юликангас, который справедливо подчеркнул, что русские войска «сами по себе были сильными, но их было недостаточно для полновесного использования на протяжении всей войны или даже на одном из ее отрезков»². Все это хорошо понимал и Маннергейм. Поэтому лично обратился с воззванием к своим бывшим сослуживцам, «к храбрым русским солдатам». В нем Маннергейм указал, что его войска «сражаются не против России»³. Таким образом командующий финской белой армией стремился максимально нейтрализовать русские подразделения. И это ему вначале удалось⁴. В данных условиях, как с горечью заметил Свечников, «настроение гарнизона... значительно понизилось. Раздавались уже голоса, что не нужно вмешиваться в гражданскую войну»⁵.

Но вот именно тогда Свечников, можно сказать, и одержал над Маннергеймом первую свою историческую победу. Она заключалась в том, что русский военачальник, опираясь на сложившийся у него авторитет у «красных» и, естественно, на занимаемую им командную должность, постарался преломить ситуацию. Он смог склонить определенную часть русских солдат к тому, чтобы, опираясь на принципы пролетарского интернационализма, поддержать начавшуюся финскую революцию и, более того, даже обосновать законность этих

¹ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 72.

² Ylikangas H. Sisällissota // Historiallinen Aikakauskirja. 1993. № 2. S. 111.

³ Цит. по: Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 173. См. также: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 110; Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 72; Lehén T. Punaisten ja valkoisten sota. S. 155.

⁴ Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 128.

⁵ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 49.

действий. Облегчалось положение Свечникова тем, что он 30 января 1918 г. был уже назначен общим «главнокомандующим Красной гвардии Таммерфорского фронта»¹.

Таким образом, Свечников смог перейти к прямым ответным контрдействиям. Эти действия, прежде всего, были направлены на то, чтобы «выиграть время». С этой целью он прибег к своеобразному тактическому приему: Свечников отправил «делегацию к генералу Маннергейму с предложением выдать все захваченное последним имущество и пропустить с оружием русские войска в Таммерфорс»². Данные требования русских являлись вполне законными, поскольку тогда еще не был разработан межгосударственный механизм вывода российских войск с территории независимой Финляндии³. Более того, накануне гражданской войны, 12 января 1918 г. глава финского буржуазного правительства П. Э. Свинхувуд вообще позволил себе заявление, в котором сообщал, что вывод войск русской армии мог осуществляться «только в зависимости от военно-технических условий и обстановки и по обоюдному соглашению»⁴. Естественно, финские власти не имели никаких прав на присвоение военного имущества русской армии, а также не должны были пытаться осуществлять задержание российских солдат.

Но Маннергейм считал, что нужно действовать решительно, а «военные действия направить против тех русских вооруженных частей, которые оставались в Финляндии, несмотря на признание советским правительством независимости нашего государства»⁵. В итоге после прошедших с представителями вооруженных сил Советской России переговоров в Таммерфорс пришел вполне предсказуемый ответ: «Выполнить предъявленные требования генерал Маннергейм отказался»⁶. Как по этому поводу заметил Свечников, «таким образом, ответ Маннергейма был для меня вполне достаточен для начала серьезных

¹ *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С 175; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 127–128.

² *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 50.

³ См.: *Документы внешней политики СССР.* М., 1959. Т. I. С. 94.

⁴ Цит. по: : *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 111. Это заявление Свинхувуда затем было процитировано в ноте советского правительства от 29 января 1918 г., адресованной руководству Финляндии. См.: *Документы внешней политики СССР.* Т. I. С. 94.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 263.

⁶ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 50.

боевых действий»¹. Более того, что являлось не менее важным, «начавшееся удачное для белых пленение русских войск, а также захват оружия и военного имущества были приостановлены»².

В результате произошли первые боевые столкновения русских солдат, которые стали действовать совместно с финскими красногвардейцами, против соединений «белых»³. Существенным было то, что русско-финляндские революционные войска явно стремились не допускать дальнейшего продвижение армии Маннергейма на юг. Они сами начали переходить в контратаки, показывая «белым», что по крайней мере «для победы над красными необходима более серьезная подготовка»⁴.

Более того, несомненно, Свечников очень хорошо понимал общее значение наступательных действий войск Маннергейма. Причем эту же тактику начал применять и он сам. В результате революционные войска тоже перешли к активным действиям. Как впоследствии отметил в своих мемуарах Маннергейм, в феврале 1918 г. «наиболее опасным было наступление противника в районе железнодорожной станции Хаапамяки». Далее Маннергейм заметил, что «наступлением командовал полковник Свечников»⁵. Действительно, начало этого наступления могло в корне поменять общий ход вспыхнувшей в Финляндии гражданской войны⁶. Возникновение первого серьезного противодействия «белым» могло все изменить и отобрать у Маннергейма стратегическую инициативу. Более того, захват станции Хаапамяки означал то, что сторонники революции перекрывали бы важную в военном отношении железнодорожную магистраль, которая легко позволяла маневрировать войскам, поскольку проходила на территории, контролируемой белой армией, параллельно фронту по линии Ваза (Николайштадт) — Элисенваара. Однако наступавшие так и не смогли добиться желаемого результата. А Маннергейм по данному по-

¹ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 51.

² Там же. С. 74.

³ См.: *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. S. 179–184, 218–219.

⁴ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 51.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 269. Свечников в своих мемуарах, однако, уточняет: «17 января [по старому стилю. — *Примеч. авт.*] я был назначен командующим войсками Западной Финляндии». См.: Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 53.

⁶ См.: *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 42–43; *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. Valkoinen kenraali 1918–1919. Hels., 1957. S. 56–62.

воду лишь кратко запишет: «Тяжелые бои на фронте протяженностью 50 километров длились десять дней, и только 12 февраля совместное наступление русских и красногвардейцев задохнулось»¹.

Удивительно, что Маннергейм в воспоминаниях об этом «самом опасном наступлении» пишет все же крайне скупое — до сих пор это трудно объяснить. Также сложно понять, почему и другие операции «красных», которые ставили армию «белых» в Центральной Финляндии в критическое положение, он тоже описывал не столь подробно, как победы, которые его войска затем все же одержали. Очевидно, если бы финский маршал уже после войны захотел поведать правду о неудачах, то, несомненно, ему стоило более подробно остановиться на своем противнике — Свечникове. Причем роль Свечникова для финских красногвардейцев Маннергейм ясно представлял², а «редактор газеты и бывший прапорщик Ээро Хаапалайнен, ставший “главнокомандующим всеми вооруженными силами Финляндии”, был таковым лишь номинально»³.

Действительно, полковник Свечников, очень хорошо понимая военные цели генерала Маннергейма и предвидя потенциальные возможности боевых действий «белых», легко прочитывал архитектуру стратегических направлений главных ударов противника. Он почувствовал реальную угрозу, которая стала нарастать для «красных», понимая, что уже в самом начале гражданской войны, «захватив, путем внезапного нападения на русские войска, оружие, обмундирование и всевозможное ценное имущество частей войск, в котором белая гвардия ощущала особую потребность, генерал Маннергейм привел белогвардейские части в порядок»⁴. Это, естественно, делало создающуюся «белую» армию крайне опасной. Свечников изначально это учитывал и сделал выводы, которые вытекали из негативных тенденций в стремительно развивающейся военно-политической обстановке. Он считал, что, поскольку «белые» перешли к решительным военным действиям, которые явно не вызывали адекватной реакции со стороны руководства «красной» Финляндии⁵, нужно воспользоваться тактикой Маннергейма. Более того, он, несомненно,

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 270.

² См.: *ibid.* S. 296.

³ *Ibidem.*

⁴ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 48.

⁵ *Hувönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. S. 92, 94, 118; *Manninen T.* Suojeluskuntien synty ja sisällissodan alkaminen. S. 28.

был уверен, что финские красногвардейцы добьются успеха, если будут опираться на остававшуюся в Финляндии определенную часть русских войск¹.

Эта стратегия достаточно хорошо просматривалась, хотя известный финский военный историк Х. Сеппяля в данном случае явно заблуждался, когда утверждал, что «в истинном смысле о существовании стратегической линии красных нельзя ничего сказать»². В этом отношении московский исследователь В. М. Холодковский стратегию «красных» все же разглядел. Он вполне справедливо заметил, что отличительной чертой всех военных планов Свечникова были «активные наступательные действия»³. Вот именно тогда и была предпринята очень опасная для Маннергейма попытка наступления на станцию Хаапамяки. Именно она серьезно озадачила Маннергейма и по крайней мере позволила, чтобы район Таммерфорса «был обеспечен за Красной гвардией, которая не позволила белым взять его и открыть “ворота” для дальнейшего движения на Гельсингфорс»⁴.

В итоге с помощью русских войск первоначальная реальная активность «красных» дала им определенный позитивный результат. Контрнаступление, хотя и неудачное, позволило им получить некоторое время, чтобы срочно приступить к непосредственной организации собственных вооруженных сил. В частности, именно тогда был сформирован главный штаб финской Красной гвардии⁵, а Свечни-

¹ На всей территории Финляндии их насчитывалось порядка 42 тыс. человек. См.: *Хентила С.* От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 134. См. также: *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. 260 лет отношений. С. 219; *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. S. 149; *Rinta-Tassi O.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistyminen // *Lenin ja Suomi. Osa II.* S. 159). Некоторые исследователи, однако, полагают, что численность русских войск тогда была еще меньше — либо 30 тыс. человек (см.: *Manninen O.* Vapaussota. S. 117;), либо даже 20 тыс. человек (*Salokangas R.* Itsenäinen tasavalta. S. 611). При этом показательно, что численность российских войск в Финляндии с началом в России революции стремительно сокращалась. Уже к концу 1917 г. количество русских солдат здесь серьезно уменьшилось, сократившись от изначальных 125 тыс. человек практически вдвое (см.: *Шкваров А. Г.* Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 114, 117).

² *Seppälä H.* Itsenäisen suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 20.

³ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 129.

⁴ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 64.

⁵ Там же. С. 61.

ков переехал в Гельсингфорс. Его назначили помощником Э. Хаапалайнена¹, и «таким образом тогда в его руках сосредотачивалось фактически высшее командование над всеми красными войсками в Финляндии»².

При этом, однако, утверждать, что армия Маннергейма воевала с русскими и таким образом сравнивать данные события, как это делает финский профессор О. Маннинен, с началом в 1939 г. так называемой зимней войны³, вероятно, не следует. Маннергейм воевал прежде всего с частью финского населения, которое взялось за оружие, а масштабы участия русских войск в финской гражданской войне несоизмеримы с событиями советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Численность финских красногвардейцев стремительно росла. Причем отличительной особенностью этих войск было то, что в них рабочих было до 62,8% всего состава красной армии⁴. Их армия была «более однородной, чем войска белых, и формировалась сугубо на добровольной основе»⁵, тогда как на территории, контролируемой Маннергеймом, наоборот, с 18 февраля начала осуществляться всеобщая принудительная мобилизация⁶, которая не подразумевала осуществления принципа добровольности. В результате в этих войсках 45,4% личного состава было крестьянское население Северной и Средней Финляндии⁷.

В целом «красные финны» взяли «на себя бóльшую часть боевых задач», заменяя, таким образом, быстро сокращающееся количество русских войск⁸. Свидетель тех событий большевик В. М. Смирнов прямо отметил, что «приходится невольно удивляться тому, что при таких тяжелых условиях финляндскому пролетариату все же удалось в короткое время создать армию, проявившую большую храбрость, стойкость и самоотверженность»⁹. Свечников, учитывая всю специфику начавшейся гражданской войны, вообще счел необходимым срочно менять в масштабах всей Финляндии прежнюю боевую стра-

¹ Там же. С. 72.

² *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 175.

³ *Manninen O.* *Vapaussota*. S. 119.

⁴ *Salokangas R.* *Itsenäinen tasavalta*. S. 615.

⁵ *Hyyönen A.* *Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918*. S. 92.

⁶ *Mikola K. J.* *Vapaussota*. S. 72; *Seppälä H.* *Itsenäisen suomen puolustuspolitiikka ja strategia*. S. 20; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 149; *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 248.

⁷ *Salokangas R.* *Itsenäinen tasavalta*. S. 615.

⁸ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 132.

⁹ *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 167.

тегию «красных» финнов¹. У красногвардейцев утвердилось «выжидательное» представление о характере боевых действий, их отряды видели задачу «только как оборону своего города», «ожидая нападения белых»². Свечников настаивал на обратном, на необходимости неотложно переходить к активным, наступательным операциям. В результате «красным» войскам был отдан приказ, требующий отказываться «от мелких стычек с белыми» и переходить «к организованной борьбе в широком масштабе»³.

Очевидно, что «красные» стремились перехватить у Маннергейма общую военную инициативу. Однако в тот период это было достаточно сложно сделать. Более того, «красным» рассчитывать на остающиеся еще пока в Финляндии русские войска явно становилось все сложнее. К середине февраля на стороне «красных» их воевало лишь около 10%⁴. В своих воспоминаниях Свечников прямо заметил: «Для оборонительных действий я еще мог использовать все русские войска, но для наступательных операций можно было пользоваться только добровольцами да финскими красногвардейцами». Далее, давая оценку этим соединениям, он заметил: «Первых [то есть русских. — *Примеч. авт.*] было мало⁵, а вторые [то есть финны. — *Примеч. авт.*] находились еще в стадии формирования, были еще впечатлительны, мало устойчивы и лучше оборонялись, нежели наступали»⁶. Тем не менее только наступательная стратегия могла позволить «красным» добиться какого-либо положительного результата.

Правильно определив стратегическую линию в начавшейся войне, «красные» однако, столкнулись с еще одной проблемой. В Брест-Литовске 3 марта 1918 г. советская делегация подписала с Германией мирный договор. В VI статье данного договора указывалось, что все

¹ Тайми А. Страницы пережитого. С. 217–218; Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 245–246; Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 162.

² Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 247.

³ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 71.

⁴ Rasila V. Punainen aseveljeys // Historiallinen Aikakauskirja. 1978. № 2. S. 193. Более подробно см.: Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978.

⁵ К концу февраля 1918 г. количество русских солдат, участвовавших в гражданской войне, уже сократилось до 3 тыс. человек. См.: Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 131; Похлебкин В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений. С. 231.

⁶ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 71.

русские войска должны были незамедлительно покинуть Финляндию¹. Это означало, как верно заметил финский историк профессор М. Клинге, очередной раздел «сфер интересов между великими державами»². Россия теперь просто уступала Финляндию, которая переходила в сферу интересов Германии.

В результате в Финляндии из числа русских военнослужащих могли остаться только добровольцы, которых в финской красной армии оказалось ничтожное количество. Их было около 1000 человек³. Таким образом, Маннергейм объективно взял реванш над Свечниковым и добился вывода из дальнейшей борьбы с «красными финнами» основной части русских войск. Свечников же в свою очередь вынужден был с горечью задать риторический вопрос: «Чем же могла противостоять маленькая Красная Финляндия, когда большой сосед — Советская Россия — спасовал перед немцами?»⁴ Таким образом, в результате международных обстоятельств Советская Россия отказалась от прямого противостояния Маннергейму. Но это не означало, что гражданская война в Финляндии уже закончилась.

К этому времени «красные» уже достигли позитивных результатов. Они прочно удерживали занятые ими районы Финляндии, а войска Маннергейма в течение всего февраля так и не смогли серьезно продвинуться на юг страны, захватив за это время хоть один значимый финский город⁵. Свечников после практически тотального вывода русских войск с территории Финляндии тоже не считал военное положение «красных» безнадежным. Он определил его как «сравнительно сносное». Заметив при этом, что все же «требуется много труда для того, чтобы организовать борьбу в масштабе всей Финляндии»⁶. При чем тактика «красных финнов» осталась и далее прежней. Она заключалась в том, чтобы продолжать только силами финских красногвардейцев осуществление активных боевых действий⁷. В итоге 10 марта 1918 г. при условии полного отсутствия «опытного командного со-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. I. С. 122–123.

² Клинге М. Очерк истории Финляндии. С. 100.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 163.

⁶ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 77.

⁷ Menger M. Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 53; см.: Тайми А. Страницы пережитого. С. 225; Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 78.

става» финская красная армия перешла в первое серьезное общее наступление, начавшееся на широком фронте в 400 км¹.

Нельзя сказать, что проведенная тогда операция привела к желаемому результату. О готовившемся наступлении Маннергейм через свою достаточно развитую разведывательную сеть был заблаговременно проинформирован². Прорвать фронт «красные» не сумели. Однако самое важное, как заметил немецкий историк М. Менгер, «в наступательных операциях большинство отрядов Красной гвардии смогли набраться боевого опыта, а революционное командование... получило более точную картину общих позиций и сил противника»³. Более того, это наступление серьезно повлияло на характер продолжающейся войны. Впервые войска Маннергейма столкнулись с широкомасштабными наступательными действиями «красных», для которых, как оказалось, «в моральном и политическом отношении определенно выяснилось, что белые рано или поздно будут разбиты и что они бессильны справиться с восстанием красных»⁴. Таким образом, стало очевидно, что «красные» очень активно набираются военного опыта и «могут выполнять сложные задачи». К тому же «белые начали уже проявлять определенные признаки усталости»⁵.

Это можно было почувствовать и в поведении Маннергейма. Он явно был озадачен⁶. Более того, к командующему белой армией поступала очень неутешительная информация о непростых перспективах для его войск. «Силы врага только росли»⁷, а сами боевые действия приобретали лишь одну тенденцию — к затяжной и очень ожесточенной борьбе. К тому же, как заметил историк В. М. Холодковский, «с наступлением времени весенних полевых работ Маннергейм никакими силами не смог бы удержать крестьян в своей армии — они неминуемо должны были вернуться с лошадьми домой, чтобы обра-

¹ См.: *Lappalainen J. T.* Punakaartin sota. Osa I-II. Punaisten Suomen historia 1918. Hls., 1981.

² *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 163; *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 297.

³ *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 53.

⁴ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918 гг. С. 81.

⁵ *Hувönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917—1918. S. 95, 119.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 303; см.: *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. S. 228.

⁷ *Mikola K. J.* Vapaussota. S. 74.

ботать и засеять поля»¹. Это наблюдение подтверждалось и в других исследовательских и мемуарных работах². Надеялся на скорейшее наступления весны, а особенно лета, и Свечников. Он полагал, что к этому времени окончательно сможет захватить инициативу в проведении наступательных операций³.

Складывающаяся обстановка требовала от Маннергейма перехода к широкому контрнаступлению. И оно началось 15 марта и опять на главном — таммерфорском направлении⁴. В данном случае командующий белой армией, несомненно, рисковал, поскольку в бой он вынужден был двинуть в общем-то уже «усталых и голодных солдат, силы которые были почти исчерпаны»⁵. Как отметил сам Маннергейм, «боевые возможности многих подразделений вызывали большие сомнения, однако нам не оставалось ничего другого, кроме как закрыть глаза на все недостатки и верить в победу!»⁶. Ценой титанических усилий, когда «все имеющиеся силы» были брошены в район Таммерфорса⁷, «белые» смогли нанести удар в направлении этого города во фланги наступающим частям красной армии. Но в целом начавшееся контрнаступление развивалось не так, как, вероятно, хотел бы Маннергейм⁸. Он в своих мемуарах прямо отметил, что начавшиеся бои «показали, что захват Таммерфорса представлял собой гораздо

¹ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 164.

² *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 58; *Hyyönien A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. S. 119; *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. S. 228. Даже Маннергейм в своих мемуарах указывает на то, что в его армии бывали случаи, когда военнослужащие целыми подразделениями покидали боевые порядки, чтобы «посетить сауну — причем, конечно же, у себя дома» (*Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 285). Генерал Э. Хейнрикс по этому поводу тоже отметил: «Да, эти люди были готовы пожертвовать своей жизнью, если это было необходимо, но...» и далее тоже с сожалением заметил, что они пока еще не были оторваны от тех мест, где они жили, и иногда проявляли стремление с фронта вернуться домой (см.: *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. S. 64).

³ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 111.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 303–304.

⁵ *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. S. 228.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 305.

⁷ *Ibid.* S. 316.

⁸ *Ibid.* S. 317. См. также: Finland 1917–1918. In the Documents of the US Department of State. Wrocław, 2007. P. 225; *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 55, 58; *Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. S. 228.

более сложную задачу, чем считалось ранее»¹. Более того, продолжали совершенствоваться военные навыки во фронтовых частях красногвардейцев.

Тем не менее в ожесточенных боях войска «белых» стали продвигаться вперед. Однако определяющего для исхода кампании прорыва не получалось². Наступление, по мнению исследователя М. Менгера, «никоим образом не соответствовало ожиданиям» Маннергейма³. Фронт «красных» не развалился, а перспектива быстрой победы явно не просматривалась. Причем 31 марта красногвардейцы сами начали переходить в контратаки, в результате которых, по мнению Маннергейма, «ситуация становилась угрожающей»⁴. Вообще считается, что в этот момент бои приобрели «наиболее ожесточенный характер за все время гражданской войны»⁵. Город «красные» сдавать не собирались. В результате решающие битвы и штурм Таммерфорса были еще впереди, что уже предполагало колоссальные жертвы. К тому же «белым» было хорошо известно, что в Таммерфорсе «сконцентрированы тысячи красногвардейцев, готовых к отчаянному сопротивлению»⁶.

Единственной силой, которая реально могла в данном случае оказать содействие армии Маннергейма, являлась Германия. С ней белое финское правительство уже имело продолжительные переговоры, и Маннергейму оставалось лишь определиться в необходимости ее военной помощи. В сложившейся обстановке Маннергейм, несмотря на существующее у него ранее понятное предубеждение к немецкой армии⁷, вынужден был срочно обратиться к Германии⁸. В результате в начале наступления «красных», 5 марта, он отправил

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 317.

² См.: *Mikola K. J.* Vapaussota. S. 79.

³ *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 57.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 320.

⁵ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 259.

⁶ *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 58. См. также: *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. S. 92.

⁷ См.: *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 297–298. Маннергейм в начале марта 1918 г. даже позволил себе утверждение, что «ему придется уйти в отставку, как только первый немецкий солдат окажется на финской территории» (Цит. по: *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. S. 87).

⁸ См.: *Jokipii M.* Mannerheim ja saksalaiset // *Sotahistoriallinen Aikakauskirja.* 2004. № 23. S. 91.

в Германию телеграмму, в которой писал о необходимости предоставить «белой» Финляндии эффективную поддержку, «без которой, — как он подчеркивал, — мы теперь не могли бы твердо и победоносно выстоять»¹.

Далее, уже в разгар продолжающихся сражений за Таммерфорс, Маннергейм 20 марта 1918 г. отправил в Германию открытую просьбу «ускорить прибытие германской экспедиции». Причем, обосновывая свое обращение к немецкому военному руководству, Маннергейм подчеркнул: «промедление губительно»². Примечательно, что текст этой телеграммы стал широко известен³. Его затем вынужден был воспроизвести в своих воспоминаниях и сам финский маршал. Однако показательно, что он «запомнил» лишь первую часть своего текста, который касался необходимости «ускорить» начало немецкой интервенции⁴. Фразу же о том, что «промедление губительно», Маннергейм решил, очевидно, «не воспроизводить», поскольку это сразу же показывало реальное положение дел на фронте⁵.

Тем не менее данная фраза является самой важной. Она позволяет понять ту критическую военную обстановку, которая сложилась на фронте, и то, что Маннергейм готов был ради определенных результатов пожертвовать своими принципами и не вспоминать о своей прежней службе в русской армии и орденах за участие в «германской войне». Для Берлина же это обращение было уже знаковым, поскольку, как

¹ Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 232. См. также: *Hyvönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. S. 119–120.

² Цит. по: *Гольц Р.* Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 61.

³ См., например: *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. S. 92; *Hyvönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. S. 120; *Menger M.* Feuer über Suomi. Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weißgardisten und deutsche Militaristen. S. 58–59; *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 259; *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 225.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 303.

⁵ Оправдывая Маннергейма, финский генерал Э. Хейнрикс в своих воспоминаниях постарался также преуменьшить значение этой фразы, указав на то, что будущий финский маршал просто считал, что задержка с высадкой немецких войск «была бы фатальной, особенно для буржуазной части населения Южной Финляндии», и именно боязнь красного террора являлась у Маннергейма определяющим в сути его просьбы, адресованной немецкому командованию. Однако это мнение автор сразу же перечеркнул утверждением: «Это замечание не означает, что Маннергейм по-прежнему считал бы, что он может осуществить свою освободительную миссию без помощи немцев» (*Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. S.93).

заметил главнокомандующий немецкими войсками Э. Людендорф, «Маннергейм не в состоянии в одиночку освободить Финляндию»¹.

Теперь, когда существует устойчивое представление, что именно Маннергейм одержал «победу» в гражданской войне в Финляндии, текст этой телеграммы выглядит достаточно актуальным. Так же, как и слова командира немецкой Балтийской дивизии генерала фон дер Гольца, который прямо пишет, что для Маннергейма «быстрый успех мог быть достигнут, только если бы красные, сражавшиеся фронтом на севере, были бы атакованы на как можно более решающем направлении и с моря»², то есть с юга. Для фон дер Гольца это было хорошо понятно, поскольку именно его войскам следовало теперь протянуть руку помощи Маннергейму, который затем постарался об этом «забыть». В частности, в воспоминаниях финский маршал указывал, что ему помогало всего 9 тысяч немецких солдат, которые высадились на материковой части Финляндии³, тогда как в действительности их было больше, около 13 тысяч человек⁴. Что же касается фон дер Гольца, то здесь уместно заметить его откровенную оценку: «...Сравнивают положение Маннергейма на огромной малонаселенной территории с положением Колчака, Деникина, Юденича... с имевшими несколько лет боевого опыта солдатами, то очевидным становится вывод, что и финский главнокомандующий с его необученной армией вряд ли добился бы бóльших успехов»⁵.

Неспособность «белых» без немецкого десанта переломить ситуации в свою пользу отмечает и Свечников. Он достаточно язвительно пишет, что обращение за помощью к Германии «была мало почтенная для господ Маннергеймов и им подобных, но в данном случае цель оправдывала средства»⁶. Далее он вообще заявил, что для «красных» «серьезным противником можно было считать только немцев»⁷. Это явно указывало на незначительный пиетет молодого русского офице-

¹ Цит. по: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. С. 226.

² *Гольц Р.* Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 55.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 328–329.

⁴ *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. С. 327; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 269.

⁵ *Гольц Р.* Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 54.

⁶ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 91.

⁷ Там же. С. 97.

ра в отношении к генералу Маннергейму и его армии. Данная убийственная по своей сути фраза, конечно, наносит очень серьезный удар и по тому культу финского маршала, который сейчас существует в нашей стране; сторонники этого культа утверждают, что именно войска Маннергейма одержали победу в гражданской войне в Финляндии.

Более того, как это сейчас ни парадоксально, неспособность Маннергейма тогда одержать победу находит подтверждение и в мемуарах самого главнокомандующего. Он так и не смог скрыть того факта, что ему не удалось создать на момент основных сражений с «красными» в феврале — марте более или менее организованные войска. Конкретно он отмечает: «По мере возможности мы старались формировать из шюцкора подразделения... которые подчинялись бы единому командованию, но довольно скоро поняли, что этот процесс займет очень много времени». А далее маршал прямо запишет: «Только в апреле нам удалось собрать из шюцкоровцев десять регулярных полков»¹. Таким образом, белая армия как стройная военная организация окончательно оформилась только тогда, когда в Финляндии уже появились немецкие войска. Это было вполне объяснимо. Как заметил по этому поводу участник гражданской войны, один из известных в будущем генералов Э. Хейнрикс, действительно с финской стороны война «велась в примитивных в военном отношении условиях, причем и граждане, и правительство очень плохо были осведомлены о характере и требованиях войны»².

Действительно, исход финской гражданской войны определился лишь после высадки 3 апреля 1918 г. на юге Финляндии в Гангё (Ханко) немецких солдат. Только тогда начались серьезные поражения «красных», а Свечников вынужден был признать, что «моральное впечатление, произведенное немецкой интервенцией, было огромно». Как он далее подчеркнул, высадка войск фон дер Гольца «буквально парализовала действия правительства [«красных». — *Примеч. авт.*], не говоря уже о массах, у которых после большого подъема, небывалого еще в истории рабочего движения, наступила пора нервозности, неуверенности в своих успехах»³. В результате мечтать о победе в гражданской войне красной гвардии не приходилось⁴. Ру-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 284—285.

² *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. S. 218.

³ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918 гг. С. 90.

⁴ См.: *Куусинен О. В.* Революция в Финляндии (самокритика). С. 53.

ководитель коллегии командования финской красной армии А. Тайми в своих мемуарах вынужден был отметить: «Финская Красная гвардия не была подготовлена к сражениям с регулярной, опытной и хорошо вооруженной армией... Германии»¹.

Таким образом, можно со всей определенностью сказать, что именно 3 апреля гражданская война «красными» была проиграна, и прежде всего в результате германской интервенции. И здесь Маннергейм был отнюдь не главным победителем. Этого он и сам не скрывал, поскольку сразу же отблагодарил «храбрые немецкие войска» и выразил надежду, «что каждый финн понимает, что, помогая нам, немцы совершили великую жертвенность в то время, когда им самим нужен был каждый солдат на Западном фронте»². Это заявление явно вызвало откровенное недоумение в дипломатических кругах Антанты,³ но являлось вполне понятным, поскольку высадка немецких войск произвела «на финнов настолько сильный эффект, что прошлая скромная деятельность их организаций по сравнению с крупным масштабом немецких операций оставляла впечатление чего-то жалкого, ненужного...»⁴.

В целом, надо сказать объективно, М. С. Свечников оказался весьма достойным противником будущего финского маршала. Что же касается Маннергейма, он так и не смог для себя добиться реальных результатов от достигнутой победы в гражданской войне. После пышного парада «победы», который был проведен в столице Финляндии 16 мая, он достаточно быстро подал в отставку.

Его противостояние Советской России закончилось лично для него ничем... Для «белой» Финляндии теперь Германия при эффективной и решающей помощи ее войск превратилась в главную силу в государственной политике. Более того, в финской буржуазной среде уже начали откровенно поговаривать, что у Финляндии опять существует «лишь тень независимости», а победившие немцы просто заняли то место в управлении страной, которое до этого было у России⁵. Кстати, это стали фиксировать и западные эксперты⁶. Показательным оказалось также и то, что в Гельсингфорсе в здании, где ранее

¹ Тайми А. Страницы пережитого. С. 227.

² Цит. по: Finland 1917–1918. In the Documents of the US Department of State. P. 249.

³ См.: *ibidem*.

⁴ Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2011. № 7. С. 128.

⁵ Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013. С. 194.

⁶ Jackson J. H. Finland. London, 1938. P. 96.

проживал русский генерал-губернатор, теперь разместился штаб германских войск. О фон дер Гольце тогда начали говорить, что именно он является действительным главой Финляндии, «а все остальные — лишь куклы в его руках»¹.

Вероятно, все это очень хорошо понимал и Маннергейм. Неслучайно 30 мая 1918 г. он подал в отставку. Как сам генерал не без горечи позднее заметил, это произошло, поскольку в правительстве тогда «решили передать формирование нашей армии в руки немцев»². Подобная перспектива, конечно, его не устраивала. Сейчас кажется удивительным, что финская «белая» элита столь стремительно отказалась от услуг генерала Маннергейма. Как отмечает финский исследователь В. Варес, для них, конечно, «лучше всего было бы иметь и немцев, и Маннергейма, но если это становилось невозможным, то оставалось согласиться с отставкой Маннергейма»³. Объективно для «белых» тогда гарантией сохранения власти оказалась реальная сила, которую олицетворяла германская армия. Очевидно, что Маннергейм и финская белая армия таких гарантий дать еще не могли. В целом, как считает В. Варес, «Германия воспринималась не как оккупант, а как опора». Исследователь далее пояснил, что для победивших «белых» тогда вообще «немецкий солдат стал символизировать безопасность»⁴. Безусловно, в руководстве «белых» также понимали, что «свобода, полученная за счет только посторонней помощи, не бывает прочной»⁵. Эти слова принадлежали командующему германскими войсками генералу Э. Людендорфу, но они как нельзя больше относились к финскому белому движению.

«Победа» Маннергейма и белый террор

Таким образом, революция в Финляндии и начавшаяся затем гражданская война закончилась победой сил контрреволюции. Но произошедшее оказалось *первым* опытом, когда в XX веке на территории бывшей Российской империи сначала возникла, а затем кровавым образом завершилась гражданская война. Сам масштаб развернутого в этот период в Финляндии белого террора поражал современников.

¹ Цит. по: Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 194.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 354–355.

³ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Helsinki, 2018. S. 36–37.

⁴ *Ibid.* S. 51. См. также: *Ibid.* S. 54

⁵ Цит. по: Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 189.

Даже в германском рейхстаге тогда вынуждены были констатировать, что «происходящее в Финляндии является неопишуемой трагедией», а также «самой страшной из всех гражданских войн» с колоссальным количеством жертв, которые «финский народ никогда не забудет»¹.

Безусловно, оправданий этим событиям в истории быть не должно. Использование любых очень высокопарных фраз о том, что в Финляндии, например, просто «воля к независимости не настолько созрела, чтобы эта независимость могла осуществляться в соответствии с правовыми формами»², не могут, конечно, послужить объяснением развернувшегося в это время в стране жесточайшего белого террора. Зарубежные обозреватели прямо отмечали, что тогда особенно поражали «именно зверства, которые совершались народом, зарекомендовавшим себя как один из самых гуманных и законопослушных в мире»³. Действительно, как справедливо заметил один из финских исследователей, «белый террор приобрел такие размеры и характер, что это даже привлекло внимание за рубежом». Далее он уточнил, что в это время «одна из самых престижных английских газет даже усомнилась, можно ли Финляндию, где применялась такая жестокость, считать среди цивилизованных стран»⁴. Безусловно, все это являлось непосредственной фиксацией современниками широкого и массового террора. Его тогда скрыть было невозможно.

В финской исторической литературе, однако, существует представление, что волна начавшегося в 1918 г. в стране массового белого террора явилась во многом следствием того, что его организаторами стали вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны «егеря из Германии и офицеры из России»⁵. Что именно они, «привыкшие к зло-

¹ Цит. по: *Jackson J. H. Finland*. P. 96.

² *Punttila L. A. Suomen poliittinen historia 1809–1955*. Hels., 1963. S. 116.

³ *Jackson J. H. Finland*. P. 102.

⁴ *Huvönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918*. Hels., 1957. S. 120–121. Действительно, как указала петербургская исследовательница Д. Р. Лобанова, финская гражданская война реально вызывала и «в английском обществе ярко выраженный интерес». Анализируя же далее публикации газеты «Таймс» того времени, она прямо отметила, что ее авторы просто недоумевали, как после окончания гражданской войны случилось, что в Финляндии «сторонники “красных” находятся “повсюду”» (см.: *Лобанова Д. Р. Восприятие событий гражданской войны в Финляндии Великобританией (по материалам ежедневной газеты «Таймс») // Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2019. № 20 (2). С. 161, 157).

⁵ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939 // Kansakunnan historia. Osa VI*. S. 216.

деяниям и казням войны», а также «впитавшие глубокую большевистскую ненависть», использовали «свой опыт, который сыграл соответствующую роль в окончательном урегулировании войны»¹.

Данное представление, однако, не во всем соответствовало действительности. Развернувшийся в Финляндии масштабный белый террор мало походил на то, в чем финляндцы, воюя в Прибалтике в составе 27-го королевского прусского егерского батальона кайзеровской армии, могли участвовать. Что же касается России, то здесь тоже не наблюдался даже близкий к финским событиям аналог. Более того, как известно, большевики на заре становления советской власти вообще «в борьбе с политической оппозицией старались обойтись, насколько возможно, без физического насилия, без применения методов царской охраны»².

Показательно, что уже 10 ноября 1917 г., буквально через несколько дней после провозглашения советской власти, в России было принято постановление об отмене на фронте смертной казни. Как заметил по этому поводу известный петербургский исследователь И. С. Ратьковский, «первые действия новой власти оказались даже более демократическими, чем их дооктябрьские лозунги». Поясняя эту мысль, историк подчеркнул: «В условиях прихода к власти партии, выражавшей интересы большинства трудящихся», она неизбежно стремилась отрицать всякую «необходимость насилия, тем более террора»³.

Даже созданный 7 декабря 1917 г. в Советской России карательный орган революции, ВЧК, тоже вначале не имел четко установленных задач, решение которых приводило бы к жестким действиям, адресованным своим политическим противникам⁴. По мнению, высказанному тогда руководителем ВЧК Ф. Э. Дзержинским, эта организация должна была лишь вести «предварительное расследование», необходимое «для пресечения...»⁵. Сами же действия чекистов тоже являлись

¹ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939 // Kansakunnan historia. Osa VI. S. 216.*

² *Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917 — 1918 гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 339.*

³ *Ратьковский И. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 41.*

⁴ См.: *Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 136.*

⁵ Цит. по: *Ратьковский И. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 51–52.*

весьма ограниченными и прежде всего касались лишения контрреволюционеров продовольственных карточек, составления и обнародования списков «врагов народа», конфискации «контрреволюционного имущества» и т. д.¹ Более того, к началу марта 1918 г. были даже освобождены все те члены Временного правительства, которые в это время находились в заключении².

В целом вначале репрессивная политика советской власти имела весьма либеральный характер. Подобное же мягкое отношение к своим политическим противникам наблюдалось и со стороны левых в Финляндии. 28 января 1918 г., в момент начала в Гельсингфорсе революции, «красные финны» практически бескровно заняли все правительственные учреждения. Без какого-либо противодействия было сформировано и новое финское правительство — Совет Народных Уполномоченных.

Достаточно легко придя к власти, «красные финны» не стали проявлять стремление к развертыванию каких-либо кровавых расправ в отношении своих оппонентов. Как впоследствии ими подчеркивалось, «в политическом отношении наше революционное правительство старалось долгое время скорее сдерживать, чем развивать внутреннее стремление революции к ясной диктатуре пролетариата и к социализму»³. В 1919 г. по этому поводу ясно выразил свою мысль один из их лидеров О. В. Куусинен. Он записал: «Финская социалдемократия [так в тексте. — *Примеч. авт.*] во время зимней революции 1918 года не стремилась выйти за пределы системы народного представительства». Далее он уточнил, что партия только «хотела усовершенствовать... систему, сделав ее истинно демократической формой правления»⁴. Прежде всего здесь принялись решать вопросы выработки новой конституции, которая, по словам Куусинена, «должна была служить лишь политической рамкой для осуществления определенных социально-экономических стремлений; она должна была дать возможность создания необходимых предпосылок социализма, открыв широкий путь для проведения реформ, из которых, в конце концов, должно было возникнуть социалистическое общество»⁵. Та-

¹ Там же. С. 44, 52.

² См.: Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917 — 1918 гг. С. 341.

³ Куусинен О. В. Избранные произведения (1918—1964). М., 1966. С. 17.

⁴ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). Петроград, 1919. С. 28.

⁵ Там же. С. 29.

ким образом, была предпринята попытка «введения социализма законодательным путем»¹.

В итоге в начале революции, как это было и в России, «красные финны» не стали осуществлять жесткие репрессивные действия. В декларации «народного правительства» подчеркивалось, что «насилие оправдано только против вооруженных противников», а «отношение к пленным должно быть человеческим» и «гуманным». Ни о какой «беспощадной борьбе с внутренней контрреволюцией» речи также не шло². В результате это позволило буржуазным депутатам парламента открыто и сразу же обратиться с воззванием к «финскому народу». В нем революция, естественно, резко осуждалась. Она квалифицировалась как простое проявление «наглого захвата власти меньшинством», что являлось «неслыханным насилием»³. Этот «гневный протест», однако, со стороны новой власти не стал поводом к каким-либо «революционным», ответным карательным операциям.

Тогда самой заметной казнью стал расстрел «красными» депутата парламента А. Миккола. Он в начале революции был арестован, поскольку фактически открыто стал призывать оказать вооруженное противодействие новой власти⁴. Но А. Миккола не являлся государственным деятелем Финляндии «первого ряда». Его казнь была организована сугубо экстремистки настроенной «группой красногвардейцев» без соответствующего на то указания командования⁵. В целом данный пример не стал для «красных финнов» поводом к возможному продолжению подобной практики, направленной на репрессии в отношении других представителей политической оппозиции.

К своим политическим противникам «красные финны» явно стремились относиться предельно «законно», не доводя дело до массовых расстрелов. В данном случае уже 1 февраля 1918 г. было объявлено об образовании так называемых революционных судов. На следующий день сообщалось о принятии закона, запрещающего смертную

¹ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). Петроград, 1919. С. 30. См. также: Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 290–291.

² См.: Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 187–188.

³ Цит. по: Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 80–82.

⁴ Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauha ajan historia. Porvoo-Hels.,-Juva, 1989. S. 48.

⁵ См.: Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 204.

казнь¹. Причем создаваемые тогда новые революционные судебные органы четко стремились не отделять «политические преступления», а рассматривать их как «обычные» и исключительно в общем порядке. Более того, новая власть в отношении «политических преступлений» пыталась как можно больше ограничить полномочия революционного суда. В результате по обвинениям, касающимся, скажем, принадлежности того или иного задержанного к «белой организации» или к попыткам оказать помощь «белым», а также к возможному сокрытию оружия или иных действий, считавшихся контрреволюционной работой, выносились, как и в первое время в Советской России, весьма мягкие приговоры. Обычно все ограничивалось лишь денежными штрафами или, как «высшая мера», арестом и тюремным задержанием до шестимесячного срока заключения². Однако и эти действия «белые» стали представлять «как карикатуру на справедливость», а наказания, которые выносились, «как политическое насилие»³.

Столь мягкие формы борьбы «красных финнов» со своими политическими противниками объяснялись, очевидно, тем, что, как заметил О. Куусинен, «социалдемократы [так в тексте. — *Примеч. авт.*] поддались очарованию... демократизма и решили стремиться к социализму путем парламентской борьбы и демократизации народного представительства». Уточняя это положение, Куусинен далее подчеркнул, что «мы надеялись... избежать... диктатуру пролетариата»⁴. В результате представители прежнего, свергнутого уже правительства, как и в России, тоже не были сразу же казнены. Более того, их даже не сумели арестовать⁵. В итоге свергнутые в Гельсингфорсе члены правительства смогли достаточно счастливо выбраться из столицы, переехав на север страны в город Ваза⁶. Причем, по меткому замечанию отечественного исследователя В. М. Холодковского, данное возрождение «для контрреволюции играло такую же роль, как “законный” наследник престола... в династической войне». Уточняя эту мысль, историк далее весьма справедливо подчеркнул, что представители свергнутой

¹ Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 230, 233.

² Там же. С. 231, 233; Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 209.

³ Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 210.

⁴ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). С. 34.

⁵ Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 230.

⁶ См.: Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 80–82.

власти здесь опять «стали символом “законного” правительства для всех враждебных революции сил»¹.

Таким образом, «красные», в чем-то, возможно, бессознательно сами создали необходимые организационные условия, чтобы сторонники прежнего режима смогли сохранить свой центр притяжения, а также развернуть подготовку к борьбе с революцией, то есть к началу гражданской войны, которая, как известно, закончилась для «красных» полной катастрофой.

Но первое, что требовало объяснения, это то, почему финал финской гражданской войны оказался для красного движения невероятно кровавым. Действительно, последствием победы «белых» было не только закрепление в Финляндии «капиталистического строя», но, и невиданные ранее репрессии и невероятное количество жертв.

И вот тут вновь обрела важное значение деятельность генерала Маннергейма. Он действительно оказался в центре организации в стране белого террора, которого Финляндия не знала на протяжении всей предшествующей, да и последующей истории. В результате белого террора в стране погибло 27 тысяч финнов². Данная цифра поражает, прежде всего, тем, что на фронте за всю гражданскую войну погибло приблизительно 8 613 человек. Это составляло всего чуть меньше 6% от общей численности обеих армий³. Причем с двух сторон потери были приблизительно одинаковыми: у «белых» — 3414, а у «красных» — 5199 человек⁴. В результате финских солдат от соб-

¹ См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 81.

² *Хентила С.* От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 144. Подробно см.: *Paavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuudet Suomessa 1918. Osa II: Valkoinen terrori. Helsingi, 1967. Кроме того, в Финляндии в годы гражданской войны русских погибло порядка 2 тыс. человек (*Терашкевич А. С.* Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). Тематический выпуск. Выборг, 2016. С. 72).

³ См.: *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. С. 282–283. Однако количество погибших именно в результате боевых действий на фронте весьма трудно точно подсчитать. В период финской гражданской войны частыми случаями были расстрелы пленных «на месте непосредственно после боя» (там же. С. 283). Поэтому существует еще одна вполне научно доказанная цифра числа погибших в бою — 6700 человек. Если принять уже это число за наиболее верное, то тогда число погибших на фронте вообще составляет 5% от общей численности обеих армий (см.: *Eskelinen H.* Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69. Helsingi, 1970. S. 57).

⁴ Там же. С. 283. При этом, очевидно, следует учитывать, что «красные» погибали на фронте, не только участвуя в боевых действиях против армии Маннергейма, а также еще при столкновениях с немецкими войсками. Число погибших «в финской опера-

ственно боевых действий погибло в два с половиной раза меньше, чем, скажем, за продолжавшуюся приблизительно такое же время «зимнюю войну» 1939 г. Таким образом, если учитывать только боевые потери, то вообще может показаться, что «подавление белым государством восстания произошло весьма умеренным образом»¹.

Однако основные жертвы финской гражданской войны оказались вовсе не на фронте. Большинство жителей Финляндии пострадало именно от террора. Причем здесь акты белого террора, направленного против гражданского населения и военнопленных, не имеют никакого сравнения с проявлявшимися примерами «классовой мести красных». От красного террора на территории, которую контролировали захватившие власть революционеры, в результате гражданской войны погибло 1649 человек². Тем не менее эти жертвы не являлись результатом планомерно проводившейся политики истребления противника³. Наоборот, в разгар гражданской войны, в конце февраля 1918 г., в Гельсингфорсе было даже подготовлено обращение к революционным войскам «с осуждением злодеяний и угрозами подвергнуть виновных в насилии суровому наказанию»⁴. Причем подобная линия была следствием общей стратегии «красных»⁵. Их руководство неизменно стремилось подчеркнуть, что «казни безоружных военнопленных строго запрещены», а их «борьба» должна осуществляться максимально «в рамках закона». Более того, подобного характера распоряжения отдавались по сугубо идейным соображениям. Считалось, что именно так «нам будет легче победить вооруженные отряды противника и установить демократию справедливости для всех»⁶. Таким

ции» немецких солдат составило около 500 человек (*Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 55*).

Существуют и другие сведения о погибших в гражданскую войну в Финляндии на фронте. Некоторые исследователи приводят сведения о погибших у «белых» — 3200, тогда как у «красных» — 3500 человек (см.: *Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 144*). В ряде работ указывается, что в годы гражданской войны в Финляндии «белых» погибло 3100 человек, а «красных» — 3600 (*Salokangas R. Itsenäinen tasavalta. S. 615*).

¹ *Eskelinen H. Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69. S. 57.*

² *Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 282.*

³ См.: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 210–211.*

⁴ Цит. по: *Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 145.*

⁵ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 211.*

⁶ Цит. по: *Ibid. S. 212.*

образом, по вопросу о репрессиях в отношении противника командование «красных финнов» занимало достаточно четкую позицию. Это, естественно, не исключало элементов красного террора, который не мог не проявляться в условиях ожесточенной гражданской войны. Но имевшие место отдельные эпизоды реальных расстрелов пленных зачастую, по мнению финских исследователей, «носили локальный характер» и были «связаны с конкретной ситуацией»¹.

Наоборот, как заметил профессор С. Хентиля, «инструкции белого командования относительно обращения с противной стороной... были не такими однозначными и давали повод думать о праве на мщение»². 25 февраля К. Г. Маннергейм отдал приказ, который затем еще и зачитывался во всех церквях страны. В нем требовалось осуществлять расстрелы немедленно и на месте. Причем это касалось всех тех, кто оказывал «вооруженное сопротивление законным военным силам страны» и кто «без ведома армии носит оружие»³. Это означало, что в условиях, когда шла гражданская война, Маннергейм приказывал расстреливать каждого попавшего в плен красногвардейца. В своих распоряжениях он подтвердил, что судьба взятых в плен «красных бойцов» действительно полностью передается «на усмотрение командира»⁴. Причем мотив тоже был вполне понятен. Как отметил финский историк В. Мери, было «совершенно ясно, что первым своим радикальным распоряжением он [К. Г. Маннергейм. — *Примеч. авт.*] хотел выбить оружие из рук красногвардейцев и напугать тех, кто мог бы примкнуть к Красной гвардии»⁵. Лишь когда гражданская война закончилась, 28 мая, в одном из последних до отставки приказов Маннергейм все же напомнил, что «смертная казнь не может быть выполнена до тех пор, пока не будет вынесен приговор»⁶. Но к этому времени было уже свершено до 90% всех казней пленных красногвардейцев⁷.

¹ *Salokangas R.* Itsenäinen tasavalta. S. 615; *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 207.

² *Хентиля С.* От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 145.

³ *Мери В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 114–115.

⁴ *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 221.

⁵ *Мери В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 115.

⁶ *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 222; См: *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 353.

⁷ *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 222

В целом позиция Маннергейма была достаточно четкой. Еще в начале марта 1918 г. он дал шведской газете «Дагенс Ньюхетер» по поводу организации в Финляндии казней весьма откровенное интервью. В нем Маннергейм прямо и по-военному четко заявил: «Все участники восстания будут наказаны. Их осудят за измену». Далее, уточняя, подчеркнул: «Для их лидеров есть только одно наказание — повешение. Я другого не вижу»¹. В целом у «белых» «месть осуществлялась быстро» и объяснялась простой необходимостью «искоренить причины восстания»². Первые крупные массовые казни «красных» начались в феврале 1918 г.³ В итоге за период войны от белого террора людей погибло более чем в пять раз больше, чем от репрессий «красных». Общее же число жертв белого террора в период гражданской войны в Финляндии составило около 8380 человек⁴.

Но как только эта война закончилась, все дальнейшие действия «белых» окончательно оформились в ничем уже не прикрытый широкомасштабный, массовый террор. Как указывает финский историк Х. Ескиляйнен, «мифы о войне, основанные на эмоциях... стали постепенно исчезать»⁵. В Финляндии четко был взят курс на то, чтобы кровавым образом закрепить «белую победу», бросив к ее алтарю невероятное число человеческих жизней. Речь шла о том, чтобы «тело нации... очистить от всего, что считается чужеродным, “от всего красного и русского”»⁶. Именно тогда, собственно, и был реально организован самый ужасный в истории страны массовый террор. Причем, что было наиболее важно для тех, кто в Советской России фиксировал данные события, этот террор мог быть реальным примером, каким именно способом, в случае возможного возникновения гражданской войны, окажется кровавое подавление революции и будет утверждаться победа «белых».

С другой стороны, невероятное рвение, с которым армия Маннергейма закрепляла свой успех, указывало на то, что сама их победа произошла в условиях существовавшего в финском обществе тотального раскола. У «белых» после их победы явно не существовало стопроцентной гарантии сохранения власти в будущем. Более того, «крас-

¹ Цит. по: Ibid. S. 213–214.

² *Salokangas R. Itsenäinen tasavalta.* S. 616.

³ См.: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939.* S. 214–215.

⁴ *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. С. 282.

⁵ *Eskelinen H. Itsenäisyysytemme vuosikymmenet 1917–69.* S. 55.

⁶ *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. С. 292.

ные», до своего разгрома были фатально убеждены именно в противоположном. Они верили, что идут к своей реальной и близкой победе. Но здесь явно не учитывались объективные силы противника. Как «по горячим следам» в 1919 г. отметил О. В. Куусинен, «общее положение вещей было тогда таково, что мысль об успехе революции казался далеко не безнадежной». Далее он подчеркнул: «Возбуждение пролетариата было очень велико: он рвался в бой. Буржуазия была сравнительно плохо подготовлена, чувствуя недостаток в оружии, хотя она начала уже тогда ввозить оружие из Германии»¹.

В действительности победа «белых» рождалась не благодаря их мощи перед «худшей частью нашего народа», «финскими хулиганами», «пьяницами», а также морально разложившимися, но революционно настроенными «русскими войсками»². Она стала объективным результатом, прежде всего, эффективной зарубежной военной поддержки. Таким образом, террор стал для «белых» вынужденной реакцией на острую необходимость закрепить достигнутый военный результат. И они стремительно организовали по всей стране массовые репрессии, сделав, таким образом, «больше, чем было необходимо для того, чтобы победить восстание»³. В целом именно послевоенный белый террор четко указал и одновременно объяснил всю зависимость реальной победы «белых» от военной помощи, которую Маннергейму оказала армия Германии.

Несомненно, происходящее в Финляндии не могли не фиксировать и не учитывать в своей собственной деятельности большевики. В Петрограде, естественно, тоже начали осознавать, что Россия также стоит на пороге гражданской войны. Как же тогда могли реагировать на финский белый террор в Советской России?

Здесь тоже не могли не понимать, что очевидный груз ответственности за постигшее поражение «красных» лежит и на советском руководстве⁴. Как указывают некоторые исследователи, «первая реакция Ленина, когда он услышал о высадке немцев в Финляндии, была злой...». Далее, ссылаясь на свидетельство Л. Д. Троцкого, отмеча-

¹ Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). С. 12.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. S. 266; *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 213; *Vihavainen T.* Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. С. 111–112, 114, 123; *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. С. 189, 196; *Jackson J. H.* Finland. P. 96.

³ *Eskelinen H.* Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69.

⁴ См.: *Vihavainen T.* Suomi Neuvostolehdissä 1918–1920. Helsingi, 1988. S. 84–86.

лось, что у «Ленина первой мыслью было спасти финскую революцию и вступить в бой, хотя он и понимал, что у советского правительства для этого нет возможностей»¹. Действительно, «красных финнов» русские войска, находившиеся на территории Финляндии, эффективно поддержать не сумели.

Но для большевиков самым важным результатом этой скоротечной гражданской войны все же оказались события, последовавшие в Финляндии сразу после ее завершения. Белый террор, развернутый победителями, не мог быть не замечен. При этом особое внимание было обращено на то, что этот террор направлялся весьма разношерстными силами общества: начиная с монархистов, как «верный царю генерал Маннергейм» и заканчивая «европейскими либералами», как сторонник сотрудничества с Германией глава финского «белого правительства» Э. П. Свинхувуд. Именно эти пришедшие к власти в Финляндии люди, писалось в российских газетах, «спустили с цепи... золотую молодежь» и «показали, как буржуазия, гордясь своей цивилизацией, хладнокровно рассчитывает уничтожить своих классовых врагов»². Все это, как полагали, несомненно, могло в полной мере произойти и в России.

В итоге были сделаны соответствующие выводы и репродуцировано развитие ситуации, но уже применительно к положению, складывающемуся в Советской России. Важную роль в этом сыграл представитель Советской России в Финляндии И. Смилга³. Он своими глазами мог наблюдать все этапы гражданской войны в Финляндии, поскольку тогда оказался фактически первым советским полпредом в этой стране, а также, естественно, ключевой фигурой в развитии новых советско-финляндских отношений.

Именно И. Смилга, спустя буквально несколько дней после подавления последнего очага сопротивления «красных финнов» и организации в Гельсингфорсе символического «парада победы белых» 19 мая 1918 г., открыто выступил на заседании ЦК РКП(б), где подробно остановился на положении, сложившемся в Финляндии. В своем

¹ *Klemettilä A.* Lenin ja Suomen kansalaissota // *Lenin ja Suomi.* Osa II. S. 199.

² Новая жизнь. 1918. 15 мая; Известия. 1918. 26 июня; см.: *Vihavainen T.* Suomi neuvostolehdissä 1918–1920. S. 88, 91.

³ 3 февраля И. Смилга постановлением СНК был официально назначен главным уполномоченным Советской России в Финляндии. См.: Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. С. 187; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. М., 2006. С. 339–340.

выступлении он, прежде всего, коснулся вопроса об итогах финской гражданской войны, о «массовых расстрелах финских красногвардейцев» и о «крайних жестокостях белогвардейцев». Показательными стали конкретные выводы из этого выступления. Было предложено в качестве ответной меры начать применять в отношении задержанных белогвардейцев в России смертную казнь¹. Таким образом, именно И. Смилга, используя пример жесткого подавления революции в Финляндии, четко поставил вопрос о необходимости начала жестких репрессий против политических противников большевиков.

Вероятно, что столь быстрая и непримиримая позиция, которую Смилга тогда занял, имела для него личные основания. Дело в том, что при всей революционной энергии, которую, находясь в Финляндии, Смилга прикладывал для победы красного движения, он так и не осмелился выступить в феврале 1918 г. против немедленного подписания Брест-Литовского мирного договора². Хотя, несомненно, понимал, что принятие его условий могло означать разгром «красных» в Финляндии.

Обида за «потерю» Финляндии стала далее подкрепляться фактами массового белого террора против «красных финнов». В. И. Ленин, как справедливо указывают некоторые финские исследователи, был явно «разочарован исходом гражданской войны»³. И это четко коснулось теперь ответных действий, проявившись в необходимости развернуть уже в России в отношении противников большевиков репрессивную борьбу, которая неминуемо вылилась бы в красный террор.

Однако идея необходимости общего жесткого подавления «белой» оппозиции в середине мая 1918 г. членами ЦК так и не была одобрена. Там посчитали, что доводы Смилги не являются столь убедительными, чтобы в России начать осуществлять «массовые расстрелы». Тем не менее первый шаг к этому члены ЦК все же совершили. Они пришли к историческому по своей сути решению, зафиксировав, что

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147; Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. С. 342; Ратковский И. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 124–125.

² Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории. Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2019. № 20 (1). С.34.

³ См.: Klemettilä A. Lenin ja Suomen kansalaisista. S. 199.

«в настоящий момент... против расстрела нескольких человек никто не возражает». Более того, даже был достигнут консенсус в необходимости «ввести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления»¹. Что, в принципе, далее и начало осуществляться. В июне 1918 г. ревтрибуналам уже давалось официальное разрешение выносить приговоры, касающиеся смертной казни².

Таким образом, объективно можно говорить о том, что белый террор, захлестнувший Финляндию весной 1918 г., стал одним из наглядных аргументов, который был использован большевиками для развертывания широких репрессий в отношении «белых» в России.

Что же касается Маннергейма, то он, непосредственно причастный к организации в Финляндии белого террора, безусловно, в какой-то степени повлиял на те решения, которые затем принимались в руководстве Советской России. Пример белого террора в Финляндии, несомненно, сыграл свою роль в изменении политики большевиков, обосновав необходимость и неизбежность применения красного террора уже в Советской России. В этом отношении мнение профессора Х. Мейнандера о том, что при «сравнении достижений финских и российских контрреволюционеров мы все равно увидим, что русские потерпели поражение, прежде всего потому, что не доверяли хорошо организованному среднему классу и крестьянскому населению»³, на примере Финляндии не кажется до конца убедительным. Именно белый террор, который в Финляндии касался всех категорий населения, а также быстрая и действенная помощь «белым финнам» со стороны Германии сыграли определяющую роль в «победе» Маннергейма. Большевики же очевидно все эти обстоятельства финской гражданской войны очень хорошо затем учли и использовали в своей дальнейшей борьбе.

Маннергейм с императорской властью

Отъезд К. Г. Маннергейма из Финляндии, несомненно, являлся для него внутренней катастрофой. Фактически он не нашел в независимой Финляндии для себя места, достойного его «победы». Гер-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 148; Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. С. 342.

² См.: Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 124; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Т. 1. С. 124.

³ *Meinander H. Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. Hels., 2017. S. 132.*

мания действительно стремилась взять Финляндию под контроль, что должно было явно закончиться провозглашением в независимой стране монархии во главе с немецким принцем на финском троне¹. Это, конечно, Маннергейма устроить не могло. Однако рассуждения о том, что тогда для него оставались самым главным сугубо «русские дела» и он стремился, прежде всего, использовать финскую территорию для того, чтобы «без помощи немцев подавить восстание в Финляндии, а затем восстановить либеральный режим в России»², можно рассматривать лишь как очень глобальную программу максимум.

Реально подобная задача не соответствовала ни историческим условиям окончания гражданской войны в Финляндии, ни тем возможностями, которые тогда существовали в этой стране. Таким образом, «осуществить его [Маннергейма. — *Примеч. ред.*] главный замысел — захватить Петербург»³, становилось в большей степени фантастической задачей.

Единственное, чего Маннергейм по итогам окончания финской гражданской войны сумел для себя добиться, это то, что о нем как «бравом белом генерале» сразу же узнали многие и «за полгода Маннергейм превратился в человека, известного во всем мире»⁴. Действительно, Финляндия оказалось первой страной на территории бывшей Российской империи, где контрреволюция одержала полную победу, а «белые», путем кровавого террора закрепились у власти.

Тем не менее уже спустя полгода после завершения финской гражданской войны, 11 ноября 1918 г. закончилась Первая мировая война поражением Германии. Немцы после этого были вынуждены начать вывод своих войск с финской территории. Более того, планы образования в Финляндии монархии с утверждением на престоле представителя немецкого императорского дома окончательно потерпели фиаско. Это было связано с тем, что в Германии тогда тоже началась революция и была провозглашена республика. Всё это усиливало шансы «героя» гражданской войны опять вернуться во власть. Его кандидатуру к тому же поддерживала Антанта. И это сразу же заметили в Финляндии. 12 декабря, то есть уже спустя месяц после

¹ См.: *Huldén A.* Finnlands deutsches Königsabenteuer 1918. Reinbek, 1997.

² *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 118.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 118.

подписания Германией соглашения о перемирии и окончания войны, Маннергейм был стремительно возвращен из-за границы и назначен вместо П. Э. Свинхувуда временным главой государства, то есть регентом. Это означало, что к нему переходила вся полнота исполнительной власти в стране. В условиях, когда в Финляндии не была принята конституция, Маннергейм фактически получил власть, которая во многом напоминала императорскую. То есть для Маннергейма опять начался период надежд и попыток участия в формировании будущего Финляндии, причем не только в пределах границ бывшего Великого княжества.

В результате уже в конце декабря 1918 г. за пределы границ Финляндии было направлено около 4 тыс. солдат с целью помощи в «освобождении» Эстонии. Причем, как подчеркивают финские исследователи, «Маннергейм считал освобождение Эстонии важным в том числе и потому, что с ее территории при необходимости можно было проводить операции также против Петрограда»¹. В развитие этой идеи в конце апреля 1919 г. был уже организован поход финских военизированных формирований на территорию Советской России в Карелию на олонецком направлении. Здесь финны сумели достаточно глубоко вклиниться на территорию соседнего государства и даже выйти к берегам реки Свирь в районе города Лодейное Поле. Таким образом финские военизированные подразделения выдвинулись к пределам Петроградской губернии. Но дальнейшее их наступление частями Красной армии было приостановлено. Далее интервенты были отброшены к государственной границе. В целом эта операция с обеих сторон опять приобрела крайне кровопролитный характер, напоминающий продолжение финской гражданской войны. Как отмечали участники этих боевых действий, противоборствующие стороны четко стремились «пленных не брать и наносить как можно более безжалостные удары по противнику»².

Таким образом, Маннергейм опять включился в активную борьбу против Советской России. Но, главное, для Финляндии еще оставалась необходимость определить собственную форму правления, то есть принять конституцию. Этим уже установленная власть победителей достигала максимально легитимной конфигурации. В условиях,

¹ Хентила С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 181.

² Цит. по: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 293.*

когда финский парламент был практически разгромлен, также требовалось со стороны регента принятие соответствующих решений. В целом после окончания гражданской войны в первых парламентских заседаниях принимало участие всего 84 депутата из 200. Это было очевидным следствием того, что 40 представителей депутатского корпуса от социал-демократической партии, спасаясь от белого террора, уже находились в Советской России. Еще 50 депутатов, оставшихся в Финляндии, вообще были арестованы, а некоторые даже казнены¹. В такой ситуации в конце декабря 1918 г. Маннергейм, учитывая, что финский парламент потерял всякую реальную легитимность, принял решение провести досрочные выборы, призвав граждан Финляндии «примириться и подчиниться закону»². Очевидно, что данное решение рождалась в надежде на то, что разгром левого движения в Финляндии и утрата им довольно большого количества лидеров не даст возможность проигравшим в гражданской войне быстро восстановиться и создать сильную фракцию в парламенте.

Однако результат парламентских выборов, состоявшихся в начале марта 1919 г., оказался не таким, как задумывалось. Он не мог не разочаровать Маннергейма. Социал-демократы опять победили, образовав в финском парламенте самую большую фракцию³. Итог выборов дал к тому же ясный ответ на отношение населения Финляндии к победителям. «Белые» во главе с Маннергеймом на политическом поле явно продолжали проигрывать. Все это указывало на то, что и их военная победа весной 1918 г. была далеко не бесспорной. В результате для Маннергейма важным оставалась задача политически удержать власть. Здесь многое зависело от готовящейся тогда конституции.

После достаточно напряженных политических споров, связанных с разработкой статей основного закона государства, регент 17 июля все-таки подписал новую Форму правления. Она предполагала установление в стране республиканского строя, но с сильной властью президента. Главе государства фактически доставались полномочия, сходные с властью в Финляндии российского императора. Очевидно, что первым президентом страны Маннергейм в глубине души тоже видел только себя⁴. Вероятно, именно поэтому он не поддержал гото-

¹ Хентила С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 153.

² Meinander H. Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 126.

³ См.: Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 280.

⁴ Meinander H. Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 126.

вившийся среди наиболее решительных его сторонников переворот с целью установления в Финляндии его диктатуры¹.

Для Маннергейма теперь стало важным, наоборот, объединить большую часть населения страны. И эта консолидация должна была произойти на базе «общей борьбы», которая касалась не просто строительства независимого государства. Была поставлена цель сделать Финляндию «великой». Причем это «величие» должно было быть достигнуто в продолжающейся борьбе с Советской Россией. Эти взгляды Маннергейм высказывал еще в период гражданской войны. 23 февраля 1918 г. он заявил, что не вложит «меч в ножны» до тех пор, пока «последний ленинский солдат и хулиган» не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии. Теперь, выступая 4 апреля 1919 г. перед новым составом парламента с программной речью, регент постарался объединить всех депутатов общей мыслью борьбы против общего внешнего врага. Он заявил: «Мы не можем равнодушно смотреть на страдания и преследования, которым подвергались наши соплеменные народы за пределами Финляндии»². Таким образом, сражения с Советской Россией для Маннергейма еще не закончились, и целью стали как советские территории, так и продолжение общей борьбы против Советской России. Подобные лозунги объединили единомышленников, и «большинство в новом парламенте выступало за присоединение Восточной Карелии к Финляндии»³. Однако мечта Маннергейма захватить Петроград не имела столько же сторонников.

В это время у Маннергейма, безусловно, продолжалась некая внутренняя борьба, связанная с противоречиями в целях яростного противника русской революции, которым он в сущности являлся, и реального руководителя отделившейся от России независимой страны. Идея организовать с территории Финляндии поход на Петроград для Маннергейма все же оставалась на повестке дня, хотя было понятно, что в реализации этого плана существуют реальные сложности. Было очевидно, что не все в Финляндии, кто поддерживал будущего маршала, разделял данную идею. Среди тех, кто выступал против, были, прежде всего, те, кто четко понимал, что финская помощь в сверже-

¹ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. S. 282.*

² Цит. по: *Ibid. S. 295.*

³ *Хенттля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 162.*

нии советской власти и возрождение прежней России вовсе не обеспечивали гарантий полной независимости Финляндии.

С другой стороны, начавшаяся летом 1918 г. в России ожесточенная Гражданская война резко усиливала роль Белого движения. Это увеличивало шансы захватить Петроград, а также вообще облегчало перспективу боевых действий финской армии на советском направлении. Единственное, что не могло не смущать финнов: «белые» в России отнюдь не разделяли идеи независимости Финляндии. Они тогда стремились использовать финскую территорию и ее военные возможности, но предоставить все то, что хотели «белые финны», не могли. Более того, противники советской власти даже опасались, что «белые финны» во главе с Маннергеймом при благоприятных для них обстоятельствах смогут даже самостоятельно захватить Петроград и устроить там кровавую резню¹, как это было и в самой Финляндии.

Тем не менее переговоры о совместных действиях все же начались. Координатором действий с войсками Маннергейма в данном случае, по мнению руководителей Белого движения в России, должен был выступить главнокомандующий Северо-Западной армией генерал Н. Н. Юденич. Однако он не смог организовать на финской территории какие-либо русские формирования белой армии. Финны считали, что «русские, будь то представители буржуазии или большевики, нашедшие ранее себе убежище в их стране, являлись врагами Финляндии»². Поэтому здесь очень болезненно реагировали на возможность создания на финской территории боевых отрядов из русских белогвардейцев. Более того, переговоры Юденича о проведении совместного наступления на Петроград в 1919 г. с Маннергеймом упирались в желание «белых» не давать финнам гарантии, «чтобы какая-нибудь авторитетная русская власть признает независимость Финляндии»³.

Несомненно, Юденич понимал, что собственных ресурсов для наступления на Петроград с юго-западного направления будет недостаточно и без поддержки с севера взятие Петрограда станет для его войск крайне сложным делом. Поэтому в июне 1919 г. он достиг с Маннергеймом договоренности об общем с финнами наступлении на предлагаемых регентом условиях⁴. Но это соглашение оказалось

¹ *Власов Л.* Маннергейм. С. 208.

² *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 298.

³ Цит. по.: *Власов Л.* Маннергейм. С. 211.

⁴ *Хенттиля С.* От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 162; *Власов Л.* Маннергейм. С. 214.

лишь личным делом «двух генералов». Адмирал А. В. Колчак, которому, собственно, и подчинялся тогда Юденич, этот договор отверг. Он считал, что «история ему никогда не простит, если он откажется от всего того, что завещал Петр Великий»¹. Да и для Маннергейма тогда наступили «горячие дни», которые, естественно, его отвлекали от идеи подготовки совместной с русскими белогвардейцами наступательной операции. Именно в это время разгоралась внутренняя борьба, связанная с первыми в истории Финляндии выборами президента. На них Маннергейм, как и предполагалось, был выдвинут в качестве одного из главных кандидатов.

Однако и на этот раз на политическом фронте Маннергейм потерпел поражение, которое один из исследователей его жизни, финский историк С. Ягершельд даже назвал «драматическим»², хотя за достаточно короткий срок после завершения гражданской войны Маннергейм терпел уже третью подряд подобную неудачу. Избиратели его не поддержали. Очевидно, в нем продолжали видеть не только человека, который залил Финляндию кровью, но и «аристократа из России», плохо говорившего по-фински и вообще очень далекого от финского народа³. Все это, конечно, разочаровывало Маннергейма, поскольку он сам не чувствовал, что его «отделяло от финноязычных граждан страны» использование родного шведского языка⁴.

В целом это было, безусловно, явное поражение не только Маннергейма, но и всего финского белого движения, поскольку к власти в стране пришли умеренные либералы. Первым президентом Финляндии стал не генерал, а юрист и либерал по своим убеждениям К. Стольберг, у которого с Маннергеймом были натянутые отношения. Символично, что уже на первом ужине в Президентском дворце Стольберг, хотя и пригласил на него Маннергейма, не сказал о своем предшественнике ни одного слова как о «выдающемся главнокомандующем» и регенте страны. Маннергейм расценил это как «удар, который был нанесен не только ему, но и всей “белой идее”»⁵. Он покинул этот банкет и далее уже демонстративно не посещал приемы К. Стольберга.

¹ Цит. по: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 300.*

² *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Hels., 1973. S. 11.*

³ См.: *Meinander H. Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 129.*

⁴ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. Hels., 1952. S. 56.*

⁵ *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 13.*

Так Маннергейм, как лидер белого движения, не смог стать президентом страны. Также ему не удалось объединить «белых финнов» в борьбе с большевиками. Руководство Финляндии теперь уже явно стало отказываться от похода на Петроград. Там просто и весьма обоснованно «не понимали, зачем им восстанавливать царский престол, который они ненавидели так же, как и большевики»¹. В целом в новых условиях действия Маннергейма, связанные с идеей непрямого участия в штурме Петрограда, оказались затруднительными для реализации. К тому же сторонники Белого движения в России постепенно убедились, что «у Маннергейма два лица — с одной стороны, он выдавал себя за друга [«белой». — *Примеч. авт.*] России, а с другой — твердо отстаивал интересы Финляндии»². Эти наблюдения в действительности отражали реальные представления, которые существовали у бывшего генерала русской армии и которые он так или иначе пронес через всю свою жизнь. Однако «интересы Финляндии» все же перевешивали все иные чувства и эмоции этого человека. В целом уже тогда стало предельно понятно, что для «русских белых генералов» Маннергейм «уже не был одним из них, он — глава финляндского государства»³. Вместе с тем, как утверждал один из финских исследователей, «совершенно независимо от того, занимал ли Маннергейм официальное положение или нет, мысль о завоевании Петербурга не давала ему покоя». Далее историк добавил: «Это была великая задача его жизни»⁴, и это действительно подтверждалось всем дальнейшим ходом истории советско-финляндских отношений.

Тем не менее в 1919 г., после фиаско с президентскими выборами, Маннергейм опять, уже в который раз, полностью отошел от какого-либо участия во власти в Финляндии. Но он сохранил интерес к политике и стремился «со стороны» давать советы президенту Стольбергу, особенно те, которые касались необходимости возобновления подготовки финских воинских формирований для штурма Петрограда. Маннергейм сразу же после выборов принялся убеждать президента, что «благодарность буржуазной России за поддержку финнов стала бы лучшей гарантией независимости Финляндии»⁵. Далее,

¹ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 303.*

² *Меру В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 124.*

³ Там же.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Цит. по: *Meinander H. Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 130.* См. также: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 303.*

в начале ноября 1919 г. Маннергейм через финские средства массовой информации прямо призывал своих сторонников «присоединиться к контрреволюционным атакам», доказывая, что «если большевики будут раздавлены без поддержки Финляндии, то это надолго испортит отношения с новым буржуазным правительством» России¹. Однако эти заявления все больше и больше расходились с реальной действительностью развития Гражданской войны в России, хотя сама борьба продолжалась. Финляндия продолжала в ней косвенно участвовать, претендуя на часть суверенной российской территории.

Однако регулярные попытки с помощью военных операций отторгнуть у соседнего государства Советскую Карелию оказались неудачными. Причем мечты о «великой Финляндии» не смог окончательно развеять даже мирный договор, который был подписан с Советской Россией в эстонском городе Тарту в 1920 г. В нем четко определялась граница двух государств. Но финские агрессивные замыслы все же сохранились. Последняя достаточно грубая попытка присоединить часть советской территории была осуществлена в 1921–1922 гг. Она закончилась очередными боевыми действиями в Карелии и выдворением финских военизированных формирований с советской территории. Только в 1923 г. отношения между двумя странами были окончательно урегулированы и начался период «холодного мира»².

Что же касается самого Маннергейма, то он, не находясь во власти, все же оставался достаточно влиятельным лицом на государственном олимпе страны. И хотя уже тогда, по мнению некоторых финских политиков, «авторитетный Маннергейм был свергнут» и ему оставалось лишь довольствоваться тем, чтобы полностью «уйти в личную жизнь»³, он продолжал зорко следить за политической ситуацией в стране. Как заметил исследователь С. Ягершельд, Маннергейм тогда превратился в «волка-одиночку с острым взглядом», от которого трудно было укрыться⁴. При этом никаких государственных должностей Маннергейму тогда не доверяли. Средства к своему весьма не бедному существованию будущий финский маршал тогда стал получать не от государства, а за счет специально образованного в его поддержку денежного фонда. Кроме того, Маннергейм вошел в управления ряда

¹ *Meinander H. Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 130.*

² См.: *Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 80.*

³ *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 14.*

⁴ *Ibid. S. 15.*

коммерческих банков, что также обеспечивало ему достаточно состоятельную жизнь.

Сферой его реальной деятельности оказалась работа в качестве руководителя ряда весьма далеких от военного и государственного дела общественных организаций, таких как «Союз защиты детей» и финское отделение Красного Креста. Также Маннергейм, занимаясь чисто гражданской деятельностью, купил на юго-западе Финляндии на полуострове Ханко небольшой ресторан («Имба четырех ветров»), то есть приобщается и к ресторанному бизнесу.

В целом Маннергейм, разменяв уже пятый десяток, во многом жил, можно сказать, в свое удовольствие. Его предпочтением стала также охота на экзотических животных. Поэтому он посещал различные экзотические страны, включая, например, Непал, где увлеченно занимался любимым хобби. Все это напоминало образ жизни зажиточного и влиятельного пенсионера, который вряд ли мог вернуться к прежней военной и государственной деятельности.

ГЛАВА II

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МАРШАЛ МАННЕРГЕЙМ

Председатель Совета обороны

К середине 1920-х гг. в Финляндии уже сложились основные концепции ее отношений с Советским Союзом. В финском обществе постарались очень быстро забыть все позитивное, что ранее связывало Великое княжество Финляндское и Россию. Особенности настроений, проявившихся тогда среди финского населения по отношению к восточному соседу, очень хорошо представил известный государственный и политический деятель Финляндии того времени О. Фрич. Он в своих мемуарах, опубликованных в 1945 г., давая общее представление о явной отчужденности между двумя государствами, писал: «Фактически через леса и болота проходила не только хорошо охраняемая линия границы, разделявшая российскую и финскую территории, где впоследствии пролилось много человеческой крови, но там после отделения Великого княжества Финляндского от царской империи проходила Китайская стена, такая высокая и широкая, что бывавшие в Выборге и Хельсинки иностранцы нередко удивлялись тому, что мы в Финляндии знаем о России гораздо меньше, чем многие другие в мире. Финляндия смотрела на Россию, как на что-то странное, чего не знала, не понимала, а также вообще не хотела знать и понимать»¹.

¹ *Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 23.*

Действительно, в Финляндии существовало глубокое убеждение в том, что единственным врагом страны является восточный сосед. Именно СССР, как считалось, представляет непосредственную угрозу финской независимости. На этой основе строилась вся военная доктрина Финляндии и вырабатывались оперативные военные планы, предусматривавшие возможные боевые действия против Советского Союза. В целом представление об СССР как о потенциальном противнике, угрожающем Финляндии, глубоко укоренилось в сознании ее политических и государственных деятелей. Этот взгляд имел значительную поддержку и широкое распространение среди военных кругов, а также консервативно и ультранационалистически настроенной части населения, в особенности тех, кто выступал с идеей создания «великой Финляндии» путем отторжения части советской территории. Так, у значительной части финнов — от боящихся «угрозы с востока» до выступающих за объединение под эгидой Финляндии всех соплеменников, которые проживали за пределами государственной границы, — возникла непреодолимая от СССР полоса отчужденности.

Тем не менее начиная с 1923 г. во взаимоотношениях между Советской Россией и Финляндией уже не возникали, как прежде, серьезные конфликтные ситуации. Не фиксировались также масштабные военные стычки на отдельных участках государственной границы. Достигнутая стабилизация отношений являлась важным фактором в жизни обоих государств. Характерными чертами в отношении Финляндии к СССР были тогда сдержанность и корректность. В целом с финской стороны не чувствовалось стремления выйти из атмосферы «прохладного мира», который тогда определился в отношениях с Советским Союзом.

С другой стороны, идея врага, находившегося на востоке, требовала потенциально возможного успешного военного противостояния СССР, которое Финляндия могла обеспечить только при соответствующей поддержке ведущих государств Европы. Без этого достаточно твердая финская политическая линия являлась весьма уязвимой. В результате внимательно анализирующий со стороны внешнеполитический курс своей страны К. Г. Маннергейм прямо заметил, что «в 1920-е годы у Финляндии не было в практическом смысле никакой внешней политики»¹.

¹ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 15.*

Достигнутая к середине 1920-х гг. определенная устойчивость во взаимоотношениях между СССР и Финляндией не была надежной. На рубеже 1920—1930-х гг. уже возникла первая серьезная трещина в еще не сформировавшейся основе восточной политики Финляндии. Произошло это в силу причин как внешнего, так и внутреннего характера, проявившихся в условиях потрясшего в 1929 г. многие государства экономического кризиса и, как следствие, активизации в Финляндии крайне националистического лапуаского движения¹, которое решительно стало противодействовать развитию какого-либо сотрудничества с Советским Союзом. Лапуасцы твердо считали необходимым продолжать «освободительную войну» против внешнего врага².

В целом сторонники этого движения прямо «восторгались итальянским фашизмом и германским нацизмом»³. Да и само движение не слишком отличалось от усиливавшихся в то время в других западных странах праворадикальных фашистских течений. Но в Финляндии лапуасцы оказали настолько значительное воздействие на политическую атмосферу, что у ряда современников сохранилось впечатление, будто период между двумя мировыми войнами был чуть ли не «временем лапуаского движения». По мнению некоторых исследователей, это движение оставило ощутимый след в истории Финляндии вплоть до участия страны во Второй мировой войне, и именно оно способствовало достижению единства народа в противостоянии СССР⁴.

В руководстве Финляндии к возникшему в стране движению вначале отнеслись достаточно лояльно⁵. Факторами, сблизившими тех, кто проявлял благосклонность к лапуасцам, были антикоммунизм и враждебное отношение к Советскому Союзу. Это не могло не заинтересовать К. Г. Маннергейма⁶. Он в своих воспоминаниях прямо подчеркнул, что «лапуаское движение являлось реакцией на преступное интриганство» Коммунистической партии Финляндии⁷. Ман-

¹ Зародилось на северо-западном побережье Ботнического залива в местечке Лапуа.

² *Siltala J.* Lapuan liike ja kyuditykset 1930. Hels., 1985. S. 463.

³ *Kivimäki T.M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Hels., 1965. S. 114

⁴ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyuditykset 1930. S. 13.

⁵ См.: *Hokkanen K.* Kyösti Kallio. Os. II. Porvoo; Hels.; Juva, 1986. S. 56; *Relander L. K.* Presidentin päiväkirja. Os. II. Tapiola, 1968. S. 449; *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920—1939. S. 133—134.

⁶ См.: *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920—1939. S. 135.

⁷ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 11.

нергейм, как считают некоторые исследователи, надеялся, что «все, кто помнит 1918 год, поддержат бескорыстные устремления, ставшие благодаря лапуаскому движению фактором общественной жизни»¹. Эту мысль Маннергейм, собственно, изложил в письме финскому посланнику в Лондоне. Он написал 13 июня 1930 г.: «Мы живем здесь сейчас в волнующие времена. Приятно видеть, что здравый смысл не отступил от всего, что было написано и превознесено в те годы [гражданской войны. — *Примеч. авт.*]»².

Да и лапуасцы видели в Маннергейме одного из своих неформальных лидеров. Как указывает финский исследователь С. Ягершельд, касаясь отношения лапуасцев к Маннергейму, «было понятно, что его сторонники в патриотическом настроении восхищались “белым генералом” 1918 года»³. Действительно, некоторые финские политики вообще тогда стали его рассматривать в качестве «движущей силы лапуаского движения»⁴. Подтверждением этого альянса было то, что лапуасцы, «считавшие диктатуру решением и финляндских проблем» начали Маннергейма прочить в диктаторы⁵. В итоге они предложили выдвинуть его в качестве кандидата на предстоявших в начале 1931 г. выборах президента Финляндии⁶. Но дальше идеи все же не пошли. Вместо него они поддержали известного своими русофобскими взглядами П. Э. Свинхувуда. Он, собственно, и стал президентом. Причем, как отмечают финские исследователи, «Маннергейм, конечно, остался довольным победой Свинхувуда», которого считал «честным, сильным и волевым человеком», а его избрание, по мнению Маннергейма, «предвещало политический подъем» в Финляндии⁷.

Развитие лапуаского движения и результаты президентских выборов, несомненно, вызвали весьма негативную реакцию в Советском Союзе. В Москве не могли не учитывать перспективу дальнейшего ухудшения отношений с Финляндией. Об этом открыто говорили финским дипломатам, подчеркивая, что «Советское правительство очень озабочено будущим финско-советских отношений и с большой

¹ *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 141.

² Цит. по: *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 136.

³ *Ibid.* S. 138.

⁴ *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 140; *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 138.

⁵ *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 141.

⁶ *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. Porvoo; Hels., 1958. S. 51.

⁷ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 150, 151.

настороженностью следит за всеми событиями, относящимися к этой области»¹.

Укрепление позиций сторонников праворадикальных настроений в Финляндии тем не менее способствовало и упрочению в целом политических позиций Маннергейма. Именно в этот момент он опять вернулся на государственную службу. Как Маннергейм записал в воспоминаниях, «уже 2 марта, на следующий день после вступления в должность, президент [Свинхувуд. — *Примеч. ред.*] пригласил меня к себе... Им была выражена надежда, что в случае войны я стану главнокомандующим, а уже теперь вступлю в должность командующего войсками»². Вот, собственно, в таком направлении начал свою деятельность Свинхувуд. Ему, очевидно, казалось, что в новых условиях знания и опыт Маннергейма, проявленные им еще в годы гражданской войны, вновь становятся крайне востребованными для страны и «многим финнам стало невыносимо, что он живет как частное лицо в то время, когда настоящие военные на руководящих должностях были редкостью»³.

В результате 10 июня 1931 г. К. Г. Маннергейм был официально назначен на должность председателя Государственного совета обороны Финляндии и опять надолго вошел в «большую политику». Показательным, однако, являлось то, что новый виток государственной деятельности Маннергейм начал уже далеко не молодым человеком. Ему тогда было уже 64 года. Но в дальнейшем на государственной службе Маннергейм состоял еще 15 лет, уйдя на пенсию в возрасте 79 лет. Это, однако, не мешало ему постоянно набирать политический капитал и усиливать вес в руководстве страной.

В данном отношении, как заметил финский исследователь С. Ягершельд, «с самого начала легко было представить, что назначение Маннергейма председателем Совета обороны ознаменует собой для него не только новую военную карьеру, но и станет началом многогранной политической деятельности»⁴. Действительно, теперь для Маннергейма важным было то, что он стал играть весьма заметную роль в вопросах внешней политики, а также безопасности своей страны. Более того, Совет обороны, будучи формально совещательным

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 296.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 9.

³ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 152.

⁴ *Ibid.* S. 154.

органом при президенте, после того, как его возглавил Маннергейм, начал приобретать весьма значительную роль в решении ряда достаточно перспективных военных задач¹. Как отмечает исследователь В. Мери, на этом посту «шаг за шагом Маннергейм закреплял за собой определенные задачи и завоевывал власть»².

Кроме того, 16 мая 1933 г. Маннергейму было присвоено высшее воинское звание — маршал Финляндии. Назначение произошло после традиционного парада в Хельсинки, на котором отмечалась очередная годовщина победы «белых» в гражданской войне³. Таким образом, Маннергейм оказался первым и единственным финским маршалом в истории этой страны, что также усиливало его и так влиятельное положение в политике. В это время маршал уже получил возможность отдавать свои распоряжения по войскам, которые касались, прежде всего, оперативной подготовки армии к возможным боевым действиям. Свое же повышение Маннергейм воспринял с очень большим вдохновением, посчитав это «знаком признания его работы по предотвращению распространения в стране большевизма»⁴.

Действительно, рассматривая СССР в качестве главного вероятного противника Финляндии, Маннергейм начал уделять строительству серьезных укреплений на линии государственной границы с Советским Союзом на Карельском перешейке очень большое внимание. Он считал, что «построенные за последнее десятилетие огневые точки были малочисленные и устаревшие» и «не образовывали единой системы»⁵. Как заметил Маннергейм в своих мемуарах, новые укрепления должны были позволить основным финским войсковым соединениям «в случае нападения успеть подойти к воротам Карельского перешейка». Причем он прямо подчеркнул, что «Карельский перешеек является замком Финляндии», а «местность является сравнительно удобной для обороны, поскольку озера и болота перерезают перешеек на узкие участки»⁶. В результате разгорелась работа по строительству мощных укреплений и созданию всей необходимой для них хорошо продуманной военной инфраструктуры. Таким образом, созданные

¹ *Selén K.* C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Keuruu, 1980. S. 17–59; *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 168.

² *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 143.

³ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 164.

⁴ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 168.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 14, 29.

⁶ *Ibid.* S. 11, 29.

на Карельском перешейке к началу Второй мировой войны финские укрепления получили звучное название «линия Маннергейма».

Тем не менее следует учитывать, что предшествующий период для финских вооруженных сил не прошел даром. В армии четко сохранилось прежнее немецкое влияние¹. Более того, «в духовной атмосфере нового государства казалось подозрительным, если офицер ранее сделал карьеру в России, поэтому прошлое служивших в царской армии повернулось против них»². Маннергейм не мог этого не понимать. Основной командный состав финских вооруженных сил состоял из числа тех, кто в прошлом был тесно связан с Германией или прошел прусскую школу военного обучения. В вооруженных силах Финляндии было почти 90% таких офицеров и генералов³, а в Совете обороны страны, который возглавил Маннергейм, таких было три члена из пяти⁴. Находясь теперь на государственной службе, Маннергейм это, несомненно, должен был иметь в виду и неслучайно в конце 1932 г. он совершил официальную поездку в Германию. Согласно представленному маршалом по итогам этой поездки отчету⁵, его в Германии очень интересовала внутренняя и внешнеполитическая ситуация, которая как раз предшествовала периоду прихода к власти нацистов. Он также посетил район так называемого Данцигского коридора на границе с Польшей, что указывало на его весьма серьезное отношение к «болевым» вопросам, которые были связаны с возможными перспективами восстановления в будущем могущества рейха. В сложившейся ситуации Маннергейм, безусловно, пересмотрел свое прежнее достаточно критическое отношение к Германии. Хотя его явно не устраивало то, что Веймарская республика явно «стремилась поддерживать хорошие отношения с Москвой»⁶. Судя по всему, Маннергейм стал хорошо понимать, что именно Германия в вопросе безопасности страны может рассматриваться как противовес Советскому Союзу. Особенно эта позиция стала заметной к середине 1930-х гг.

В это время, как известно, геополитическая ситуация в Европе начала стремительно меняться. В Германии 30 января 1933 г. рейхсканцлером стал А. Гитлер. Это означало приход к власти радикальных

¹ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 222.*

² *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 214.*

³ *Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 31.*

⁴ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 220.*

⁵ См.: *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 215.*

⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. Os. II. S. 40.*

антикоммунистических сил. Для Маннергейма произошедшие в Германии события имели очень большое значение. Как заметил финский историк С. Ягершельд, «они наложили свой отпечаток как на более чем десятилетний период в судьбе Финляндии, так и на всю последующую часть жизни Маннергейма»¹. В данном отношении произошедшие в Германии изменения действительно вызывали «в Финляндии чувство заметного облегчения, поскольку отвечали желанию иметь противовес опасной мощи России»². Эти чувства разделял и Маннергейм. Он прямо отметил в своих мемуарах, что именно начавшееся тогда «идеологическое противостояние между Германией и Советским Союзом повернуло нас к традиционным отношениям с немцами», которые основывались на противодействии СССР³. Маннергейм, по мнению профессора Х. Мейнандера, «отреагировал на приход Гитлера к власти со смутным любопытством и даже с некоторой долей восхищения»⁴.

Причем подобные настроения в руководстве Финляндии были характерны не только для Маннергейма. Президент Свинхувуд, у которого, как известно, были весьма сильные симпатии к Германии, вскоре выразил свои взгляды еще более лаконично. Он заявил: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии. По своему существу финский народ является другом Германии»⁵. Что касалось находившегося у власти с декабря 1932 г. правительства Т. М. Кивимяки, то и в нем были очень сильны позиции сторонников Германии. Сам премьер-министр, а также заместитель министра иностранных дел Р. Виттинг были хорошо известны своими германофильскими взглядами. В результате, как заметил немецкий посланник в Хельсинки В. фон Блюхер, ему «представлялось, что между обеими странами каких-либо серьезных противоречий не отмечалось»⁶.

Но при всей весомости усилившегося в политике безопасности Финляндии германского фактора государственные интересы страны требовали взвешенного подхода. К тому же среди влиятельных

¹ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 239.

² *Vehviläinen O.* Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933–1934. Porvoo, 1966. S. 186.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. S. 43.

⁴ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 165.

⁵ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. V. London, 1953. P. 536.

⁶ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. Porvoo-Hels., 1951. S. 31.

политических и военных кругов заметно наблюдалось еще стремление к сохранению тесного сближения со Скандинавскими странами. В числе приверженцев проскандинавской политики был также и Маннергейм¹. Однако он понимал, что скандинавский вектор политики безопасности является трудно реализуемым. Как он заметил в воспоминаниях, «имелись круги, где отрицательно относились к мысли об ориентации на северные страны», и добавил, что «они, как и прежде, обращали взор на Германию»². Действительно, для финских военнослужащих крайне престижно тогда было лично побывать в нацистском рейхе. В результате с 1933 по 1939 г. в Германию было направлено 136 финских военных делегаций³. Это означало, что финских официальных визитов в нацистскую Германию в тот период в среднем было по 20 ежегодно.

Что касается представлений Маннергейма о финско-германском военном сотрудничестве, то он особо подчеркивал, что Германия была тогда «единственной страной, которая на данный момент настроена явно антироссийски». Это Маннергейма, несомненно, устраивало. Однако он пока «не думал, что в нынешних обстоятельствах... у нас будет возможность в случае войны рассчитывать на гарантированную помощь Германии»⁴. В любом случае, выступая как представитель финляндского руководства, Маннергейм должен был попытаться использовать все возможности для развития связей Финляндии с Третьим рейхом.

Хотя военное сотрудничество со Швецией Маннергейм тоже никоим образом не сворачивал⁵. Оно также имело антироссийскую направленность. Это было хорошо заметно в составляемых тогда генштабом Швеции военно-оперативных планах. В 1933 г., в частности, эти планы предусматривали возможность переброски шведских войск на территорию Финляндии непосредственно к границе с СССР. Свидетельством того, сколь скрупулезно относилось руководство шведской армии к возможному осуществлению совместно с финскими вооруженными силами боевых действий против СССР, является тот факт, что было разработано до 13 различных вариантов ведения на-

¹ *Jakobson M.* Paasikivi Tukholmassa. Hels., 1978. S. 15–17; *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? Juva, 1984. S. 37.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 59–66.

³ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 388.

⁴ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 253.

⁵ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 167.

ступательных операций в приграничных районах¹. Причем, по данным финского исследователя М. Туртола, период 1933—1934 гг. был исключительно значимым в шведско-финских военных переговорах. С финской стороны в них непосредственно участвовала группа генштабистов, но руководил этой группой непосредственно К. Г. Маннергейм². В качестве обоснования необходимости финско-шведского военного сотрудничества присутствовало мнение, что «для обеих стран существует угроза, исходящая от Советского Союза»³.

Тем не менее германское направление внешнеполитического сотрудничества также активно развивалось. Причем нацистская Германия этому способствовала. Как указал А. Гитлер в личной беседе с В. фон Блюхером осенью 1935 г., «Балтийское море является как бы бутылкой, которую мы можем заткнуть». Финляндия, по мнению фюрера, могла выполнить эту задачу⁴. В результате военное взаимодействие между рейхом и Финляндией начало нарастать, а контакты по военной линии становились все более и более заметными.

Это происходило даже несмотря на то, что в целом Маннергейм относился достаточно критически к идеологии Третьего рейха⁵. Что же касается Гитлера, то Маннергейм в частной беседе, в кругу своих родственников, называл его «опасным человеком», не расшифровывая, однако, это утверждение⁶. В целом маршала, очевидно, национал-социализм особо не привлекал. И в этом плане, вероятно, прав финский историк С. Ягершельд, который весьма категорично указывает: «Предположения о том, что он [Маннергейм. — *Примеч. авт.*] сочувствовал этому движению [национал-социализму. — *Примеч. авт.*], необоснованны». Но при этом исследователь также вполне справедливо обращает внимание и на то, что «Маннергейм не был сентиментален и обычно не позволял своим эмоциям диктовать дальнейшие действия». Ягершельд подчеркнул: маршал «стремился выяснить для себя, какой разумной оценки ситуации следует придерживаться» и далее, поясняя эту мысль, заметил: «В любом случае, когда в складывающейся напряженной атмосфере Европы он рассматривал раз-

¹ *Turtola M.* Tornionjoelta Rajajoelle. Porvoo; Hels.; Juva, 1984. S. 128.

² *Ibid.* S. 176.

³ *Selén K.* C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 264.

⁴ См.: *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44. S. 31.

⁵ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka. Helsinki-Keuruu, 1959. S. 56.

⁶ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920—1939. S. 248.

личные перспективы действий Финляндии, его ориентация на Германию являлась одним из вариантов, который необходимо было учитывать»¹. При этом Маннергейм несомненно ценил «заслуги» нацистов в борьбе против немецкого коммунистического движения. Он это не скрывал и даже публично подчеркивал, что «когда-нибудь нацистское правительство сменят, но, тем не менее, реальный результат сохранится, поскольку влияние коммунистов в Германии уже сломлено»².

В целом финско-германское сотрудничество по военной линии устойчиво развивалось. В первую очередь это стало проявляться в финских закупках немецкого вооружения. Именно этим вопросом активно занялся тогда Маннергейм. В декабре 1934 г. он в течение двух недель находился в Германии, где состоялись его важные встречи с одним из приближенных к Гитлеру — будущим рейхсмаршалом Г. Герингом³. Конкретно изучался вопрос о приобретении Финляндией новейших немецких самолетов. Как теперь уже известно, характер состоявшихся при этом бесед имел весьма определенную направленность. Геринг изложил Маннергейму, в частности, соображения об особой роли в войне авиации, поскольку, согласно взглядам германского командования, «Советский Союз без господства в воздухе разгромить нельзя»⁴.

Документы личного архива Маннергейма показывают, что в 1934 г. он действительно уделял значительное внимание действиям советской авиации и возможности ее проникновения в воздушное пространство Финляндии, а также соотношению на северо-западе сил советских и финских ВВС, проблемам подготовки немецких и иностранных офицеров в военной академии Германии⁵. Можно предположить, что посещение рейха было непосредственно связано с изучением именно этих вопросов.

Более того, общение Маннергейма с Герингом заложило, как стало ясно впоследствии, основы для их личных контактов. А это был немаловажный фактор в процессе начавших активно развиваться германо-финляндских взаимоотношений. Кстати, в Москве обратили внимание на одно из весьма показательных публичных заявлений

¹ Ibidem.

² Цит. по: *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 23.

³ *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 58; *The Times.* 1935. 15. 10.

⁴ Цит. по: *Selén K.* C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 149.

⁵ Kansallisarkisto (*далее*: КА) Mannerheimin kokoelma. 606. Laskelma venäläisten toimintamahdollisuuksista. Ilmavoimat, 1934.

Маннергейма, сделанных в то время. Маршал сказал: «Финляндия не сможет оставаться нейтральной в будущей войне»¹. Это являлось тем более симптоматичным, что Маннергейм занимал, как известно, про-скандинавскую позицию.

Но при любых обстоятельствах Советский Союз в представлениях Маннергейма оставался главным противником Финляндии. Более того, он не считал правильным достигать в это время с СССР каких-либо военно-политических договоренностей. По его мнению, «этого ни в коем случае делать было нельзя»². Поэтому любые советские инициативы, связанные с созданием системы коллективной безопасности в Европе, или идею вступления СССР в Лигу Наций Маннергейм оценивал крайне враждебно³. С другой стороны, в Советском Союзе крайне болезненно начали воспринимать бурно развивающиеся финско-германские контакты.

Объективно к середине 1930-х гг. СССР уже был не тем государством, против которого планировал когда-то воевать Маннергейм, чтобы захватить Петроград. Советский Союз достиг весьма больших успехов и стал превращается из региональной державы в одного из основных игроков на международной арене. При этом в Москве четко видели в новых условиях опасность объединения Германии с другими противниками СССР в Европе. В этом случае, по оценкам военно-политических кругов Советского Союза, Финляндия могла стать соучастником германской агрессии. Последствия при таком развитии событий приобретали для Советского Союза весьма серьезный характер. «В случае войны, — писал немецкий профессор М. Менгер, — оперативные замыслы могли простирались вплоть до выхода к воротам Ленинграда»⁴. Складывавшаяся для СССР новая внешне-политическая обстановка превращала отношения с Финляндией из второстепенных в одну из наиболее существенных проблем с точки зрения обеспечения безопасности северо-западных рубежей. Иным словами, к 1934 г. финляндский вопрос стал приковывать значительно большее внимание, чем в 1920-е — начале 1930-х гг.

Следует при этом учитывать, что наблюдения Москвы в целом были достаточно близкими к реальной ситуации, которая складыва-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М., 1968. С. 505.

² *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 192.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 35.*

лась в финско-германском военном сотрудничестве. Обобщая итоги своего визита в Германию в 1934 г., Маннергейм отмечал, что «из заявлений министра Геринга... видно особое расположение к Финляндии»¹. Маршал, учитывая данное обстоятельство, считал, что проявление этой благожелательности следует всячески стимулировать. 22 января 1935 г. в письме к президенту Свинхувуду он просил представить к государственной награде ряд офицеров германской армии, которые были связаны с организацией его визита. Такой жест, считал он, «усилит в дальнейшем интерес и расположение Германии по отношению к Финляндии»².

Вполне понятно, что поездка Маннергейма в Германию не афишировалась. В Хельсинки, как отмечал финский историк К. Селён, не хотели «давать нового повода Советскому Союзу осуждать Финляндию за попытку искать поддержку Третьего рейха»³. К тому же «уравновешивающее значение» должны были иметь визиты маршала в 1935 г. в другие западные страны. Один из существенных вопросов в ходе этих поездок также сводился к приобретению Финляндией новейшего вооружения.

О целесообразности сбалансированного подхода Финляндии к закупке вооружения у стран Запада Маннергейму дали понять и в Германии. Здесь учитывались, естественно, политические соображения: не вызывать подозрений у Великобритании и Франции в отношении замыслов Германии. Геринг, в частности, сказал Маннергейму, что если Финляндия быстро пойдет на приобретение у них большого количества самолетов, то «было бы разумно осуществить также закупки их и в Англии»⁴. Это также помогло бы успокоить Париж, поскольку, как информировал свое руководство финский посланник в Берлине А. Вуоримаа, «Германия вызывает у Франции довольно обостренное чувство, подобное тому, как у Финляндии Россия...»⁵. Надо было, следовательно, приобрести отдельные виды вооружения и во Франции. Но при выборе страны, где следовало производить авиационные закупки, по мнению финского историка К. Селёна, «Маннергейм отстаивал приоритет германской техники»⁶.

¹ KA. Mannerheimin kokoelma. 606. Mannerheimin kertomus Saksan matkustansa.

² Ibidem.

³ Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 148.

⁴ KA. Mannerheimin kokoelma. 606. Mannerheimin kertomus Saksan matkustansa.

⁵ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti, 18.9.1934.

⁶ Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 154.

Таким образом Маннергейм лично включился в процесс развития военно-технического сотрудничества Финляндии со странами Запада и это стало хорошо заметно уже в 1935 г. От Маннергейма стали непосредственно поступать указания финскому военному атташе в Берлине, *что* необходимо делать для приобретения немецкой боевой техники¹. Далее в сентябре 1935 г. состоялся новый визит финского маршала в Германию. Он был организован по личному приглашению Г. Геринга². Такое внимание к Маннергейму одного из приближенных Гитлера было весьма симптоматичным. В руководящих кругах Третьего рейха Геринг считался своего рода знатоком Скандинавии и Финляндии. Да и Маннергейм теперь рассматривал Геринга как своего «хорошего друга»³.

Поездка К. Г. Маннергейма в Германию была неофициальной. «Маннергейм не хотел, — отмечает историк К. Селён, — чтобы его германские контакты афишировались»⁴. Позднее в мемуарах маршал также не раскрыл сути переговоров. Он явно обошел молчанием характер его бесед с Герингом во время «совместной охоты». Единственное, что доподлинно известно, Маннергейм был весьма доволен визитом и считал его исключительно продуктивным. Эта поездка «создала у меня такое убеждение — отмечал он, — что новые германские руководители умело и быстро создают вооруженные силы». Маршал лично имел возможность познакомиться с мощными авиационными заводами Юнкерса и Хейнкеля, где ему «показали типы самолетов, которые были уже готовы»⁵.

С другой стороны, нет оснований сомневаться в том, что поездка Маннергейма в Германию была тщательно продумана. В ходе нее предусматривалось приобрести самые совершенные самолеты, поскольку, по имевшимся данным, немецкая авиационная промышленность по качеству боевой техники достигла наиболее высокого уровня развития, догнав и даже превзойдя в этом отношении ведущие страны

¹ KA. Mannerheimin kokoelma. 606. Berlinin-lähetystön sähke (everstiluutn. A. Snelmanilta), 4.10.1935.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 58.

³ *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. Hels., 1966. S. 266. 302; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 32. См. также: *Барышников Н. И.* Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8; *Baryšnikov N. I.* Mannerheim ja Göring // Ulkopoliitikka. 2005. Vo. 2. № 2.

⁴ *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa S. 225.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 51.

Запада. В результате можно со всей уверенностью утверждать, что руководство финских вооруженных сил хорошо понимало, как важно ориентироваться на оснащение своих ВВС наиболее совершенной боевой техникой, и оценка, которую дал в Германии новым образцам самолетов лично Маннергейм, а не другое лицо из командного состава армии, являлась показательной в этом отношении.

Вместе с тем советская разведка получила данные о весьма серьезном характере устанавливавшихся связей по военной линии между Германией и Финляндией. Начальник разведывательного управления Красной армии С. П. Урицкий докладывал: «Имеются сведения, указывающие на то, что Финляндия будет использоваться в качестве базы для развертывания германского флота и воздушных сил против СССР». Характерно, что эта информация относилась именно ко времени посещения Маннергеймом в 1935 г. Германии¹.

Вполне вероятно, что в Москве были ошибочные или малодостоверные сведения о закулисных связях Финляндии с Германией. Но даже намек на их существование, естественно, вызывал в Советском Союзе настороженную реакцию и подозрительность к финскому соседу. В результате у руководства Наркомата иностранных дел складывалось устойчивое мнение, что «после Японии, Германии и Польши Финляндия является... по своим замыслам наиболее агрессивной страной»². Очевидно, что активность Маннергейма в развитии немецко-финских связей сыграла не последнюю роль в создании подобного мнения.

В целом позиции Маннергейма в финском руководстве в середине 1930-х гг. окрепли. Он опять превратился в одну из ключевых фигур государства в определении перспектив дальнейшего военно-политического развития Финляндии. Особенно эти изменения проявлялись в эволюции его отношения к Германии. В данном случае Маннергейм снова проявил свою многоликость. Для одних он еще мог «представлять русскость и старую Антанту», но для других стал уже сторонником «прусского милитаризма»³. Что же касается Советского Союза, то здесь маршал, по обоснованному мнению финского исследователя К. Селёна, «явно оставался антикоммунистом, который никоим образом не видел

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 6. Записка о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре (начальник РУ РККА С. П. Урицкий), 13.5.1937.

² Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 637.

³ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939.* S. 392.

возраставшего влияния восточного соседа»¹. Таким образом, для Маннергейма середины 1930-х гг. СССР все еще оставался «региональной державой», противостояние которой было вполне реальным.

Однако нежелание Маннергейма в определенный момент использовать лапуаское движение для захвата власти позволило маршалу создать достаточно благоприятный «либеральный образ», который некоторые исследователи стали связывать с тем, что он «фактически сделал большой шаг влево»². В конечном итоге в новых условиях Маннергейм явно отходил от прежнего сложившегося образа «белого генерала». Как указывает финский исследователь Х. Мейнандер, он теперь «больше не страдал от прежней репутации российского офицера, патриотизму которого нельзя было должным образом доверять»³. Маннергейм тогда уже официально поддерживал руководство страны и ту политику, которую Финляндия проводила. Маршал даже здесь начал проявлять очевидное служебное рвение. Иными словами, Маннергейм полностью интегрировался в состав высшего руководства страны, и с данного момента принимаемые в высших сферах власти решения стали все более связываться с его именем. Таким образом, политика безопасности Финляндии, а также советско-финляндские отношения с этого времени во многом начали завесеть от той позиции, которую занимал Маннергейм.

Проблема военной безопасности

в советско-финляндских отношениях конца 1930-х гг.

Возвращение влиятельного положения Маннергейма во власть совпало со стремительным обострением ситуации в Европе и нарастающей угрозой Второй мировой войны. Некоторые исследователи даже считают, что именно это обстоятельство и обусловило «возвращение Маннергейма к внешней политике и политике безопасности Финляндии»⁴. Действительно, дыхание приближающейся войны становилось все более и более ощутимым, и здесь, несомненно, важным являлось определение реальных перспектив политической линии государства. Как отметил в своих мемуарах Маннергейм, тогда

¹ *Selén K.* C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa S. 192.

² *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 142. См. также: *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 344.

³ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 167.

⁴ *Ibid.* S. 171.

«Финляндия практически повернулась лицом к проблеме безопасности»¹. В этом плане принципиальным становилось то, как она стремилась далее выстраивать свои отношения с Германией, а также с Советским Союзом.

В финской исторической литературе существует точка зрения, что отношения между нацистской Германией и Финляндией в 1930-е гг. можно разделить на два этапа. Первый этап хронологически определяется временным отрезком до 1937 г. Он характеризуется как время довольно дружественного сотрудничества с Третьим рейхом. Второй — до начала мировой войны — как проявление определенных проблем в этих отношениях или даже их «сильного ухудшения»². С этой точкой зрения отчасти можно согласиться, отметив, однако, что охлаждение финско-германских отношений по линии военного ведомства в начале второго этапа не наблюдалось.

В любом случае колебания финской внешней политики, несомненно, были связаны с серьезными изменениями, вызванными постепенным усилением агрессивности в политике нацистской Германии. Естественно, это не могло не влиять на германо-финляндские отношения. Многое в этом вопросе также зависело лично от Маннергейма. Причем для его страны, как и раньше, противником оставался только Советский Союз. Но единственное, что к этому времени изменилось, — прежней слабой Советской России уже не существовало. Как по этому поводу указал Маннергейм, «первое мирное десятилетие после окончания [Первой. — *Примеч. ред.*] мировой войны закончилось, и 1930-е годы показали с самого начала другие признаки». Далее, уточняя свою мысль, он пояснил: «Советский Союз в соответствии с первым 5-летним планом приступил к широкомасштабной модернизации армии, а также к быстрому совершенствованию авиационного вооружения»³. Иными словами, Маннергейм явно перестал рассматривать СССР как гигантское, но достаточно слабое «региональное государство». Он уже ясно видел в Советском Союзе мощную сверхдержаву⁴. Также он хорошо понимал, что к этому времени «общее развитие [ситуации на мировой арене. — *Примеч. ред.*] вело к резкому противостоянию между великими державами»⁵.

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 33.

² См.: *Peltovuori R. O.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 18.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 10.

⁴ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 169.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 58.

Действительно, в новых условиях постепенный рост агрессивности Третьего рейха, несомненно, требовал от Москвы новых усилий по обеспечению максимальной безопасности западных рубежей. Здесь учитывалось и то, что граница СССР с Финляндией находилась всего в 32 км от центра Ленинграда. Поэтому задача обеспечения военной безопасности Ленинграда вынуждала Москву к переговорам с финским руководством и требовала достижения конкретных договорённостей. Таким образом, накануне Второй мировой войны безопасность Ленинграда активно рассматривалась на полях дипломатических переговоров двух стран. Причем в этом направлении были уже определённые «наработки». В 1932 г. между Финляндией и СССР был подписан договор о ненападении, продленный в 1934 г. сроком на 10 лет.

Но этого в новых условиях стало недостаточно. Наиболее очевидным для советского руководства было явное стремление добиться возможности договориться с Финляндией по более широкому кругу вопросов. Финскую декларацию 1935 г. о нейтралитете в советском руководстве считали недостаточной и относились к ней с крайней подозрительностью¹. В Москве, прежде всего, стремились получить от Финляндии реальные гарантии, что в случае возникновения большой войны она не допустит использования её территории противниками СССР. Оптимальным для получения гарантий считался межгосударственный договор. Что же касается вероятного военного противника, который мог угрожать СССР с финской территории, то им в это время однозначно являлась нацистская Германия².

Руководство Финляндии могло почувствовать первые признаки стремления СССР так решить проблему безопасности еще в 1935 г. Тогда прошли соответствующие переговоры советского посланника в Хельсинки Э. А. Асмуса с премьер-министром Финляндии Т. Кивимяки и министром иностранных дел А. Хакцелем³. Одновременно советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов указал финским

¹ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. С. 140–143.

² См.: *Барышников В. Н.* Финляндия и Советский Союз: К вопросу об обстоятельствах и времени принятия в СССР решения о начале войны против Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2016. Вып. 2. С. 29–30.

³ См.: *Барышников В. Н.* Угроза советской оккупации Финляндии в 1935 г. и полпред в Хельсинки Э. А. Асмус // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2017. № 17 (1). С. 44–61.

дипломатам, что для СССР «политика Финляндии неясная», и что в Москве «не могут понять её устремлений»¹.

Очевидное желание выяснить позицию Финляндии в случае возможного начала Второй мировой войны у советского руководства проявилось в 1937–1939 гг. К этому времени в правительстве Финляндии произошли существенные изменения. В 1937 г. на смену Э. П. Свинхувуду президентом страны стал не страдающий, как его предшественник, ярко выраженной русофобией известный политический и государственный деятель страны К. Каллио. Также было образовано новое правительство А. Каяндера. Это правительство было создано на весьма широкой парламентской базе, в кабинет вошли даже представители социал-демократов. Министром иностранных дел в правительстве стал достаточно гибкий политик — Р. Холсти. Свою внешнеполитическую линию он прокомментировал так: «Я заметил, как повсюду за рубежом Финляндия рассматривается в качестве как бы некоего союзника Германии, и если такое мнение окончательно утвердилось, то, пожалуй, могло бы принести непомерно большой ущерб, причем уже скоро, после того, как возник бы серьезный европейский конфликт»². Таким образом, в политике Финляндии наметилась перспектива сделать шаг к взаимному решению советско-финляндской проблемы безопасности.

Этот шаг был осуществлен в феврале 1937 г., когда состоялся визит в СССР Холсти, явившийся по своей сути историческим. До этого Советскую Россию посещали финские представители такого уровня только в декабре 1917 г., когда им был вручен декрет о признании независимости Финляндии. Поездка готовилась достаточно долго³, а начавшиеся в ходе нее переговоры оказались ключевыми с точки зрения выяснения позиций двух государств.

Заинтересованность СССР в переговорах с Холсти проявлялись буквально во всем. Вплоть до того, что нарком иностранных дел М. М. Литвинов, будучи в тот период нездоров, принимал Р. Холсти,

¹ UM. 12 L / 34. Moskovan-lähetystön raportti, 2.9.1935; *Hackzelin A.* Muistio keskustelusta M. Litvinovin kanssa, 24.9.1935.

² *Holstin R.* Muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51–52. S. 74.

³ Фактически, первое приглашение финскому министру посетить СССР было передано наркомом иностранных дел Литвиновым еще в 1934 г. См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. С. 121, 124, 154–155.

лежа в постели¹. Тем не менее переговоры были крайне серьезными. Литвинов прямо тогда указал на то, *что* конкретно волнует Советский Союз. Он подчеркнул, что речь идет о неясной для СССР позиции финского руководства, которое, как выразился советский нарком, «предпочитает интимную близость с Германией, Польшей и Японией», и это «в случае большой европейской войны» приведет к тому, что «Финляндия может очутиться в противостоящем нам лагере»². Эта мысль далее получила развитие на переговорах Р. Холсти с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым и начальником Генерального штаба маршалом А. И. Егоровым. Высказанное Литвиновым мнение Ворошилов тогда повторил и поставил вопрос о необходимости получения от Финляндии пояснений, как она будет действовать в случае начала большой европейской войны³.

Холсти в данном случае смог лишь только заверить, что «Финляндия окажет противодействие каждому, кто попытается нарушить ее суверенитет» и «между Финляндией и Германией нет никаких тайных планов»⁴. Это показалась ему вполне достаточным. Он счел, что «сравнительно легко отверг те утверждения», которые выдвигались Москвой по поводу «тайных отношений между Финляндией и Германией»⁵.

Тем не менее у Холсти в руководстве Финляндии была серьезная оппозиция. Высшее военное командование, в частности, рассматривало его политическую линию с нескрываемым «подозрением»⁶. Неблагоприятной для успеха советско-финляндских переговоров была и позиция Маннергейма. Он к этому времени уже стал «активен в области внешней политики»⁷ и критически подошел к деятельности Холсти. Маршал, как считается, его лично «не любил»⁸ и питал к нему «до конца своей жизни озлобление»⁹. Эти чувства активно разделял и ряд

¹ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. Osa. II. 1933–1939. Hels., 1971. S. 151.

² УМ. 5 D. R. Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik. 1937. (26.2.1937); КА. R. Holstin kokoelma. 74. Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937.

³ КА. R. Holstin kokoelma. 74. Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937.

⁴ Ibid.

⁵ R. Holstin muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51–52. S. 75.

⁶ *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 259, 260; *Suomi J.* Talvisodan tausta. Hels., 1973. S. 365.

⁷ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 274.

⁸ *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 259.

⁹ *Kalela A.* Isäni. K. Cajander kirjeiden ja muistikuvien valossa. Jyväskylä, 1985. S. 405.

других влиятельных политических деятелей Финляндии, которые видели в деятельности Маннергейма некий противовес политике, которую осуществлял Р. Холсти. В частности, в июне 1937 г. маршалу начали открыто говорить, что «положение Финляндии в международных отношениях заметно ослабло». Его прямо призвали предпринять «необходимые решительные меры, чтобы обезопасить государственный корабль, расставить правильные морские навигационные знаки»¹. Таким образом, именно к Маннергейму обратились с просьбой помешать Холсти проводить политику разрядки отношений с СССР, что могло помешать дальнейшим перспективам переговоров с Советским Союзом.

В целом позиция финского маршала по данному вопросу действительно стала достаточно жесткой. Он критиковал уже не только министра иностранных дел, но и президента Финляндии К. Каллио, допустившего такой «разворот» во внешней политике. Его критика стал значительно более резкой, чем та, которую он себе позволял в отношении Свинхувуда². Более того, во многом взгляды Маннергейма теперь совпадали с отношением к московскому визиту Холсти немецкого руководства. Берлин обозначившийся процесс финско-советского сближения, естественно, никоим образом устроить не мог. Поэтому Третий рейх перешел к дипломатическому давлению на Финляндию³.

В целом Финляндия теперь выглядела как объект возрастающих интересов Германии, и в Берлине явно «постарались в военном отношении нарушить внешнеполитическую линию Финляндии»⁴. Показательно, что и Маннергейм тоже активно включился в эту «игру» в очередной раз решил продемонстрировать дружественные чувства немецкой стороне. Это проявилось в том, что он сам лично принял группу германских спортсменов, прибывших в Финляндию по приглашению финско-немецкого общества дружбы⁵. Безусловно, оказание подобной чести от председателя Совета обороны в отношении немецких спортсменов являлось совершенно необязательной.

Рейх же, со своей стороны, пытался тогда продемонстрировать Финляндии активность в двусторонних связях и тем самым стал «це-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 72.

² *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 365.

³ UM. 7 E Saksa. Muistiinpanoja Berliinistä. Keskustelu ulkoministeri von Ribbentropin kanssa, 4.9.1938.

⁴ *Julkunen M.* Perinteet ja realismi. Suomen puolustusvoimat saksalaisarvioissa 1930-luvulla // Tiede ja Ase. 1981. № 39. S. 188.

⁵ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 89.

литься в самое уязвимое место советско-финляндских отношений»¹. В Германии гарантом развития военного сотрудничества виделся, прежде всего, финский маршал. Более того, в Берлине начали рассматривать именно Маннергейма в качестве ключевой фигуры в финском руководстве в вопросе военного сотрудничества². Неслучайным стало тогда небывалое внимание к участию немцев в торжествах в Хельсинки по случаю празднования в июне 1937 г. 70-летия Маннергейма. Ему даже было передано личное поздравление от А. Гитлера³. Маршал же со своей стороны фактически повторил слова благодарности, которые он произнес в адрес Германии после окончания гражданской войны. Маннергейм опять, как и в мае 1918 г., подчеркнул, что «каждый финн благодарен за кровь, которую пролили немцы». Далее он еще персонально выразил «высокое уважение» президенту Германии П. Гинденбургу и, конечно, канцлеру А. Гитлеру⁴.

Но при этом показательно, что тогда произошло перевоплощение, случившееся теперь с самим маршалом. На торжествах явно стали менять акценты итогов гражданской войны. Значение помощи Германии в подавлении в Финляндии революции и в победе в гражданской войне явно начало занижаться. Причем новая четко обозначавшаяся линия стала следствием сугубо личных взглядов по данному вопросу самого Маннергейма. Он «хотел, прежде всего, чтобы предоставленная в 1918 г. помощь Германии не слишком подчеркивалась»⁵.

Сам праздник, как он затем указал, «вылился в мощную демонстрацию против большевизма»⁶. В целом эта «демонстрация» стала столь всем очевидна, что английский посланник в Хельсинки Т. М. Сноу вынужден был затем в беседе с Маннергеймом лично обратить его внимание на обозначавшуюся тенденцию поворота во внешней политике Финляндии в сторону Германии. Показательно, что Маннергейм на это весьма эмоционально ответил: «Что же вы хотите, нам ведь надо выбирать между большевиками и Германией, кто из них лучше»⁷. Таким образом, фактор борьбы с большевиками являлся важным аргументом, который сближал Маннергейма и нацистов.

¹ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 40.

² См.: *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 148.

³ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 391.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 173.

⁶ Цит. по: *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 142.

⁷ Цит. по: Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 381.

Но особенно ярким проявлением «братства по оружию» стал визит в Хельсинки в августе 1937 г. эскадры немецких подводных лодок. Атмосфера, при которой он готовился, характеризовалась «однозначной политической демонстрацией против воли Советского Союза»¹. К тому же было очевидно, что Германия этим визитом давала понять Финляндии, насколько значительно на Балтийском море возросла военная сила Третьего рейха. По данным советской разведки, 11 немецких боевых судов, прибывших в Финляндию, составляли до половины всего германского подводного флота². Более того, советская разведка продолжала фиксировать повышенный интерес немецких офицеров к стратегически важным районам Финляндии, где они стали частыми гостями. Разведуправление Красной армии, анализируя эти данные, усматривало в них совершенно определенно антисоветскую направленность. Выводы докладывали наркому обороны К. Е. Ворошилову.

Не менее частыми в это время были визиты высокопоставленных финских генералов и офицеров в Германию. В этом отношении показательным явилось посещение рейха летом 1937 г. руководителями финской военизированной организации шюцкора генералом Л. Малмбергом и полковником А. Мартола. Также, естественно, не упустил возможность съездить в Германию и маршал К. Г. Маннергейм. В октябре 1937 г. он вновь смог провести свою традиционную встречу с Г. Герингом. В финской исторической литературе лишь вскользь говорится о сути этого визита. Акцент делается главным образом на его итогах. Подчеркивается, что в результате «со стороны Германии Финляндия могла надеяться на большие симпатии»³.

Между тем важно отметить, что именно Маннергейм стремился, чтобы его встреча с Г. Герингом обязательно состоялась. Еще в августе он предпринял попытку «переговорить» с ним и обсудить итоги поездки «красного Холсти» в Москву⁴. Маннергейм тогда «проездом» побывал в доме Геринга. Но застать хозяина так и не смог, встреча не получилась. Только в октябре недалеко от Берлина их очередная «дружеская» беседа состоялась. Она прошла в представительском поместье будущего рейхсмаршала в Каринхалле и завершилась совместной охотой в лесных угодьях Шорфхайде.

¹ Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 42.

² РГА ВМФ. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 67. Л. 3, 38. Разведсводка штаба КБФ № 7 на 1.9.1937.

³ Peltovuori R. O. Saksa Suomen talvisota. S. 21.

⁴ Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 254.

Обстоятельный доклад об этой встрече представил в МИД Финляндии посланник А. Вуоримаа. Он лично присутствовал на официальной беседе Маннергейма с Герингом и зафиксировал, что Геринг совершенно определенно выразил Маннергейму свое негативное отношение к Холсти. Он заявил, по составленному Вуоримаа документу, что визит министра иностранных дел в Москву «вызвал в Германии обеспокоенность тем, что за этой поездкой, вероятно, скрывается стремление изменить внешнеполитический курс Финляндии и осуществить поворот против Германии». Кроме того, Геринг добавил, что «в немецких кругах царит определенное опасение», как бы Финляндия не «образовала союз с Россией... против Германии»¹. В целом итогом встречи с Маннергеймом, по мнению Вуоримаа, «Геринг остался доволен» и, более того, пригласил маршала посетить его снова уже в следующем, 1938 г.²

Значение миссии Маннергейма в Германии, несомненно, заключалось в том, что она торпедировала главные задачи, которые Холсти пытался решить в Москве. Более того, появилась возможность контрдействий и даже возможного приезда в рейх «для извинений» самого Холсти³. Действительно, полагаясь на немецкую поддержку, на министра иностранных дел Финляндии оппозиция начала оказывать массированное давление. Военное ведомство по этому вопросу ни в чем не стеснялось. Оно начало бесцеремонно вмешиваться в вопросы внешней политики. Это не укрылось и от взора германского посланника в Хельсинки В. фон Блюхера. Он вполне удовлетворенно отмечал, что, по его наблюдениям, «генеральный штаб Финляндии считал, что уже настало время, чтобы предупредить Холсти о необходимости найти способ потепления отношений между Финляндией и Германией»⁴.

И способ был найден. Стараниями Маннергейма была расчищена дорога для паломничества в Берлин министра иностранных дел. Он отправился туда сразу же после завершения визита в рейх финского маршала. Причем, по мнению немецкого исследователя М. Менгера, в Германии с Р. Холсти особо не церемонились. Ему просто «в поучительном тоне рассказали малую таблицу умножения»⁵. Холсти, в свою очередь, весьма покорно подчеркнул, что «полностью сознает угрозу

¹ UM. 5 C 5. Berliinin-lähetystön raportti, 16.10.1937.

² *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 254.*

³ *Ibid. S.255.*

⁴ *Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 87.*

⁵ *Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 39.*

для Финляндии, исходящую от России»¹, и по возвращении из рейха средствами массовой информации сообщил, что «его приняли в Берлине сердечно»².

Таким образом, Маннергейм одержал крупную внешнеполитическую победу. Атака со стороны Германии на перспективу успешного развития советско-финляндских отношений была весьма эффективной. Маннергейм занял позицию безоговорочного сторонника всех начинаний, которые предлагались со стороны Третьего рейха. В результате можно говорить, что на базе противостояния развитию финско-советских отношений маршал продолжал набирать политический вес в Финляндии, что подкреплялось увеличивающимся влиянием его военного ведомства.

В частности, в 1937 г. при непосредственном участии Маннергейма была разработана основная военная программа, связанная с развитием экономики. Она предусматривала активное перевооружение войск и оснащение военной промышленности новейшим оборудованием с полным обеспечением необходимым для него сырьем³. Конкретно эта программа предполагала развертывание расширенного производства военных материалов, оружия и боеприпасов на базе новых и модернизированных предприятий, а также организацию дополнительных закупок за рубежом всего вооружения и стратегического сырья, которого не доставало финским вооруженным силам.

Разработанная программа была рассчитана на четыре года, с общим государственным финансированием в 2 млрд 710 млн фин. марок⁴. Показательно, что предложенную Маннергеймом программу финский парламент одобрил. Причем, как он сам отмечал, тогда было принято «принципиальное решение, что за рубежом разрешалось размещать только такие заказы, которые не могла выполнить отечественная промышленность»⁵. В целом, согласно принятой программе, доля военных расходов должна была составить в 1938 г. 25% всего финского государственного бюджета. Более того, уже тогда предпо-

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. London, 1953. P. 537.

² *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 87.

³ KA. Mannerheimin G. Kokoelma. 125. Taloudelliset puolustus valmistelut ennen talvisotaa.

⁴ *Ibidem; Tirronen E. O.* Sotatalous // Suomen sota 1941–1945. Osa XI. Hels., 1975. S. 2; Финляндский капитализм. М., 1983. С. 38.

⁵ *Mannerheim G.* Muistemat. Osa II. S. 78.

лагалось последующее увеличение этих расходов.¹ В результате за два года, предшествующих началу войны, эти расходы постоянно увеличивались и возросли практически в 2 раза². Сейчас даже существует мнение, что Финляндия в 1920–1930-е гг. «инвестировала в оборону явно больше, чем в среднем другие страны Европы»³. Это, конечно, была «заслуга» Маннергейма.

Немалый вклад Маннергейм вносил и в дальнейшее развитие военного сотрудничества с Германией, которое осуществлялось на фоне теперь начавшегося замораживания советско-финляндских отношений. Ключевым событием в данном случае оказался визит в Германию в марте 1938 г. командующего финской армией генерала Хуго Эстермана. За его поездкой тоже стоял Маннергейм, который твердо считал необходимым дальнейшее стимулирование финско-германских контактов на самом высоком уровне и сохранение «с Германией хороших отношений»⁴. И это было реализовано. Эстерман был принят самим А. Гитлером. Подобной чести не удостоивался еще ни один из государственных представителей Финляндии. В целом визит Эстермана носил чисто официальный, показной характер. Он проходил со строгим соблюдением всех внешних атрибутов встреч подобного уровня. Поездка финского генерала широко освещалась в немецкой прессе. Показательно, что встреча практически совпала с захватом рейхом Австрии. Визит был организован через неделю после начала аншлюса. В результате за рубежом визит финского генерала стали расценить как явную дипломатическую поддержку Финляндией агрессивных внешнеполитических действий Берлина.

Что же касается встречи Эстермана с Гитлером, то «следует заметить, — отмечалось в финляндском представительстве в Берлине, — что имперский канцлер, несмотря на все спешные дела, отвел время для этого приема, который был исключительно дружественным»⁵. Но главное, в ходе этой встречи фюрер четко выразил свою позицию в отношении Советского Союза. Он сказал: «Россия является колоссом, который, *если его не сломить* [выделено в документе. — *Примеч.*

¹ См.: *Вихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война. Кн. первая. Политическая история. М., 1998. С. 203.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 79–80.

³ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 169.

⁴ *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 228, 230.

⁵ УМ. 5 С 5; 7 Е Saksa. Berliinin-lähetystön raportti, 28.3.1938.

авт.], всегда будет представлять опасность. Его устремления неизменно представляют собой угрозу всем северным соседям». Далее Гитлер также указал Эстерману: «Россию нужно разгромить, прежде чем она приобретет такую силу, что ее уже нельзя будет разбить»¹. Эту информацию срочно передали в Хельсинки, и Маннергейм, естественно, был полностью в курсе итогов данной встречи.

Но сам визит, несомненно, привлек внимание СССР. Знал о нем и лично Сталин². Теперь отношения с Финляндией заняли весьма видное место в политической линии Москвы. К ним было приковано самое пристальное внимание высшего руководства СССР, и прежде всего И. В. Сталина. В итоге рубеж 1937–1938 гг. стал своего рода временем выработки у советского руководства нового подхода к Финляндии. В Москве пришли к выводу о необходимости в противовес Германии «склонить руководителей Финляндии к сотрудничеству»³. Иными словами, советско-финляндские переговоры должны были быть продолжены с целью превращения Финляндии в потенциального союзника СССР. Как по этому поводу справедливо заметил М. Менгер, для руководства СССР развитие советско-финляндских отношений «в данной международной ситуации и ввиду стратегического положения Финляндии потребовало большего, чем отдельные слова и жесты доброй воли»⁴. Возникла идея «заключить с Финляндией двухсторонний оборонительный договор на случай, если Германия через территорию Финляндии напала бы на Советский Союз. СССР со своей стороны даст гарантии о своих намерениях в отношении Финляндии и обеспечит независимость страны»⁵.

Причем ввиду шепетильности данного вопроса очередной раунд советско-финляндских переговоров должен был приобрести секретный характер. Их с советской стороны было поручено провести Б. Н. Ярцеву, человеку, которого в Финляндии мало кто знал. Ярцев являлся всего лишь одним из ответственных работников полпредства. Однако за столь скромной официальной должностью скрывался резидент советской разведки в Финляндии. Его настоящая фами-

¹ Ibidem; *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 80.

² Зимняя война 1939–1940. Политическая история. Кн. первая. С. 86.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 297.

⁴ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 42.

⁵ Цит. по: *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. С. 152–153.

лия была Б. А. Рыбкин¹, а Ярцев был его «дипломатический псевдоним». Что особенно важно, 7 апреля 1938 г. Рыбкин был вызван в Кремль, где Сталин фактически впервые по «финляндскому вопросу» собственноручно давал поручение представителю советского полпредства.

Переговоры начались в Хельсинки 14 апреля. Причем их начало совпало с торжествами по случаю 20-летия окончания «освободительной войны». Как всегда, традиционно большую роль в этих юбилейных мероприятиях отводилось памяти, связанной с интервенцией немецких войск в 1918 г., а в самом праздновании приняли участие многочисленные немецкие делегации, преимущественно военных. «Из Берлина прибыла делегация в составе почти сорока человек, среди которых были, в частности, персонально приглашенные почетные гости: граф Рюдигер фон дер Гольц, вице-адмирал Хуго Маурер и барон Август фон Брюк. В течение всего времени пребывания в Финляндии немцы находились в центре внимания... В Хельсинки тысячи собравшихся горожан приветствовали их. Праздничный парад принимал Маннергейм, а рядом с ним стоял фон дер Гольц»².

Действительно, влияние Маннергейма в это время стремительно усиливалось. Более того, по наблюдению германского посланника, прошедшее тогда «торжество вознесло Маннергейма на недостижимую высоту»³. А сам маршал произнес тогда очень проникновенную речь, в которой высокопарно заявил, что эти мероприятия проходят в чем-то «в честь Германии и в память немецких героев, павших за свободу Финляндии»⁴.

Наряду с благодарностями, которые звучали в адрес Германии, тенденция повышения значимости Маннергейма в победе в гражданской войне продолжала усиливаться. Решающая помощь немцев в этой победе «белых» стала все дальше уходить на задний план. Главным «победителем» все в большей степени становился персонально Маннергейм. На эту новую идеологическую тенденцию в финской

¹ Барышников В. Н. К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.): Петербургские Кареевские чтения по новистике: [сб. трудов конференции] (Санкт-Петербург, 22–25 апреля 1997 г.). СПб., 1999. С. 389; Vladimirov V. Kohti talvisotaa. Hels.-Keuruu, 1995. S. 42.

² *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 248.

³ Цит. по: Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 142.

⁴ Цит. по: *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 89.

политике теперь уже обратили внимание в германском дипломатическом представительстве. Там даже начали «задумываться о психологии и о конкретных целях культа Маннергейма» как «главного победителя» в гражданской войне и не без горечи, а также ехидства заметили, что теперь «фальшивый герой отчасти прославился»¹. Новое качество Маннергейма как «победителя», конечно, было не особенно приятно немецким дипломатам. Они достаточно болезненно фиксировали «преувеличение легенды о Маннергейме», поскольку его возвеличивание «происходило только за счет репутации Германии». С другой стороны, немцы могли себя утешить тем, что «финны никогда не смогут полностью забыть вклад Германии» в их победу². В целом празднования стали хорошей иллюстрацией тех изменений, которые произошли в Финляндии в отношении маршала. Маннергейм продолжал завоевывать новые позиции на политическом олимпе Финляндии.

Однако маршала все же не рискнули вводить в курс дела в отношении начавшихся тайных советско-финляндских переговоров. Это было связано с тем, что в Москве как раз стремились обсудить именно финско-германские связи, а маршал считался наиболее ревностным сторонником их развития. В целом поднятые по поручению руководства СССР Ярцевым вопросы, естественно, показались Холсти весьма серьезными. «Холсти был шокирован»³. Финский министр иностранных дел сразу же сообщил Ярцеву, что он далее «без разрешения президента не может вступать в любые регулярные обсуждения» данного вопроса⁴. В итоге советскому представителю оставалось лишь заявить, что он не хочет говорить «“прощайте” господин Холсти», а скажет просто: «Уверен, до скорой встречи»⁵. В результате изначально стало очевидно, что Холсти от продолжения переговоров просто уклоняется. Для Сталина же была подготовлена подробная справка, где, наоборот, опираясь на факт начала переговоров, указывалось, что у СССР все же «имеется реальная обстановка для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту Советского Союза»⁶.

¹ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 392.*

² *Ibidem.*

³ *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 332.*

⁴ УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 14.04.1938.

⁵ Цит. по: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 18.

⁶ См.: *Барышников В. Н.* К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. С. 390; *Родина. 1995. № 12. С. 39.*

Таким образом, в Москве переговоры предполагалось продолжить, а советскому представителю было поручено организовать встречи не только с официальными лицами, но и с влиятельными политическими и государственными деятелями Финляндии¹. Более того, в СССР возлагали определенные надежды на возможность склонить на свою сторону даже К. Г. Маннергейма². Однако Маннергейм, как он сам свидетельствует в воспоминаниях, в это время явно дистанцировался от тех проблем, которые рассматривались в ходе тайных переговоров. В результате свою позицию он не выражал и во встречах с Ярцевым, естественно, не принимал никакого участия³.

Об этих переговорах он впервые получил неофициальные сведения лишь через бывшего премьера Т. Кивимяки. Эта информация также была недостаточно конкретная. А сам Маннергейм не дал понять тогда Кивимяки, «что он имеет сведения об этом деле» и что «ему ничего не говорили о переговорах и о связи с Россией»⁴. Как по этому поводу заметил исследователь С. Ягершельд, «Ярцевские дела, возможно, оказались слишком неясными, чтобы дать Маннергейму повод для вмешательства»⁵. Реально маршал начал получать об этих переговорах более или менее достоверные сведения из МИДа только осенью 1938 г.⁶ Объясняя данный парадокс, Маннергейм впоследствии заметил, что «возможно, правительство опасалось внесения дополнительных предложений [от Маннергейма. — *Примеч. авт.*] об увеличении ассигнований на оборону»⁷. В любом случае в руководстве Финляндии явно опасались выслушивать по данному вопросу мнение финского маршала.

В целом переговоры приобрели вялотекущий характер и явно стали затягиваться. С финской стороны их перепоручили вести министру финансов социал-демократу В. Таннеру⁸. В СССР постепенно начали понимать, что добиться военного союза с Финляндией будет практи-

¹ См.: Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 108, 316.

² Там же. С. 109, 116.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 84–85.

⁴ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen politikon muistelmat. S. 114.

⁵ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 333.

⁶ *Ibid.* S. 332; *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 314.

⁷ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 85.

⁸ См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. С. 173–177; *Tanner V.* The Winter War: Finland against Russia, 1939–1940. Stanford, 1950. P. 4–13; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 22–25.

чески невозможно¹. Поэтому с 18 августа 1938 г. советская сторона вопрос о широком военно-политическом союзе перестала обсуждать, а ограничилась лишь предложениями о возможности советских поставок Финляндии вооружения, а также совместной охране ее морских границ. Кроме того, перед Финляндией был поставлен вопрос о возможных письменных гарантиях быть готовой к отражению возможного нападения, а также о создании в центре Финского залива на финском острове Суурсаари (Гогланд) советской военно-воздушной и военно-морской базы и участии СССР в возведении оборонительных укреплений на Аландских островах².

Как и следовало ожидать, эти предложения тоже не нашли поддержки у финского руководства. Ответ было достаточно категоричным: «Финны... готовы закупать у России такие виды вооружения, в которых они могут нуждаться. Что же касается укрепления Аландских островов и острова Гогланд, финское правительство отклоняет эти предложения без каких-либо встречных соображений»³. Таким образом, в Хельсинки готовы были лишь на частичное удовлетворение советских предложений, уходя, однако, от наиболее радикальных инициатив. Об этом, собственно, Ярцев и доложил в Москву 15 сентября. Неудачный ход переговоров, однако, мало чем смутил советское руководство. Там продолжали лелеять определенную надежду на возможность достижения позитивного результата⁴. Сам факт продолжающихся встреч сохранял перспективу решения поставленного Москвой вопроса.

Очевидно, что именно в этот момент о советских предложениях предметно был проинформирован и Маннергейм. Но маршал вскоре был занят совершенно иной ситуацией, которая стремительно начала развиваться в Европе. В это время Гитлер выдвинул претензии к Чехословакии, которые означали стремление Германии к присоединению так называемой Судетской области. И страны Запада на Мюнхенской конференции эти требования фюрера удовлетворили. Все это очень занимало финского маршала, который тогда начал «с волнением следить за европейским кризисом»⁵.

¹ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 22.

² УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym. 18.8.38; *Tanner V. The Winter War: Finland against Russia, 1939–1940* P. 8–9; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 23.

³ Цит. по: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 333.*

То обстоятельство, что Гитлер не считался с национальным суверенитетом отдельных стран, указывало Финляндии на очевидную необходимость обратить внимание на проблему собственной безопасности. Более того, кризис показал, что Великобритания и Франция оказались готовы принести в жертву рейху малые европейские государства. Такой путь был чреват большими потрясениями.

Складывающаяся в результате Судетского кризиса ситуация не могла не учитываться в Хельсинки. Реакция высших финских военных кругов нашла наиболее четкое отражение в позиции Маннергейма. Он считал необходимым срочно принять меры по усилению вооруженных сил и военной подготовке населения. В докладной записке, направленной им президенту в конце сентября, было категорически заявлено: «Страна в настоящий момент к обороне не готова»¹.

Причем при оценке кризисной ситуации Маннергейм явно учитывал наличие между Чехословакией и СССР договора о взаимопомощи. Это могло привести Красную армию к столкновению с вермахтом. В таком случае советско-германский конфликт мог распространиться и на Балтийский регион. И судя по предпринятой в Финляндии в сентябре кампании целенаправленных военных приготовлений, Маннергейм планировал, прежде всего, готовиться к отражению угрозы с востока. Он, несомненно, начал опасаться, что советские войска постараются захватить остров Суурсаари в Финском заливе, а также высадиться на Аландском архипелаге², то есть ввести войска на те территории, о которых шли переговоры с Ярцевым. Поэтому в наиболее напряженные дни кризиса «военное руководство получило полномочия приступить к осуществлению мер ограниченного характера»³. Фактически была проведена экстренная проверка состояния боеготовности финских вооруженных сил, а сам Судетский кризис, по мнению Маннергейма, явился «хорошим уроком» и теперь в Финляндии «стали понимать значение способности к обороне»⁴. Действительно, благодаря стараниям Маннергейма был организован призыв в войска резервистов и проведены военные уче-

¹ Цит. по: *Arimo R. Vapaussodan päämajasta talvisodan päämajaan // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11. S. 773.*

² *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 333.*

³ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 292.*

⁴ Цит. по: *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 294.*

ния, на которых отрабатывались боевые действия против нападения советского Балтийского флота¹.

В целом внутривнутриполитическая атмосфера, сложившаяся в Финляндии под воздействием Судетского кризиса, а также в результате проведенных в стране военных мероприятий, характеризовалась распространявшейся в обществе неуверенностью относительно возможности избежать войны². Более того, подавляющее большинство населения выражало, хотя и сдержанно, критическое отношение к агрессивным действиям Германии в Европе³.

Маннергейм, конечно, понимал значение угрозы общеевропейской войны. Поэтому перестал придерживаться прежней стратегической линии, направленной на демонстрацию германо-финского военного сотрудничества. Теперь маршал понимал, что «в политической игре сверхдержав, которая ускоряет общий конфликт, судьба Финляндии в худшем случае может полностью решиться независимо от ее вооруженных сил»⁴.

Показательно, что Маннергейм после преодоления Судетского кризиса вполне осознанно не отправился, как обычно, в свою традиционную ежегодную поездку в Германию⁵. Вместо этого он поздней осенью 1938 г. посетил Великобританию и Францию. Здесь маршал начал обсуждать вопросы, связанные с оснащением финской армии новым вооружением. Причем при встрече с министром иностранных дел Великобритании лордом Э. Галифаксом британская сторона подтвердила, что интересы западных стран в зоне Балтийского моря отнюдь не утрачены⁶, что, очевидно, вполне устроило Маннергейма.

В целом по мере нарастания международной напряженности позиции Маннергейма в руководстве Финляндии продолжали укрепляться. В результате он теперь смог добиться еще большего в разрешении международных вопросов, которые непосредственно касались Финляндии. Более того, его представления относительно перспективного вектора внешнеполитической линии страны явно взяли верх над

¹ Факт проведения этих военных мероприятий финское Министерство обороны затем, однако, официально опровергло. См.: Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. XXI. С. 547.

² Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 547.

³ Там же; *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 282.

⁴ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. S. 170.

⁵ См.: *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920—1939. S. 333.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. С. 92.

взглядами министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти. В итоге, учитывая негативное отношение в Германии к финскому министру, на что обращали особое внимание военные, Холсти вынужден был покинуть свой пост. Причем именно Маннергейм побуждал премьер-министра страны дать Холсти отставку¹. Как заметил по этому поводу финский историк К. Селён, «противостояние председателя Совета обороны и министра иностранных дел достигло в ноябре 1938 г. апогея... Холсти ушел в отставку»².

Таким образом, роль Маннергейма в решении вопроса о безопасности страны накануне начала Второй мировой войны несомненно усилилась. К его позиции в руководстве Финляндии стали относиться с еще большим вниманием, хотя конкретно к решению проблем советско-финляндских отношений он пока привлекался мало.

Также его собственные внешнеполитические представления в 1937–1938 гг. явно претерпели определенную эволюцию. Как указывает известный финский историк В. Мери, «осень 1938 года тяжело отразилась на нервной системе Маннергейма». Далее исследователь заметил: «Его психика, похоже, подверглась такой сильной моментальной нагрузке, что невольно напрашивается сравнение с блиц-визитом за последний предел. Маннергейма охватила паника»³. Действительно, именно тогда на него обрушились конкретные сведения о тайных советско-финляндских переговорах, которые совпали со стремительным обострением ситуации в Европе и началом Судетского кризиса. Стало понятно, что избежать Второй мировой войны становится очень сложно. Как прямо маршал отметил в октябре 1938 г.: «Мировая война началась — вооружением Германии»⁴.

В итоге Маннергейм вынужден был постепенно признать, что у Финляндии оставалось все меньше выбора. Впоследствии он записал об этом в своих мемуарах: «Я убедился, что Европа и в том числе Финляндия движутся к серьезному конфликту»⁵. К тому же маршал также начал понимать, что Советский Союз превратился в новую сверхдержаву. Но одновременно его явно пугала невиданная ранее агрессивность нацистской Германии. Рейх за год поглотил Австрию, а Чехословакию поставил перед перспективой полного уничтожения.

¹ *Selén K.* С. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 262.

² *Ibidem.*

³ *Мери В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 148–149.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os.II. С. 92.

Маршал жертв нацистов особо не жалел. В частности, к судьбе Чехословакии он относился достаточно пренебрежительно. Маннергейм считал, что «чехи... позволив узурпировать их страну... тем самым создали прецедент, который может подбить Германию и другие великие державы продолжать следовать этой линии»¹.

Маршал также не мог не замечать, что усиление рейха происходило при лояльном отношении к этому Западу. Это тоже ставило перед Маннергеймом новые внешнеполитические вопросы. К тому же маршала явно настораживал тот факт, что «немецкое национал-социалистическое движение исходило из устремлений, которые скоро приобрели внешнеполитическую направленность»².

Но, несмотря на все это, Германия продолжала оставаться основным внешнеполитическим партнером в решении проблемы безопасности Финляндии. Именно рейх по-прежнему рассматривался в качестве главного противовеса СССР. Сам факт подписания Мюнхенского соглашения стал политическим «поражением Советского Союза» и в результате мог только «усилить позицию Финляндии»³.

В результате наступающий 1939 г. преподнес Маннергейму ряд проблем, которые требовали решения, кроме того, Финляндии нужно было с удвоенной энергией обратить внимание на развитие вооруженных сил. На первый план теперь опять выдвинулась необходимость дальнейшего оснащения армии современным оружием, а также увеличения численности войск и повышения их боевой готовности. По подсчетам генерального штаба, для этих целей требовалась уже вдвое большая сумма, чем та, которую Маннергейм смог провести ранее через парламент⁴.

Тем не менее к лету 1939 г. стало ясно, что намечавшееся оснащение армии до конца все же не удавалось⁵. Это вело к противоборству маршала и руководства страны. Об остроте противоречий, возникших на почве принятия мер военного характера, свидетельствовало, в частности, заявление Маннергейма в июне 1939 г. об его решении уйти в отставку с поста председателя Совета обороны⁶. Однако конфликт

¹ *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 151.

² *Mannerheim G.* Muistelmät. Os. II. С. 10.

³ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. S. 179.

⁴ *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 301; *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. S. 227.

⁵ *KA.* Mannerheimin kokoelma. 125. Taloudelliset puolustus valmistelut ennen talvisota.

⁶ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920—1939. S. 233.

в конечном счете был улажен. 16 июня 1939 г. был доработан и принят закон об укреплении обороноспособности Финляндии в случае угрозы начала войны. В соответствии с ним президент К. Каллио получил право «при особых обстоятельствах», вызванных появлением серьезной опасности для государства, ввести без официального объявления в стране военное положение. «Так, — считает С. Ягершельд, — Маннергейм до последнего боролся за укрепление обороны страны, основываясь на реальной оценке политической обстановки в Европе»¹. Это все говорило о том, что позиции Маннергейма в руководстве страны не во всем являлись прочными и он решал проблемы путем предъявления правительству соответствующих ультиматумов. В правительстве не всегда поддерживали взгляды Маннергейма и по вопросам внешней политики, и политики безопасности.

Об этом можно судить, если обратить внимание на продолжавшиеся весной 1939 г. тайные советско-финляндские переговоры. Именно в это время в СССР четко стали понимать, что достичь с Финляндией военно-политического соглашения будет крайне сложно. В результате была выдвинута достаточно локальная задача: склонить Финляндию к передаче в аренду Советскому Союзу четырех небольших островов к Финском заливе к западу от Кронштадта (в их числе и Суурсаари). С этой целью было решено привлечь к переговорам бывшего советского полпреда в Хельсинки Б. Е. Штейна. Именно его пригласил к себе Сталин и дал задание продолжить секретные переговоры².

Важным фоном, на котором разворачивались переговоры, стал захват Германией в нарушение Мюнхенских соглашений 15 марта 1939 г. Чехословакии. Более того, рейх предъявил территориальные требования также к Польше и Литве. Именно в этой обстановке начались советско-финляндские переговоры. Новый финский министр иностранных дел Э. Эркко встретился с Б. Е. Штейном, который изложил новые советские предложения³. Но Эркко не выразил свою позицию. Он ответил, что по этому поводу собирается поговорить с военными⁴. Действительно, Э. Эркко проинформировал Маннер-

¹ Ibid. S. 235.

² Шейнис З. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // Новая и Новейшая история. 1991. № 1. С. 113; УМ. 5С 18. Raportti Moskovasta УМ:lle, 7.7.1939.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 190. Л. 45. Советско-финляндские переговоры в марте — апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7—8. 6.1942.

⁴ Там же. П. 17. Д. 183. Л. 61—64; Год кризиса. М., 1990. Т. 1. С. 267, 269—270.

гейма о советских предложениях, поскольку в отличие от Холсти, как свидетельствовали финские историки, у маршала с ним «проблем не было»¹. Маннергейм, таким образом, узнал о деталях секретных переговоров и мог, следовательно, повлиять на дальнейшее принятие решений, поскольку считал Эркко весьма «энергичным и достаточно стойким» дипломатом, с которым можно договориться².

Однако на самом деле «стойкость» Э. Эркко стала вскоре превращаться в «упрямство», которое маршал не мог не заметить, как и преодолеть его. В своих воспоминаниях Маннергейм действительно подтвердил имевшийся разговор по поводу советских предложений с Эркко. Маршал также переговорил об этом с премьер-министром Каяндером и президентом Каллио. В ходе этих встреч он занял особую позицию, которая не во всем соответствовала взглядам финляндского руководства. Как маршал отметил в мемуарах, он указал, что «от островов, если они будут оставаться нейтрализованы, нашей стране нет никакой выгоды, у нас не окажется возможности их защищать». Далее же Маннергейм пояснил мотивацию советского предложения, заявив, что «русским нужны наши острова, поскольку они закрывают проход к их ключевой базе на заливе»³. В результате объективно он в переговорах неофициально поддержал Штейна. Маннергейм предложил финскому руководству уступить запрашиваемые острова, «поскольку нам выгодно попытаться разрядить обстановку»⁴.

Действительно, маршал тогда был очень озабочен оккупацией Чехословакии, и у него после этого вновь обострились «опасения, что разразится большая война», и тогда «нас сможет спасти только чудо»⁵. В этот период Маннергейм уже начал отчетливо понимать, что теперь «в случае конфликта между великими державами следует реально снизить опасность, которая угрожает Финляндии» и поэтому использовать любую «возможность для улучшения отношений с восточным соседом»⁶. В данном плане Маннергейм, несомненно, видел, насколько в советско-финляндских отношениях «положение Ленинграда является деликатным вопросом». Близость границы к городу не-

¹ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 262; См. также: Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 340.*

² Цит. по: *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 340.*

³ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 96.*

⁴ *Ibid. S. 96–97.*

⁵ Цит. по: *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 341, 342.*

⁶ *Ibid. S. 345.*

минуемо должна была серьезно осложнить отношения. Причем уже тогда «Финляндия, — по его мнению, — должна быть к этому готова». В результате, как заметил Маннергейм, «Советский Союз, если представится такая возможность, попытается расширить свое влияние на Балтийском море»¹. Однако, по объективному мнению финского историка С. Ягершельда, данная позиция лишь «вызвала удивление и замешательство» среди финского руководства². Она так и не повлияла на принимаемые решения. Опасения маршала никак не передались, а Эркко к ним «остался глухим»³. Позицию Маннергейма решили просто не учитывать, и, как он отметил, она «не получила никакого понимания» у тех, с кем маршал тогда говорил⁴.

В результате 24 марта Э. Эркко, наконец, сообщил Б. Штейну о своем отношении к советским предложениям. Он сказал, что Финляндии может дать Советскому Союзу только лишь письменную гарантию защищать свою территорию и «не заключать никаких соглашений, которые могли бы нарушить нейтралитет Финляндии». Эркко также проинформировал о возможности передать в аренду Советскому Союзу только два вместо четырех островов⁵. Однако этот ответ уже не устроил советское руководство. В Москве твердо добивались того, чтобы обеспечить реальную морскую оборону подступов к Кронштадту. В складывающейся ситуации в Европе рассчитывать только на письменные «гарантии» Москва, вероятно, уже не могла. Но на большее финский министр иностранных дел идти не собирался. Об этом Штейн доложил Литвинову 24 марта⁶. Он написал: «Последние разговоры с Эркко... убедили меня, что дальнейшее продолжение переговоров бесполезно...»⁷ В результате в СССР посчитали, что «Штейну оставаться более в Финляндии не следует»⁸. 6 апреля 1939 г. он выехал в Москву.

¹ Цит. по: *Jagerskiold S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 346.*

² *Ibid.* S. 345.

³ *Ibid.* S. 346.

⁴ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 97.*

⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 85–86; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // *Международная жизнь.* 1989. № 8. С. 61; УМ. 12 L / 25 (osa 2). *Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939.*

⁶ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 93. Письмо Б. Штейна, 24.3.1939.

⁷ Там же. Л. 18. Д. 190. Л. 53. Советско-финляндские переговоры в марте — апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8.6.1942.

⁸ Российский государственный военный архив (*далее:* РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Л. 1036. Л. 103. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 4.4.1939.

В целом переговоры были сорваны. Причем в их негативном результате Б. Е. Штейн винил исключительно Э. Эркко¹, который, как отметил по этому поводу известный финский историк К. Корхонен, тогда «был как неприступная скала»². Однако показательно: советский дипломат считал, что эту позицию разделяет и Маннергейм³. Но это было очевидным заблуждением. Штейн в действительности «получил поддержку с той стороны, с которой он, конечно, ожидать не мог»⁴. Более того, Маннергейм, судя по его воспоминаниям, пришел к выводу, что Финляндии было бы лучше не просто согласиться с советскими предложениями, а «двинуться дальше». Он был уверен, что «Штейн не должен уехать с пустыми руками»⁵. Поэтому он советовал финскому руководству предложить СССР уже со своей стороны изменить границу на Карельском перешейке. Маннергейм подчеркнул, что сейчас «Финляндии было бы выгодно предложить переместить несколько к западу близко проходящую у Петербурга линию границы»⁶. Однако эти очень радикальные инициативы не были тогда приняты. «Государственное руководство Финляндии, — мрачно заключил по этому поводу Маннергейм, — оставило не использованным исключительно подходящий момент»⁷.

Но в кругах советской дипломатии о мыслях маршала никто тогда, естественно, даже не догадывался. В отношении Маннергейма придерживались совершенно иной точки зрения. В СССР считали, что именно он оказался одним из главных противников решения «проблемы островов». Более того, у представителей СССР закралось подозрение, что здесь «у финнов имеются какие-то свои планы». Это подогревалось утверждением Эркко, который ссылался на позицию руководства вооруженных сил и говорил, что Финляндия не пойдет на передачу Советскому Союзу островов, поскольку они «имеют военное значение для Финляндии»⁸. Все это, естественно, формировало в СССР негативный образ финского маршала. В результате новый по-

¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 190. Л. 50. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8.6.1942.

² *Korhonen K. Turvallisuu den pettäessä. S. 190.*

³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 93. Письмо Б. Штейна, 24.3.1939.

⁴ *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 345.*

⁵ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 98.*

⁶ *Ibid. S. 97.*

⁷ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 98.*

⁸ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 64, 86. Письмо Б. Штейна, 24.3.1939.

сланник в Финляндии В. К. Деревянский настаивал в Наркомате иностранных дел, чтобы ему разрешили не присутствовать на тех официальных приемах, которые устраивал Маннергейм¹. Это, очевидно, должно было выглядеть как соответствующий демарш советских дипломатов, адресованный конкретно финскому маршалу.

На самом же деле в отказе от определения конкретных мер, направленных на противодействие возможной агрессии Германии в бассейне Финского залива, весьма существенную роль играла, прежде всего, политическая линия, которую проводил Э. Эркко. Его эмоции имели явно антирусскую направленность, которая четко стала проявляться в проведении им политики в отношении Советского Союза. У него к тому же присутствовало специфически финское представление о России. Оно выражалось в непреодолимой ненависти ко всему русскому. Как по этому поводу отметила финская исследовательница В.-Т. Васара, данное явление характеризовалось, прежде всего, как «упрямство и бесстрашие». Также в нем «были, безусловно, элементы расизма, реакционности, уверенности в превосходстве финнов над русскими...»².

В целом события для советского руководства стали развиваться по самому нежелательному для него сценарию. С Финляндией договориться так и не удалось. При этом в складывающихся весьма непростых условиях обостряющейся международной ситуации финско-германские отношения отнюдь не оставались замороженными. По мнению профессора М. Менгера, «военные контакты между Берлином и Хельсинки функционировали безупречно и с неослабной интенсивностью»³. В частности, как всегда прошли весной в 1939 г. традиционные совместные шумные мероприятия, посвященные памяти о совместных боевых действиях финских и немецких войск в 1918 г. Причем они были организованы как в Финляндии, так и в Германии⁴. Маннергейм также продолжал считать военные контакты с рейхом «очень хорошими»⁵.

¹ Там же; Год кризиса. Т. I. С. 269; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов). С. 61; АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 1. Л. 16. Письмо полпреда в Финляндии В. Деревянского, 17.5.1939.

² *Vasara V.-T.* Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2010. № 4. С. 246.

³ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 46.

⁴ *Ibid.* S. 47.

⁵ *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 343.

В подтверждение данных слов можно отметить визит 16–17 июня в Финляндию руководителя немецкой военной разведки адмирала В. Канариса. Разумеется, этот визит прошел в обстановке секретности. Лишь впоследствии стало известно, что главным его итогом стало соглашение о создании германским абвером на финской территории своего разведывательного центра¹. Но при этом В. Канарис явно не скрывал от своих собеседников, что «войны не избежать», указывая на Британию и подчеркивая, что «для Германии лучше бы было, чтобы решение произошло в ближайшем будущем», называя даже время начала войны — август 1939 г.².

Поскольку срок начала Второй мировой войны в действительности лишь немного отличался от тех сведений, которые В. Канарис передал финнам, то можно предположить, что этим хорошо осведомленный германский генерал пытался не столько проинформировать руководство Финляндии о готовящейся войне, сколько предостеречь от «необдуманных шагов» по сближению с англо-французской коалицией³.

Встречи и переговоры, проведенные Канарисом, продолжила поездка в Финляндию с 29 июня по 3 июля 1939 г. начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера, который в сопровождении генерала Х. Эквиста был доставлен в Выборг. Здесь он уже напрямик отправился к советской границе и присутствовал там на показательных артиллерийских стрельбах⁴. После этого немецкий генерал переехал в Северную Финляндию⁵, где ему также показали военные объекты вблизи границы с СССР. От Гальдера особо ничего не скрывали, а финская печать весьма подробно описывала все нюансы данного визита⁶. Единственное, что тогда бросалось в глаза, — Маннергейм не афишировал свои хорошие связи с немецкими военными и даже уклонился от официальных встреч с германским генералом, демонстративно покинув в это время

¹ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 201.

² UM. 7 E. Raportti Yleisesikunnan päälliköille ulkomaasaston päälliköltä L. Melanderilta, 21.6.1939.

³ Ibidem.

⁴ Sota-arkisto (далее: SA). 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.

⁵ Sota-arkisto (далее: SA). 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.

⁶ См.: Maakansa, 1.7.1939; Ilkka, 2.7.1939.

Финляндию¹. Эта позиция проявила новую тенденцию в отношении Маннергейма к публичным мероприятиям, посвященным финско-немецкому военному сотрудничеству. Так же он поступил, когда ранее отверг идею совершить очередную поездку в рейх. Она могла быть приурочена к празднованию 50-летнего юбилей А. Гитлера², но так и не произошла.

Отсутствие Маннергейма в момент посещения Гальдером Финляндии никоим образом не заслоняло сам факт этого визита. В Советском Союзе он не остался незамеченным. О нем в Москву по дипломатической линии шла достаточно обильная информация³. Наэлектризованность в советских руководящих кругах сведениями об усилении внимания к Финляндии со стороны вермахта привела к тому, что новый нарком иностранных дел В. М. Молотов даже пригласил к себе 4 июля финляндского посланника и в жесткой форме заявил: «Финское правительство предоставило немецким офицерам явную свободу действий в Финляндии. Они беспрерывно посещают ее... и, разъезжая по стране, достигают даже границы с Россией»⁴. Далее Молотов подчеркнул, что «Россия не намерена сидеть сложа руки, ожидая подхода немцев к стенам Петербурга со стороны Финляндии»⁵. Иными словами, в Москве ясно обозначили сохраняющуюся в советско-финляндских отношениях проблему безопасности Ленинграда.

В целом изменившаяся военно-политическая обстановка на северо-западе заставила Наркомат обороны внести коррективы в оперативные планы. Если до лета 1939 г. в течение определенного времени Финляндию рассматривали как страну, которая в перспективе будет придерживаться нейтралитета, то теперь в указаниях уточняющего характера говорилось, что «против СССР на северном и западном направлениях выступят объединенные силы Германии, Финляндии и Польши»⁶.

Для Москвы, конечно, важным сигналом стали прошедшие в Финляндии в начале августа на границе с СССР масштабные воен-

¹ *Séln K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 234; Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 355.*

² *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 59.*

³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 61. Донесение полпреда в Финляндии В. Дервянского. 1939.

⁴ УМ. 5 С 1; 5 С 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 8.8.1939.

⁵ *Ibidem.*

⁶ РГАВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 16. Указание НШ НКВМФ.

ные учения. Руководство финских вооруженных сил после согласования с президентом и правительством организовало военные маневры, в которых приняло участие до 20 тысяч человек. Эти маневры — самые масштабные в истории Финляндии — в целом стали хорошим смотром многолетней работы Совета обороны. Премьер-министр называл их даже «национальной проверкой сил»¹.

Причем по содержанию и целевой направленности учений было понятно, что под потенциальным противником имелся в виду исключительно Советский Союз, а местом их проведения был избран Карельский перешеек. Важным выводом, который был сделан по итогам маневров, являлась необходимость дальнейшего оснащения финской армии более современной боевой техникой и вооружением. Что касается Маннергейма, то он четко заявил «о надвигающейся опасности», которая возникнет для Финляндии в случае начала войны².

Действительно, в период проведения этих учений стал ясен уровень реального оснащения вооружением финских войск. Для командования армии четко раскрылась картина того, где требовалось срочное вмешательство со стороны государства. Как отметил в воспоминаниях К. Г. Маннергейм, «Чувству удовлетворения, вызванному выполнением задач войсками во время самих учений... мешало осознание того, сколь были малы результаты в области вооружения»³. В частности, оказалось, что личного оружия в подразделениях было достаточно, но не хватало снарядов для артиллерии и боеприпасов для минометов, которых после соответствующих подсчетов хватило бы лишь на первые 20 дней активных боевых действий⁴. Военный министр, в свою очередь, вынужден был мрачно констатировать, что армия «плохо оснащена, и существует явный дефицит в важных компонентах вооружения»⁵. В результате с осени 1939 г. начался процесс срочной ликвидации обнаруженного дефицита, что выразилось в стремительном увеличении военных расходов⁶.

¹ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 55.

² *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 357.

³ *Mannerheim G.* Muistelmät. Osa II. S. 108.

⁴ KA. Mannerheimin G. Kokoelma. 125. Taloudelliset puolustusvalmistelut ennen talvisotaa.

⁵ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo, 1951. S. 36.

⁶ *Ibid.* S. 214.

В свете этого можно очень хорошо почувствовать, как болезненно в Хельсинки начали воспринимать поступающую тогда информацию о возможном сближении СССР и Германии. Действительно, 23 августа 1939 г. мир потрясло сообщение о подписании в Кремле советско-германского договора о ненападении. Его в Финляндии восприняли подобно «разорвавшейся бомбе»¹. При этом ясную позицию занял Маннергейм. Маршал, без всякого сомнения, увидел в советско-германском договоре «серьезную опасность»... для Финляндии². Однако в воспоминаниях он все же заметил, что «надежды нашего народа на значимость дружбы между Финляндией и Германией были несмотря ни на что очень прочными»³.

Оценивая такую реакцию, можно со всей уверенностью утверждать, что в СССР вполне обоснованно могли опасаться возможности использования Финляндии Германией в военных планах. Если учесть данную позицию, то становится понятным подписание секретного дополнительного протокола к пакту. Согласно ему произошел раздел сфер влияния двух государств. Германия в подписанном приложении указывала, что уступает в Финляндии СССР. Это несомненно означало полный крах всей той конструкции военной безопасности, которую до этого выстраивали в Финляндии. Именно об этой угрозе как раз догадывался и очень ее опасался Маннергейм.

Маннергейм перед началом «зимней войны»

Агрессия Германии 1 сентября 1939 г. против Польши положила начало Второй мировой войне в Европе. «Финляндия никак не могла, — как отметил в воспоминаниях Маннергейм, — сидеть сложа руки в разыгравшейся войне великих держав»⁴. В тот же день финны приступили к приведению вооруженных сил в повышенную боевую готовность. Более того, Маннергейм поставил вопрос о предоставлении ему таких полномочий, которые в мирное время осуществляют министром обороны и в целом правительством. Он также стал настаивать на необходимости срочного проведения вторых крупнейших военных учений за 1939 г.

¹ *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? S. 320.

² *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 357.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 110.

⁴ *Ibid.* S. 114.

Государственный совет рассмотрел эти предложения, но согласился пока лишь с тем, чтобы начать призыв в армию резервистов и с их участием в предстоящих учениях. Что же касается увеличения полномочий, то финскому маршалу в этом отказали. Считалось, что эта мера не предусмотрена в мирное время¹. Более того, 2 сентября Финляндия официально заявила о своем нейтралитете «в связи с возникшим кризисом»². Но с 9 сентября начался широкий призыв резервистов³. Причем Маннергейм сразу же сосредоточил основную часть войск на Карельском перешейке. Учения решили начать с 25 октября⁴. В результате к концу сентября наблюдалась стремительная концентрация финских войск на границе с СССР⁵.

Принимавшиеся в Финляндии меры, как нетрудно заметить, сохраняли одностороннюю направленность. Вероятным противником рассматривался сугубо СССР. Более того, быстрое продвижение германской армии по территории Польши не вызывало в финских правительственных кругах столь пристального внимания и озабоченности, как выступление затем Красной армии в район Западной Украины и Белоруссии.

«Судя по материалам финской печати, может сложиться такое представление, будто бы находишься в немецком государстве», — писал 16 сентября в Лондон английский посланник в Хельсинки⁶. Немецкий же посланник В. фон Блюхер вообще доносил, что «страх перед Россией каждого финна, с началом операций Красной армии в Польше, проник глубоко в их сознание». Далее он подчеркнул: «Нервозность чувствовалась даже у военного командования, показателем того является сам маршал Маннергейм»⁷. Можно утверждать, что отъезд 28 сентября в Германию для встречи с адмиралом В. Канарисом начальника внешнеполитического отдела генерального штаба полковника Л. Меландера был достаточно показательным. Он, несомненно, попытаться выяснить новую суть германо-советских отно-

¹ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 322.*

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 13; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VII. London, 1956. P. 515.

³ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 322–323.*

⁴ *Ibid. S. 323.*

⁵ *Myllyniemi S. Suomi sodassa 1939–1945. Hels., 1982. S. 59; Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 140.*

⁶ Цит. по: *Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 47.*

⁷ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 152.

шений¹. Но в целом в Хельсинки не было сколько-нибудь весомых оснований считать, что отношения между Германией и Финляндией серьезно изменились. Финляндское правительство вполне удовлетворилось информацией, полученной из МИД Германии. В ней утверждалось, что Берлин не свяжет себя никаким договором с Советским Союзом, который «противоречил бы» отношениям рейха с Финляндией². Таким образом, успокаивая финское руководство, в Берлине откровенно обманывали его.

Тем не менее проблема военной безопасности Ленинграда с началом Второй мировой войны никоим образом не исчезла. Наоборот, в штабе Ленинградского военного округа в это время уточнялись оперативные планы на случай возникновения непосредственной угрозы агрессии. Особое внимание обращалось на укрепление обороны морских рубежей. 4 сентября в оперативных установках совета Ленинградского военного округа командованию Балтийским флотом на это конкретно указывалось. Перед КБФ ставилась в первую очередь задача «не допустить прохода линейных сил флота Германии в восточную часть Финского залива»³. Из этого документа нетрудно понять, что, несмотря на заключенный договор о ненападении, для советского командования рейх продолжал оставаться единственным вероятным противником. Естественно, что в новых условиях переговорный процесс с Финляндией не мог быть прерван. Спустя чуть больше месяца после начала войны, 5 октября, финский посланник А. Ирье-Коскинен имел беседу с Молотовым, который заявил, что поскольку «в Европе идет большая война», то «Правительство СССР считает целесообразным обменяться мнениями...»⁴.

Естественно, финское руководство, получив приглашение посетить Москву, сразу же начало действовать так, как и раньше, то есть сделать все возможное, чтобы затянуть переговоры. Эта тактика к тому же имела поддержку у военных. В военных кругах сразу же квалифицировали перспективу начала переговоров как возникновение реальной военной угрозы. В данной ситуации, по мнению Маннергейма, в условиях разворачивающихся в тот момент военных учений,

¹ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 326–327.*

² От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 114.

³ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 32. Указание ВС ЛВО, 4.9.1939.

⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 1. Д. 3. Л. 89–90; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов). С. 61–62.

концентрацию войск на Карельском перешейке нужно усилить¹. Он связывал это исключительно с перспективой начала нового раунда советско-финляндских переговоров. Более того, маршал считал, что в складывавшихся условиях Советский Союз просто «может не дать» его армии «необходимых двух недель, которые потребуются для проведения мобилизации и сосредоточения...»². Таким образом, приглашение к переговорам маршал квалифицировал как сигнал к необходимости срочно готовиться к предстоящей войне.

Ситуация действительно стала стремительно обостряться. Уже 7 октября В. М. Молотов «в угрожающем тоне» сообщил финскому посланнику А. Ирье-Коскинену, что ему до сих пор «не поступил ответ» на его обращение. Он подчеркнул, что сейчас уже «не обычное время и нужно спешить с вопросами улучшения отношений между странами»³. Столь решительное заявление было очевидно вызвано еще и тем, что в Москву тогда сообщили, что финскую делегацию возглавит не министр иностранных дел, как хотело советское руководство, а посланник Ю. К. Паасикиви, который, по словам Ирье-Коскинена, сейчас «изучает предварительно документы». Молотов раздраженно тогда заметил: «Долго ли он будет их изучать? Он может опоздать»⁴.

В целом достаточно неясная реакция Финляндии на советское предложение стала подталкивать Москву к мысли, что в Хельсинки решения принимаются в соответствии с рекомендациями, дающимися из-за рубежа. Л. П. Берия именно так докладывал И. В. Сталину, указывая на выступление 10 октября на заседании комиссии парламента по иностранным делам Э. Эркко, где тот абсолютно категорично заявил: «Мы ни на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»⁵. В действительности, однако, внешнеполитическая

¹ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 323; Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 104.*

² Цит. по: *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 323.*

³ УМ. 109 А 2. Телефонограмма из Москвы в МИД, 7.10.1939 (2106); АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 3. Л. 93. Дневник В. Молотова; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 167.

⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 3. Л. 93. Дневник В. Молотова.

⁵ Цит. по: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 78. Информация Л. П. Берия, 12.10.1939; Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009. С. 163. См: *Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009. S. 238–239.*

позиция Финляндии на Западе была тогда достаточно сложной. Явных гарантий помощи ей никто не предлагал.

Тем не менее 12 октября 1939 г. переговоры все же начались. С этого момента в советско-финляндских отношениях наступила весьма ответственная стадия, во время которой стороны должны устранить существующие противоречия, либо острый кризис неминуем. В итоге решение проблемы зависело уже не от тонкостей дипломатии, а от принципиальных позиций правительств обеих стран.

Делегацией СССР, которую возглавил Сталин, было заявлено то, что было и так понятно финской делегации¹: «...Главную заботу Советского Союза в переговорах... составляют два момента: а) обеспечение безопасности г. Ленинграда, б) уверенность в том, что Финляндия будет стоять прочно на базе дружественных отношений с Советским Союзом»². Таким образом, наряду с безопасностью Ленинграда советский лидер опять вернулся к идее военно-политического договора.

Однако, когда предложение о заключении «договора об оборонительном союзе» финской стороной было сразу же отвергнуто, советская сторона сузила формат переговоров до обсуждений лишь территориальных вопросов³. Сталин внес после этого предложение, чтобы, с территориальной компенсацией в Советской Карелии, граница на Карельском перешейке была отодвинута от Ленинграда на 50–70 км. В результате Финляндия могла потерять 2761 км², но приобретала бы при этом 5529 км². Кроме того, был поставлен вопрос о передаче Советскому Союзу шести небольших островов в Финском заливе, а также западной части полуострова Рыбачий и Средний в Заполярье⁴. Далее был еще поставлен вопрос о передаче СССР в аренду части полуострова Ханко, где предполагалось создание военно-морской базы⁵. Таким образом, предлагалось достаточно масштабное изменение советско-финляндской границы. Однако первые обсуждения советских предложений не дали результата. Финская сторона просто сообщила,

¹ См.: *Käkönen U. A. Sotilasasiamehenä Moskovassa 1939*. Helsinki, 1966. S. 118.

² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 191. Л. 3; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов). С. 62.

³ Цит. по: *Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз*. М., 1975. С. 170.

⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 191. Л. 4; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов). С. 63–64.

⁵ Там же. Л. 3; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов). С. 62.

что делегации в этих условиях «необходимо выехать в Хельсинки для переговоров с правительством»¹.

В результате финское руководство, получив советские предложения, стала их обстоятельно рассматривать. Однако начавшиеся тогда дебаты проявили весьма негативную реакцию финляндского руководства. Решающую роль в этом процессе сыграли премьер-министр А. Каяндер, министр иностранных дел Э. Эркко, а также министр обороны Ю. Ниукканен. Они настаивали на том, чтобы отвергнуть все предложения, поскольку «время работает на нас»². Министр иностранных дел вообще утверждал, что «Советский Союз блефует» и по отношению к нему следует проводить только «твердую линию»³. Он подчеркивал, что «право на нашей стороне», а «Советский Союз может отступить... если мы проявим настойчивость»⁴. К тому же в это время Эркко сохранял твердую уверенность в том, что Запад окажет Финляндии должную поддержку⁵. В целом, как считали иностранные наблюдатели, благодаря стараниям финляндского руководства в стране стал проявляться «осторожный оптимизм»⁶.

Иную позицию занял тогда К. Г. Маннергейм. Он хорошо понимал, что если все же война начнется, то «Финляндии придется сражаться в одиночку», поскольку никакой реальной помощи с Запада не предполагалось⁷. В подготовленных при его участии в генштабе письменных рекомендациях содержалась мысль о том, что не следует идти на конфронтацию с СССР. Лучше вносить на переговорах контрпредложения и проявлять стремление к достижению соглашения⁸.

В данном случае Маннергейм предлагал даже пойти на некоторые уступки, которые, однако, имели весьма незначительный характер. Конкретно маршал считал возможным согласиться с тем, чтобы несколько отодвинуть границу от Ленинграда. Максимальным в этом отношении могла стать территория на побережье Финского зали-

¹ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Osa I. Porvoo, 1958. S. 47.*

² Цит. по: *Ibid.* S. 62.

³ *Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 163–164.*

⁴ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Osa I. S. 58.*

⁵ УМ. 12 К. Muistio pohjoismaiden ulkoministerien neuvotteluista Tukholmassa 18–19.10.1939; *Manninen O. Suomi toisessa maailmansodassa. // Suomen historia. Os. 7. Espoo, 1989. S. 280.*

⁶ УМ. 5 С 1. Lontoon-lähetystön raportti. 20.10.1939.

⁷ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 330.*

⁸ *Ibidem.*

ва — до уже разрушенного к этому времени старого русского форта Ино (Приветнинское). Что касается полуострова Ханко, Маннергейм предложил вместо него уступить в аренду СССР какой-либо близкий к нему маленький островок¹.

В итоге для делегации была выработана скорректированная, но не очень компромисная по существу линия. Частично допускалось, что на Карельском перешейке можно пойти на незначительные, даже меньшие, чем предлагал Маннергейм, изменения границы, а также за территориальную компенсацию — уступить СССР четыре острова в Финском заливе. Идею создания советской базы на полуострове Ханко полностью отвергли. В ней видели только одну цель — создание плацдарма для «нападения на Финляндию»². В результате, по оценке финского историка К. Селёна, «правительство решило пойти навстречу Москве, но сделало при этом очень незначительный шаг вперед, такой небольшой, что казалось, даже трудно заметить, был ли это действительно шаг или всего лишь иллюзия»³.

Одновременно с выработкой ответа на советские предложения в финском обществе началось активное формирование представлений об абсолютной неприемлемости советских предложений. Этому энергично способствовал министр иностранных дел, который через печать и в особенности через принадлежавшую ему ведущую газету Финляндии «Хельсингин Саномат» развернул активную пропаганду, направленную не в пользу выработки компромиссных соглашений⁴. Эффективность этой работы достаточно хорошо отразил в воспоминаниях Маннергейм. Он отметил: «Финский народ придерживался все-таки позиции противодействия. В смысле национального духа во всех слоях общества происходило объединение на патриотической основе, которое никогда прежде не наблюдалось». Однако при этом маршал добавил, что «никто не ожидал войны и никто не стремился к войне»⁵.

Тем не менее в Москве накапливалось все больше сведений о проводившихся в Финляндии срочных мерах, характерных обычно для кануна войны. Трудно было не заметить мобилизацию резервистов

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 123.

² UM. C a 8. Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat UM:n esittelystä, № 43/564.

³ *Ibid.* S. 333.

⁴ *Helsingin Sanomat.* 1939. 18, 19, 25.10; *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? S. 337.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa. II. S. 128.

и развернутые на границе с СССР военные учения. При этом, конечно, советскому руководству не были известны все факты начавшихся военных приготовлений. Оставались невыясненными конкретные данные о концентрации финских войск на Карельском перешейке. Не было ясности и в вопросе реорганизации высших органов управления вооруженными силами. Между тем уже 17 октября маршал К. Г. Маннергейм, как он и хотел, был назначен главнокомандующим. Уже на следующий день была создана его ставка¹. Более того, парламентариям было решено персонально показать степень готовности Финляндии к ведению боевых действий. Для них 21–22 октября была организована поездка вдоль границы на Карельском перешейке. В итоге депутат парламента К. О. Фрич пришел к совершенно определенному выводу: «Финляндия к войне готова».² А другой парламентарий, Э. Линкомиес, разделяя мнение Маннергейма, отметил, что «настроение в войсках исключительно боевое...»³.

В такой накаленной атмосфере финская делегация выехала в Москву. Теперь в ее состав был включен еще и В. Таннер. «Нам нужно оставаться жесткими», — этими словами напутствовал его Э. Эркко⁴. В целом возобновление переговоров не сулило большого прогресса. Ни по одному из пунктов советских предложений Финляндия не дала положительного ответа. Поскольку «новых взглядов не выявилось», а у руководства СССР кардинально позиция не изменилась, то было решено эту фазу встреч, которая проходила всего два дня, с 23 по 24 октября, тоже завершить. Таким образом, частичные рекомендации Маннергейма, которые были приняты за основу, оказались недостаточными для достижения компромиссных договоренностей.

Более того, весьма короткий второй раунд переговоров закончился еще и резким поворотом в дальнейшем их проведении. Советское руководство стало четко исходить из того, что Финляндия просто тянет время. С этого момента курс был взят на более решительные действия. Однако, с другой стороны, в Хельсинки продолжали считать свою позицию во время переговоров единственно правильной. Там были уверены, что именно этим путем удастся отклонить советские предложения.

¹ *Peltola J., Vehviläinen O.* Yksi sota — monta näkemystä. Tampere, 1990. S. 132; *Arimo R.* Suomen linnoitamisen historia 1918–1944. Keuruu, 1984. S. 771; *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 344–345.

² *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 111.

³ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Hels., 1970. S. 42.

⁴ *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. S. 248.

В ходе бурных обсуждений в финском руководстве мнение Маннергейма, естественно, тоже было заслушано. Маршал продолжил настаивать на еще более серьезных уступках. Он особо подчеркивал, что «нельзя не считаться с авторитетом Советского Союза как сверхдержавы»¹.

В отличие от большинства членов финляндского руководства Маннергейм очень хорошо понимал, что Советский Союз «не может просто отступить» от своих предложений. Что ему нужно хотя бы «дать возможность сохранить лицо»². Но самое главное, по мнению маршала, заключалось в том, что правительство Финляндии не располагало такой армией, которая бы «обеспечила избранную им внешнюю политику». Единственное, что он считал возможным и нужным в данных условиях, это «достичь компромисса»³. Однако иной точки зрения придерживались даже в военных кругах. В частности, министр обороны Ю. Ниукканен на заседании правительства 28 октября заявил, что «война выгоднее, чем требования России»⁴. После такого утверждения Маннергейм демонстративно покинул заседание⁵.

Все это указывало на то, что позиции Маннергейма в руководстве страны не являлись столь крепкими, чтобы оказывать решающее воздействие на принятие важнейших государственных решений⁶. Постепенно верх брала позиция, которую занимал Эркко. Более того, к обсуждению создавшегося положения к его мнению присоединились руководители парламентских фракций, которые также склонялись к поддержке твердой позиции. Как заметил в своих мемуарах вице-председатель парламента Э. Линкомиес, правительство при желании могло бы повлиять на парламент и на общественное мнение с тем, чтобы добиться определенного одобрения советских предложений, но этого не происходило⁷. Весьма характерным в этом отношении было напутствие, которое тогда давал Э. Эркко главе делегации Ю. К. Паасикиви. «Забудь, — говорил тогда он, — что Россия великая держава. К тому же наши оборонительные возможности неплохие»⁸.

¹ *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 333.

⁴ *Ibid.* S. 72.

⁵ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 333; *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41.* Osa I. S. 71.

⁶ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 92.

⁷ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 46–47.

⁸ Цит. по: *Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985. S. 187.

Эти представления, однако, не соответствовали действительности. Обстановка менялась. Советское руководство обратило пристальное внимание на приготовления чисто военного характера. Прежде всего это выражалось в усилении советской группировки войск у границы с Финляндией. К концу октября в пути к границе с Финляндией находилось до шести дивизий¹. Кроме того, завершалась разработка оперативного плана боевых действий против Финляндии. В конечном счете 29 октября он был представлен наркому обороны К. Е. Ворошилову². План предусматривал масштабное наступление с быстрым разгромом финской армии. Утвержденный план, однако, явно не был до конца проработан. К тому же для подготовки предполагаемой операции отводилось очень мало времени.

Финское командование в это время продолжало свои военные приготовления, но оно, в отличие от советской стороны, исходило из уже продуманного и заблаговременно разработанного оперативного плана. Как по этому поводу заметил финский историк С. Ягершельд, «между 1931 и 1939 годами в Финляндии осуществлялась значительная работа по усилению обороны страны, — и далее прибавил: — В эти дни трудно даже представить, какой огромный вклад внес в этот процесс Маннергейм»³. Действительно, с точки зрения военных приготовлений маршал на фоне продолжающихся переговоров продолжал делать очень много. В результате уже с октября происходила планомерная концентрация вооруженных сил у границы с СССР, а осенние маневры войск с участием резервистов заметно подняли боевой дух. Тогда в войсках царило «самое боевое настроение»⁴. Сохранялись также оптимистические представления о том, что Финляндии будет оказана поддержка извне⁵. Данные надежды сохранялись, в частности, в министерстве иностранных дел.

И вот именно в такой обстановке вечером 3 ноября начался третий, заключительный, этап московских переговоров. Добиться компромиссных договоренностей опять не удалось. Более того, через

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 303. Л. 92. Оперативная сводка штаба ЛВО, 1.11.1939.

² Там же. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 1–14; РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 543. Л. 11. План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии.

³ *Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. S. 186.*

⁴ *Talvela P. Muistelmat. Osa I. Hels., 1976. S. 154.*

⁵ *Suomi sodassa. Keuruu, 1983. S. 20–21; Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 135; Mannerheim G. Muistelmat. Os. II. S. 151–154; Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 84, 95–98.*

несколько дней после возобновления переговоров из Хельсинки делегация получила указание, которое означало окончательный отказ от принятия советских предложений¹. Эркко просто распорядился: «Если на предлагаемой основе не удастся договориться, переговоры прерывайте»².

В результате 9 ноября Паасикиви сообщил, что «правительство Финляндии не считает возможным согласиться» с советскими предложениями³. Глаза у членов советской делегации, вспоминал В. Таннер, «стали большими», поскольку, очевидно, ожидалось, что финны «проявят доброе согласие с их предложениями»⁴. Однако, усугубляя ситуацию, 12 ноября Эркко на пресс-конференции в Хельсинки заявил, что финская делегация вообще не получит дальнейших полномочий и она должна возвратиться в Финляндию, поскольку у ее членов «есть другие важные дела»⁵. Так переговоры были окончательно сорваны.

Тем не менее в этой ситуации важно выяснить позицию маршала К. Г. Маннергейм. Его взгляды не вполне соответствовали представлениям, которые существовали тогда в финляндском руководстве. Срыв переговоров, как указывает финский историк К. Селён, «вызывал у Маннергейма весьма сильное разочарование»⁶. В отличие от большинства руководителей страны⁷ он, проживший 30 лет в императорской России, хорошо представлял менталитет великой державы. Маннергейм, как это можно заметить, четко понимал, что Москва от Финляндии «не отступится». По мнению достаточно хорошо осведомленного о взглядах маршала близкого к нему генерала Э. Хейнрикса⁸, «для Маннергейма было ясно, что Советский Союз именно из-за Германии смотрит на Финляндию с подозрением»⁹. Однако, конечно, Маннергейм не до конца мог разбираться в специфике вне-

¹ УМ. 109 А 4. Шифрограмма из МИД'а в Москву, 7.11.1939 (1930).

² Ibid. Телефонограмма из МИДа в Москву, 8.11.1939 (2017).

³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 193. Л. 16; Зимняя война. С. 67.

⁴ *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* Hels., 1950. S. 125.

⁵ *Helsingin Sanomat.* 1939.13.11.

⁶ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 335.

⁷ См., например: *Барышников В. Н.* К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эркко»? // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2011. № 7. С. 61–72; *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa.* Osa II. S. 92.

⁸ *Lehmus K. Tuntematon Mannerheim.* Hels., 1967. S. 227.

⁹ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa.* Osa II. S. 56.

шной политики СССР, в отличие от Российской империи. Да он этого особо не скрывал. Он прямо сказал тогда направляемому в Москву помощнику военного атташе капитану У. А. Кякёнену, что «в царский период времени был знаком с менталитетом русских, но не понимает коммунистов». Поэтому советовал ему изучать «коммунистический менталитет»¹. Очевидно, что он так же, как и многие в Хельсинки, все же рассчитывал, что войны с СССР удастся избежать. Он полагал, что следует просто опять добиться возобновления переговоров². При этом Маннергейм никоим образом не считал, что СССР «блефует» и по отношению к нему надо проводить «твердую линию»³. Более того, он четко тогда понимал, что Финляндии «неоткуда ожидать интенсивной помощи»⁴.

Но это не означало, что маршал как-то по-иному воспринимал Советский Союз. Он так же, как и все финское руководство, рассматривал СССР в качестве единственного врага Финляндии и, естественно, всеми имеющимися средствами стремился бороться с Советским Союзом. В откровенных беседах с Паасикиви в середине ноября он прямо сказал, что «дух солдат хороший и если война возникнет, то в ее начале нам необходимо добиться успеха»⁵. Таким образом, Маннергейм опасался начала войны, но одновременно активно стремился подготовить к ней страну.

Показательным в этом отношении было и то, что тогда происходило стремительное наращивание поставок в Финляндию вооружения из-за рубежа, а также, благодаря осуществлению жесткого государственного регулирования, создавались дополнительные условия для того, чтобы быстро поднять военный потенциал страны. К началу ноября к военному производству было привлечено уже более ста промышленных предприятий⁶. И, несмотря на недовольство Маннергейма неэффективностью действий правительства и парламента в этом направлении, все же был достигнут положительный результат. Благодаря заранее принятым мерам, в стране за короткий срок удалось

¹ *Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. S. 23–24.*

² См.: *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Helsinki, 1974. S. 60; Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. S. 125, 143; Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Osa I. S. 101.*

³ *Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 163–164.*

⁴ Цит. по: *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Osa I. S. 101.*

⁵ *Ibid. S. 100.*

⁶ *Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 133.*

серьезно расширить производство оружия, боеприпасов и различных видов военных материалов, а также приступить к широким закупкам для нужд армии отсутствующего вооружения. Но, естественно, это происходило на фоне общего свертывания финской внешней торговли и сокращения выпуска товаров гражданских отраслей производства. Как заметил исследователь Р. Брюммерт, перевод экономики Финляндии на военные рельсы «уменьшил ту часть общественного продукта, который мог бы быть использован в промышленном производстве и торговле»¹.

В итоге с имеющимся у Финляндии экономическим потенциалом страна достигла, как представляется, оптимального результата, а боевые действия финской армии против СССР, по мнению историка И. Сеппинена, стали для Финляндии примером осуществления ярко выраженной «тотальной войны»². Более того, парадокс складывающейся тогда ситуации заключался еще и в том, что предварительные приготовления оказались настолько удачными, что начавшаяся война серьезно даже не повлияла на экономическую обстановку в стране. В результате с началом войны в Финляндии ничего экономически не изменилось, поскольку к этому времени уже сложилась весьма стройная система государственного регулирования. Начавшаяся война даже не отразилась, как это предсказывали советские эксперты, на финансовом положении Финляндии. Меры правительства, связанные с необходимостью экономии денежных средств, были четко отработаны и апробированы в предшествующий период жесткой финансовой политики государства. В итоге накануне войны в Финляндском банке были произведены соответствующие валютные ограничения, которые позволили сохранить и перераспределить валютные резервы³. Но в целом Маннергейм еще продолжал надеяться, что войны удастся избежать и продолжить с СССР прерванные переговоры.

Однако в самом Советском Союзе с периода срыва переговоров ни о каком их продолжении уже не думали. Линия была взята на то, чтобы быстро подготовить войска к боевым действиям и решить военным путем те задачи, которые обсуждались с финским руководством. Однако военная реализация утвержденного 29 октября плана оказа-

¹ *Brummert R.* Statsbeskattningen som medel för krigs finansieringen i Finland Åren 1939–1945. Hels., 1956. S. 201.

² *Seppinen I.* Sodan talous // *Talvisodan. Pikkujättiläinen.* Hels., 2002. S. 697.

³ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. Hels., 1983. S. 232.

лась крайне сложной задачей. Войска, да и командование были к этому просто не готовы¹.

Из общего комплекса советских военных документов становится ясно, что в генштабе даже не имели тогда точных данных об общем количественном составе собственных войск, готовящихся к проведению операции². В результате к началу войны на границе с Финляндией было сосредоточено 425 640 человек³. Но этих сил для «молниеносной» войны было явно недостаточно, поскольку Финляндия могла быстро развернуть уже отмобилизованные ранее войска, доведя их до численности 300 тысяч человек⁴. К тому же на главном направлении, на Карельском перешейке, преимущество Красной армии выражалось всего в 36 тысяч человек⁵. Всего этого для успешной и стремительной операции было явно недостаточно.

Тем не менее в Москве в это время задумались не только о проведении боевых операций, которые должны были закончиться «блестящей победой», но и о политическом решении «финляндского вопроса». Суть же выработанного политического плана заключалась в том, чтобы после вступления советских войск на финскую территорию там должно быть образовано «народное правительство», которое заключит с Советским Союзом договор, исходя из учета тех предложений, которые были отвергнуты финской стороной во время московских переговоров. В основе такой идеи была заложена уверенность, что трудящиеся Финляндии поддержат «новое правительство», а Красная армия, выполняя не агрессивную, а чисто «интернациональную» миссию, не встретит противодействия. О «народном правительстве» в СССР решили позаботиться заранее, и его образование было поручено члену ЦК КПФ О. В. Куусинену⁶, который, продолжая сохра-

¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 336.

² РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 252. Л. 8. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 15.11.1939.

³ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 414.

⁴ Talvisodan historia. Osa 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1978. S. 18; *Vuogenmaa A.* Ensimmäinen sotakuukausi // Kansakunta sodassa. Osa 1. Hels., 1989. S. 137; Uusi tietosanakirja. Osa 19. Hels., 1965. S. 591.

⁵ Против 133 тыс. финских войск было сосредоточено лишь 169 тыс. советских. См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 265–266.

⁶ По сохранившимся сведениям, Сталин в ноябре трижды принимал О. Куусинена в рабочем кабинете Кремля. Причем однажды беседа даже происходила один на один (см.: *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь. 1995. С. 243–244; Российский

нять решимость бороться за возвращение победы, утраченной в ходе гражданской войны в Финляндии в 1918 г., должен был провести соответствующую подготовку¹.

В целом не позднее 22 ноября был составлен проект «Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой». В нем речь шла о территориальных обменах. Граница устанавливалась приблизительно там, где ее хотели провести на московских переговорах, но «красной» Финляндии передавались значительно большие территории в Карелии. Кроме того, Советский Союз получал в аренду на 30 лет полуостров Ханко. Также по договору СССР продавались в Финском заливе острова Суурсаари, Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари, Койвисто и в Заполярье принадлежавшие Финляндии части полуостровов Рыбачий и Средний. Вместе с тем в проекте договора важное место отводилось положениям, в которых говорилось, что обе стороны обязуются оказывать друг другу помощь в случае нападения, а также угрозы нападения на Финляндию или через ее территорию на Советский Союз любой европейской державы. Кроме того, для обеих стран не допускалось заключение каких-либо союзов или участие в коалициях, направленных друг против друга². Процесс подготовки создания «народного правительства» включал кроме этого решение проблемы формирования «финской народной армии», которой предстояло принести в Хельсинки, как говорилось позднее в «Декларации народного правительства», «знамя Финляндской Демократической Республики», водрузив его «на крыше президентского дворца на радость трудящимся...»³.

Тем не менее в складывавшейся обстановке нужен был формальный повод, который мог бы нарастающий конфликт между обеими странами довести до вооруженных действий. И такой повод появился. На весь мир 26 ноября прогремела информация о пограничном ин-

центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее: РЦХИДНИ). Ф. 522. Оп. 1. Д. 42–46. Документы Финляндского Народного Демократического Правительства).

¹ Мысль о том, что все же вновь сложится обстановка, открывающая возможность нанести поражение утвердившемуся в Финляндии строю, неизменно содержалась в документах КПФ как 1920-х, так и 1930-х гг. См.: Suomen Kommunistinen puolue. Puoluekokouseten ja keskikomitean plenumien päätöksiä Os. I. Leningrad, 1935. S. 67–68, 450, 453.

² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 194. Л. 8. Проект: «Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Демократической Республикой».

³ Цит. по: *Марков М.* Финляндия. М., 1940. С. 48.

циденте, произошедшем на Карельском перешейке. Этот инцидент вошел в историю как «выстрелы в Майниле» и заключался в том, что, согласно официальному советскому сообщению, финской артиллерией была обстреляна советская территория. В результате оказались «убиты три красноармейца и один младший командир, ранено семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант»¹. Таким образом, пострадало полнокровное подразделение советских войск, равное по своему численному составу целой пограничной заставе². Финляндия сразу же заявила о своей непричастности к данному инциденту. Из Хельсинки было сообщено, что, вероятно, «дело идет о несчастном случае, произошедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне»³. К. Г. Маннергейм, который как раз в это время совершал инспекционную поездку по Карельскому перешейку, сделал по этому поводу специальное заявление. В нем говорилось, что финские передовые батареи легкой артиллерии вообще были расположены на удалении 20 км от границы и не могли открыть огонь по советской территории. Что же касается войск, то маршал заявил, что они в тот день пополудни были заняты другим делом, поскольку «находились на полковых богослужениях под открытым небом»⁴.

Эти слова, однако, выглядели недостаточно убедительными. Начиная с 22 ноября на Карельском перешейке, как известно, приграничная оборона финнов стала стремительно усиливаться дополнительными частями⁵. Кроме того, нельзя было уйти от того факта, что одна из финских батарей все же находилась всего в пяти километрах от деревни Майнила — в районе Яппиля (Симагино). Эта батарея не замедлила себя обнаружить, как только 30 ноября начались военные действия⁶. Тем не менее, очевидно, что Маннергейм твердо отрицал факт пограничного инцидента. Это подтверждало его стремление никоим образом не давать повода для начала войны, квалифицируя произошедшее как «провокацию, которую я ожидал уже со второй по-

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 462; Правда. 1939. 27 ноября.

² УМ. 109 А 8. Нота советского правительства, 26.11.1939; 109 А 6.

³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. С. 463–464.

⁴ *Helsingin Sanomat*, 1939, 28.11; SA. Т. 20733/1. Päämajan sotapäiväkirja. № 1. 26.11.1939.

⁵ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 107–108.

⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 1.

ловины октября»¹. В целом события у Майнила поставили советско-финляндские отношения в состояние, которое просто должно было привести к войне². На советской территории приготовления к развертыванию боевых действий шли полным ходом, а по дипломатической линии в Москве явно проявлялись категоричность и жесткость³.

В этой ситуации для финского руководства наступил весьма ответственный момент. Маннергейм считал, что положение настолько критическое, что требуется максимальная осмотрительность. На этой почве у него очередной раз возникли противоречия с правительством. «Политическое руководство не верило в возможность возникновения войны...»⁴, а маршал, наоборот, не разделял этих оптимистических настроений. В воспоминаниях он отметил: «Я не скрывал от руководства государством, что у меня плохие предчувствия». Далее Маннергейм подчеркнул, что лично тогда беседовал с президентом К. Каллио и поставил перед ним вопрос, что он «не может больше брать на себя ответственность за отсутствие заботы об обороне» страны⁵. Маршал попросил у президента «по возрасту» получить возможность ухода с декабря 1939 г. со своего поста⁶. Затем это было изложено им письменно. Таким образом, 27 ноября маршал вновь, второй раз за 1939 г., обратился к президенту с просьбой об отставке, поскольку он твердо был уверен, что в руководстве не понимают, «что для защиты независимости государства от враждебного гиганта требуется прежде всего достаточно вооружения и обученная армия»⁷.

Но действия Маннергейма уже ничего изменить в политике Финляндии не могли. В это время советские войска были переведены в состояние боевой готовности, а 29 ноября было сделано заявление об отзыве из Хельсинки дипломатических представителей СССР⁸. Далее последовало объявление о денонсации договора о ненападении. Все это являлось очевидным признаком близкой войны. К. Г. Маннергейм

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 134.

² Подробно см.: *Барышников В. Н.* К истории начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: пограничный инцидент у деревни Майнила // Петербургская историческая школа. Альманах. Третий год выпуска. СПб., 2004. С. 476–85.

³ УМ. 109 А 11. Нота советского правительства, 28.11.1939.

⁴ *Arimo R.* Suomen linnoitamisen historia 1918–1944. S. 722.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 129.

⁶ *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 346.

⁷ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 131.

⁸ ВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 26; Зимняя война // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 216.

произошедшее расценил как катастрофу. В момент разрыва межгосударственных отношений маршал лично позвонил премьер-министру А. Каяндеру и «ругал его» так, что находившиеся тогда в его кабинете офицеры никогда ранее не слышали, «чтобы так когда-либо можно было выразиться»¹. Очевидно, самым дипломатичным из сказанного стало тогда заявление, что «политики... основательно ослабили оборону страны, а теперь довели дело до войны»².

Но в министерстве иностранных дел Финляндии имелись, тем не менее, успокаивающие сведения, что положение на границе «не очень напряженное»³. Эти сведения были обманчивыми. Тогда войскам Красной армии все последние распоряжения были уже отданы⁴. «Прохладный мир» быстро заканчивался, и наступала «зимняя война». Позади остались сложные метаморфозы советско-финляндских отношений конца 1930-х гг., а впереди были суровые испытания и большая трагедия для народов обоих государств.

Советско-финляндская война и «русское народное правительство»

30 ноября в 8 часов утра по всей линии государственной границы с Финляндией началась мощная артиллерийская подготовка. Так на смену дипломатии пришла сила оружия. Что же происходило в это время в Финляндии? Какие решения принимались государственным и военным руководством? Как отнесся к началу войны финский маршал?

Один из биографов Маннергейма исследователь В. Мери заметил, что у маршала в первый день войны наблюдалось «приподнятое настроение» и «лихорадочная деятельность». Причем, как заметил историк, данные эмоции «полностью шли вразрез с тем состоянием, в каком он пребывал... накануне того рокового утра»⁵. Из воспоминаний маршала тоже становится понятно, что для него «день 30 ноября был ясным и солнечным»⁶. Несомненно, данное отношение Ман-

¹ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I. Helsinki, 1976. S. 186.

² Цит. по: *Krohn A.* 30.11.1939. Talvisodan ensimmäiset tunnit. Hels., 1979. S. 32.

³ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 188.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-92. Он. 2. Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 29.11.1939. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 51. Переписка штаба СФ с командованием 14-й армии; РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 20. Л. 482. Телеграмма-«молния» ВС 7-й армии, 29.11.1939 (21²⁵).

⁵ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 153.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 139.

нергейма к начавшейся для Финляндии трагедии можно было объяснить только одним. Произошедшие тогда «события доказали правоту Маннергейма», а «его пророчества сбылись»¹. Это, вероятно, тешило его самолюбие. Но при этом объективно наибольшей дееспособностью в создавшейся обстановке отличались именно те государственные деятели Финляндии, которые опасались войны и стремились к локализации конфликта с Советским Союзом. В их числе был, как известно, и К. Г. Маннергейм. С рассветом 30 ноября, когда к нему поступили первые сведения о том, что советские войска перешли государственную границу, он без промедления прибыл в президентский дворец и доложил об этом К. Каллио². Естественно, вопрос о поданном ранее маршалом прошении об отставке теперь был снят. Каллио принял решение объявить «о вступлении в силу военного положения»³, а на Маннергейма возложил все функции главнокомандующего. В свою очередь, маршал уже отдал первый приказ о начале военных действий.

Но произошел такой казус: официальное заявление президента о введении военного положения было истолковано в ряде зарубежных стран как объявление Финляндией войны СССР. То есть допускалось, что она сама начала войну против Советского Союза. Поэтому финляндскому правительству пришлось срочно давать развернутую информацию о переходе советскими войсками государственной границы⁴. Однако никто за рубежом не стремился оказать Финляндии реальное военное содействие. В результате в первый день войны в правительственных кругах Финляндии наблюдалась очевидная растерянность⁵. Многие из тех, кто считал, что Советский Союз «блефует», увидели сразу, чего стоило их заблуждение. Стало очевидно, что правительство в дальнейшем не может эффективно выполнять свои функции.

Причем именно Маннергейм сразу же начал добиваться смены кабинета⁶. Особенно маршал был недоволен «провальной» внешней политикой своей страны. Тогда он вообще заметил, что «если бы Эркко был

¹ *Меру В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 153.

² *Mannerheim G.* Muistelmät. Osa II. S. 139–140.

³ УМ. 109 В 1. Suomen julistaminen sotatilaan, 30.11.1939.

⁴ SA. Ulko hto (YE pääll. PY1-PY PE, 1939–40, 21908) 1. Tilannetiedotus Suomen ulkomailla oleville sotilasiasiamiehille, 1.12.1939.

⁵ *Manninen O.* Suomi toisessa maailman sodassa. S. 295.

⁶ *Julkunen M.* Tuhon partaalla — ensimmäiset reaktiot talvisodan syttymiseen // Kansakunta sodassa. Os. I. Hels., 1989. S. 124–126.

мужчиной, то он удалился бы в лес и застрелился»¹. В этой ситуации Эркко «просто-напросто оставил свое рабочее место и сбежал из страны»². Он переехал в Стокгольм. В такой ситуации правительство действительно не могло функционировать, и оно было распущено. В результате срочно нужно было создавать новый кабинет, «в котором, — как с удовлетворением отметил маршал, — были представлены все политические партии, за исключением Патриотического народного движения»³. Правительство возглавил директор Финляндского банка Р. Рюти.

Но главные события в это время происходили на фронте. Основная задача Маннергейма заключалась тогда в том, чтобы принять срочные меры и приостановить наступление советских войск⁴. Поэтому в ставке занялись, прежде всего, усилением группировки финских войск, особенно на главном направлении, на Карельском перешейке. Здесь маршал считал, что войска слишком быстро отступают. В ночь со 2 на 3 декабря об этом он прямо заявил командующему армией Перешейка генералу Х. Эстерману⁵. Маннергейм категорически потребовал от него срочно нанести контрудар. Напряжение в ходе состоявшегося тогда обсуждения достигло такой степени, что Эстерман даже заявил о готовности уйти со своего поста⁶. В целом маршал требовал самых решительных действий, то есть считал возможным придерживаться приблизительно той же тактики, какая была у него еще в период финской гражданской войны. Более того, он в целом быстро разобрался в стратегических задачах наступающих войск. И здесь дело заключалось не в его «гениальности». Как сам он указывает в воспоминаниях, «в наши руки в первый день войны попал приказ русских,

¹ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 78.

² *Меру В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 153.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 147. С началом войны финская радиоразведка смогла развернуть надежную систему перехвата направляемых по радио в советские войска шифрограмм. В результате финское командование получило возможность правильно определять текущие замыслы советского командования. Это в числе прочего оказало свое влияние на общее неудачное начало развития наступления частей Красной армии и на срыв основных первоначальных военных планов СССР. См.: *Барышников В. Н.* Радиоразведка Финляндии и Зимняя война 1939—1940 годов // *Защита информации.* INSIDE. 2018. № 5. С. 86—91.

⁴ *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland Soviet Winter War 1939—1940 // *Revue Internationale d’Histoire Militaire.* 1985. № 62. P. 75.

⁵ *Talvisodan historia.* Osa 2. Porvoo, Hels., Juva, 1978. S. 40; *Taide ja Ase.* 1969. № 27. S. 125.

⁶ *Taide ja Ase.* 1969. № 27. S. 125.

раскрывший замысел наступления»¹. В результате, по мнению финских исследователей, довольно быстро «для ставки и штаба армии Перешейка стала совершенно ясной картина действий противника и направления его основных ударов»².

Действительно, Красная армия вела боевые действия по достаточно понятным схемам и вообще явно была не готова преподнести какие-либо сюрпризы противнику. К тому же она наступала крайне неуверенно. Все это позволило финскому маршалу вполне организованно отвести части армии Перешейка к основному рубежу обороны на «линии Маннергейма» и заблаговременно подготовиться к отражению дальнейшего советского наступления³.

В результате сходу прорвать финские укрепления советские войска не смогли⁴. Только спустя две с половиной недели после начала войны, 17 декабря, на Выборгском направлении начался общий штурм линии Маннергейма. Однако результатом этого явились лишь бессмысленные и очень большие потери. Штурм захлебнулся⁵. «Первый период войны окончился, — записал в своих мемуарах Маннергейм. — Положение во многих отношениях сложилось иное, чем ожидалось... Наступление противника было отражено...»⁶. Далее, говоря о действиях советских войск, маршал подчеркнул: на Карельском перешейке «наступательные операции противника в декабре можно было сравнить с плохо слаженным оркестром, в котором играют вразнобой... Элементарные ошибки, разумеется, дорого обходились Красной армии»⁷. В целом итог советского наступления был вполне прогнозируемым. Начавшиеся тогда неудачи являлись очевидным логическим следствием всего того непродуманного ранее плана ведения войны против Финляндии, который был принят за месяц до начала войны.

Но не меньшим разочарованием для советского руководства стало то, как складывалась тогда международная ситуация. Политический сценарий начала войны тоже явно не получился. Создание 1 декабря 1939 г. на финской территории в поселке Терийоки (Зеленогорск) так называемого народного правительства Финляндии лишь толь-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 158.

² Talvisodan historia. Osa 2. S. 44.

³ Ibid. S. 40, 47.

⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л.32; Ф. 33987, Оп. 3. Д. 1376. Л. 14.

⁵ Talvisodan historia. Osa 2. S. 59; РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л.54.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. S. 186.

⁷ Ibid. S. 196.

ко усложнило внешнеполитическое положение СССР. Дальнейшая деятельность этого «правительства» оказалась малоэффективной. Роль подписанного 2 декабря в Москве с «народным правительством Финляндии» Договора о взаимопомощи и дружбе не имела серьезного воздействия на ход продолжающихся боевых операций.

К тому же, учитывая и малоэффективные действия Красной армии, на Западе достаточно быстро начали менять отношение к этой войне. Громче зазвучали голоса, требующие эффективной помощи Финляндии. Это вселяло в финское руководство надежду на то, что Финляндия не останется один на один в войне против Советского Союза. Особенно на международную помощь надеялся тогда Маннергейм. По его расчетам, которые он изложил на заседании Государственного совета 11 декабря, даже «если получить в помощь пять дивизий шведских войск и иметь достаточно снарядов, то военные действия можно вести с большей уверенностью»¹. Действительно, из ряда стран Европы в Хельсинки стали поступать сообщения о готовности оказания прямой помощи. Это касалось не только соседней с Финляндией Швеции. Начали выражать готовность поддержать финнов ведущие страны Европы — Великобритания и Франция².

В целом провал советского плана нанесения молниеносного поражения Финляндии стал на Западе основанием для переоценки сил Советского Союза и его военных возможностей. К оказанию помощи Финляндии непосредственно подключилось и руководство Лиги Наций. В середине декабря СССР был исключен из этой международной организации, а далее в течение декабря 1939 — января 1940 г. в Лиге Наций было получено 25 положительных ответов относительно готовности принять максимально возможные меры материальной и моральной поддержки Финляндии³. В ряде стран к тому же стали создаваться комитеты по оказанию помощи Финляндии, началась вербовка добровольцев для отправки на финский фронт⁴.

¹ KA. Tudeerin A. K. kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston, 11.12.1939.

² *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma*. Hels., 1960. S. 89; *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupaallikkona ja hallituksen asiamiehenä*. S. 82.

³ League of Nations. Official Journal. 1940. Vol. 21. № 1-2. P. 11-17.

⁴ АВП РФ. Ф. 521. Оп. 2. П. 3. Д. 13. Л. 17. Дневник А. Коллонтай, тетрадь № 15, 18.12.1939; РГАВМФ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1269. Д. 4; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 768. Л. 19. Доклад начальника первого управления Наркомата Военно-морского Флота об оказании помощи Финляндии со стороны правительств Англии, США, Франции и других стран за декабрь 1939 и январь 1940 г. Бюллетень иностранной прессы.

В итоге к концу декабря для Советского Союза вырисовывалась явно неблагоприятная ситуация. К советскому руководству стали поступать сведения об обсуждении англо-французскими союзниками возможности отправки своих войск на север Европы. Развитие событий требовало, чтобы в Москве начали задумываться, как завершить начатую войну, сохранив при этом свой престиж. Таким образом, за весьма короткий отрезок времени декабря 1939 г. линия советской дипломатии в финляндском вопросе претерпела весьма существенную эволюцию. Перед советским руководством встал вопрос: завершить ли войну дипломатическим путем или с помощью силы оружия.

Однако неудачи Красной армии и растущая заинтересованность стран Запада в оказании поддержки Финляндии открыли для финского руководства совершенно новые перспективы. Маннергейм увидел еще одну необычную сторону возможной международной поддержки. У него возникла очень «смелая» идея — использовать для борьбы против Советского Союза возможности русской эмиграции. Вплоть до того, что «предложить для размышления идею образовать где-то вблизи восточной границы “русское правительство”»¹. Это была совершенно другая форма борьбы против СССР. Объясняя данную инициативу, Маннергейм четко указал представителям финского МИДа, что «русское правительство» важно, прежде всего, для того, чтобы «повлиять так или иначе на народ России и на посылаемые против Финляндии войска»², то есть сделать ставку на организацию внутриполитического кризиса в СССР.

Действительно, у Маннергейма тогда появилась надежда на какие-либо социальные потрясения в СССР. В этом он основывался на информации, поступающей из-за рубежа, о возможности серьезных антиправительственных выступлений. Как докладывали, например, в 1939 г. в ставку Маннергейма из Парижа, «во Франции признается сложившаяся у некоторых уверенность, что действия Сталина... вызвали такое огромное недовольство, что принимается во внимание возможность революции». Далее в развитие этой мысли отмечалось, что «в эмигрантских кругах из России существует мнение, что Россия в недалеком будущем окажется во власти полной анархии»³. О том,

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 221.

² *Ibidem.*

³ SA. Päämaja ulkomaosasto. Ulk. 1. Sal. promemorit. T. 19932/3. Ulkopoliittinen katsaus, № 2/22a. 1939.

что подобные взгляды имели устойчивое распространение на Западе, свидетельствует также факт перехвата финской разведкой телефонного разговора по германскому дипломатическому каналу, в котором уточнялось, насколько реально «финны ожидают революции в России»¹.

Несомненно, идея создания марионеточного «русского правительства» являлось прямым подражанием советской инициативе образования во главе с О. В. Куусиненом «народного правительства» Финляндии. В этом отношении можно предположить, что в финском маршале в начале «зимней войны» опять проснулся бывший генерал Российской императорской армии, и он опять вспомнил о проигранной «белыми» Гражданской войне в России.

Отчасти данное предположение выглядит вполне обоснованным. Действительно, маршал, очевидно, рассчитывал на наличие «враждебных советской власти эмигрантов». Неслучайно несколько позже, в период Великой Отечественной войны, он прямо написал одному из представителей Белого движения, что «свержение большевистского ига также является, как я надеюсь, целью русских эмигрантов» и его «очень радует то, что... эмиграция восстает против тех кровопийц, которые в течение четверти века угнетали русский народ»².

Однако говорить о том, что Маннергейма в 1939 г. одолевали «белые идеи» двадцатилетней давности, все же неверно. Как показали дальнейшие события, он уже отнюдь не стремился к восстановлению прежней России, хотя, очевидно, мечтал о продолжении борьбы с большевиками. В этот период уже никоим образом не существовал некий образ Маннергейма как бывшего царского генерала-романтика. На самом деле для маршала сильная Россия на границах Финляндии была абсолютно не нужна. И даже если он продолжал ненавидеть большевиков и хотел ликвидировать в соседнем государстве советскую власть, то это не означало, что он выступал за будущее мощное российское государство. Его интересовала, прежде всего, судьба Финляндии, и именно с этой целью он пытался разыграть «русскую карту». Причем, несомненно, это делалось для ослабления или даже развала соседней страны.

Тем не менее не все в правительственных кругах Финляндии понимали эти далеко идущие замыслы Маннергейма, считая их просто

¹ UM. 109. В в. V.P. 12.02.1940. 21.30. Kreuzwald / von Grundherr (Berlin).

² Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб., 2008. С. 41.

«сумасбродными»¹. Тем не менее использование русских эмигрантов для борьбы против СССР стали в финском руководстве учитывать. При этом, конечно, «русская карта» могла стать полезной только при вмешательстве в ход «зимней войны» государств Западной Европы. Лишь при участии их войск можно было реально надеяться на перенос боевых действий на советскую территорию, что, собственно, и позволило бы подойти к вопросу о возможности образовать там некое «русское правительство». В любом случае появление «русского правительства» у границ Финляндии должно было в корне изменить весь характер начавшейся войны.

Маннергейм, несмотря на крайнюю загруженность военными вопросами, все же активно включился в работу по заблаговременной подготовке состава марионеточного правительства, заранее продумывая, кто мог бы стать его «премьер-министром». Также важно для него было четко определить степень участия в этом мероприятии русской эмиграции. С этим ему могли помочь в финском МИДе, так как министр иностранных дел В. Таннер активно поддержал К. Г. Маннергейма, поскольку видел в мыслях маршала «в большей мере отражение сложного положения, в котором находилась страна, чем пригодность самого этого предложения»². По свидетельству высокопоставленного чиновника МИДа Финляндии А. Пакаслаhti, маршал К. Г. Маннергейм звонил прямо из ставки, высказывая соображение относительно создания «русского правительства» из числа эмигрантов у «восточной границы»³.

В целом в это время возникло несколько, как считалось, наиболее подходящих кандидатов на пост «преьера». Одним из них стал бывший глава Временного правительства России А. Ф. Керенский. Он тогда очень горячо поддерживал борьбу Финляндии против СССР⁴. Его публичные выступления были настолько яркими, что в финском руководстве выразили надежду, что через него затем удастся «авансом поторговаться относительно Карелии»⁵. Таким образом, в столь сложный для Финляндии период в правительстве сохранялись надежды на создание «великой Финляндии», присоединив к финской территории Советскую Карелию.

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 221.

² *Ibidem.*

³ *Ibid.* S. 222.

⁴ См.: *Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В.* Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 206–207, 213–214; *Helsingin Sanomat.* 1939. 5.12.

⁵ УМ. 109. С 4.

Тем не менее в Финляндии не могли не замечать, что Керенский был своего рода «русским патриотом». Это настораживало. К тому же те преобразования, которые он планировал провести в России и о которых уже начал говорить с финскими дипломатами, особых восторгов у них не вызывали¹.

Поэтому в Финляндии пытались рассматривать и другие варианты. В частности, тогда весьма энергично предлагал свои услуги тоже бывший член Временного правительства России эсер В. М. Чернов. Он лично написал В. Таннеру, что готов активно помогать Финляндии. Конкретно в послании указывалось: «Если только мои силы, мой голос, мое слово, мои руки могут вам сейчас на что-либо пригодиться, — я в полном вашем распоряжении»². Но он не привлек особого внимания в Хельсинки. Наибольший интерес вызывал бывший большевик Л. Д. Троцкий. Он тоже в начале войны решительно осудил советское руководство. В Финляндии, естественно, такая позиция Троцкого сразу же привлекла внимание³.

На заседании Государственного совета 15 декабря премьер-министр Р. Рюти говорил именно об этом⁴. В. Таннер, со своей стороны, также отметил в своих мемуарах, что, действительно, тогда «существовало предложение пригласить Троцкого в Финляндию и предоставить ему небольшую территорию, например, в районе Реболы, которую передали бы ему для постоянного места нахождения временного правительства России»⁵. Естественно, Л. Д. Троцкий был весьма далек по своим взглядам от позиции, отражающей взгляды Маннергейма, и эта кандидатура в силу этого не могла полностью устроить маршала. Но, как заметил по данному поводу известный политический и государственный деятель Финляндии Ю. К. Паасикиви, в безнадежном положении «мы приняли бы помощь хоть от черта»⁶.

Именно такое мнение, очевидно, разделял тогда и Маннергейм. Это было понятно, если обратиться к его непосредственной деятельности, связанной с попытками создания «русской народной армии». Эта идея появилась в декабре 1939 г. параллельно с мыслью о необ-

¹ См: *Ibidem*. Raportti № 2 Wasingtonissa, 12.2.1940.

² *Ibidem*. Письмо Виктора Чернова Таннеру, 2.1.1940.

³ KA. G. Mannerheimin kokoelma. 612.

⁴ *Ibid*. Tudeerin kokoelma. Valtioneuvoston pöytäkirjat, 15.12.1939.

⁵ *Tanner V. The Winter War*. P. 135.

⁶ Цит. по: *Trotsky vasta hallituksen johtoon?* 15.12.1939 // *Talvisota kronikka*. Jyväskylä-Hels., 1989. S. 46.

ходимости образования марионеточного «русского правительства». Инициативу в данном случае проявили представители русской белой эмиграции, выразив мнение, что всем лицам, ранее бежавшим из России, нужно участвовать в войне на стороне Финляндии против Советского Союза¹, поскольку эта «зимняя война» является хорошим поводом для возобновления «нашей борьбы», являясь «одним из наиболее благоприятных для нас случаев и притом в наиболее выгодных для нас условиях»².

Первые предложения об этом Маннергейм получил еще накануне войны. В момент резкого обострения советско-финляндских отношений «известные русские офицеры-эмигранты, — как считает исследователь К.-Ф. Геуст, — обратились к маршалу Маннергейму и выразили желание перейти на добровольную службу в Финляндию»³. Далее по этому вопросу Маннергейм имел соответствующую переписку с возглавлявшим Русский общевойсковой союз А. П. Архангельским⁴.

Однако финский маршал тогда отказался от его услуг, сообщив, что «не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением». Маннергейм при этом добавил, что ему будет «трудно предвидеть, какая возможность для нас может открыться в будущем»⁵. Этот ответ был вызван, скорее всего, тем, что идеи русского Белого движения уже не соответствовали взглядам финского маршала. Как «белую», так и большевистскую Россию он теперь воспринимал с большой степенью подозрительности, очень хорошо представляя, что в любом виде возрождение сильной России никоим образом не устраивает Финляндию.

Да и Белое эмигрантское движение тоже не во всем разделяло взгляды финского руководства. Действительно, в условиях, когда бывшие русские генералы и старшие офицеры превращались в этой стра-

¹ См.: *Suomela J. Rajatakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918–1940.* Helsingi, 2001. S. 241.

² «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахметьевского архива Колумбийского университета, США) // *Россия и Финляндия в XX веке.* СПб., 1997. С. 321.

³ *Giust C-F. General Vlasov's army — the Finnish connection* // *Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени.* 2017. № 17 (2). P. 84.

⁴ *Ibidem.*

⁵ «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахметьевского архива Колумбийского университета, США). С. 323; Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов. Кн. вторя. М., 1998. С. 273.

не в ночных сторожей, кучеров или рабочих на лесопилках¹, от них трудно было ожидать благосклонности. Не случайно с начала войны, опасаясь русских, проживавших тогда в Финляндии, к ним стали применять репрессии и подвергать арестам. В результате к началу марта 1940 г. до 40% заключенных, содержащихся в финских тюрьмах, были русскими². Более того, еще перед войной был запрещен ряд русских объединений и обществ. В том числе Общество морских офицеров царского флота³.

У представителей Белого движения тоже возникали вопросы, связанные с целями их участия на стороне Финляндии в «зимней войне». Они откровенно вопрошали: «Будет ли эта война против большевиков или против России»? «Имеют ли они [финны. — *Примеч. ред.*] в виду освободить Россию от большевиков, и только, или пожелают поживиться на счет России?»⁴ В целом отсутствие четкого представления, кто должен был возглавить «русское правительство» и с кем нужно установить связи для использования потенциала русской эмиграции в войне против СССР, привело к тому, что в Финляндии так толком и не определились с кандидатурой главы этого «правительства».

Парадоксальной, если вспомнить службу Маннергейма в императорской армии, была его склонность использовать в борьбе против СССР не своих прежних коллег по военной службе, а новых советских диссидентов. Это подтверждает и тот факт, что в январе 1940 г. маршал все-таки пошел на то, чтобы развернуть деятельность по формированию «русской армии». Но ее организацию поручили не бывшему царскому генералу, а советскому эмигранту, бывшему техническому секретарю Сталина Б. Г. Бажанову, который никогда ранее не занимался «военными делами» и в армии, естественно, не служил.

Этот человек родился на Украине, в Подольской губернии. В годы Гражданской войны, как он сам утверждал, сделал «между украинским национализмом и коммунизмом» свой выбор в пользу советской власти. Но служить стал не в рядах Красной армии, а на государственно-партийной работе в техническом аппарате ЦК большевистской партии. В конечном итоге, разочаровавшись в своих идеалах, он в 1928 г.

¹ Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 164–165.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 274.

⁴ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. С. 271–272, 292.

покинул СССР. Таким образом, Бажанов никоим образом не был участником русского Белого движения. Именно это, судя по всему, и устраивало финского маршала.

12 января Бажанов был доставлен в Финляндию, и его сразу же переправили в ставку, где, собственно, уже 15 января состоялась аудиенция с маршалом. Только с благословения Маннергейма Бажанов собственно приступил к организационной работе¹. Штаб создаваемой «русской армии» разместили в Хельсинки, а русским белым эмигрантам позволили принять участие не только в соответствующей вербовке, но также в обучении и снаряжении этой «армии».

Но большого результата эта работа не дала. Деятельность Бажанова продолжалась около двух с половиной месяцев и привела к тому, что в рядах «русской народной армии» оказалось лишь несколько сот человек², которых сумели завербовать из свыше пяти тысяч советских военнопленных³.

Таким образом, для Маннергейма эта инициатива оказалась недостаточно эффективной. Обращение к русским коллаборантам имело, очевидно, задачу, заключающуюся не в «идее белой эмиграции» о воссоздании прежней России, а лишь в развале как программе максимум существующего на границах Финляндии советского государства. Это наиболее ярко можно наблюдать в отношении Маннергейма к украинским националистам, с которыми в период «зимней войны» тоже начали разворачивать соответствующую работу.

Позиция Маннергейма по отношению к украинским националистам совершенно ясно раскрывала его взгляды на будущее соседнего государства или, точнее, истинные цели «программы максимум» маршала. Здесь расчет делался исключительно на антирусские настроения, которые, как он полагал, имели место на Украине. Конкретно в Хельсинки выражали надежду, что с помощью украинских национа-

¹ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997. С. 220–222; *Фролов Д. Д.* Из истории зимней войны 1939–1940 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1999. С. 16–17.

² См.: *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 221; *Фролов Д. Д.* Из истории зимней войны 1939–1940 гг. С. 17; *Александров К. М., Фролов Д. Д.* Сбои в «системе активной несвободы» // Советско-финляндская война 1939–1940. Т. II. СПб., 2003. 345; *Зимняя война 1939–1940.* Кн. первая. Политическая история. С. 326; *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992. С. 185; *Rislakki J.* Erittain salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 130; *Gtust C-F.* General Vlasov's army — the Finnish connection. P. 85.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1395. Л. 235.

листов можно будет наладить диверсионную деятельность в тылу Советского Союза, а также организовать «саботаж на военно-промышленных предприятиях юга России»¹. Сторонником этого плана был известный финский политик, бывший посланник в Москве, а затем министр иностранных дел Финляндии в 1930-х гг. А. Хакцель.

Но особо привлекательна эта идея была именно для маршала К. Г. Маннергейма. Поэтому в финских лагерях для советских военнопленных, подчинявшихся его ведомству, организовали фильтрацию содержащихся там людей по национальному признаку: из русской этнической среды выделили военнопленных украинцев. Более того, именно представители ставки Маннергейма, которые находились за рубежом, начали проводить личные встречи с «дружественными украинцами» из эмигрантских кругов и даже поднимать вопрос об использовании украинских добровольцев для активной борьбы против СССР в Финляндии².

Во взаимодействии с военными подобные действия предпринимали и финские дипломаты. Так, в частности, после того как 7 декабря 1939 г. так называемый Украинский комитет в Париже принял решение вооружить своих членов с целью «использовать их в Финляндии», состоялись переговоры президента этого комитета А. Я. Шульгина с финляндскими дипломатическими представителями³. Более того, несколько позже, 31 декабря член комитета «генерал Украинской народной республики» А. И. Удовиченко предложил финляндскому посланнику в Париже «направить в Финляндию офицера для того, чтобы выбрать из числа российских военнопленных надежных украинских солдат для формирования из них воинской части национальной украинской армии»⁴.

Что же касается позиции Маннергейма, то уже 13 февраля из его ставки сообщили финскому министерству иностранных дел, что готовы поддержать предложения украинских националистов. Очевидно, что у маршала сложилось четкое представление, что «от украинцев все же может быть польза в пропагандистской деятельности и за линией фронта в Советском Союзе для выполнения заданий, поскольку сре-

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 223.

² SA. Päämaja. Toimisto K. Sal.kirjestöä 1939–1940. T. 19932 (2). Insinööriluutnantti Reino Casterin kirje Pariisista Päämajan 9.2.1940.

³ UM. 109. С 4. Р. М. [Päämaja]. Maanpaossa olevien ukrainalaisten tarjoamaan avun hyväksikäyttämistä, 21.2.1940.

⁴ Ibidem.

ди них возможно найти согласных на это людей»¹. В результате в пропагандистских целях в ставке Маннергейма были заготовлены соответствующие листовки на украинском языке. Они были адресованы красноармейцам-украинцам, находящимся на фронте².

Таким образом, попытки найти опору среди представителей украинского националистического движения явно демонстрировали то, что Маннергейм не имел ясных представлений о положении в СССР и о реальных возможностях для организации там националистических выступлений. В любом случае его мысли по данному вопросу четко указывают, что он окончательно простился со своим дореволюционным прошлым генерала русской армии. Его деятельность, направленная на создание военизированных формирований из коллаборантов, указывала на то, что Маннергейм выступал не как противник большевиков, а как сторонник развала соседнего государства, используя «русский», а также «украинский» факторы.

Однако в любом случае эти замыслы могли быть осуществлены только после успешной массовой поддержки финских вооруженных сил со стороны держав Запада. Хельсинки оставалось лишь надеяться на решительные действия со стороны Лондона и Парижа.

Эти надежды активно подогревались тем, что Великобритания и Франция действительно направили в Финляндию своих военных экспертов, которые должны были определить перспективы высадки союзных войск на севере Европы. Естественно, что переговоры по данному вопросу проводились именно с Маннергеймом. Так, уже 23 декабря в ставку к маршалу был направлен представитель французских вооруженных сил подполковник Ж. Ганеваль. Он должен был «изучить обстановку»³. Более того, французский офицер должен был стать «при маршале Маннергейме личным представителем главнокомандующего французскими вооруженными силами генерала М. Гамелена»⁴.

Также в это время последовал запрос из Британии относительно сведений «о новых местах базирования для самолетов и морских пристаней для высадки войск»⁵. Чуть позже, 27 декабря поступила сроч-

¹ UM. 109. С 4. Р. М. [Päämaja]. Maanpaossa olevien ukrainalaisten tarjoamaan avun hyväksikäyttämistä, 21.2.1940.

² SA. Päämaja. Toimisto K. Sal. kirjettä 1939–1940. Т. 19932 (2).

³ UM. 109. С 2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 23.12.1939.

⁴ *Nevakivi J.* Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamasta sotilasavusta // *Taide ja Ase.* 1976. № 34. С. 100.

⁵ UM. С 2е. Телеграмма из Стокгольма в МИД, 23.12.1939.

ная информация о том, что из Великобритании в Финляндию тоже направляется К. Линг, «генерала генштаба, который должен будет обсудить с Маннергеймом обстановку, чтобы иметь ясное представление, что может сделать Великобритания для оказания помощи»¹. Генералу давалось задание «побеседовать с Маннергеймом не только о военных материалах и десантировании на кораблях у Мурманска, но также и о политическом давлении на Советы»².

Действительно, геополитические аспекты помощи Финляндии преобладали в действиях Запада над реальным стремлением направить воюющей стране свои войска. Более того, как сообщили 4 января К. Г. Маннергейму, помощь, которую могли оказать Британия и Франция, предусматривалась как для Финляндии, так и «в интересах Швеции и Норвегии»³. Как конкретно Запад намеревался осуществлять эффективную военную помощь Финляндии, для Маннергейма пока оставалось неясным. Для него, очевидно, наиболее действенным шагом являлась высадка союзных войск не в Финляндии, а прямо на территории СССР. Речь шла о районе Мурманска.

Показательным в этом отношении стало заседание Государственного совета 2 января 1940 г., где вполне определенно говорилось о целесообразности «высадки англичан в Мурманске»⁴. Этот план предложил рассмотреть именно Маннергейм. Его поддержал генерал Р. Вальден. «Если Англия направит войска в Мурманск, — сказал он на этом заседании, — то мы сами сможем держать фронт здесь, южнее». Серьезных аргументов в финском руководстве против таких соображений не оказалось. В итоге было решено считать «вопрос о мурманской экспедиции представляющим интерес и хорошим»⁵.

После заседания Государственного совета на идее с «мурманской экспедицией» точка не была поставлена. Маннергейм на переговорах с английским генералом Лингом начал его убеждать, что операция по захвату Мурманска «могла бы быть крупномасштабной, имеющей решающее значение, если она планировалась бы в глубину через Архангельск»⁶. Он подчеркивал, что высадка в Мурманске англо-француз-

¹ УМ. С 2е. Телеграмма из Лондона в МИД, 27.12.1939.

² Ibid. Телеграмма из Лондона в МИД, 31.12.1939.

³ Ibid. 109. С 2е.

⁴ КА. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnosta 5.12.1939 — 21.03.1940.

⁵ Ibid.

⁶ УМ. 109. С 2е.

ских войск (двух дивизий) могла бы в корне изменить обстановку в Европе. В вопросе о целесообразности высадки десанта непосредственно на советскую территорию маршала дружно поддерживали и другие финские генералы. В частности, начальник генштаба К.-Л. Эш прямо указывал, что «самостоятельная операция на архангельском направлении, осуществляемая далеко от наших границ, имела бы для нас гораздо большее значение, не позволяя тем самым втянуть нас в мировую войну»¹.

Возвратившись в Лондон, генерал К. Линг доложил высшему военному и государственному руководству о финских предложениях. Он также сообщил, что К. Г. Маннергейм поставил вопрос о необходимости направить на помощь Финляндии войска численностью как минимум 30 тысяч. Представитель французских вооруженных сил Ж. Ганеваль, также вернувшийся из Финляндии, подтвердил в Париже, что маршал весьма серьезно озабочен недостатком войск. Он «дал мне понять, — сообщал Ганеваль, — что сопротивление финской армии начинает иссякать»². Все эти сведения, полученные из первых рук из Финляндии, требовали от Великобритании и Франции быстро принять решение.

Более того, идея проведения «экспедиционной операции» начала активно обсуждаться и на страницах зарубежной печати³. Естественно, начавшаяся фаза энергичных переговоров и планирования странами Запада военной операции на территории СССР не могла остаться без внимания в Москве. В начале января Сталин, Молотов и Ворошилов уже получили сообщение о начавшемся планировании боевых действий против СССР, где «объединенные силы Англии, Франции и Финляндии от порта Петсамо поведут наступление на Мурманск»⁴. Подобные сведения и в дальнейшем предоставлялись советскому руководству⁵, что говорило о необходимости для Москвы решать возникшую проблему уже в новой плоскости, учитывая угрозу возможного разрастания и втягивания СССР в масштабный мировой конфликт.

В результате в этот период главной целью советского руководства оставалась задача победоносного и скорейшего завершения войны.

¹ УМ. 109. С 2е.

² *Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty.* Hels., 1972. S. 127.

³ УМ. 109. С 6а. Донесение Р. Холсти из Женевы, 11.01.1940.

⁴ Зимняя война. 1939—1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 408—409.

⁵ См.: там же. С. 432—433,

В январе 1940 г. был выработан новый план продолжения боевых операций. Он в корне отличался от прежнего, поскольку исходил из необходимости нанесения одного, но очень мощного удара на главном, стратегическом направлении, то есть на Карельском перешейке¹.

В условиях развернувшейся подготовки к осуществлению масштабной фронтовой операции советское руководство также изучало возможности начать мирные переговоры. Причем мир должен был быть подписан только на приемлемых для Москвы условиях. В. М. Молотов 27 января сделал четкое заявление, что советская сторона «в принципе не против соглашения с правительством Рюти-Таннера»². Таким образом, у Хельсинки возникла определенная перспектива мирного урегулирования³. Но в самой Финляндии не все теперь были уверены, что в складывающейся военно-политической обстановке нужно ускоренным темпом идти по пути подписания мирного договора с СССР. Маннергейм, в частности, в беседе с Рюти отметил, что пока неизвестно, как закончится война, «но положение в настоящий момент хорошее и не следует поддаваться паническому настроению». Он также подчеркнул, как отметил Рюти, что «с миром спешить не надо»⁴.

Действительно, переговоры с Великобританией и Францией о прямой военной поддержке шли полным ходом. На данном этапе всерьез началась реализация идеи проведения экспедиционной операции. Причем Финляндия в этом стремились оказать посильную помощь западным странам. Представитель Маннергейма во Франции полковник А. Паасонен даже представил командующему французским флотом адмиралу Ф. Дарлану подготовленные финской ставкой соображения о плане проведения операции на севере Финляндии в Петсамо⁵. В нем к тому же излагались цели Финляндии, выходявшие далеко за пределы чисто военных вопросов. Предусматривалось, что совместное наступление экспедиционных сил и финских войск на восток будет осуществляться на Кольском полуострове и в Советской Карелии. Успешный исход данной операции должен

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 223.

² АВП РФ. Ф. 521. Оп. 2. П. 3. Д. 13. Л. 39; *Донгаров А. Г.* Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 42.

³ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922–1940. Т. 2. М., 2001. С. 491–492.

⁴ Цит. по: *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* S. 203.

⁵ *Nevakivi J. Apu jotta ei pyydetty.* S. 135.

был привести к «постепенному объединению» Финляндии и Карелии¹. Но финская сторона при этом полагала, что для осуществления Петсамской операции требуется значительное увеличение мощи военно-воздушных сил и поддержка финской армии тремя-четырьмя полнокровными дивизиями, способными вести боевые действия в зимних условиях².

Действительно, во Франции, руководствуясь пожеланиями Маннергейма, в разрабатываемый план была включена доставка в район Петсамо 13–17-тысячного войска. Наступление из района Петсамо намечалось вести на кандалакшинском направлении и к Мурманской железной дороге. Иными словами, разработка операции по высадке союзников вступила в фазу конкретного принятия решений. Неслучайно тогда началась и новая череда обмена визитами военных экспертов. Так, в ставку Маннергейма опять был командирован английский генерал К. Линг, а также запрашивалась возможность приезда в Финляндию французского маршала А. Ф. Петена³. Кроме того, в Париж финское военное руководство направило генерала О. Энкеля⁴. Он, очевидно, должен был по поручению Маннергейма продолжить переговоры с высшим военным руководством о перспективах действий экспедиционных войск.

В целом ситуация для финского руководства становилась все более конкретной. Единственное, что, очевидно, несколько смущало Маннергейма, было то, что от идеи масштабного наступления экспедиционных сил на советском Севере начали постепенно отходить. Этот факт нашел подтверждение на переговорах с генералом Лингом. Он тогда сообщил Маннергейму, что «английская операция против Мурманска будет, вероятно, невозможна». Все доводы финского маршала о том, что «операция была бы крупной, может быть даже, с решающим значением, если ее планировать ближе к Архангельску», не возымели никакого эффекта⁵. В Лондоне, очевидно, не забывали об объективной реальности. Рядом находился главный противник — Германия, а увлечение «фантастическими планами» вело к распылению сил⁶. Этим объяснялась определенная сдержанность англичан,

¹ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 135–136.

² *Ibid.*

³ УМ. 109. С 2с. Письмо В. Таннера в ставку, 30.01.1940.

⁴ *Ibid.* С 2в. Донесение Х. Холма из Парижа, 30.01.1940.

⁵ *Ibid.* С 2с. Сообщение из ставки министру иностранных дел, 6.02.1940.

⁶ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 136.

которые понимали, что мировая «война будет заканчиваться, очевидно, не в Финляндии»¹.

Окончательно проблему высадки союзников обсуждали 5 февраля 1940 г. на заседании Высшего военного совета в Париже. Позиция Великобритании была выражена довольно определенно. Премьер-министр Н. Чемберлен заявил, что главной целью союзников является не масштабная помощь Финляндии, а вовлечение скандинавских стран в войну против Германии. Что же касалось Финляндии, то, как он заметил, требуется лишь не допустить ее разгрома². В конечном счете французское руководство согласилось с доводами Чемберлена. Было решено главные десантные операции проводить лишь в Норвегии и Швеции.

Тем временем 9 февраля Маннергейм, не зная о принятых в Париже решениях, направил в Лондон телеграмму, в которой пытался разъяснить серьезность положения Финляндии. Однако ответ оказался не таким, на который маршал рассчитывал. Ему сообщили, что помощь будет оказана, только когда положение Финляндии «действительно будет критическим» и высадка союзных войск «станет необходимой»³. Таким образом, оказание прямой военной помощи Финляндии в ближайший период стало проблематичным.

В целом вторая неделя февраля 1940 г. для Маннергейма была временем, когда начался процесс пересмотра перспектив и представлений, связанных с продолжением войны. Стало понятно, что перспектива получения конкретной военной помощи оказалась неопределенной.

Тем не менее союзники Финляндии продолжали оказывать очевидную моральную поддержку. Также Финляндия получила отряды добровольцев и достаточно широкую финансово-экономическую помощь. Но эти формы поддержки были уже явно недостаточными. Неслучайно сразу после выяснения позиции Запада в ставке состоялось экстренное совещание, на котором присутствовал весьма узкий круг лиц — К. Г. Маннергейм, Р. Рюти, Р. Таннер и Р. Вальден. На совещании был сделан анализ текущих событий, который выявил три возможных варианта решения проблемы, связанной с продолжением войны: либо без промедлений встать на путь достижения мира, либо продолжать войну при активной помощи Швеции, и, наконец, про-

¹ *Gripenherg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 117.*

² *Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. М., 1987. С. 42.*

³ УМ. 109.С 2е. Донесение Гипенберга из Лондона Таннеру, 10.02.1940.

должить военные действия при поддержке западных держав¹. В конечном счете было решено, не игнорируя начало мирных переговоров с СССР и не связывая себя планами Запада, постараться добиться расширения помощи со стороны Швеции. Маннергейм по этому поводу записал в своих мемуарах: «Я все сильнее сомневался, смогут ли западные державы помочь нам»². Однако, что было для него не менее печально, и Швеция не хотела также рисковать³.

Таким образом, ситуация в политическом плане для Финляндии стремительно усложнялась. Ухудшалась она и в военном отношении. После тщательной подготовки 11 февраля 1940 г. на Карельском перешейке началось решающее наступление советских войск⁴. Причем «теперь, — как отметил Маннергейм, — русские уже научились играть “в оркестре”»⁵. В результате для финнов на фронте «положение стало критическим». Оборонявшиеся войска несли огромные потери⁶. Несмотря на введенные в бой резервы, положение стабилизировать никак не удавалось. Советские части вклинились в финскую оборону и достаточно быстро начали расширять свой прорыв. В сложившейся ситуации финское командование начало отвод войск на второй оборонительный рубеж. В итоге недельных кровопролитных боев, 18 февраля, первая полоса финской обороны оказалась полностью прорванной.

Серьезное поражение финских войск и прорыв главных укреплений «линии Маннергейма» привели к тому, что был отстранен от командования армией Перешейка генерал-лейтенант Х. Эстерман. Одновременно ставка стала принимать меры, чтобы с помощью подвижных групп прикрытия приостановить дальнейшее продвижение Красной армии. Однако моральный дух финских солдат в это время существенно изменился. Командир 1-й пехотной дивизии, прикрывавшей Выборгское направление, полковник А. Е. Мартола писал: «Солдаты были уставшие, длительное время не спали. Настроение у всех было далеко не блестящее»⁷.

¹ *Tanner V.* Olin ulkoministerina talvisodan aikana. S. 238; *Mannerheim K. G.* Muistelmat. Osa II. S. 256.

² *Mannerheim K. G.* Muistelmat. Osa II. S. 217.

³ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 249.

⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 106–109.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 200.

⁶ *Ibid.* S. 200–202.

⁷ *Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Keuruu, 1973. S. 133.

Тем не менее нарастающая активность на фронте сочеталась с развитием советской инициативы подписания мирного договора, а также усилившимся дипломатическим давлением со стороны стран Запада. В Париже и Лондоне опять стали демонстрировать желание оказать действенную военную помощь. 15 февраля был составлен план «операции помощи Финляндии путем высадки десанта в районе Петсамо весной 1940 г.». В этом плане, однако, не предполагалось использование большого количества войск. Реально на север Финляндии намечалось направить только одну дивизию. Но при этом предполагались масштабные боевые действия, в результате которых войска союзников в ходе наступления должны соединиться с финскими частями, быстро двинуться на территорию СССР вплоть до блокады и дальнейшего захвата Мурманска. Отправка десантных войск из Британии намечалась не ранее 15 марта, а их прибытие в район Петсамо должно было состояться не позже 21 марта¹. Из Парижа проинформировали, что стоит задача «направить в Финляндию регулярные войска», которые «являются лучшими альпийцами», умеющими воевать в условиях «сильных морозов»².

Но для финского руководства оставались пока не до конца понятными в целом планы союзников. Не внес окончательной ясности и очередной визит к Маннергейму 22 февраля английского генерала Линга. Тогда он «объяснил маршалу, что англичане не хотят продвигаться дальше Северной Финляндии»³. Это создавало у Маннергейма «впечатление, что эти планы весьма неопределенные»⁴. К тому же было понятно, что сама высадка войск являлась достаточно проблематичной, поскольку «петсамский рейд представляется совершенно непригодным» для такой операции. Да и помощь выглядела «не очень большой». Поэтому в Финляндии явно стали утверждаться представления, что «мы получим некоторые отдельные дивизии, но при их поддержке мы еще не сможем достигнуть победы»⁵.

Тем временем, пока Великобритания и Франция стремились только обсуждать с финским руководством планы расширения боевых операций, советское правительство уведомило финских лидеров о своем

¹ Носков А. М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977. С. 54.

² УМ. 109. С 2е. Донесение Холма Таннеру, 20.02.1940.

³ Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 156.

⁴ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003. С. 224.

⁵ УМ. 109. В 6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 23.02.1940.

желании продолжить мирные переговоры¹. Условия, переданные из Москвы, были весьма жесткими. Прежде всего предусматривалась передача СССР всего Карельского перешейка, а также создание военно-морской базы на полуострове Ханко. В этой ситуации стало ясно, что Финляндия находится перед выбором: либо ждать помощи от стран Запада и продолжать войну, либо быстро, не дожидаясь возможного разгрома, заключить с СССР весьма жесткий мирный договор.

Однако в эту непростую ситуацию неожиданно вмешалась еще одна сторона. В это время в отношении Финляндии стала наращивать дипломатическую активность Германия. Третий рейх долгое время занимал выжидательную позицию, только теперь перешел к скрытым, неофициальным действиям. Немецкая сторона подчеркнула, что с СССР «договоренность возможна, если Финляндия готова на уступки»². Даже А. Гитлер позволил себе тогда сделать заявление, что советские требования в отношении Финляндии «являются естественными и умеренными». Он прямо отметил: «Вопрос стоит о территории [передаваемой Финляндией СССР. — *Примеч. авт.*], которая прежде принадлежала русским»³. Таким образом рейх начал отчетливо демонстрировать финскому руководству, что самое время прекратить войну. Более того, в Берлине начали торопить с этим Финляндию⁴.

Очень важным в данном случае стало неофициальное заявление, сделанное 22 февраля 1940 г. «большим другом» Маннергейма Г. Герингом. Он четко заявил находившемуся тогда в столице рейха высокопоставленному финскому представителю Т. Кивимяки, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях, потери можно будет возратить в будущем»⁵. Эта мысль затем станет одной из определяющих в дальнейшей политике Финляндии.

В этой обстановке, когда Красная армия уже прорвала вторую полосу «линии Маннергейма» и приступила к штурму Выборга⁶, в Хельсинки решили согласиться на советские условия мира⁷. Но од-

¹ УМ. 109. G 1. E. Erkon raportti R. Rytille Tukholmasta 12.02.1940; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Hels., 2002. S. 364.

² УМ. 109. B 6. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.

³ Цит. по: Зимняя война 1939—1940. Кн. первая. Политическая история. С. 350.

⁴ Цит. по: *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 167.

⁵ Цит. по: *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. S. 110.

⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 3. Д. 230. Л.25.

⁷ УМ. 109. B 6. Muistiinpanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 29.02 (2315).

новременно у финского руководства сохранялась надежда получить помощь от западных союзников. Таннер прямо заметил, что «нужно приложить нож к горлу западных держав» и просить «официально подтвердить, что сюда в марте прибудет 50 000 войск, а после этого еще больше»¹. 2 марта из Парижа пришел ответ. В нем сообщалось, что «запрашиваемые войска прибудут» и они будут подчинены Маннергейму². Таким образом, Финляндия вновь оказалась перед выбором, при том информация от союзников стала ободряющей. Маннергейм опять начал настаивать на необходимости получения западной помощи³. В правительственных кругах принялись даже рассуждать о том, что теперь «мы можем продолжать ведение войны, “бомбить Петербург”»⁴.

Тем не менее бросалась в глаза откровенная неконкретность сведений союзников об «относительно крупной помощи войсками»⁵. Довольно быстро стало понятно: есть вероятность, что «помощь западных держав является блефом»⁶. Все это происходило тогда, когда на Карельском перешейке бои уже приобрели для финских войск драматический характер. У Маннергейма в это время уже не было времени выслушивать «жесткие фразы» западных союзников в отношении СССР и ждать выполнения их обещаний. В ночь на 3 марта советские войска сумели форсировать Выборгский залив и оказались в тылу всего укрепленного района. Внутреннего потенциала у финского командования для того, чтобы стабилизировать положение, уже не оставалось. В докладе К. Г. Маннергейму, который был сделан командующим войсками на Карельском перешейке генералом А. Хейнриксом, был сделан вывод о невозможности продолжать войну⁷.

В такой обстановке в финском руководстве было принято окончательное решение направить делегацию в Москву. 7 марта мирные переговоры начались. Но финская делегация всячески стремилась их

¹ УМ. 109. В 6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 1.03.1940.

² Ibid. 109. С 2б. Телеграмма из Парижа в МИД, 2.03.1940.

³ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 158.

⁴ Цит. по: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 266.

⁵ УМ. 109. С 2е. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.

⁶ Ibid. 109. В 6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 2.03.1940.

⁷ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 119.

затянуть с тем, чтобы дожидаться более точных сведений о возможной помощи союзников. Но события на фронте продолжали стремительно развиваться. Положение у Выборга становилось для финских войск критическим, началось общее советское наступление. Как в эти дни сообщал Маннергейм правительству, «положение тяжелое. Новые войска перебрасываются через Выборгский залив... Мы не можем отбросить их назад... Это последняя наша линия...»¹. Более того, финский маршал уже хорошо понимал, что обещанная западная помощь, даже если она дойдет наконец до Финляндии, «не даст желаемого облегчения» и «в действительности не будет способствовать возможности обретения нами мира»².

Тем временем обстановка на фронте достигла кульминации. 11 марта Маннергейм открыто высказал свое мнение: «Выборг через день придется сдать. Нельзя будет после этого держать оборону больше месяца, а предполагаемая западными странами помощь будет, возможно, на месте лишь к концу недели»³. В итоге в финском руководстве не осталось никакой гарантии того, что западная помощь успеет вовремя. Финляндию теперь скорее волновал другой вопрос: куда сместится фронт, когда англо-французские войска вступят на территорию страны на севере?⁴

Поэтому подписание мира с СССР стало единственным, что Финляндии оставалось. Перед Западом Хельсинки предстояло лишь раскланяться и «поблагодарить за хорошее расположение»⁵. 12 марта в 22 часа между Финляндией и СССР был наконец подписан мирный договор. Согласно ему 13 марта в 12:00 военные действия между Советским Союзом и Финляндией прекращались.

Так закончилась так называемая зимняя война, итог которой оставил значительный след в дальнейшей истории советско-финляндских отношений в XX в. Что же касается подписанного мира, то, согласно ему, СССР смог достаточно хорошо обеспечить военную безопасность Ленинграда. Новая граница на Карельском перешейке была установлена по линии севернее Выборга и Сортавала — там, где когда-то ее провел Петр I по итогам Северной войны, добиваясь безопасности

¹ *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 351.

² *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 180.

³ *Ibid.* 109. В 1. Телеграмма из МИД'а в Стокгольм, 11.03.1940.

⁴ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 301.

⁵ УМ. 109. В 6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 12.03.1940.

Санкт-Петербурга. Кроме того, Советский Союз получил право на создание на полуострове Ханко своей военно-морской базы. Он также брал под свой контроль стратегически важные острова в Финском заливе. Среди других положений договора содержалось важное требование: «...не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»¹. Этим положением, вероятно, советское руководство стремилось не допустить «сползания» Финляндии в лагерь врагов СССР.

В целом для Маннергейма «зимняя война» оказалась важным жизненным рубежом. С этого периода его имя стало известно во всем мире. Финская армия смогла выдержать мощный удар советских войск, что, несомненно, резко укрепило авторитет маршала как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, в это время стало окончательно ясно, что Маннергейм полностью протиснулся с царским периодом своей жизни. Он уже реально боролся не только с Советской Россией, но и никоим образом не хотел реставрации прежнего сильного русского государства. Идея с марионеточным русским правительством полностью это подтверждала.

¹ Документы внешней политики. Т. XIII. Кн. 1. С. 140–143.

ГЛАВА III

МАННЕРГЕЙМ В ВОЕННОМ СОЮЗЕ С ГИТЛЕРОМ ПРОТИВ СССР

*К вершине влияния: роль Маннергейма
в подготовке новой войны*

Когда 12 марта 1940 г. в Москве был подписан Советско-финляндский мирный договор, положивший конец так называемой зимней войне, ее финал воспринимался многими в Финляндии с чувством глубокой подавленности. Особенно это проявлялось у более чем 400 тысяч переселенцев с утраченных страной территорий¹. С огромной горечью финское население переживало, что за пределами государственной границы оказались города Выборг, Сортавала и Кексгольм. В стране в день вступления в силу мирного договора были приспущены государственные флаги. «Чувства финнов, — писал финский историк Тимо Вихавайнен, — представляли смесь мстительности, гордости и гнева...»².

В день окончания боевых действий, 13 марта К. Г. Маннергейм отдал приказ, в котором содержались достаточно многозначительные слова: «У нас есть гордое сознание того, что на нас лежит историческая миссия, которую мы еще исполним...»³ Действительно, неправильно было утверждать, будто бы «зимняя война» закончилась разгромом Финляндии. Совершенно очевидно, что финский народ выстоял. Это

¹ Зимняя война 1939–1940. Кн. первая. Политическая история. С. 362.

² Цит. по: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2003. С. 67.

³ Приказ Маннергейма от 13 марта 1940 года // *Родина*, 1995. № 12. С. 76.

для малой нации стало весомым итогом войны. Более того, в воспоминаниях маршал начавшийся период назвал «вооруженным миром», «для огромной части финского народа, — как он считал, — [этот. — *Примеч. ред.*] мир явился мучительной неожиданностью»¹.

Финское руководство действительно не собиралось считать Московский мирный договор окончательным. Фактически еще до подписания договора в Финляндии началась разработка новой внешнеполитической концепции. 28 февраля 1940 г. на секретном заседании Государственного совета премьер-министр Р. Рюти сформулировал свою позицию так: «Лучше сохранить боеспособной армию и страну от разгрома» и далее подчеркнул, что «освобождение территории лучше начать с Выборга, чем с Торнио», то есть от границы со Швецией². Это мнение было поддержано.

Таким был внешнеполитический курс, взятый сразу после заключения мирного договора. Составляющими частями этого нового курса стали, с одной стороны, опасение за безопасность страны, а с другой — стремление по возможности вернуть утраченные территории³.

При этом в атмосфере горького чувства у тысяч людей все же брало верх стремление предотвратить дальнейшее сползание страны на путь новой конфронтации с Советским Союзом. В финском обществе стало формироваться мнение о том, что нельзя допустить возникновения новой советско-финляндской войны. Свидетельством тому явилось основание в Хельсинки 22 мая 1940 г. Общества мира и дружбы с СССР⁴. Количество членов Общества стало довольно быстро расти. В начале июня оно насчитывало 2,5 тысячи человек, в июле — 10 тысяч, в августе — 30 тысяч, а в конце года — 40 тысяч членов. При этом по всей стране возникло 115 местных организаций общества⁵. Этот феномен послевоенной ситуации в Финляндии никоим образом не вписывался в господствующую тогда систему пропаганды. В правительственных кругах считали, что само существование Общества мира

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 275.

² *Salaiset keskustelut.* Lahti, 1967. S. 33.

³ См.: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 76.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* Возникновение и крах в Финляндии в 1940 г. «Общества мира и дружбы с СССР» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 131–144.

⁵ *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. Tutkimus poliittisesta oppositiosta Suomessa vuosina 1940–1944. Hels., 1969. S. 22, 46.

и дружбы с СССР «опасно для страны», поскольку могло «сломить моральный дух народа»¹.

Реально позиция политического и военного руководства Финляндии наиболее ярко отражалась на закрытых заседаниях парламента. Там решительно звучали голоса, что «этот мир не будет окончательным» и «надо считать его перемирием»². В духе таких заявлений прозвучало и письменное обращение К. Г. Маннергейма 14 марта 1940 г., направленное Государственному совету. В нем маршал, ссылаясь на «неопределенность» сложившегося политического положения, считал необходимым, чтобы «полевая армия временно оставалась на новых местах дислокации, причем достаточно усиленная» после соответствующей реорганизации³.

Действительно, главнокомандующим по-прежнему оставался Маннергейм, хотя по конституции в мирное время этот пост должен был занимать президент страны. Это, конечно, очень озадачило К. Каллио, который «с расширенными от возбуждения глазами, вцепившись в рукав одного близкого друга, шепотом — так, чтобы никто не услышал, — сообщил ему, что Маннергейм, как ни крути, а функции главнокомандующего ему, президенту, так и не передал»⁴. Более того, с этого периода страной вообще стал руководить не президент и не правительство, а узкий внутренний правящий круг, в который входил маршал, а также премьер-министр Р. Рюти, министр иностранных дел Р. Виттинг, военный министр Р. Вальден, министр финансов В. Таннер. Причем уже по многим вопросам определяющим было мнение, которое высказывал лично Маннергейма.

Таким образом, президент К. Каллио, а также большая часть правительства и, конечно, депутаты парламента оказались вне решения основных вопросов управления страной. Минуя высшую исполнительную и законодательную власть, Маннергейм теперь начал решать кардинальные для государства вопросы. Причем, как указывает финский историк В. Мери, тогда в Финляндии вообще сложилось «два правительства — одно в Хельсинки, чья власть простиралась до восточной границы города, и Маннергейм»⁵. Естественно, плюрализм мнений уже не приветствовался. В стране развернулся процесс, кото-

¹ Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo-Hels.-Juva, 1982. S. 113–114.

² Salaiset keskustelut. S. 33.

³ KA. G. Mannerheimin kokoelma. 611. Päämaja 1939–1944.

⁴ Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 156.

⁵ Там же. С. 156–157.

рый приблизил Финляндию к авторитарным европейским режимам. Отмечая происходившее, нацистские газеты тогда, в частности, восторженно писали, что в Финляндии после марта 1940 г. «начала вырисовываться основная линия авторитарного режима» и она «готовится к включению в новый порядок в Европе»,¹ то есть порядок, который устанавливал Третий рейх.

Теперь с точки зрения противостояния СССР в финском руководстве могли видеть только один путь — последовательного сближения с Германией, поскольку ее мощь продолжала нарастать. Уже в апреле ее войска захватили Данию, затем Норвегию, Голландию, Люксембург, Бельгию, в июне была разгромлена Франция. Маннергейм в своих мемуарах, оценивая складывающуюся обстановку, откровенно отметил, что тогда «западные страны, от которых внешняя политика Финляндии получала наибольшую поддержку, были основательно побиты»². Со стороны Германии Финляндии откровенно давали понять, что рейх занимает благожелательную позицию в вопросе оказания ей военной поддержки³. В целом у финского руководства ориентир на сближение с Германией становился основным. Был взят курс на дальнейшее сближение с Берлином.

Тем временем летом 1940 г. нацисты начали планировать агрессию против Советского Союза. На третий день после подписания перемирия с Францией, 25 июня 1940 г. высшее руководство вермахта приступило к обсуждению сосредоточения ударных сил на востоке. Начальнику генерального штаба сухопутных сил генерал-полковнику Ф. Гальдеру 22 июля был передан приказ Гитлера приступить к разработке детального плана «операции против России»⁴. В перспективе также началось определение общих целей агрессии. Причем уже тогда Германия Финляндию рассматривала как участника готовящейся операции. Немцы планировали, что «Украина, Белоруссия, Прибалтика — нам. Финляндии — районы до Белого моря»⁵.

Первый отчетливый знак внимания к Финляндии как участнику немецкого «похода на Восток» рейх продемонстрировал в середине

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 127.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 282.

³ *Ibid.* S. 288.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 492, 495; История Второй мировой войны 1939–1945; Т. 3. М., 1974. С. 231.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 80, 81.

июля. Тогда в Хельсинки находился Л. Вейссауер. Он представлял германскую службу безопасности (СД) и внешнеполитическую разведку. В задачу Вейссауера входило четко выяснить позицию финского руководства в случае, «если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт»¹. Встречи проходили на весьма высоком уровне. Он вел переговоры с премьер-министром Рюти, а также, конечно, с Маннергеймом. В целом эта миссия оказалась удачной, поскольку, по крайней мере, «Вейссауер получил заверение о готовности Финляндии воевать»². Более того, к 5 августа 1940 г., уже после этого визита, в генштабе сухопутных войск Германии был готов первый вариант плана войны против Советского Союза. Причем в нем фигурировала также и Финляндия, хотя ей германское командование пока отводило лишь пассивную роль. С началом войны должна была пройти мобилизация в финскую армию, а в дальнейшем, не вступая в боевые действия, финским войскам следовало на границе сковать 15 советских дивизий³. В Берлине, таким образом, еще не начали планировать использование финской территории для нанесения удара по СССР. Единственное, что пока в Германии могли себе позволить, это организовать скрытную помощь Финляндии оружием. Рейх был пока ограничен пактом о ненападении с СССР и не мог афишировать связи с финнами.

Тем не менее конец лета 1940 г. стал своеобразным переломом в определении перспектив будущего развития финско-германских отношений. Более того, приступив к разработке плана «Барбаросса», в Берлине начали продумывать активную форму участия Финляндии в войне. Это требовало разработки конкретной схемы подключения финских войск к готовящимся операциям. В конечном итоге Гитлер 14 августа дал соответствующие указания по поводу начала секретных переговоров с финским руководством. Конкретно было решено направить в Финляндию Й. Велтъенса. Он занимался в то время в рейхе сделками по продаже оружия и должен был непосредственно встретиться с Маннергеймом⁴. Но главной его задачей являлась все же не

¹ *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 78; *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3 — 20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtojen edessä. Keuruu, 1979. S. 294, 132.

² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984. S. 42; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 114.

³ См.: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 177.

⁴ *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 80.

продажа вооружения. Он должен был с маршалом обсуждать самое главное — возможность перемещения («транзита») немецких войск по финской территории. Это должно было привести к их постепенной концентрации в северной части страны. Именно таким образом в Берлине решили подключить Финляндию к войне против Советского Союза. Причем военное сотрудничество сразу же должно было без подписания каких-либо межгосударственных соглашений или союзов вступить в активную фазу подготовки к войне против СССР.

Показательным было то, что столь важная проблема, касавшаяся фактически суверенитета Финляндии, обсуждалась не с финским президентом и не с членами правительства, а с маршалом Маннергеймом¹. В Германии Велтъенсу четко указали, что его задание является «настолько секретным, что о нем надо сообщить только Маннергейму»². Очевидно, в Берлине видели, что именно финский маршал в принятии решений стал вполне независимым и его полномочия простирались далеко за пределы военного ведомства.

Велтъенс 17 августа прибыл в Финляндию и уже на следующий день вечером встретился с Маннергеймом. В ходе состоявшихся переговоров Велтъенс «передал привет от Геринга» и сообщил, что у Финляндии «имеются теперь возможности получать вмененное оборудование», но Берлин хочет за это получить право на «транспортировку через ее территорию снабженцев, а также отпускников и больных»³. Причем, как записал впоследствии в воспоминаниях маршал, германский эмиссар особо подчеркнул, что эту информацию он передаст исключительно ему и что у Велтъенса «нет разрешения вести переговоры по этому делу ни с кем, кроме меня, и что ему запрещено общаться с руководителями государства и встречаться с известными политиками»⁴. Как отметил в своих мемуарах Маннергейм⁵, он выразил согласие на приобретение у Германии оружия. Но по вопросу о «транзите» немецких войск маршал окончательного ответа не дал⁶. Он все же сообщил о сделанном ему предложении премьер-министру,

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 22; *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 157.

² *Kivimäki T.* Suomalaisen politikon muistelmat. S. 194.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 289.

⁴ *Ibidem.*

⁵ Эти сведения затем нашли свое подтверждение в серьезных научно-исследовательских работах. См., например: *Terä M. V.* Tienhaarassa. Hels., 1962. S. 42–43; *Manninen O.* Rytijä kaultakulkusopimus // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1979. № 1. S. 41.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 290.

поскольку, как Маннергейм сообщил уже в 1945 г., когда в Хельсинки начался судебный процесс над главными финскими виновниками войны, он сказал немецкому эмиссару, что не может единолично «решить этот вопрос». Действительно, Маннергейм после встречи с Велтъенсом «позвонил премьер-министру Рюти и рассказал о встрече». Далее Маннергейм поведал об этих переговорах генералу Вальдену. Но так и не припомнил впоследствии, «говорил ли об этом с президентом Каллио [?! — *Примеч. авт.*]»¹. Тем не менее на следующий день, 19 августа, Велтъенс вновь был приглашен к Маннергейму и получил от него информацию, что Финляндия с благодарностью принимает предложения германского правительства².

В целом соглашение о «транзите» для Финляндии оказалось именно тем главным документом, который как раз и дал толчок к будущему совместному планированию военных действий против СССР. Как было зафиксировано в памятной записке, составленной по итогам этого визита, Велтъенсу «маршал Маннергейм и премьер-министр Рюти сказали, что Финляндия намерена сражаться до последнего солдата»³. Это означало абсолютный успех переговоров, и за ним, несомненно, должны были последовать переговоры, касающиеся конкретно военного планирования.

В Третьем рейхе Г. Геринг, подытоживая значение визита Велтъенса, категорически заявил: «В это мгновение решилась участь Финляндии. Теперь она снова принадлежит немецкой сфере влияния»⁴. Финляндский посланник в Берлине Т. Кивимяки 29 августа направил специальное письмо К. Г. Маннергейму, в котором приводились также важные для Финляндии слова, сказанные ему Г. Герингом. Представитель высшего германского руководства строго предупредил Кивимяки: «Вам, финнам, нельзя ничего говорить [о планах войны с СССР. — *Примеч. ред.*], пока вы не получите разрешения!»⁵ Таким образом, соблюдение тайны оставалось одним из важных условий последующего германо-финского военного сотрудничества.

¹ Sotasyyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. Osa I. Hels., 1945. S. 19.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 290; *Terä M. V.* Tienhaarassa. S. 43; *Manninen O.* Ryti ja kauttakulkusopimus. S. 41.

³ Цит. по: *Korhonen A.* Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Porvoo-Hels., 1961. S. 91; см. также: *Manninen O.* Ryti ja kauttakulkusopimus. S. 41.

⁴ Цит. по: *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 81.

⁵ Цит. по: *Nevakivi J.* Ystävästä viholliseksi. Suomi Englannin politiikassa 1940–1941. Hels., 1976. S. 64.

В любом случае германское военное командование с этого времени рассматривало возможность использования финской армии, а территорию Финляндии как немецкого военного плацдарма. В результате 15 сентября в рейхе появился новый план нападения на СССР. Теперь он предусматривал совместные операции финских и немецких войск. В результате должна была быть образована отдельная оперативная группа, в задачу которой входило вести наступление на Мурманск, также совместно предполагалось и наступление на Ленинград¹. Этот план, получивший условное наименование «Отто», в дальнейшем уточнялся и должен был быть представлен Гитлеру.

Начавшейся в Германии новый этап оперативного планирования сочетался с активным военным сотрудничеством рейха и Финляндии. Это сотрудничество развивалось в двух направлениях: по линии осуществления финских закупок немецкого оружия и одновременно путем организации «транзита» немецких войск через территорию Финляндии.

Самым важным, конечно, было обсуждение вопроса о прибытии на финскую территорию немецких войск. Для его решения Маннергейм направил на переговоры в Германию генерал-майора в запасе П. Талвела, который 21 августа по-военному четко записал в своем дневнике: «Я был на обеде у маршала, где обсуждалась обстановка. Мы оказались теперь в германском строю... Эта неделя стала судьбоносной для Финляндии. Мы осуществили поворот на сторону Германии»². Маннергейм уже, очевидно, сообщил ему о достигнутых с рейхом негласных договоренностях. Через несколько дней, 28 августа, Талвела был опять приглашен к Маннергейму, где окончательно был решен вопрос о его командировке в Берлин. В этот день Талвела сделал в дневнике очередную запись: «Маршал намерен направить меня в качестве своего представителя в Германию и дал мне распоряжение обеспечить организацию транзита, а также подписать касающееся этого дела соглашение»³.

30 августа Талвела прибыл в Берлин, имея при себе подробные карты Северной Финляндии и побережья Ботнического залива с планами портов, а также схемы железных и шоссейных дорог этих райо-

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S.132; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 234.

² *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. Jyväskylä, 1976. S. 235.

³ *Ibidem.*

нов. Требовалось, исходя из уже достигнутого ранее принципиального согласия, рассмотреть чисто технические вопросы осуществления на практике «транзита».

Переговоры прошли весьма быстро. Обсуждение порядка переброски немецких войск через финскую территорию закончилось буквально в течение двух дней. А потом с соблюдением особой секретности была совершена поездка по маршруту перемещения в Финляндии немецких войск. От Германии в поездке по финской территории вместе с Талвела участвовал представитель немецкого командования майор Окс, который 12 сентября 1940 г. лично подписал соглашение о «транзите». С финской стороны поставил подпись под этим документом подполковник М. К. Стевен. Причем начальник генерального штаба Э. Хейнрикс особо отметил: «Ни главнокомандующий, ни министр обороны, ни я не подпишем его, поскольку маршал распорядился, чтобы подписали его лично Вы»¹. Очевидно, это решение было связано с тем, что договор просто пытались представить как незначительный для судеб страны. Как записал в своих мемуарах Маннергейм, «военные должностные лица обеих стран обсудили транзит в деталях, и эти переговоры легли в основу технического соглашения, заключенного 12 сентября»². В результате было принято невероятное по своему характеру решение: соглашение, которое непосредственно касалось суверенитета государства, подписали офицеры в чине майора и подполковника.

Действительно, последствия этого соглашения были просто ошеломляющими. Без всяких условий и обязательств немецкие войска допускались на территорию суверенной Финляндии. К тому же все это делалось в строжайшей тайне, без согласия на то парламента и даже президента. Тем самым Маннергеймом были попораны элементарные требования финляндской конституции о суверенитете страны и принципах демократии, предусматривавшие решения важнейших государственных вопросов в стенах парламента с ведома и одобрения его депутатов.

21 сентября первые немецкие транспорты прибыли с войсками и оружием в город Вааса — финский порт на побережье Ботнического залива. Это явилось неожиданностью для населения страны, депутатов парламента, большинства министров и руководства политических

¹ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I. Jyväskylä, 1976. S. 237.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 290.

партий. В весьма странном положении оказался, в частности, министр внутренних дел Эрнст Борн, который впервые узнал о происшедшем из полицейского управления города Вааса, откуда его спрашивали: «Что нужно делать в связи с прибытием немецких солдат?»¹

Лишь 24 сентября, то есть спустя два дня после прибытия в Финляндию немецких войск, наконец, члены правительства были проинформированы, что «у немцев есть разрешение на прибытие» в Финляндию². Но к этому времени практически началась оккупация немецкими войсками Северной Финляндии. Депутат парламента С. О. Фрич прямо заметил: «Каждый, кто хотел, без труда мог убедиться в том, что происходившее в губернии Похьенмаа и Лапландии было не транзитом, а прямой оккупацией. Немецкие войска находились в стране совсем не в порядке транзитного движения, их размещали погарнизонно, они строили склады, дороги, бараки и тому подобное»³.

Однако параллельно с этим начались регулярные германские военные поставки. Первые транспорты с германским вооружением прибыли в Финляндию 26 сентября 1940 г.⁴ С этого времени в страну буквально хлынуло большое количество немецкого военного снаряжения. В порты Финляндии широким потоком стали поступать полевые, противотанковые и зенитные орудия, самолеты, противотанковые ружья, мины, различные снаряды и другие виды вооружения⁵. Одновременно из Германии для обеспечения немецких войск на севере Европы было направлено до 100 тысяч тонн различных грузов, которые также стали доставляться в финские порты⁶.

Только после принятого решения о появлении в стране немецких войск об этом был проинформирован президент Финляндии. Специально с этой целью в его летнюю резиденцию прибыла делегация во главе с Маннергеймом из представителей «узкого круга». Каллио был поражен происходящим. Финские историки в этом отношении задают вопросы: «Считал ли Каллио происходящее путчем?» или «Чувствовал ли он, что целиком и полностью находится в руках этих господ?»⁷.

¹ Цит. по: *Kivimäki T.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 199.

² *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 117.

³ *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 330.

⁴ *Terä M. V.* Tienhaarassa. S. 65, 82.

⁵ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 48.

⁶ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 119.

⁷ *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 157.

В любом случае очевидно, что его мнение Маннергейма не интересовало. Более того, в стране начали стремительно распространяться слухи об ожидаемой отставке Каллио¹. В результате очевидных глубоких переживаний у Каллио случился инсульт, от которого он уже не смог оправиться и действительно подал в отставку. Причем существует мнение, что уйти с поста президента он был вынужден не только в силу состояния здоровья, но и в результате постоянного игнорирования его президентских полномочий и достаточно грубого на него давления².

В конечном итоге подавший в отставку президент через некоторое время «умер на руках у Маннергейма от сердечного приступа»³. После этого официально новым президентом, нарушая нормальную процедуру выборов, стал член «узкого круга» — Р. Рюти⁴. Его избрала коллегия выборщиков 1937 г., и данный результат, естественно, устраивал Маннергейма. Узнав об этом, маршал отреагировал тем, что воскликнул: «Примечательный итог — и это примечательно для народа Финляндии!»⁵ Действительно, для народа Финляндии итог этих «выборов» будет дорого стоить. Практически внутри страны не осталось никаких сил, сдерживающих «узкий круг лиц».

Однако Маннергейма явно озадачивало то, что германо-финляндские контакты не раскрывали главного. Маршал пока ничего не знал о той роли, которую в рейхе отводили с началом войны войскам Финляндии. Как он отметил в своих мемуарах, «связь с военными должностными лицами Германии была ограничена осуществлением транзита и приобретением оборудования»⁶. Этого для Маннергейма было далеко недостаточно. Поэтому было принято решение опять отправить в Берлин П. Талвела. «Маршал, Вальден и Рюти решили, — писал Талвела, — что мне было бы необходимо прозондировать возможность получения из Германии помощи...»⁷ Конкретно перед Талвела была поставлена задача добиться встречи с благосклонно относившимся к Финляндии Герингом⁸.

¹ *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 85.

² См.: *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 28.

³ *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 156.

⁴ См.: *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 85, 102.

⁵ Цит. по: *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 218.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 300.

⁷ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. S. 223.

⁸ *Ibid.* S. 238.

Талвела дважды пришлось побывать в рейхе. Сначала с 17 по 25 сентября, а затем, спустя полтора месяца, с 8 по 22 ноября, опять была организована его поездка в Берлин. Но все оказалось неудачно. Талвела не смог провести беседы с представителями высшего военного руководства Германии. Поэтому, возвратившись 23 ноября в Хельсинки, он вынужден был сообщить Маннергейму о неудаче своей миссии¹. В результате для маршала многое оставалось невыясненным. От Г. Геринга он смог получить специальное послание только 29 октября, в котором содержались слова поддержки. Геринг просто написал Маннергейму, что «смелая позиция вашего народа принесет свои плоды»². Но этого для маршала, конечно, было недостаточно. В итоге Маннергейм опять начал зондировать вопрос о возможности нового визита Талвела в Берлин³. Теперь речь уже шла о возможной встрече не только с Герингом, но и с начальником генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдером.

В целом то, что тогда высокопоставленные чиновники рейха упорно не хотели встречаться с Талвела было вполне понятно. В это время в Берлине только приступили к завершающей стадии выработки плана нападения на СССР. Поэтому Маннергейму сказать было пока нечего. Самые же главные, принципиальные вопросы с Финляндией рейхом были уже решены. Что же касается нюансов военного планирования, то их можно было обсудить тогда, когда основной план войны будет готов. Понятно, что один из главных разработчиков этого плана начальник генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер привлекать финское военное командование на ранней стадии вовсе не собирался. Финляндии следовало просто поставить боевые задачи тогда, когда все будет готово. Только в начале декабря план «Барбаросса» был в общих чертах готов. Именно в это время Гитлер на совещании своих генералов четко заявил, что в готовящейся операции против СССР «будет участвовать Финляндия»⁴.

В декабре 1940 г. настал тот день, когда в Германии могли, в конце концов, принять финского генерала. События тогда стали разворачиваться стремительно. Талвела, наконец, получил возможность встретиться с Гальдером⁵. На этой встрече впервые были рассмотрены

¹ См.: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 183.

² Цит. по: *Невакиви Ю.* Финляндия и план «Барбаросса» // *Война и политика 1939–1941.* М., 1999. С. 448.

³ *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. С. 183–184.

⁴ Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 278.

⁵ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. S. 252.

сугубо оперативные вопросы, связанные с проблемой боеготовности финской армии, а также временем, необходимым для скрытой подготовки к наступлению ее войск¹. Через день после этой беседы, 18 декабря, Гитлер подписал известную директиву № 21, так называемый план «Барбаросса». В нем содержался окончательный замысел агрессии против СССР. Что же касается Финляндии, то в плане ей отводилась вспомогательная роль «сковать как можно больше русских сил... по обе стороны Ладожского озера»².

Только после этого Талвела все же получил возможность встретиться и обстоятельно переговорить с Герингом. В ходе беседы Геринг твердо заявил: «...Финляндия оказалась в сфере интересов Германии. И Вы можете, генерал, сказать маршалу [Маннергейму. — *Примеч. авт.*], что Финляндии нечего бояться»³. Он особо подчеркнул, что Финляндии «надо идти вместе с Германией последовательно и неколебимо» и когда рейх «одержит победу, то также победит и Финляндия»⁴.

Наивно бы было думать, что после этих слов финское руководство не представляло себе, как могли развиваться последующие события. 7 января 1941 г. К. Г. Маннергейм отправил личное письмо Г. Герингу. В нем он «благодарил рейхсмаршала» за то, что тот пошел «навстречу финским надеждам»⁵.

Так период, когда выяснялись перспективы германо-финляндского сотрудничества, закончился. Г. Геринг выполнил обещание, которое дал еще в феврале 1940 г. Германия продемонстрировала финнам реальное желание начать подготовку к войне против СССР. И теперь начиналась новая стадия развития финско-немецких отношений, которая выражалась в осуществлении конкретного военного планирования общих наступательных операций, направленных против войск Советского Союза.

На следующий день после доклада Маннергейму о поездке Талвелы в Берлин начались серьезные изменения в финском военном планировании. В оперативном отделе генштаба уже 21 декабря составили первые наброски относительно возможности нападения Финляндии

¹ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 60; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 306.

² Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 2. М., 1958. С. 560, 563.

³ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. S. 262.

⁴ *Ibid.* S. 265.

⁵ *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3 — 20.12.1940). Ulkopoliitisten vaihtoehtejän edessä. S. 244.

на территорию Советского Союза¹. Таким образом, в Хельсинки планы строились исходя из того, что боевые действия будут проходить на советской территории. Причем речь шла о решительном наступлении вдоль северного побережья Ладожского озера и расчленении советских войск. В центре начавшегося планирования стоял Маннергейм, и с начала 1941 г. произошла уже целая серия встреч представителей высшего немецкого и финского военного руководства, которые приступали к решению вопросов конкретного планирования совместных действий в войне против Советского Союза.

Прежде всего, по распоряжению Маннергейма в Германию выехал начальник генштаба Э. Хейнрикс. Он в сложных ледовых условиях Балтики тайно на корабле прибыл в Германию 30 января. Хейнрикс сразу же приступил к переговорам с Ф. Гальдером². Переговоры, безусловно, должны были многое определить, поскольку именно тогда Э. Хейнрикс, наконец, узнал о плане нападения Германии на Советский Союз. Но это касалось лишь той части, которая относилась непосредственно к Финляндии³. Тем не менее это было серьезным прорывом в развитии финско-германского военного сотрудничества.

В этот момент с Маннергеймом произошло весьма примечательное событие, которое вызывает в оценках исследователей определенные разногласия. До сих пор нет ясности, почему К. Г. Маннергейм достаточно неожиданно обратился к Р. Рюти с просьбой об отставке. Одновременно вопрос об отставке был поднят и министром обороны, личным другом маршала, генералом Р. Вальденом. Характерно, как отмечает профессор М. Йокипии, что заявления об отставке последовали именно после доклада Хейнрикса о «сенсационных сведениях из Берлина»⁴.

Несомненно, известия, которые привез начальник генерального штаба из Германии, требовали получения большей свободы действий военного руководства, и демарш со стороны Маннергейма можно объяснить именно этим. Просьба об отставке, безусловно, ставила фин-

¹ *Maninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan — politiikassa 1941. Hels., 1980. S. 33.

² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 343.

³ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 68; *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 92–94; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 160; *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 301.

⁴ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 163.

ское правительство в крайне сложное положение. Потому Р. Рюти вынужден был лично приехать к Маннергейму и вести с ним по этому поводу переговоры. Естественно, прошение Маннергейма не было удовлетворено, но позволило серьезно возвысить маршала и расширить его возможности единолично решать важнейшие государственные вопросы. Финско-германское военное планирование никоим образом не могло быть связано с каким-либо государственным ограничением полномочий, и этого маршал добился.

С этого времени через ведомство Маннергейма немецкое командование получило широкую возможность приступить к детальному изучению всего финляндского плацдарма. Это выразилось в предметном рассмотрении штабными офицерами немецкой армии «Норвегия» военных особенностей Северной Финляндии. Как отметил в воспоминаниях Маннергейм, с представителями вермахта стало возможным «обсудить наши оперативные планы, а также передвижение по северным районам и линии связи»¹.

Любопытным представляется то, что в Финляндии тогда было принято решение начать отбор волонтеров для финских подразделений войск СС². 1 марта 1941 г. к посланнику в Берлине Т. Кивимяки официально обратился начальник главного управления СС обергруппенфюрер Г. Бергер³. Он выразил надежду, что «для сближения Финляндии и Германии» необходимо начать создание на финской территории эсэсовских частей⁴. И эта задача сразу же стала обсуждаться высшим руководством страны. Причем ни у министра иностранных дел Виттинга, ни у премьер-министра Рангеля, ни у военного министра Вальдена или министра внутренних дел Борна, а также, естественно, у президента Финляндии Рюти возможные перспективы комплектования идеологизированных частей для немецкой армии из финских добровольцев не вызывало никаких принципиальных возражений⁵.

Особенно важным являлось отношение к «эсэсовской идее» маршала К. Г. Маннергейма. Но он тоже не возражал против разверты-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 301.

² См.: *Барышников В. Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014. С. 88–100.

³ *Батлер Р.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. М., 2006. С. 14.

⁴ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 209–210.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. Hels., 1968. S. 35.

вания соответствующей работы¹. Это означало, что Маннергейм допускал возможность формирования из финских граждан эсэсовских войсковых соединений. Причем ограниченность человеческих ресурсов для широкого развертывания собственных вооруженных сил не помешала маршалу принять столь ответственное политическое решение. Очевидно, что для Маннергейма наиболее важным был сам факт существования финских формирований СС. Он в этом видел лишь «большую определенность в перспективах помощи Германии» Финляндии².

Таким образом, немцы получили исключительное право создания на финской территории специфических воинских частей, где «национал-социалистическая идеология должна быть господствующей», а «каждый эсэовец должен быть готовым слепо выполнять любой приказ, отданный его вышестоящим начальством или фюрером, не взирая на те жертвы, которые могут при этом потребоваться»³. В целом в Финляндии закипела энергичная работа, которая означала идеологическое сближение этой страны с нацистской Германией. Финляндия к тому же оказалась единственным в мире государством, которое не только добровольно открыло свои границы для германской армии, но и приступило к добровольному формированию эсэсовских войск.

С точки зрения характеристики взглядов финского маршала накануне войны, создание в Финляндии воинских формирований эсэовского образца раскрывает совершенно новые грани в облике этого человека. Это указывало на полное доверие и поддержку Маннергеймом финляндско-немецкого сотрудничества. Ни о каких альтернативных вариантах речи, конечно, не было. К этому времени в Финляндии полностью расправились со всеми, кто продолжал выступать за миролюбивые отношения с СССР. В результате с конца лета 1940 г. практически все центральное правление Общества мира и дружбы с СССР находилось в тюрьме. Далее, 4 сентября государственная полиция отказало Обществу в регистрации, а после этого было арестовано еще

¹ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 210. Показательно, что сам Маннергейм пытался этот факт в своих воспоминаниях отрицать (см.: *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 302–303), хотя последующее развитие событий указывает на то, что он был одной из ключевых фигур в решении проблемы формирования финских эсэовских частей.

² *Hartikainen P.* Hugo Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja. Hels., 2001. S. 361.

³ *Батлер P.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 18.

27 активных членов этого общества¹. В конечном итоге деятельность Общества решили прекратить. С 11 сентября начался судебный процесс, который завершился принятием 23 декабря решения о запрещении этой организации². Что же касается арестованного руководства Общества, был проведен еще один судебный процесс, и все они были осуждены на различные сроки тюремного заключения³. В итоге к началу 1941 г. в Финляндии уже не осталось активно действующей оппозиции курсу финского руководства, направленному на подготовку страны к войне с СССР.

В конце апреля Гитлер определил дату нападения на СССР — 22 июня 1941 г. В результате руководству Третьего рейха следовало спешно решить с Финляндией все проблемы, связанные с участием ее в войне. Поэтому 30 апреля Гитлер отдал распоряжение, в котором было приказано незамедлительно продолжить «официальные переговоры об участии в войне против Советского Союза» финской армии⁴.

На следующий день, 1 мая для начальника штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерала А. Йодля была составлена специальная памятная записка, в которой четко излагались задачи финских и немецких войск на момент начала войны, а также механизм взаимодействия германского и финского военного командования. Этот документ должен был стать основой для продолжения военных переговоров с Финляндией.

Что касается Маннергейма, то он вынужден был позднее признать, что у Финляндии тогда действительно никакого выбора уже не имелось. Он в своих мемуарах отметил: «...Вся наша политика, так сказать, само существование Финляндии как самостоятельного государства зависело от наших отношений с Германией»⁵. Да, бывший генерал императорской России сделал для себя окончательный выбор. Война против Советского Союза стала для него главной целью в жизни. В результате 24 мая 1941 г. начальник генштаба финской армии генерал Э. Хейнрикс прибыл в Германию для окончательного согласования планов совместных операций с германской армией. Причем, как указывает в воспоминаниях Хейнрикс, маршал «не смог дать де-

¹ Viitala H.M. Rauhanoppositio. S. 43.

² Ibid. S. 48.

³ Ibid. S. 49.

⁴ Menger M. Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 98.

⁵ Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 308.

легации никаких распоряжений, поскольку не было сведений о том, в какой форме и в каком направлении будут» строиться эти переговоры¹. Переговоры были деловыми и весьма стремительными. Хейнрикс встречался, прежде всего, с Ф. Гальдером, а также еще с фельдмаршалом В. Кейтелем и генералом А. Йодлем².

С немецкой стороны было определено, что целью всей операции был быстрый захват северных территорий Советского Союза и установление господства на Балтийском море. Для этого немецкие войска должны были начать наступление из Восточной Пруссии через Прибалтику на Ленинград, а финской армии следовало нанести скоординированный с ними сильный удар вдоль восточного или западного побережья Ладожского озера и в зависимости от обстановки продвигаться вперед для соединения с германской группой армий «Север». Имелось в виду, что наступление финских войск на ленинградском направлении начнется не сразу, а примерно через 14 дней после начала Германией войны³.

Возвратившись в Финляндию, Хейнрикс подробно проинформировал Маннергейма и других государственных деятелей, входящих в «узкий круг» руководства страной. Причем всё решали исключительно военные. Политическое руководство фактически не участвовало в процессе принятия основополагающих решений, хотя весь процесс выглядел как вполне естественное развитие финско-германских отношений. Более того, даже не возникло вопроса, о каком характере войны идет речь, хотя было предельно очевидно, что готовилась самая настоящая агрессия.

Тем не менее 28 мая Гитлером было отдано указание, согласно которому Финляндии можно было передать окончательные сведения о планируемых немцами операциях против СССР⁴. После этого, 5 июня Маннергейм в узком кругу приглашенных на доверительную беседу военных — Вальдена, Хейнрикса и Талвела сообщил весьма значительное известие: «Германия на днях совершит нападение на Советский Союз». При этом маршал добавил: «Немцы не просят нас ни о чем другом, кроме как нанести сильнейший удар в направлении

¹ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 231.

² SA. PK 1172/15. Kenraali Heinrichsin kokoelma. Воспоминания о поездке в Германию, 1941; *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 304–307.

³ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 545.

⁴ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S.8 4; *Korhonen A.* Barbarossa — suunnitelma ja Suomi. S. 275.

Ленинграда»¹. Тогда же было решено командование в группировке войск, которая будет осуществлять этот удар на острие прорыва, поручить Талвела. Стремительно поднявшись со стула, тот патетически заявил присутствовавшим: «Это есть величайший момент в моей жизни»².

3–6 июня состоялся еще один раунд военных переговоров. Он прошел уже в Хельсинки. Тогда был решен вопрос о разграничительной линии между немецкими и финскими войсками и достигнута договоренность о передаче Финляндией целого ряда своих аэродромов немецким военно-воздушным силам³. Так же как и прежде, важнейшие межгосударственные вопросы, касавшиеся территориального суверенитета и переподчинения части финской армии иностранному государству, решились без ведома парламента. Все делалось на уровне офицеров, которым поручалось подписывать соответствующие договоренности.

Достигнутые с немцами соглашения, однако, полностью не соответствовали тем утверждениям, которые маршал затем изложил в своих мемуарах. Он, искажая реальные факты, связанные с финско-немецкими договоренностями, записал: «У нас был лишь один план, и он являлся строго оборонительным. Приказ войскам их ориентировал всецело на выполнение оборонительных задач. Утверждение, что Финляндия готовила ведение наступательной войны, беспочвенно»⁴. Это являлось очевидной неправдой. Маршал уже после окончания Второй мировой войны просто стремился скрыть все те предварительные мероприятия военного характера, связанные с подготовкой совместно с немцами агрессии против СССР. Очевидно, именно это имел в виду американский историк, профессор Ч. Лундин, который еще в 1956 г. заметил лживость этих строк. Он вполне справедливо заметил, что сведения, которые Маннергейм приводил в мемуарах, «поражают своими многочисленными противоречиями» и «создают серьезную путаницу в понимании финских военных и политических проблем периода войны»⁵. Действительно, подготовка Финляндии к новой войне против СССР стала предметом разбирательства на су-

¹ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I. S. 269.

² *Ibidem.*

³ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 85–86; Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. II. С. 629.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 311–312.

⁵ *Lundin C. L.* Finland in the Second World War. Blomington, 1957. P. 15.

дебном процессе 1945—1946 гг. над главными виновниками участия страны во Второй мировой войне. Это требовало от маршала всячески скрывать правду.

В тот момент, который в мемуарах Маннергейма рассматривается как период, когда «Финляндия решила оставаться нейтральной, если на нее не нападут»¹, в Хельсинки с колоссальной для себя энергией стремились поучаствовать в агрессии, допуская все новые и новые немецкие войска на свою территорию. В результате 7 июня началась активная переброска в Финляндию основной группировки немецких войск, которая должна была начать наступление на Крайнем Севере. В Финляндию было отправлено на более чем 70 транспортных кораблях свыше 21 тысячи германских солдат. Эти войска выгружались в портах Оулу, Пиетарсаари, Вааса, Каксис и Турку². Затем эшелонами по железным дорогам они двинулись на север, в район Рованиеми. Параллельно в финскую Лапландию из Норвегии маршем начали прибывать первые механизированные части дивизии СС «Норд». Вообще в те дни благодаря переброске частей из Северной Норвегии группировка немецких войск в районе Рованиеми увеличилась на более чем 40 тысяч солдат³. 12 июня из немецких портов в финские территориальные воды под торговыми флагами рейха взял курс отряд боевых кораблей. Эти суда должны были вместе с финскими кораблями с началом войны перекрыть выход советского Балтийского флота из Кронштадта. 18 июня немецкие войска стали выдвигаться на севере к границе с Советским Союзом, занимая боевые позиции для начала наступления⁴.

Естественно, Маннергейм не мог не знать обо всех этих военных приготовлениях. Более того, 14 июня ему уже сообщили время начала войны⁵. После этого в генеральном штабе финской армии состоялось экстренное совещание командиров оперативных отделов корпусов, на котором их проинформировали об ожидаемом развитии событий. Как отметил 19 июня в своем дневнике П. Талвела, «предварительный

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 310.

² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 93; *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 104.

³ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 93; *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. С. 145.

⁴ *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. S. 108.

⁵ *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. Jyväskylä, 2017. S. 128; Heinrichs E.* Mannerheim Suomen koh-taloissa. S. 244.

приказ о наступлении получен». Единственное, что Маннергейм не хотел делать — это начинать боевые действия одновременно с Германией. От него в рейх поступило очередное предложение начать наступление финских частей не 22 июня, как это должны были сделать немецкие войска, а лишь 3 июля¹.

Тем не менее за день до нападения Германии на Советский Союз, 21 июня вооруженные силы Финляндии были приведены в состояние полной боевой готовности. Причем ни о каких «оборонительных задачах», как это написано в мемуарах Маннергейма, речи не шло. Да и А. Гитлер никоим образом не скрывал особую роль маршала, которую Маннергейм играл в совместной с нацистами подготовке агрессии против СССР. Фюрер 21 июня 1941 г. направил президенту Финляндии «обходительное» письмо. В нем Гитлер официально подтвердил существование между «немецким и финским военным руководством договоренностей», касающихся начала войны против Советского Союза².

Однако и после этого только Маннергейм в глазах немецкого руководства был единственным государственным деятелем, который мог единолично принимать судьбоносные для Финляндии решения. Как заметил 15 июня 1941 г. в своем дневнике недавно назначенный при ставке маршала представитель германского командования генерал В. Эрфурт, Маннергейм, «несомненно, является ключевой фигурой в политической жизни Финляндии, и его влияние здесь очень значительно»³. Далее Эрфурт достаточно цинично пояснил: «Маннергейм — амбициозная, холодная личность, подчиняющая все свои действия амбициям и тщеславию... В Войне за независимость он был “белым генералом”, а в “зимней войне” превратился в “бело-голубого генерала” [намек на национальные цвета финского флага. — *Примеч. авт.*] <...> Маннергейм — единственный человек, за которым в войне против Советского Союза пойдут все финны»⁴.

¹ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 133.

² Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 347–348. Кстати, Р. Рюти тогда подготовил ответ фюреру. В нем он обратил внимание на то, что между обеими странами официального военного соглашения не существует. Это очевидно подчеркивало роль Маннергейма в решении межгосударственных задач финско-немецкого военного сотрудничества. См.: Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. Hels., 2006. S. 119.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 131.

⁴ Ibid. S. 131–132.

Действительно, стараниями Маннергейма в Финляндии уже были готовы к началу новой войны. Теперь оставалось лишь приступить к тиражированию заблаговременно составленного им приказа о переходе финских войск в наступление, который был готов и находился в типографии генштаба¹. К тому же финляндские подводные лодки и германские минные заградители, располагавшиеся в шхерах, уже направились в территориальные воды Советского Союза для постановки мин. Были отданы последние распоряжения, касающиеся подготовки страны к предстоящему нападению на СССР.

Таким образом, Маннергейм оказался действительно центральной во всех отношениях фигурой. Именно на него лег основной груз ответственности за предстоящую совместно с нацистской Германией агрессию против СССР. В целом его власть в стране достигла небывалой силы. Ни один из финских государственных деятелей того времени не мог себе позволить принять на себя столь важные для страны решения, от которых зависела будущая судьба государства.

Маннергейм в битве за Ленинград

О позиции Маннергейма и о роли Финляндии в блокаде Ленинграда написано довольно много, причем наряду с попытками взглянуть на позицию маршала исторически² существуют широко распространенные суждения об «особой миссии», которую стремились исполнить возглавляемые маршалом финские войска, которые скорее «прикрывали Ленинград от немцев», нежели чем участвовали в блокаде города³. Маршал в своих мемуарах тоже с гордостью заявил, что

¹ Tiedonantaja. 1979, 16.2.

² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.-Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. СПб.,-Хельсинки, 2004; *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010; *Клинге А.* Маннергейм и блокада: Запретная правда о финском маршале. М., 2017; *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarossasta Teheraniin. Porvoo-Hels.-Juva, 1979. и др.

³ См., например: *Власов Л.* Маннергейм; *Власов Л.* Густав Маннергейм в Петербурге; *Иоффе Э.* Линии Маннергейма; *Вимавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 69; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда в концепциях финских историков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004; *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia и др.

«мы отказались от похода на Ленинград в тот момент, когда немцы стояли на границе города»¹. Однако это утверждение не до конца соответствует реальному ходу боевых действий.

В действительности, как справедливо заметил финский историк А. Руси, «в определении главнокомандующим общих оперативных планов в начальной стадии войны вопрос о взятии Ленинграда составлял сущность финско-немецкого военного сотрудничества»². Подтверждением этих слов могут служить уникальные дневниковые записи, которые оставил представитель верховного командования Германии при финской ставке генерал В. Эрфурт. В них было весьма ярко отражено отношение Маннергейма к Ленинграду и его судьбе, поскольку тогда немецкий генерал регулярно встречался с маршалом, а затем записывал впечатления от бесед в своем дневнике. Маннергейм же со своей стороны «придавал фигуре генерала Эрфурта в качестве офицера связи большое значение»³, что делало их переговоры очень информативными. Приходится лишь сожалеть, что данный ценнейший исторический источник стал доступен для открытого изучения лишь 2010-е гг.⁴ Тем не менее именно он смог дать наиболее ясную картину взглядов Маннергейма на проблему битвы за Ленинград и отношения маршала к началу формирования блокадного кольца вокруг города.

Уже описание первого дня войны выглядит у Эрфурта весьма выразительно, поскольку он смог передать настроение, в котором тогда пребывал финский маршал. По дневниковым записям, в частности, становится хорошо понятно, что сам момент нападения Германии на Советский Союз для Маннергейма был тождественным и достаточно хлопотным днем. Маршал сразу же 22 июня 1941 г. пригласил к себе немецкого генерала, поскольку, как он сказал, именно с ним «нужно было встретиться в этот исторически важный день». Далее Эрфурт записал: «Когда мы пожали друг другу руки, он был, как казалось, глубоко тронут значимостью войны против управляемой большевиками России...»⁵ Впрочем, этот факт для представителя германского ко-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 461.

² См.: *Rusi A.* Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. Hels., 1982. S. 144.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 478.

⁴ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa.

⁵ *Ibid.* S. 141.

мандования не являлся большим открытием. Немцы, конечно, очень хорошо представляли взгляды Маннергейма и его отношение к соседнему государству. Это даже выразилось в речи Гитлера, которую фюрер произнес 22 июня. Он тогда подчеркнул, что в едином строю с немецкими войсками на Севере находятся «финские братья по оружию», которых «возглавляет маршал». Более того, Маннергейм, а также министр иностранных дел Виттинг были ознакомлены с текстом этого выступления еще накануне, 21 июня. Оба, со своей стороны, не высказали возражений по поводу его содержания¹. Более того, некоторые крупные финские столичные газеты спешно опубликовали это выступление в полном объеме.

Однако, поскольку Финляндия вела подготовку к войне на стороне Германии очень скрытно, то официальное заявление Гитлера и обширные комментарии немецкой пропаганды о том, что эта страна выступает против СССР в качестве союзника рейха, обескуражили население и поставили как Маннергейма, так и финское руководство в целом в весьма затруднительное положение. Конечно, можно говорить, как это делает профессор Х. Мейнандер, что «Гитлер в своей речи разоблачил самого себя»². Но он разоблачил также и финского маршала. Финляндия, как известно, войны СССР не объявила. Поэтому срочно были конфискованы все выпущенные газеты с речью Гитлера³, а финский МИД начал публиковать коммюнике о нейтралитете страны⁴.

Тем не менее финская армия была приведена в полную боевую готовность. «Мобилизация прошла хорошо, — отметил начальник штаба тыловых войск генерал А. Е. Мартола, — и теперь наша полевая армия была в два раза больше, чем в начале “зимней войны”»⁵. После проведенной в стране мобилизации численность финских войск превысила 600 тысяч человек. Это составляло около 17% всего населения Финляндии⁶. К тому же для нанесения первых бомбовых ударов по районам Ленинграда, Кронштадта, а также коммуникациям северо-запада СССР немецкая авиация получила в распоряжение шесть финских аэродромов⁷. Как по этому поводу отметил известный финский

¹ *Upton A.* Väli rauha. Hels., 1965. S. 386–387.

² *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 228.

³ *Viilkuna K.* Sanan valvonta. Hels., 1962. S. 58.

⁴ См.: *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 228.

⁵ *Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. S. 157.

⁶ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 98.

⁷ *Ibid.* S. 99; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 470.

историк профессор М. Йокипии, «аэродромы, на которых насчитывались сотни бомбардировщиков, находились в Восточной Пруссии, откуда и планировалось нанести “неожиданный” удар... а заправка на обратный путь при необходимости могла быть осуществлена в Южной Финляндии»¹.

Маннергейм, конечно, понимал, что факт использования германской авиацией аэродромов Финляндии для атак территории СССР может неминуемо привести к ответным бомбовым ударам. Поэтому заранее, передавая аэродромы, выразил просьбу, чтобы немецкие ВВС поскорее «уничтожили те советские аэродромы, которые могли угрожать территории Финляндии»². Таким образом, в финской ставке учитывали, чем может закончиться присутствие немецкой авиации на территории страны, если Германия из Финляндии начнет бомбардировку жизненно важных объектов Советского Союза. Очевидно, перспектива ответного удара все же мало смущала Маннергейма, который безусловно полагался на сокрушительную военную мощь Третьего рейха.

Действительно, 22 июня в два часа ночи через финский аэродром в Утти пролетело до 18 немецких бомбардировщиков «Ю-88», которые вошли в воздушное пространство Советского Союза. Целью данной операции являлось, как утверждают финские исследователи, минирование «объектов, связанных с судоходством на Неве»³. Поставленную задачу, очевидно, германские самолеты выполнили⁴. При этом, как отметил военный историк Х. Сеппяля, «с финского воздушного пространства атаквали район Ленинграда еще до перехода в наступление немецкой армии» и начала Великой Отечественной войны⁵.

Однако на этом авианалеты 22 июня не закончились. Еще 14 немецких бомбардировщиков, вылетевших из Восточной Пруссии, также использовали Финляндию для базирования. Причем «на штурманском кресле ведущего бомбардировщика сидел капитан финских ВВС»⁶. В результате в советских территориальных водах у Ленин-

¹ *Seppälä H.* Suomi hyökkaajana 1941. S. 99; *Jokipi M.* Jatkosodan synty. S. 470.

² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 99.

³ *Jokipi M.* Jatkosodan synty. S. 584.

⁴ *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970. С. 45.

⁵ *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. Hels.-Pietari, 2003. S. 38–39.

⁶ *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 225.

града и Кронштадта, в фарватере Финского залива, были сброшены 1000-килограммовые мины, сразу же создавшие угрозу коммуникациям советского Балтийского флота.

Тем не менее финская армия не перешла тогда государственную границу СССР, поскольку в соответствии с планом «Барбаросса» она должна была включиться в наступательную операцию на ленинградском направлении строго после подхода к городу немецкой группы армий «Север». Но, как упомянул в своих мемуарах командующий ВВС Ленинградского военного округа А. А. Новиков, «в ночь на 23 июня сигнал воздушной тревоги прозвучал и в городе Ленина»¹. Действительно, 23 июня немецкое командование решило нанести первый авиаудар прямо по Ленинграду. До 18 бомбардировщиков, взлетев поздно вечером с территории Финляндии, пытались прорваться к городу со стороны Карельского перешейка. Причем уже на подлете к цели в районе Сестрорецка они натолкнулись на весьма плотный огонь зенитных орудий. В результате половина этой авиационной группы развернулась и двинулась в сторону Финского залива в направлении Кронштадта, а другая продолжала следовать курсом прямо на Ленинград.

Обе группы немецких самолетов, однако, так и не смогли выполнить поставленной перед ними задачи. У Кронштадта бомбардировщики были встречены плотным заградительным огнем зенитных орудий Балтийского флота. В итоге, по некоторым данным, было сбито «четыре самолета, а остальные повернули обратно»². Другая же группа немецких бомбардировщиков оказалась прямо над артиллерийскими позициями 2-го корпуса ПВО. Сразу же один из самолетов этой группы был сбит, остальные, беспорядочно сбросив свой груз, быстро взяли обратный курс на территорию Финляндии³.

Что же касается сбитого над Карельским перешейком самолета, то три члена его экипажа смогли катапультироваться. Однако они были сразу же взяты в плен. В результате выяснилось, что этот «экипаж вместе с экипажами других бомбардировщиков получил задачу совершить налет на Ленинград и нанести удар по Кировскому заводу»⁴. Таким об-

¹ Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 46.

² Дворянский Е. М., Ярошенко А. А. В огненном кольце. Таллин, 1977. С. 19.

³ Там же.

⁴ Винницкий Л. Г. Бойцы особого фронта. Л., 1980. С. 13; см. также: Геуст К.-Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения». С. 226.

разом, главными целями сорванного авианалета являлся крупнейший промышленный объект города¹.

Кроме того, командованию Ленинградского военного округа стали поступать разведывательные данные о том, что немецкие войска готовят масштабные «авиационные удары по Ленинграду»². Из получаемых данных становилось ясно, что началось «сосредоточение на аэродромах Финляндии крупных сил немецкой авиации»³. Это требовало от советского командования крайне оперативных решений. Начальник разведотдела штаба округа комбриг П. П. Евстигнеев срочно доложил об имеющихся у него сведениях своему руководству. Как по этому поводу заметил Новиков, «нужно было принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке в первые часы войны»⁴.

Так, на второй день войны позиция Финляндии стала предельно ясна. Нарушение воздушного пространства СССР превратилось в регулярные боевые операции. Очевидно, что в подобных условиях требовалось дать соответствующий отпор. Об этом решении, естественно, должны были думать, прежде всего, в Москве, поскольку ранее, с началом войны, войскам Ленинградского военного округа был дан категорический приказ, чтобы они «не шли на провокации»⁵.

По воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня связался с заместителем наркома обороны СССР и начальником Генштаба Г. К. Жуковым. Как пишет Никишев, он сообщил ему о систематических фактах нарушения границы со стороны Финляндии. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «“Бейте эту св...чь” и положил трубку»⁶. Это означало, что для военных загадок уже не было. Боевые действия, развернутые с территории Финляндии, явно указывали, что финны вступили в войну на стороне Германии, и по этому поводу

¹ Геуст К.-Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения». С. 226

² Винницкий Л. Г. Бойцы особого фронта. С. 13.

³ Там же.

⁴ Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 50.

⁵ Цит. по: Барышников В. Н. К вопросу о бомбардировке района Ленинграда с территории Финляндии 22–23 июня 1941 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 134.

⁶ Цит. по: Барышников В. Н. К вопросу о бомбардировке района Ленинграда с территории Финляндии 22–23 июня 1941 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 134.

требовались вполне конкретные действия. В результате 25 июня по 18 аэродромам в Финляндии и захваченной Германией Норвегии был нанесен первый мощный авиационный удар. В операции принимали участие 260 бомбардировщиков¹. Таким образом, на каждую цель советское командование направило приблизительно столько же бомбардировщиков, сколько и люфтваффе в момент их налетов на район Ленинграда. В среднем по финским и норвежским объектам бомбовый удар наносили 14 советских самолетов. Разница немецкого и советского авианалетов заключалась лишь в значительно большем количестве целей, которые были подвергнуты атаке советской авиации.

Эту атаку, как пишет в своих мемуарах Маннергейм, было «ни в коем случае невозможно избежать» и она «не была для меня так же, как и для любого мыслящего финна, неожиданностью»². Более того, как указывается в финской научно-исследовательской литературе, потери ВВС Финляндии в результате этого налета оказались весьма незначительными³. Но тем не менее военный итог этой бомбардировки все же был: с этого момента налеты на Ленинград немецкой авиации с финской территории прекратились. Причем прекратились... до самого конца войны.

Можно отметить еще один важный итог этой операции. Советский авианалет нанес первый серьезный удар по предвоенной политике Маннергейма. Маршал, позволив сначала разместить части вермахта на своей территории, а затем разрешив базироваться в Финляндии военно-морским и военно-воздушным силам Германии, не до конца осознавал масштабы возможных последствий такого решения. Надежды на то, что вермахт в считанные недели сокрушит Красную армию, а люфтваффе уже в первые часы войны сможет подорвать мощь советской авиации, не оправдались. В результате в момент ответного авиационного удара 25 июня в Финляндии погиб 21 человек и более

¹ Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. С. 45; Иноземцев И. Г. Под крылом — Ленинград. М., 1978. С. 40. В мемуарах А. А. Новикова в подтверждение цифры уничтоженных самолетов противника указано, что в этой операции приняло участие 263 бомбардировщика и 224 истребителя (см.: Новиков А. А. В небе Ленинграда. С. 51).

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 313, 315.

³ См.: *Teust K.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения». С. 229–239; *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. S. 47.

100 были ранены¹. Так в Финляндии появились первые жертвы политики военного сотрудничества Маннергейма с Германией.

Ответные действия советской авиации, по выражению финского военного историка Х. Сеппяля, «облегчили» и положение правительства Финляндии², искавшего необходимый повод для объявления войны Советскому Союзу. Финскому государственному и военному руководству было особенно важно представить Финляндию как «жертву агрессии», чтобы получить поддержку своей политики среди широких слоев населения страны. Поэтому требовалось представить дело так, чтобы речь шла об «оборонительных» действиях. 25 июня вечером на закрытом заседании парламента выступил премьер-министр Ю. Рангель. Он, ничего не говоря о действиях немецкой авиации с территории Финляндии, изобразил Советский Союз как «государство-агрессора», ставящее целью «ликвидировать финский народ». В силу этого, заявил Рангель, «страна должна обороняться всеми имеющимися средствами»³.

На следующий день, 26 июня, президент Рюти уже в выступлении по радио официально объявил, что Финляндия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Маскируя подготовку в сговоре с Германией агрессии против СССР, Рюти заявил, что со стороны Финляндии будет вестись «своя обособленная оборонительная война». Однако, как справедливо заметил финский военный историк Х. Сеппяля, «цели Финляндии в начале войны были ограничены в том отношении, что ее действия находились в зависимости от действий вооруженных сил Германии, от их поражений или успехов»⁴.

Главной целью начавшихся тогда боевых действий являлось взятие Ленинграда. В этом отношении, безусловно, важно знать конечный результат этой операции и что ждало «после победы» агрессора жителей города. Сейчас это хорошо известно. Ленинград должен был быть уничтожен, поскольку «его оккупация рассматривалась как нерешаемая проблема с точки зрения дальнейшего содержания города»⁵. О конечном результате начавшейся 22 июня операции, конечно, знал и Маннергейм. 24 июня рейх сообщил об этом. Маннергейм

¹ UM. 110. A 1. Pommituskertomus ajalta 22–26.6.1941.

² *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1969. S. 59.

³ Salaiset keskustelut. S. 89.

⁴ *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 212–213.

⁵ *Jokipii M., Manninen O.* Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2006. № 25. S. 256.

получил из Берлина информацию, что с захватом города он должен быть уничтожен¹. Об этом стало известно из сообщения финляндского посланника в Берлине Т. Кивимяки, который имел личную беседу с рейхсмаршалом Г. Герингом. Ему сказали, что по итогам войны финны могут получить «также Петербург, который все-таки... лучше уничтожить»². Но, узнав о перспективах уничтожения «города своей молодости», города, который он, как считают некоторые, «до конца своих дней любил и помнил»³, Маннергейм ничуть не смутился. Финские войска вместе с Германией включились в общий поход, который должен был закончиться уничтожением «его Петербурга».

Тем не менее с объявлением войны СССР финская армия не сразу ринулась в бой. В день официального вступления в войну К. Г. Маннергейм лишь прибыл из ставки в район сосредоточения Карельской армии. Он был вполне удовлетворен тем, как развивались события на советско-германском фронте, и даже в узком кругу отметил: «Немцы преуспели против Советского Союза с самого начала гораздо больше, чем можно было предвидеть»⁴. В штабе корпуса начали рассматривать конкретные оперативные вопросы предстоящего наступления⁵. Переход в общее наступление находился в полной зависимости от темпов продвижения немецкой группы армий «Север». В результате финские войска были лишь сориентированы на активное ведение боевых операций в приграничных районах. Как писал командир VI армейского корпуса, входившего в эту армию, генерал П. Талвела, было условлено, что они могут «захватить определенную территорию», но не должны «втягиваться в крупные боевые действия»⁶.

Именно такую установку финская армия имела до 9 июля. Саму же директиву о начале наступления Маннергейм утвердил 28 июня, причем в последнем пункте приказа «в качестве конечной цели операции указывалась река Свирь и Онежское озеро»⁷, то есть районы,

¹ Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 55; Барышников Н. И. Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 29.

² Цит. по: Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 55; см. также: Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 257.

³ Власов Л. В. Густав Маннергейм в Петербурге. С. 8.

⁴ Цит.: Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение 1941–1944. СПб., 2004. С. 94.

⁵ Talvela P. Sotilaan elämä. Osa I. S. 279.

⁶ Ibid. S. 299.

⁷ Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 326.

глубоко находящиеся на территории СССР. Но еще до начала этого наступления в приграничных столкновениях финские войска встретили достаточно сильный отпор. Не увенчались успехом, в частности, попытки финских частей II армейского корпуса Карельской армии выйти к Ладожскому озеру. Они смогли вклиниться в оборону советских частей приблизительно на 15 километров. При этом потери этого корпуса к 10 июля превысили 2 тысячи человек¹.

Тем временем, как явствовало из приказа, подписанного Маннергеймом, главная задача Карельской армии заключалась в масштабном прорыве с целью обогнуть Ладожское озеро и выйти с северо-востока на территорию Ленинградской области, где ей следовало соединиться с немецкой группой армий «Север», наступавшей на Ленинград с юго-запада. Это наступление пока не начиналось. Ждали соответствующих сообщений из рейха. Только 9 июля генерал В. Эрфурт объявил, наконец, маршалу, что 10 июля группа армий «Север» начнет разворачивать наступление непосредственно на Ленинград. Это был уже сигнал «к бою». Финские войска также должны были наступать навстречу германским².

Единственное, что не очень понравилось Маннергейму, это то, что о начале финского наступления он получил информацию в самый последний момент, что свидетельствовало о том, что немцы не задумывались об эмоциях и чувствах финского маршала. Хотя при этом, как записал в своем дневнике В. Эрфурт, Маннергейм, как и еще два финских генерала, присутствующих при этом сообщении, «были сильно впечатлены масштабом операции». По наблюдениям представителя немецкого командования, в ставке вообще было «хорошее настроение из-за большой задачи, поставленной перед финнами»³.

Действительно, 10 июля Маннергейм, как это и требовалось, отдал приказ Карельской армии о переходе в наступление⁴. Но для финских войск не все оказалось полностью благополучно. Развернувшиеся бои приобрели исключительно напряженный, кровопролитный харак-

¹ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 124.

² *Tuompo W. E.* Päiväkirjani 1941–1944. Porvoo-Hels., 1969. S. 28–29; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 13; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 101; *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa.* S. 161–162.

³ *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa.* S. 161, 163.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 327.

тер¹. Это само по себе являлось сигналом для Маннергейма, что легких успехов на фронте не будет. Маршал вынужден был признать, что его войска действительно «встретили ожесточенное сопротивление» и «пробивались через сильно укрепленные оборонительные позиции русских с большим трудом»². Карельская армия несла серьезные потери. Их общее количество составило в июле около 6700 убитыми и пропавшими без вести, а число раненых достигло 25 тысяч человек³. Это составляло 7% боевого состава финской армии⁴. В результате к концу июля продвижение финских войск стало развиваться не так быстро, как планировалось, и в конечном итоге «по военным причинам было приостановлено»⁵.

Однако 30 июля Маннергейм отдал новый приказ. Теперь наступление должно было начаться на Карельском перешейке прямо в сторону Ленинграда. Бои здесь тоже приобрели не менее ожесточенный характер. Маннергейм лично прибыл на линию фронта и вынужден был признать, что там начались «тяжелые бои, за которыми я наблюдал с близкого расстояния»⁶. Только 5 августа пополненная резервами финская армия осуществила прорыв в центральной части Карельского перешейка⁷. Лишь после этого для Маннергейма обстановка начала складывалась достаточно благоприятно.

Тем не менее общий ход начавшейся войны несколько смущал финского маршала. Предполагаемого блицкрига, как это было ранее в Европе, у Германии явно не получалось⁸. Об этом 18 августа Маннергейм, ничуть не стесняясь, откровенно сказал В. Эрфурту. Он указал, что из-за отсутствия быстрого продвижения германских войск финны вынуждены сдерживать наступление. Немецкий генерал запи-

¹ См.: *Lehtus K. Tuntematon Mannerheim. S. 64; Олейников Г. А.* Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941–1942 годов. СПб., 2000. С. 43–63.

² *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 328.*

³ *Talvela P. Sotilaan elämä. Osa I. S. 315.*

⁴ См.: *Олейников Г. А.* Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941–1942 годов. С. 61.

⁵ *Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 262.*

⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 330.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ См.: *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. С. 100; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 38.

сал в своем дневнике, что маршал тогда «жаловался на длительность войны (скоро пройдет два месяца!)»¹. Маннергейм также подчеркнул, что финские войска под Выборгом уже «устали ждать», поскольку до сих пор «не получают приказ о наступлении»². Таким образом, маршал «рвался в бой», который должен был закончиться выходом прямо к стенам Ленинграда. Его сдерживало только отсутствие прорыва и «медленное» наступление с юга на город немецких войск.

Однако свое стремление участвовать в немецком наступлении на ленинградском направлении после войны маршал в своих мемуарах всячески стремился исказить. Безусловно, итог Второй мировой войны оказался не тем, на который Маннергейм рассчитывал летом 1941 г., и теперь, в новых условиях, он конечно, не хотел, чтобы Финляндию как и Германию, обвинили в организации блокады города. Поэтому он задним числом, повествуя о битве за Ленинград, написал: «С самого начала счел необходимым ясно заявить президенту и правительству, что ни в коем случае не буду руководствоваться осуществлением задачи вести наступление против города на Неве»³. Но эта благородная фраза никоим образом не соответствовала действительности. На самом деле все было далеко не так. Единственное, в чем, вероятно, не хотел участвовать в 1941 г. Маннергейм, это в длительной войне против СССР. Однако именно так и развивались события.

В военном руководстве Германии летом 1941 г. признали, что продвижение их войск оказалось не таким быстрым, как планировалось. Стало понятно, что сходу, «на плечах противника» взять Ленинград не удастся. Поэтому было решено перейти к осаде города, что должно было закончиться его капитуляцией. В результате, как указывают финские историки, когда немецкое «наступление не позволило достигнуть желаемого, то на финское направление стали все больше возлагать надежды»⁴. Конкретно в германском военном руководстве сочли, что «надо сразу же атаковать противника с тыла», то есть с финского направления. Считалось, что это позволит отвлечь защитников от той опасности, которая со стороны немецких войск нависла над Ленинградом и «с юга угрожала» городу⁵.

¹ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 161, 199.

² Ibid. S. 201.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 346.

⁴ *Jokipii M., Manninen O.* Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 262.

⁵ Ibidem.

Естественно, финскому маршалу об изменившихся планах была предоставлена строго конфиденциальная информация. Как заметил в воспоминаниях В. Эрфурт, «чем дальше выдвигался немецкий фронт... тем все больше становились на первый план соображения немецкого и финского верховного командования в отношении согласованных оперативных действий в районе под Ленинградом или восточнее него»¹. Поэтому 20 августа через генерала Эрфурта Маннергейму сообщили, что «у немецкой стороны нет намерения захватить Петербург стремительным штурмом». В результате изменившейся обстановки, как сообщалось маршалу, вермахт «скорее постарается осадить город и разрушить его оборону с помощью авиаударов и артиллерийским огнем». Таким образом, взятие Ленинграда предполагалось в виде хорошо подготовленной осады, а задача Маннергейма «заключается в том, чтобы как можно большее количество финских войск участвовало в блокаде Санкт-Петербурга»² [так в тексте оригинала. — *Примеч. ред.*] с севера»³.

Это сообщение на Маннергейма произвело, по наблюдению Эрфурта, очень «пагубное впечатление». Немецкий генерал записал в своем дневнике: «Было явно заметно, что он не согласился с пожеланиями немцев. Однако сдержался и просто спросил: “Как я могу сделать все это?.. Я не имею ни современного вооружения, ни авиации и несую большие потери”»⁴. В результате раскрытия новых немецких замыслов для Маннергейма стало предельно понятно, что все первоначальные планы Германии, которые до этого с ним согласовывались, теперь серьезно изменились и «появился, — по словам маршала, — совершенно новый натюрморт». В складывающихся условиях финских войск должно было быть существенно больше, чем ранее предполагалось. Как маршал прямо указал Эрфурту, это означало для его армии «значительно дальше продвинуться на обоих фронтах», как на Карельском перешейке, так и в Карелии⁵, что, конечно, делало операцию более длительной и более масштабной. В целом война стала не такой, на которую маршал рассчитывал, допуская в свою страну

¹ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М., 2005. С. 58.

² Здесь и далее в письмах и немецко-финских военных документах Ленинград называется Санкт-Петербург или Петербург.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 202.

⁴ Ibid. S. 203.

⁵ Ibidem.

немецкие войска. Перед финской армией в результате возникали достаточно сложные новые цели. Они требовали и напряжения всех сил.

В итоге Маннергейм заявил германскому представителю, что участие финских войск в длительной осаде Ленинграда «является большой задачей, которая никак не могла быть решена слабыми силами финнов». Но полностью и категорически отказаться от дальнейшего осуществления совместных с Германией операций финский маршал не смог. Он лишь хотел оставить за финской армией сугубо вспомогательные функции. Поэтому Эрфурту Маннергейм заявил, что «считает планы Германии весьма обширными», но ему «особенно была неприятна мысль о наступлении финских войск под Санкт-Петербургом», поскольку относительно существующих там советских укреплений «у нас для их взлома нет возможностей, нет ни авиации, ни артиллерии». Маннергейм прямо тогда сказал, что для него было бы лучшим то, как планировалось раньше — «Петербург захватили немцы и оставили бы его под своим контролем»¹. Эрфурт на это смог лишь цинично успокоить Маннергейма, сказав ему, что «более жесткая осада Петербурга облегчит ситуацию», а сами «цели, поставленные в плане, определены смело и обещают превратиться в большой успех». Более того, немецкий генерал постарался польстить финскому маршалу, сказав, что «задача, стоящая перед финской армией, показывает, что германское военное руководство очень доверяет финским солдатам и их главнокомандующему»².

Таким образом, нацистское руководство начало подключать финскую армию к будущей блокаде Ленинграда. И возникает вопрос, могли ли маршал на этапе изменившихся в Германии военных планов отказаться от их реализации и встать на путь «независимой» от Германии войны? Такой шанс у Маннергейма как раз тогда и возник. Именно в тот момент у него реально появилась возможность на весь мир подтвердить «обособленность» финской войны и не участвовать в блокаде Ленинграда.

Дело в том, что именно в это время советское правительство, используя посредничество США, решило предложить правительству Финляндии прекратить боевые действия и заключить новый мирный договор. Письмо И. В. Сталина по этому поводу было направлено

¹ Saksan kenraali Suomen paamajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin paivakirjan valossa. S. 204.

² Ibidem.

Ф. Рузвельту 4 августа. В нем говорилось: «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии». Причем далее еще указывалось, что в Москве готовы «пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы заморозить последнюю и заключить с нею новый мирный договор»¹. И вот 11 августа 1941 г. это предложение СССР было передано Финляндии. О нем, естественно, узнал Маннергейм, так же как и другие руководители страны². Таким образом, у маршала появился реальный выбор либо продолжать достаточно тяжелое наступление против советских войск, либо откликнуться на американское посредничество и мирным путем вернуть утраченные Финляндией территории.

К положительному ответу на данное предложение Финляндию целенаправленно начали подталкивать американцы. Они проявили крайнюю заинтересованность и 19 августа повторно напомнили финскому руководству о советском предложении³. Но, естественно, никаких планов Маннергейм менять не собирался. И вообще, как считается, «август 1941 г. являлся пиком настроения уверенности Маннергейма в достижении успеха в наступлении на Ленинград и в осуществлении соединения продвигающихся навстречу друг другу немецких и финских войск»⁴. Поэтому в Вашингтон просто сообщили, что «ожидаемое взятие Ленинграда прояснит положение Финляндии на фронте»⁵. Сам же Маннергейм, как считают некоторые финские исследователи, вообще не стремился использовать понятие «сепаратная война». Это просто «откровенно противоречило реальности войны»⁶. Он решил продолжать вместе с немцами свою битву за Ленинград. И, несомненно, прав в данном вопросе финский историк А. Руси, который достаточно справедливо заметил: «Маловероятно, что Маннергейм на этом этапе проявлял решимость принять какое-то иное или свое собственное, финское решение, отличавшееся от военных операций Германии»⁷.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 5.

² Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. С. 82.

³ Там же.

⁴ Барышников Н. И. Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 38.

⁵ Цит. по: Palm T. Moskova, 1944. Jvaskylä, 1973. S. 21.

⁶ *Meinander H. Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa.* S. 230.

⁷ См.: *Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944.* S. 130.

Маршал, хорошо понимая, что теперь предстоит достаточно длительная борьба, все же начал наступление на город по самому короткому пути. Причем, как отмечают финские историки, он в отдававшихся тогда приказах Ленинград «не упоминал, хотя наступали на этом направлении»¹. В целом первой целью наступления стал пограничный Выборг. 22 августа финская армия начала операцию по захвату этого города. Начавшееся наступление для финских войск оказалось вполне успешным. Как заметил маршал в воспоминаниях, здесь «запланированное наступление приобрело форму преследования»². Это, вероятно, позволяло ему надеяться и на дальнейшие «легкие победы». Действительно, в условиях нависшей угрозы окружения выборгской группировки советские части сами с боями начали отступление³. Выборг был оставлен 29 августа. В этот день финская армия вошла в пустой город.

Для Маннергейма взятие Выборга стало вдвойне приятным, поскольку именно в тот день он узнал, что А. Гитлер сделал его кавалером Рыцарского креста ордена Железный крест. Эта степень награды считалась одной из высших среди орденов Третьего рейха. Она вручалась за особую храбрость в бою или за успешное руководство войсками. Маннергейм «был заметно удивлен и счастлив», когда узнал о той чести, которой он был удостоен фюрером⁴.

В целом финская армия, не сбавляя темпа, продолжала наступать и уже 31 августа вышла к «старой государственной границе» на реке Сестре. В результате до центра Ленинграда оставалось пройти еще чуть больше 30 километров. И Маннергейм не замедлил отдать приказ сразу же форсировать водную преграду. «Старая государственная граница на перешейке достигнута, — говорилось в приказе, — нам надо вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир»⁵. Таким образом, началось непосредственное наступление на ближних подступах к городу.

¹ Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 260.

² Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 341.

³ См.: Барышников В. Н. К вопросу об определенных причинах поражения советских войск в сражении за Выборг в августе 1941 года // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. 1. СПб., 2017. С. 294–313.

⁴ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 219.

⁵ Цит. по: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 167–168.

То, что наступление на Ленинград было вполне продуманной операцией, свидетельствует деловая и откровенная беседа, которая состоялась у финского маршала с немецким генералом Эрфуртом накануне попытки прорыва советских оборонительных линий. Маннергейм вполне деловито обсуждал с Эрфуртом направление главного удара финских войск. Более того, представитель германского верховного командования стал советовать организовать наступление на город по самому короткому маршруту и «атаковать до самой окраины города с северо-запада по обе стороны трассы Выборг — Санкт-Петербург». Далее развивая эту мысль, Эрфурт рекомендовал Маннергейму осуществить прорыв именно там, поскольку «озеро [Разлив. — *Примеч. авт.*] к востоку от Сестрорецка тогда обеспечит хорошую защиту с правого фланга»¹. Как зафиксировал в своем дневнике немецкий генерал, «маршал, казалось, понял мою идею».

Однако перспектива быстрого выхода финской армии по самому короткому маршруту к окраинам Ленинграда наталкивалась на серьезные проблемы. Прежде всего, у Маннергейма не было достаточного количества войск для реального штурма города. Но даже не это тогда казалось участникам беседы принципиальным. Эрфурт заверил, что «после захвата Ленинграда финский штаб получит большое количество войск». На что последовал достаточно выразительный ответ. «Вы правы, — сказал Маннергейм. — Я полагаю, что Ленинград вряд ли протянет больше недели, если мы его будем жестко осаждать. Однако возникла бы ненормальная ситуация, если бы финские войска не смогли прорваться и немцам пришлось сжимать осадное кольцо в одиночку. Как бы это выглядело, если бы немцы уже находились по внутреннему периметру блокады, а финны — на внешнем. Такой ситуации возникнуть не должно», — подытожил финский маршал². Таким образом, из этой беседы становилось предельно ясно, что Маннергейм просто сомневался в реальных возможностях своих войск, о чем достаточно прозрачно намекнул немецкому генералу.

Но в целом у маршала не было тогда никаких сомнений, что Ленинград будет взят. Его лишь интересовала будущая судьба города. Он вновь решил уточнить это у представителя германского командования. Он тогда спросил: «Что собираются немцы сделать с Санкт-Пе-

¹ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 219.

² Ibidem.

тербургом?» А когда немецкий генерал ответил, что «цель немецкого военного руководства — полностью его уничтожить», Эрфурт заметил, что это заявление несколько не смутило финского маршала. Он затем записал в своем дневнике: «Маннергейм ответил ровным голосом: “Тогда русские построят новый город на месте Санкт-Петербурга”»¹. Таким образом, ностальгия или воспоминания о прошлой жизни в некогда «родном» для него городе у бывшего генерала русской армии особо не проявились.

Единственное, что, вероятно, больше всего интересовало маршала, это сохранившиеся в Ленинграде произведения искусства и художественные ценности, особенно коллекции Эрмитажа, поскольку, как указал в своем дневнике Эрфурт, «Маннергейм проявлял большой интерес к артефактам»². Маршал, конечно, хорошо знал, что германским командованием уже были созданы специальные команды, которые должны были после захвата Ленинграда начать «решать» так называемые военно-хозяйственные вопросы. Одна из них, получившая кодовое название «Хэла», разместилась в Хельсинки³. В задачу этой группы вошло хозяйственное управление северо-западной частью города. Естественно, что созданные немцами эти специальные службы должны были определять «будущее» существующих в Ленинграде ценностей. Также было понятно, что «немецкому командованию и тем, кто должен был осуществлять первоначально оккупационные функции в городе, не хотелось “делиться” награбленным с финской стороной»⁴. Поэтому интерес, который проявил тогда Маннергейм, был отнюдь не праздным.

У финского руководства были по этому поводу собственные соображения. Оно считало, что от финнов, «по мере того, как произойдет захват Германией... Петербурга, потребуется направить из Финляндии специалистов по взятию себе необходимого, а также отправлению этого в Финляндию...»⁵. Более того, уже начали циркулировать слухи, что, «поскольку Петербург будет стерт с лица земли, то там не потре-

¹ Saksan kenraali Suomen paamajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 221.

² Ibid. S. 241.

³ См.: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939—1944. С. 54—55, 147, 204.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939—1944. С. 55.

буется несения службы финской полиции». Но мечты «пожиться» за счет ценностей, которые находились в городе, сохранялись, поэтому считалось, что в начале оккупации в город обязательно следует отправить «от Финляндии 30 тысяч человек для несения полицейской службы»¹. Таким образом в Хельсинки надеялись поуправлять и поучаствовать в разграблении ценностей Ленинграда.

Сомнений, что Ленинград будет взят, в Финляндии никаких не возникало. Об этом свидетельствует заранее заготовленная речь для выступления по радио на родном Маннергейму шведском языке. В нем говорилось о взятии (!!!) Ленинграда. В этой речи патетически указывалось: «Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна». Далее без всяких эмоций подчеркивалось: «Для нас, финнов, Петербург действительно принес зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений»². Все это, конечно, подводило к мысли о «ненужности» города для Финляндии.

Эта речь полностью соответствовала устремлениям и целям, которые преследовали войска Маннергейма. Но ее так и не удалось произвести... Финская армия продолжила наступление по самому короткому маршруту к Ленинграду, причем именно по тому, который указал Маннергейму немецкий генерал Эрфурт. В целом финский маршал действовал исключительно как опытный военный. Результат Выборгской операции казался ему очень обнадеживающим. В воспоминаниях маршал записал ее итог: «Полностью разгромленными оказались пять дивизий неприятеля, было взято много пленных и ценного военного снаряжения»³. Однако количество «разгромленных» дивизий на самом деле не соответствовало реальным потерям советских войск. Отступавшие в целом избежали разгрома. Но, вероятно, финский маршал этого не заметил.

Маннергейм считал так, как он написал в своих мемуарах. Ему казалось вполне очевидным, так же как и немецкому генералу Эрфурту, что «на Карельском перешейке русские потерпели полное пора-

¹ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. Hels., 1971. S. 58.

² Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 127.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 344.

жение, и лишь только остатки их войск смогли отойти». В результате представлялось, что реально советская армия «больше не сможет образовывать сильный фронт» и что «вопрос заключается лишь в преследовании отступающих врагов, чтобы не оставить им возможности оказывать дальнейшее сопротивление»¹. Кроме того, Маннергейм хорошо понимал, что наступлением через «старую границу» он не просто «поддержит немцев», а еще создаст очень «большие трудности» для защитников города².

Начавшиеся тогда попытки прорыва оборонительных укреплений, по существующим планам, должны были закончиться выходом войск «к Черной речке и оттуда [финские войска должны. — *Примеч. ред.*] взять на себя обеспечение блокады Ленинграда с северо-запада»³. Конкретно речь шла о прорыве Белоостровского участка советского укрепрайона у Сестрорецка и далее, что являлось, вероятно, самым главным, «если это будет возможным левым флангом выдвинуться к Агалатово»⁴. Эта операция, конечно, могла осуществляться только при ее синхронизации с действиями германского командования. Причем по немецким планам существовала уже идея не прямого штурма города, а форсирование Невы восточнее Ленинграда с возможным прорывом навстречу финнам именно в направлении деревни Агалатово⁵.

Далее немцы четко определили и всю дальнейшую зону военной ответственности финских войск. Она касалась, в частности, ВВС. Финская авиация должна была осуществлять операции не дальше рубежа реки Малой Невы⁶. Это раскрывало конечную цель финальной стадии участия финских войск в возможном штурме. Да, кстати, и в ставке Маннергейма тоже считали, что зоной разграничения между Германией и Финляндией станет Нева⁷. Более того, Маннергейм признавал, что после захвата города его «мы не сможем удерживать»,

¹ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 222.

² Ibid. S. 223.

³ Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 260.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. S. 266.

⁶ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 257; Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 70.

⁷ Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941. S. 204.

и финскую подконтрольную территорию он видел тоже лишь до правого берега Невы¹. В любом случае при благоприятных обстоятельствах наступление финской армии должно было закончиться тем, что войска Маннергейма ворвутся в северную часть города. Неслучайно тогда в Финляндии начали рассуждать о том, останутся ли финские войска или же «будут продолжать преследовать противника вместе с немцами “до Урала”»².

Так главные стратегические цели были определены, и 1 сентября 1941 г. Маннергейм отдал, может быть, свой «главный» в это время «военно-политический» приказ о переходе «старой границы». Этот приказ к тому же был согласован с президентом страны Р. Рюти.

В целом значимость решения о переходе «старой границы» была всем хорошо понятна. Она раскрывала все глубинные задачи участия Финляндии в войне. Естественно, о начале этой операции сразу же был проинформирован и Эрфурт. Причем наряду с этой очень важной для Германии новостью ему была передана личная благодарность, которую маршал выражал «немецким братьям за такой большой интерес к деятельности его армии, сочувствие и радость за ее успехи». В этом, как указывалось в послании, Маннергейм видел «гарантию совместных усилий, которые приведут нас к окончательному успеху»³. Таким образом, результат начавшегося штурма советских укреплений на «старой границе» маршал четко связывал с успехами немецких войск на южных рубежах Ленинграда. Как отметил военный историк Г. А. Олейников, тогда «напряженные бои продолжались, особенно ожесточенные за Белоостров, который несколько раз переходил из рук в руки»⁴.

Все это происходило, когда на финской стороне с линии фронта с помощью бинокля, как утверждал в своем дневнике Эрфурт, можно было хорошо разглядеть «огромный купол Исаакиевского собора, а также пик игольчатой башни Адмиралтейства, которая сияла позолотой на вечернем солнце». Также можно было, вероятно, ви-

¹ *Tuompo W. E. Päiväkirjani 1941–1944. S. 53.*

² *Salminen E. Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Hels., 1976. S. 77.*

³ *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 224.*

⁴ *Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941–1942 годов. С. 95.*

деть и «большие клубы дыма, которые вставали над городом»¹. Это были пожары от артиллерийских обстрелов и бомбардировок немецкой армии, которые тогда начались в Ленинграде. Да, немецкие войска тоже пошли на штурм. Причем для командующего группой армий «Север» В. Р. фон Лееба, конечно, был важен, прежде всего, его собственный успех в этой операции. Поэтому 3 сентября об отношении к финскому наступлению он прямо записал в своем дневнике, что для него продвижение войск Маннергейма «на один или несколько километров» в сторону Ленинграда не являются определяющими. Но при этом пояснил, что для немецких войск самым главным было, чтобы финские войска «в ближайшие дни продолжали атаковать. Тогда, — как он заметил, — русские не смогут вывести с финского фронта наиболее боеспособные силы и задействовать их против нас»².

В целом данную задачу маршал выполнял исправно. На северных подступах к городу развернулись крайне напряженные, кровопролитные бои³. Но для Маннергейма было самым неприятно то, что наступающие несли большие потери. Именно это больше всего беспокоило финского маршала. Общее число потерь в финской армии уже превысило 20 тысяч человек⁴. Что мог в условиях ожесточенного сопротивления обороняющихся предпринять маршал Маннергейм? Снять войска с других участков фронта, чтобы, атакуя советский Карельский укрепленный район, созданный в 1920–1930 гг. на старой границе, перемолоть там новые тысячи своих солдат? Это для него было бы очень рискованным шагом⁵. Человеческие ресурсы страны этого просто не позволяли, о чем, кстати, он тогда не раз с сожалением говорил в беседах с немецкими представителями⁶. Очевидно, требовалось иное решение.

¹ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 246.

² Цит. по: *Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005. С. 27.

³ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 167–168; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. С. 103–106.

⁴ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 150.

⁵ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. С. 169.

⁶ См.: Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 212, 213 и др.

Как отметил в своих мемуарах германский посланник в Хельсинки В. фон Блюхер, «картина менялась день ото дня» и, по его сведениям, «президент в разговоре по телефону предоставил маршалу почти полную свободу действий»¹. Однако сходу прорвать укрепления не удавалось. Понимая бессмысленность продолжения штурма, маршал вынужден был 9 сентября его прервать². Об этом он проинформировал германское командование, поскольку уже не раз указывал, что для успешной совместной операции и «чтобы избежать зоны укреплений», следует «атаковать противника со спины», то есть осуществить прорыв, прежде всего немецким войскам. К Ленинграду, как он заявил Эрфурту, «с юга подойти будет проще»³. Эта идея в то время доминировала в финском руководстве, которое надеялось, что «финны пойдут в наступление лишь тогда, когда немцы овладеют Петербургом»⁴. Финская армия «не может воевать с Россией, — как выразился Виттинг, — продвигаясь чуть ли не до Персии»⁵.

Но маршал вовсе не собирался прекращать, как это, например, утверждает профессор Х. Мейнандер, боевые действия. Финский историк указывает, что войска Маннергейма просто остановились «в ожидании захвата немцами Ленинграда»⁶. Маршал поставил перед своими войсками задачи посложнее. Он прямо заявил представителю германского командования 4 сентября, что в блокаде Ленинграда «финская армия готова участвовать по всему фронту», поскольку именно таким образом оказывается давление на обороняющие город войска и финны смогут своими «боевыми действиями эффективно связать силы противника». Однако при этом Маннергейм вынужден был признать очевидное: прорвать в одиночку советские укрепления «у финнов нет ни сил, ни средств»⁷.

Немецкие войска на южных подступах к Ленинграду также не смогли добиться успеха. Как заметил германский военный историк

¹ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44. S. 253.

² *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940—1944. С. 40.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 213.

⁴ *Vilkuna K.* Sanan valvonta: sensuuri 1939—1944. Hels., 1971. S. 61.

⁵ Цит. по: *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44. S. 254.

⁶ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 234.

⁷ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 226. Обо всем комплексе проблем, с которыми столкнулся Маннергейм в момент наступления через через «старую государственную границу», см.: *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940—1944. С. 49—53.

В. Хаупт, «группа армий “Север” уже не была достаточно сильной, чтобы кардинально улучшить положение фронта». Немецкие войска в это время, по его оценке, были «изможденными, изнуренными и истекавшими кровью»¹. Они тоже были остановлены. В целом к октябрю группа армий «Север» потеряла уже примерно 60 тысяч человек². Она ворваться в город не могла. Немецким войскам на ближних подступах к Ленинграду удалось выйти в предместья города, а также на востоке прорваться 8 сентября в район Шлиссельбурга (Петрокрепости), к истокам Невы и берегу Ладожского озера, то есть создать блокадное кольцо, которое они образовали вместе с финской армией. Но штурм Ленинграда захлебнулся. К 20 сентября линия фронта полностью стабилизировалась, а Маннергейму оставалось только поздравлять немецкое командование «с великими победами группы армий “Юг”» на Украине³.

На ближних подступах к Ленинграду боевые действия стали приобретать позиционный характер. Они теперь были направлены скорее не на штурм города, а на сохранение блокады, где с юга фронт держали немецкие войска, а с севера — финские. Степень участия финской армии в блокаде в сложившейся ситуации Германию вполне устраивала. Немецкое командование вообще предложило Маннергейму на Карельском перешейке оставить «для блокады Ленинграда только необходимое количество войск». Теперь для его армии главным стало не участие в попытках штурма города, а в наступлении вдоль северного берега Ладожского озера к реке Свирь⁴. Дальнейшую судьбу же осажденного Ленинграда немецкое руководство теперь рассматривало с учетом того, что «город очень хорошо защищен». Однако «это не мешает, — как сообщили тогда Маннергейму, — подвергнуть Ленинград полному разрушению»⁵.

Действительно, немецкие войска, выйдя на ближние подступы к городу, начали интенсивный артиллерийский обстрел. При этом существует мнение, что в отношении Ленинграда и его жителей финская армия была, наоборот, более «гуманной». Принималось во внимание, что финская тяжелая артиллерия не вела, как немецкая, си-

¹ Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М., 2005. С. 101.

² Там же.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 248.

⁴ Ibid. S. 217.

⁵ Ibid. S. 251.

стематических артиллерийских обстрелов города. Однако возникал вопрос, не вела или не могла вести? И если обратиться к дневникам немецкого генерала Эрфурта, то становится ясно, что Маннергейм в самом начале создания блокадного кольца прямо указывал германскому военному руководству, что у Финляндии нет никакой возможности вести обстрел города, поскольку в его армии отсутствует тяжелая артиллерия.

Тем не менее несколько артиллерийских установок, способных вести огонь на расстояние до 30 км, осенью 1941 г. все же на Карельском перешейке появилось. Это были исключительно советские трофейные тяжелые орудия. Но у них отсутствовал соответствующий боекомплект артиллерийских снарядов. В результате Маннергейму не хватало не только тяжелых орудий, но и необходимых для них снарядов, которые могли бы долетать до центра Ленинграда. Поэтому возможность применения трофейных орудий отсутствовала. Таким образом, с финского участка блокадного кольца обстрел города не производился. Но это являлось сугубо вынужденным обстоятельством, а не следствием принципиальной позиции маршала. Он хорошо знал о предначертанной Гитлером судьбе Ленинграда и понимал, что в случае взятия города от его жителей, как и от всех архитектурных ансамблей, являющихся достоянием мировой цивилизации, ничего не останется. В это время Маннергейму уже не нужно было пояснять, что у фюрера «нет никакого интереса для дальнейшего существования этого населенного пункта»¹. Да и в самой Финляндии тогда считали, что Ленинград является лишь «русской колонией на национальной и исторической финской территории»². Это не вызывало стремления сохранить город.

Тем не менее, как отметил Эрфурт, «острый взгляд Маннергейма очень рано зафиксировал, что развитие ситуации на восточном фронте становится крайне неясным, и нет вовсе уверенности в том, что в районе Ленинграда произойдет решающая победа»³. В данном отношении, опасаясь перспективы полностью связать свою судьбу с рейхом, Финляндия начала демонстрировать некое скрытое желание отмежеваться от дальнейшего глобального характера ведения

¹ Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 53.

² *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 231.

³ *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa.* S. 214.

военных действий. Подобная попытка была предпринята 11 сентября 1941 г. Тогда министр иностранных дел Р. Виттинг заверил американского посланника в Хельсинки А. Шоенфельда, что «Финляндия решила не участвовать в наступлении на Ленинград»¹. Это был, конечно, исключительно «дипломатический ход».

Однако спустя многие годы некоторые исследователи пытались представить начавшуюся под Ленинградом позиционную войну как чуть ли не личную заслугу Маннергейма, который проявлял явное желание стать «спасителем Ленинграда». «Забытая», для чего маршал со всей серьезностью начал вместе с Германией эту войну, некоторые исследователи рассуждают, что в сентябре 1941 г. у финского маршала просто «проснулась» жалость к «городу своей молодости» и появились искренние «гуманные» к нему чувства, благодаря которым, собственно, «Ленинград выстоял»².

Однако столь «благородный» и «сентиментальный» образ, который иногда создается вокруг блокады и роли в ней Маннергейма, на самом деле очень далек от истины. Вероятно, ближе к реальным оценкам взглядов маршала был тогда немецкий генерал Эрфурт. Он, пытаясь разобраться в ситуации, записал в своем дневнике ясные для военных вещи. Эрфурт заметил, что для Маннергейма стало понятно, что «если русские серьезно будут защищать укрепленную полосу к северу от Ленинграда, то атакующие понесут значительные потери». Далее германский генерал подчеркнул: «В этом случае потребуется мощная поддержка немецких ВВС и одновременная атака с юга на север. Только при таких обстоятельствах Маннергейм осмелился атаковать через границу в направлении Ленинграда»³. Но помощи от Германии финская армия получить не смогла. Группа армий «Север» сама несла колоссальные потери. На ленинградском направлении немецкие ВВС с 30 августа по 21 октября потеряли свыше 80 самолетов⁴. В таких условиях поддержать финские войска было практически невозможно, а маршал не мог себе позволить «осмелиться атаковать» хорошо укрепленные позиции советских войск. Немцы все

¹ Цит. по: *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarossasta Teheraniin. Porvoo-Hels.-Juva, 1979. S. 109; См. также: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. С. 169.

² См.: *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 221.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 215.

⁴ *Хаунт В.* Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. С. 108.

это тоже очень хорошо понимали. Неслучайно 18 сентября В. Р. фон Лееб записал в своем дневнике, что «финны, скорее всего, пойдут вперед только в том случае, если мы перейдем в наступление...»¹.

Будем объективны: Ленинград выстоял благодаря мужеству его защитников. Маннергейм был несвободен в выборе решений — их диктовала складывавшаяся обстановка. Таким образом, в очередной раз рухнула многолетняя мечта финского маршала вернуться в Петербург победителем. Именно это, вероятно, нужно признать главным финалом финского наступления на Карельском перешейке в 1941 г.

Тем не менее битва за Ленинград, конечно, еще не была закончена. Мечта о том, что Ленинград будет взят, у Маннергейма все еще сохранялась. Об этом он прямо написал немецкому фельдмаршалу В. фон Кейтелю 26 сентября 1941 г., указав, куда собирается направить свои войска «после завоевания Петербурга»². Подтверждением того, что действия финского главнокомандующего соответствовали ранее согласованным с немецким военным руководством планам в отношении Ленинграда, являлись события, развернувшиеся далее в Карелии. Отсюда по приказу Маннергейма Карельская армия должна была осуществить прорыв в юго-восточном направлении и продвигаться на соединение с наступавшими к Свирю немецкими войсками. Таким образом, речь шла о желании замкнуть вокруг Ленинграда второе блокадное кольцо, которое «наглухо» бы закрыло всякую связь города с остальной частью Советского Союза.

Причем и тут маршал действовал тоже в соответствии с директивой, полученной им от Гитлера еще 19 июля. В ней указывалось, что «задачей главных финских сил... по-прежнему остается наступление с нанесением главного удара восточнее Ладожского озера и уничтожение во взаимодействии с войсками группы армий “Север” противостоящего противника»³. Через месяц, 23 августа, фельдмаршал В. фон Кейтель в письме к Маннергейму также подчеркнул, что «на севере сейчас важнейшей задачей является уничтожение русских войск под Ленинградом» и в этом отношении «в штабе высоко ценят деятельность финнов»⁴. Кроме того, Кейтель вновь обратил внима-

¹ Цит. по: *Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. С. 59.

² Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 253.

³ Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967. С. 264.

⁴ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 207.

ние маршала на важность наступления финской армии на свирском направлении¹.

Именно в это время со стороны немецкой группы армий «Север» уже предпринималась попытка прорваться к реке Свирь. 27 августа Ф. Гальдер сделал в своем дневнике такую запись: «Соединение с финскими войсками должно быть достигнуто при любых обстоятельствах независимо от общей обстановки под Ленинградом»², то есть удастся совместный штурм города или нет.

Хотя Маннергейм, очевидно, помнил о тяжелых боях в Карелии в самом начале войны и «сомневался, хватит ли у него сил для решения задач» дальнейшего наступления, но отказаться от участия в предполагаемом прорыве вглубь территории Советского Союза не мог. Действительно, финский маршал на свирском направлении должен был пройти значительно дальше, чем на Карельском перешейке. Но «когда, — заметил тогда Эрфурт, — на горизонте будет большой успех, [Маннергейм. — *Примеч. ред.*] может согласиться и на более смелый шаг»³. «Большой успех», конечно, был в планах маршала. Он еще 24 августа прямо заявил немецкому генералу, что «мы сделаем все, что в наших силах»⁴. Четко о готовности возобновить наступление он уведомил Эрфурта 30 августа⁵. Приказ о наступлении прибыл в Карельскую армию 1 сентября⁶. Руководствуясь им, 4 сентября финская армия возобновила наступление и смогла прорвать оборону Южной оперативной группы советских войск. 6 сентября был захвачен карельский город Олонец. Через два дня финские передовые части вышли к Свири и начали форсировать эту реку, создавая небольшой плацдарм на ее южном берегу.

В Берлине были вполне удовлетворены боевыми достижениями Маннергейма. Поэтому высокопоставленный немецкий генерал А. Йодль, прибывший в ставку Маннергейма в день возобновления наступления Карельской армии, был «исключительно доволен», по-

¹ Ibid. S. 208; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 156.

² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 156.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 215.

⁴ Цит. по: Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 208.

⁵ Ibid. S. 216.

⁶ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa I. S. 450; *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka. S. 281.

скольку в «главном вопросе» с финским маршалом было «взаимопонимание»¹. Йодль лично вручил Маннергейму обещанную ранее высокую награду А. Гитлера — Рыцарский крест ордена Железного креста и подчеркнул, что «вооруженные силы Германии очень благодарны войскам Финляндии за большой вклад в продолжающуюся совместную борьбу против большевизма»². Маннергейм же со своей стороны выразил ему признательность за сказанные слова и откровенно заявил, что «мы хорошо понимает друг друга»³.

Тем не менее полностью решить поставленную немецким командованием задачу армия Маннергейма так и не смогла. Ценой больших потерь она сумела лишь несколько продвинуться вглубь Ленинградской области, но дальнейшее ее движение затормозилось. Не смогли прорваться навстречу к ним и немецкие части. Как свидетельствует финский военный историк Х. Сеппяля, «Маннергейм внимательно следил за продвижением немцев» и заметил, что у них «с самого начала было слишком мало сил, что, — по мнению маршала, — могло привести к неудаче»⁴. Действительно, упорное сопротивление советских войск и здесь не позволило продолжать дальнейшее наступление.

Более того, в середине ноября против вермахта началось мощное контр наступление. Оно окончательно разрушило общий замысел германского и финского командования по созданию второго блокадного кольца, где «рукопожатие на Свири оставалось лишь мечтой»⁵. Причем, как справедливо подмечают некоторые финские исследователи, «финны делали то, что они обещали, тогда как важнейшие обещания немцев стратегического характера оставались невыполненными»⁶. В результате, по словам генерала В. Эрфурта, у Маннергейма после этого вообще была «потеряна всякая вера» в успешные перспективы войны. «Маршал, склонный по своей природе к пессимизму, был крайне расстроен и рисовал будущее в самых мрачных тонах»⁷.

¹ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 160.

² Цит. по: *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa.* S. 228.

³ *Ibidem.*

⁴ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 178.

⁵ *Ibid.* S. 173.

⁶ *Rusi A.* Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. S. 146.

⁷ *Erfurt W.* Murmannin radan ongelma. Hels., 1952. S. 34; *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa.* S. 344.

Однако это не мешало ему продолжать захватывать советские территории в Карелии. После того как маршалу стало ясно, что немцы отказались от быстрого штурма Ленинграда и перешли к блокаде, он достаточно откровенно сообщил Эрфурту: «А пока мы возьмем Петрозаводск»¹. Действительно, в направлении этого города им было развернуто фронтальное наступление. Имея значительное численное превосходство, финские войска 1 октября захватили столицу Карелии. Далее, как откровенно записал в своих мемуарах Маннергейм, «я отдал приказ о дальнейшем продвижении на север»². Финская армия устремились к Медвежьегорску. Однако далее, на этом направлении, как указал маршал, финские части «были вынуждены преодолевать ожесточенное сопротивление»³. Этот карельский город был захвачен «только в декабре»⁴.

В целом соединения финской армии окончательно были остановлены к середине декабря 1941 г. За это время они заняли никогда не принадлежавшую Финляндии большую часть Советской Карелии, дойдя до южного участка Беломорско-Балтийского канала. Но на этом линия фронта окончательно стабилизировалась. Тогда же финским войскам было отдано распоряжение о создании укрепленных оборонительных рубежей на Карельском перешейке — «линии ВКТ»⁵ и в Карелии — «линии ПСС»⁶. По словам министра обороны Р. Вальдена, был взят курс на «затяжную войну»⁷.

Таким образом, финская армия окончательно перешли к позиционной войне, которую продолжала до середины 1944 г. При этом Маннергейм уже к концу 1941 г. ясно осознал, что общая ситуация на фронте и в политике для Финляндии оставляет все меньше масштабных перспектив.

¹ Цит. по: Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 240. См. также: *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 286.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 361.

³ *Ibid.* S. 363.

⁴ *Ibidem.*

⁵ Линия ВКТ — линия Выборг — Купарсаари — Тайпале. Линия ПСС — линия Писи — Самбатукса — Сааримяки. — *Примеч. ред.*

⁶ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 193.

⁷ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 193.

Поражение немецких войск под Москвой не могло сулить Германии скорую победу в начавшейся войне. Это, по словам немецкого посланника В. фон Блюхера, «оказало сильное воздействие на моральный дух в Финляндии» и весьма «удручающе повлияло» на нее¹. Всем уже становилось предельно понятно, что война будет длительной, и более того, приобретет еще большую масштабность. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам Америки. В ответ на это Конгресс США принял решение об объявлении им войны. А 1 января 1942 г. в противовес фашистскому блоку образовалась антигитлеровская коалиция. Дипломатические представители 26 государств во главе с СССР, США и Великобританией подписали Декларацию Объединенных Наций о решимости сотрудничать между собой в деле совместного разгрома врага. Резюмируя раздумья о происшедшем, председатель комиссии финляндского парламента по иностранным делам В. Войонмаа писал: «С определенностью можно сказать лишь, что на будущей мирной конференции мы будем сидеть не на той стороне стола, которую займут великие демократии мира»².

Это, естественно, означало, что надежды Маннергейма на возможную легкую победу полностью рухнули. Теперь к перспективам финско-германского сотрудничества требовались уже новые подходы. В указании генштаба финской армии, направленном в начале декабря в войска, подчеркивалось лишь только то, что теперь Финляндия ведет свою «сепаратную войну», и ее целью является «достижение таких границ, которые бы можно было самостоятельно защитить»³.

Естественно, переход к обороне и позиционная война отнюдь не исключали участия финских войск в блокаде Ленинграда. Как отметил финский военный историк Е. Салминен, «вера в непобедимость гитлеровской армии была неизменной в течение 1942 г. почти во всей стране»⁴. Но именно тогда армия Маннергейма стала соучастницей организации всех тех ужасов, которые происходили внутри блокадного кольца в многомиллионном городе.

Причем о том, что тогда творилось в Ленинграде, финский маршал имел достаточно ясное представление. В воспоминаниях он

¹ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 275, 277.

² *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 93.

³ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 172.

⁴ *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. S. 109.

прямо отметил, что ему в самом начале блокады «поступали сообщения, что Гитлер решил просто уморить голодом миллионный город»¹. И сведения о ситуации в Ленинграде, сложившейся в результате блокады, ему предоставляли достаточно объективные. Конкретно ему, скажем, весной 1942 г. докладывали, что «в Ленинграде царит большое бедствие». Он знал, что «там ежедневно умирает от голода 6–7 тыс. человек», что «довольно много каннибализма», что «трупы не в состоянии хоронить» и т. д.² Но, конечно, особых сожалений по этому поводу у Маннергейма не было. В Финляндии, наоборот, тогда надеялись, что теперь можно, не затрачивая излишних усилий, именно таким образом, с помощью голода, заставить «капитулировать жителей города»³. Кстати, это также являлось общей задачей и для немецкого командования. Поэтому, уже когда блокадное кольцо замкнулось и единственная коммуникация, связавшая Ленинград с остальной частью Советского Союза, проходила по Ладожскому озеру — так называемая Дорога жизни, — немцы стали активно призывать финское командование, контролировавшее значительную часть побережья этого озера, помешать функционированию этой коммуникации⁴.

Действия, направленные на нарушение деятельности Дороги жизни, осуществлялись с финской территории с лета 1942 г. Тогда на Ладогу через Финляндию было переброшено целое подразделение германо-итальянских военных кораблей, которое стало наносить удары по этой коммуникации. Корабли базировались на контролируемом Финляндией побережье Ладожского озера и оттуда пытались помешать морским перевозкам в Ленинград. Данные операции, направленные, прежде всего, на увеличение смертности в осажденном городе, Маннергейм тогда охарактеризовал как действия в «духе викингов»⁵. Однако прервать Дорогу жизни не удавалось, и в октябре 1942 г. была предпринята попытка нанести по ней массированный удар. Было принято решение захватить остров Сухо, откуда контролировался значительный район южной части Ладожского озера, и уничтожить маяк, который, как считалось, имел «большое значение для

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 351.

² Цит. по: *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 73.

³ *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. С. 123.

⁴ *Jokipi M., Manninen O.* Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 290.

⁵ Цит. по: *Ibidem.*

управления движением кораблей»¹. Но и эта операция была неудачной. Атака острова 30 кораблями противника была отбита советскими войсками², хотя факт ее проведения не мог не лечь мрачной тенью на финского маршала.

Тем не менее война продолжалась, и, как заметил видный деятель Шведской народной партии Финляндии, член комиссии парламента по иностранным делам К. Фрич, в Финляндии «ожидали обещанного Германией... наступления, которое должно было приблизить окончательную развязку и решающий разгром России»³. Пока же Маннергейм не отваживался принимать никаких новых решений. О настроениях, царивших в финской ставке, свидетельствуют записи в дневнике генерала В. Туомпо. 3 января 1942 г. он записал: «Дела на германском фронте ухудшились. Русские везде наступают, тесня немцев все дальше. Блокада Ленинграда под угрозой развала. Маршал нервничает...»⁴ Действительно, как заметил в своих мемуарах очень близкий к нему генерал Хейнрикс, «вера Маннергейма, что Германия может победить Россию, начала колебаться»⁵.

В результате для выяснения у гитлеровского командования дальнейших перспектив ведения войны Маннергейм решил отправить в начале января в Германию именно этого генерала. Естественно, в рейхе постарались через Хейнрикса успокоить маршала. Гитлер посланца Маннергейма принял лично и сказал ему, что «окружение Петербурга и уничтожение его имеют большое политическое значение». Далее, чтобы еще больше укрепить веру маршала в перспективы будущего захвата города, фюрер заявил, что это дело он «считает своим собственным», но не может его «осуществить без помощи Финляндии»⁶.

Маннергейму оставалось только ждать и верить. Но его все больше разочаровывали неудачи Германии. Когда Хейнрикс доложил маршалу о своем визите и сообщил, что встречался также с начальником генерального штаба сухопутных сил вермахта Гальдером, то он ему сообщил весьма необычную для того времени вещь. Гальдер

¹ *Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 290.*

² См.: *Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. С. 73–76.*

³ *Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. S. 465.*

⁴ *Tuompo W. E. Päiväkirjani 1941–1944. S. 103.*

⁵ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 306.*

⁶ Цит. по: *Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 61.*

выразил удивление «высокой воинской моралью русских войск». Причем Маннергейм на рассказ Хейнрикса об этом тоже отреагировал достаточно неординарно. Он сказал: «Все же полагаюсь на свое представление — большевики в целом лучше, чем генерал-полковник Гальдер»¹. Естественно, однако, трудно представить, чтобы маршал смог выступить в противовес рейху и начать свертывание непосредственного участия финских войск в блокаде Ленинграда. К тому же Германия постоянно подбадривала Маннергейма, уверяя его в своих ближайших победах.

В марте 1942 г. Гитлер принимал у себя финского генерала П. Талвелу. Причем фюрер опять повторил то, что он уже сообщил Хейнриксу. Гитлер сказал, что для финнов «наилучшая помощь — это овладение Петербургом». Как он подчеркнул, эта «крупная задача» является для него наиважнейшей².

В целом Финляндия продолжала участвовать в блокаде Ленинграда, надеясь на немецкую победу. Это очень хорошо видно, в частности, из директивы от 24 мая 1942 г. командующего группой войск «Карельский перешеек» генерала Х. Эквиста. В ней указывалось, что войскам надо «ясно показывать военные цели ведущейся войны: граница “трех перешейков” (Карельский перешеек, Олонецкий перешеек и Беломорский перешеек)». И далее в директиве подчеркивалось, что приостановившееся продвижение финских войск на Карельском перешейке осенью 1941 г. вовсе не означает отказ от замысла начать наступление «в целях ликвидации» окруженного Ленинграда³. Как видно из указанного документа, в отношении Ленинграда не было какой-то «особой финской» позиции, отличавшейся от гитлеровских планов.

Таким образом, тактика выжидания финского руководства преследовала совершенно определенную цель: не отказываться от дальнейшего осуществления своих замыслов, существовавших с самого начала войны. Их реализация просто откладывалась до того времени, когда сложится благоприятная для Финляндии военно-стратегическая обстановка. Последующие события, правда, так и не позволили осуществить все задуманное. «Война, которую готовили финны

¹ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 313.

² Цит. по: *Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa II. Jyväskylä, 1977. S. 450.

³ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 194.

и включились в нее с серьезными замыслами,— писал Х. Сеппяля,— закончилась поражением уже в декабре 1941 года, но продолжалась с Советским Союзом, принося большие жертвы во имя стратегических целей Германии»¹.

Понимая это, Маннергейм становился все более осторожным. В результате, когда гитлеровская ставка предложила ему принять командование и немецкими войсками на севере Финляндии, он отклонил данную инициативу. Как записал маршал позднее, «попал бы в зависимость от германского руководства»². Более того, весной 1942 г. по предложению финской стороны было, наоборот, достигнуто разграничение немецких войск и вооруженных сил Финляндии³. Тем не менее германское командование, планировавшее летом 1942 г. большое наступление на Восточном фронте, рассчитывало привлечь в какой-то степени к активному участию в нем и финскую армию. Именно в этой связи следует рассматривать предпринятую 4 июня 1942 г. поездку Гитлера в Финляндию.

Она явилась неожиданной для Маннергейма⁴. К тому же никогда прежде никого из своих союзников, исключая Муссолини, фюрер не удостоивал такой чести. Это, как отмечает немецкий исследователь Б. Вегнер, для Гитлера был «совершенно необычный жест, поскольку он принимал иностранных государственных деятелей почти исключительно в знакомой обстановке рейхсканцелярии»⁵. А теперь же прибыл прямо в ставку к Маннергейму в город Миккели. Причем в сопровождении целой свиты своих генералов — Кейтеля, Йодля, Дитля, Штумпфа, Дитриха и других. Официально эта поездка была приурочена к 75-летию Маннергейма, но было совершенно очевидно, что главная цель ее заключалась в упрочении германо-финского военно-политического сотрудничества и в том, чтобы побудить Финляндию к более активным военным действиям. В книге, посвященной биографии Маннергейма, финский профессор Х. Мейнандер, к сожалению, не заметил главную цель этого визита. Он лишь обратил внимание на то, что Гитлера финский маршал «принял, как всегда гла-

¹ *Sepälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 232.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 292.

³ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 198.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 401–402.

⁵ *Wegner B.* Hitlers Besuch in Finnland. Das geheime Tonprotokoll seiner Unterredung mit Mannerheim am 4. Juni 1942 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1993. № 1. S. 122.

мурный и неподражаемый в подобных церемониях»¹. Современный исследователь также восхитился тем, что «элегантность Маннергейма, его сдержанная пластика и жесты выражали не подобострастие, а уверенность в себе»².

Подобная форма поведения, описанная историком, однако, не совсем соответствовала звукозаписи разговора Маннергейма с Гитлером, которая была тайно сделана финской стороной во время переговоров и которая сохранилась³. Опираясь на эту запись, безусловно, был прав исследователь В. Мери, который указал, что «Гитлер оживленно разглагольствовал... Маннергейм лишь вторил собеседнику, время от времени повторяя какие-то фразы с интонацией, выражавшей изумление или ужас»⁴. Действительно, данная встреча не относилась к чисто внешним ритуальным действиям, характерным для светского общения. Речь, несомненно, шла о перспективах дальнейшего военного сотрудничества. Как справедливо замечает Б. Вегнер, визит Гитлера «представлял собой дипломатический сигнал, который был выбран не случайно, а последствия его для внутренней и внешней политики были хорошо просчитаны»⁵. Маннергейм, напуганный крушением плана «Барбаросса» и неудачами рейха⁶, конечно, стремился не доводить разговор до рассмотрения совместных военных планов. В своих мемуарах он достаточно откровенно записал, что «опасался», что «истинной причиной визита Гитлера была попытка склонить нас к участию в военных усилиях Германии»⁷. Но маршал услышал главное из уст Гитлера: Германия собирается наступать на ленинградском направлении и «Петербург надо уничтожить раз и навсегда». Так записал слова Гитлер во время этого визита в своем дневнике Р. Рюти: «Если Петербург будет существовать, то в дальнейшем и для Финляндии будут одни несчастья»⁸.

Конечно, для фюрера было важно не только поздравить Маннергейма с юбилеем, но и решить текущие вопросы, связанные с вой-

¹ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 242.

² *Ibid.* S. 243.

³ См.: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 1993. № 1. S. 130–134. Перевод см.: *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 143–144.

⁴ *Meri V.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 160.

⁵ *Wegner B.* Hitlers Besuch in Finnland. Das geheime Tonprotokoll seiner Unterredung mit Mannerheim am 4. Juni 1942. S. 123.

⁶ *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 98, 101.

⁷ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 407.

⁸ Цит. по: *Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944.* Hels., 2006. S. 181.

ной. В этом плане «отношения между двумя странами, — справедливо указал Б. Вегнер, — гораздо больше зависели от успеха немецкого оружия, нежели от личных контактов государственных деятелей»¹. Поэтому в конечном итоге все должно было свестись к обсуждению именно военных замыслов сторон. К тому же обмены визитами «на высшем уровне» тоже, несомненно, должны были продолжаться.

Действительно, вскоре состоялась ответная поездка Маннергейма в Германию. Туда он прибыл 27 июня на личном самолете Гитлера в сопровождении генерала Туомпо. После встречи с фюрером в ставке главнокомандующий финской армией отправился еще в оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск Германии, где вел переговоры с Кейтелем и Гальдером. Также по традиции Маннергейм был приглашен на обед к рейхсмаршалу Герингу. Именно в ходе этого визита и, как можно понять из скупых записей финских участников, строго секретных переговоров² в центре внимания находились, прежде всего, проблемы, связанные с возобновлением активных действий на ленинградском направлении³. В результате Маннергейм в ставке Гитлера понял, что подготовка немецкого наступления на Ленинград идет полным ходом. Причем, когда у Гитлера он напрямую «поинтересовался германскими планами», то получил достаточно четкий ответ: «Поздним летом ставится цель — окончательно ударить по ленинградскому котлу чисто немецкими силами» и «соответствующая подготовка для этого уже ведется»⁴. Более того, Маннергейм узнал о строго секретной информации, что для прорыва укреплений из Крыма под Ленинград специально перебрасывается тяжелая артиллерия⁵.

Действительно, через несколько дней после этих переговоров был решен вопрос о подготовке нового наступления на Ленинград. В директиве, направленной 19 июля 1942 г. командующему группой армий «Север», говорилось о необходимости «начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда...»⁶. Кроме того, 21 июля было отдано распоряжение

¹ *Wegner B.* Hitlers Besuch in Finnland. Das geheime Tonprotokoll seiner Unterredung mit Mannerheim am 4. Juni 1942. S. 123

² *Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa II. S. 160.

³ См.: *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 71, 73, 76.

⁴ Цит. по: *Lehtis K.* Tuntematon Mannerheim. S. 96–97.

⁵ *Туомпо W. E.* Päiväkirjani 1941–1944. S. 144.

⁶ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 199.

из Крыма направить на север 11-ю армии Манштейна, «чтобы занять Ленинград, тем самым высвободить финские дивизии на Карельском перешейке и установить сухопутную связь с Финляндией»¹. А двумя днями позднее в директиве верховного главнокомандования германской армии содержалось указание подготовить захват Ленинграда к началу сентября 1942 г.²

В целом тогда Маннергейму систематически поступали из Германии сигналы о готовящемся немецком наступлении под Ленинградом. Для окружения маршала было хорошо заметно, что «Маннергейм оптимистичен в отношении возможностей Германии»³. Представители рейха активно стимулировали эти настроения. Так, в частности, 29 июля 1942 г. в Финляндии появился еще один из ближайших помощников Гитлера — Г. Гиммлер. Он вел переговоры с Маннергеймом, а также с президентом и премьер-министром страны. Кроме того, с ним прибыл в Финляндию генерал К. Ф. Вольф, который обсуждал в ставке Маннергейма вопросы дальнейшего взаимодействия немецких и финских войск. Генерал Туомпо записал в дневнике итог переговоров с Вольфом: «На очереди Ленинград»⁴. В целях согласования вопросов, связанных с координацией действий финских войск с группой армий «Север», в ставку фюрера выезжали также генералы Хейнрикс и Талвела⁵. В конечно итоге 24 августа 1942 г. Гитлер поручил руководить планировавшейся операцией генералу Э. фон Манштейну. Он указал: «1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап — овладеть Ленинградом и сровнять его с землей»⁶. Начало наступления — 14 сентября.

Из проходивших тогда переговоров с финскими военными представителями видно, что германское командование рассчитывало на скоротечную операцию, полагая, что она займет две недели⁷. Важным элементом операции после форсирования немцами Невы восточ-

¹ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 199.

² Там же.

³ *Паасикиви Ю.-К.* Дневники. Война-продолжение 1941–1944. С. 174.

⁴ *Туомпо В. Е.* Päiväkirjani 1941–1944. S. 155.

⁵ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa II. S. 173–179.

⁶ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 199.

⁷ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa II. S. 177.

нее Ленинграда было установление соединения с финской армией¹. От Маннергейма хотели лишь того, чтобы он на Карельском перешейке «приступил к созданию видимости действий»². Причем в это время, как отметил в дневнике П. Талвела, в Финляндии «овладение Петербургом ожидается с нетерпением»³. Маннергейм в своих мемуарах записал: «По полученной информации, после окончания тяжелых боев за Севастополь немцы, как заявлял Гитлер, намеревались разделиться с Ленинградом»⁴. Естественно, что цели этой операции не изменились. Об этом 25 августа Кейтель прямо сказал генералу Хейнриксу: «Петербург будет разбит и уничтожен»⁵.

В результате в это время на фронте активно внедрялась идея о том, что финские войска должны готовиться к решительным боевым действиям. В документе за подписью генерала Х. Эквиста 7 сентября группе войск «Карельский перешеек» давалась такая установка: «Ведение войны до победного конца является жизненным вопросом для нашего народа»⁶. Замыслы относительно достижения Финляндией так называемых стратегических границ, то есть захвата территории Советского Союза, представлялись военно-националистическим кругам все еще вполне осуществимыми.

Однако эти расчеты были опять сорваны в конце августа активными наступательными действиями войск Ленинградского и Волховского фронтов. Немецкие дивизии, потерявшие в этих боях почти 60 тысяч солдат и офицеров, не смогли развернуть запланированное наступление. Вернувшийся из командировки в Германию генерал Талвела сообщил 12 октября Маннергейму, что «захват Ленинграда откладывается»⁷. Это понял и Маннергейм⁸.

Битва за Ленинград не была закончена. Без всякого сомнения, Маннергейм в ней оставался весьма активным действующим лицом. Финляндия строго удерживала участок фронта, замыкающий блокад-

¹ См.: *Talvela P. Sotilaan elämä. Osa II. S. 177; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне С. 200.*

² *Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 288; Talvela P. Sotilaan elämä. Osa II. S. 193.*

³ *Talvela P. Sotilaan elämä. Osa II. S. 173.*

⁴ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 412.*

⁵ Цит. по: *Talvela P. Sotilaan elämä. Osa II. S. 177.*

⁶ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 202.*

⁷ *Tuompo W. E. Päiväkirjani 1941–1944. S. 162.*

⁸ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 413–414.*

ное кольцо. Маршал, конечно, несет персональную ответственность за гибель миллионов жителей города. Причем он тогда это очень хорошо понимал. Слова, сказанные маршалом в мае 1942 г. финскому посланнику в Ватикане, своему дальнему родственнику, Г. А. Грипенбергу, что «русские никогда не забудут, если финны будут участвовать в наступлении на Петербург»¹, очень хорошо иллюстрировали его взгляды. В Москве, безусловно, не забыли, с помощью каких войск было образовано блокадное кольцо. Как указал Сталин своим западным союзникам по антигитлеровской коалиции в 1945 г. на Потсдамской конференции, «конечно, без помощи Финляндии Германия не могла бы осуществлять блокаду Ленинграда»². И это была объективная реальность, которую тогда никто не оспаривал...

Станет ли Финляндия «великой»?

В мемуарах Маннергейма наиболее искаженным показано отношение финского маршала к проблеме создания в годы Второй мировой войны «великой Финляндии». Как отмечал руководитель цензурного ведомства того периода К. Вилкуна, «вопрос о цели войны за все ее время для большей части финского народа оставался туманным и разнотонным»³. Этот «туман» затем стремились сохранить и некоторые исследователи, которые описывали деятельность Маннергейма в годы войны⁴.

Однако выяснение позиции финского маршала является крайне важным, поскольку именно от его взглядов в Финляндии многое зависело в тот период. И зависело в глобальном масштабе. Маннергейм занимал ключевые позиции в руководстве страны и, естественно, принимал многие важные решения. Причем его влияние распространялось на те сферы государственной деятельности, которые никак не могли считаться чисто военными.

¹ Цит. по: *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 248.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 95.

³ *Vilkuna K.* Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. Hels., 1971. S. 60.

⁴ См.: *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. Hels., 1981. S. 146–147; *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka. S. 276.

Представления маршала о будущем Финляндии, которые он имел в 1941 г., а позднее всячески старался скрыть, четко указывали на его истинные намерения, которые, собственно, и толкали Финляндию к участию в войне. Рассказать правду Маннергейм не хотел, прежде всего, потому, что в условиях дальнейшего крушения нацизма и осуждения идеологии Гитлера и его единомышленников Нюрнбергским международным трибуналом афишировать близкие к этому взгляды, конечно, было очень опасно.

Естественно, вступая войну, государственное и военное руководство Финляндии ставило совершенно определенные цели. Но они никогда в общем виде не формулировались и не провозглашались. Тем не менее по совокупности заявлений лиц, определявших политику страны, и данным официальных материалов они вполне четко очерчены. Особенно ясно это видно из заявлений именно К. Г. Маннергейма, а также Р. Рюти, Ю. В. Рангеля и других¹. При этом основой для участия Финляндии в войне была вера в быструю победу Германии. В этом отношении прав был финский историк Х. Сеппяля, который указал, что «большой ошибкой в определении Финляндией главной цели войны являлось то, что она строила свои надежды, не основываясь на собственных силах... верила в победу Германии и считала Советский Союз в военном отношении слабым»². В результате поставленная Германией задача уничтожения СССР и порабощения его народа вполне отвечала устремлениям руководителей Финляндии.

При этом у Финляндии имелись также исключительно собственные «интересы». Здесь особо выделялись националистические идеи сугубо великофинляндской направленности, предусматривавшие захват у Советского Союза значительной территории с выдвиганием Финляндии к так называемым стратегическим границам до Белого моря и Онежского озера, к рекам Свири и Неве. Причем эти замыслы не являлись пределом. Высказывались также мысли о создании протектората над той частью советской территории, где проживали коми, марийцы, чуваша, ханты, манси. Строились также планы переселения карел Калининской (Тверской) области в пограничные

¹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 159; Manninen O. Suur-Suomen ääriäivät. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 277, 312.

² Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. S. 110.

с Карелией районы, а марийцев и мордву — в Архангельскую область с последующим превращением их в протекторат Финляндии¹.

Данные задачи, связанные с созданием «великой Финляндии», изначально легли на плечи финского маршала. В результате именно он официально озвучил главные цели участия Финляндии в войне. Они были четко изложены 10 июля 1941 г. в приказе № 3 о переходе финских войск в наступление. Этот приказ был официально передан по финскому радио и отпечатан в газетах². В нем, как известно, давалось распоряжение Карельской армии двинуться в Северное Приладожье. Но, что самое важное, в приказе еще указывалось, что «свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»³. Так, стремясь облечь в красивую фразу одну из главных целей начатой войны, маршал во всеуслышание, открыто подтвердил замысел относительно задачи создания «великой Финляндии», а «населению Восточной Карелии снова обещал “свободу”»⁴.

Однако в воспоминаниях Маннергейм не стал раскрывать истинное значение подписанного им документа⁵. Хотя в частном письме своей сестре 17 июля 1941 г. он прямо написал: «Вот тебе, дорогая Ева, самый свежий приказ по армии, из которого ты получишь представление о моих взглядах на нашу войну и ее цель». Далее, заканчивая это послание, он пафосно заявил: «Теперь жребий все же брошен и в гордой истории Финляндии начался новый период»⁶. Исследовательница Э. Иоффе, которая опубликовала это письмо, от себя заметила, что «Маннергейм, конечно, не сам подготавливал свои приказы, но почти всегда собственноручно правил предложенный ему текст»⁷.

Действительно, содержание этого приказа потребовало от маршала серьезных предварительных раздумий⁸. Его размышления были, оче-

¹ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriivivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 157–158, 295.

² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 134; *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 143.

³ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 70.

⁴ *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 140.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 327.

⁶ Цит. по: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 279–280.

⁷ Там же. С. 280.

⁸ См.: *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 139–140.

видно, связаны с использованием в приказе «весьма смелых политических заявлений»¹. Но о тщательности подготовки данного документа свидетельствует сохранившийся черновик, который ясно указывает на скрупулезную правку текста, которую выполнил Маннергейм за неделю до официального оглашения приказа в войсках².

В приказе маршал использовал ярко выраженный лексикон распоряжений, которые он отдавал еще в период финской гражданской войны в 1918 г.³ и пытался «выстроить риторическую арку от 1918 года к 1941-му»⁴. Показательно, однако, что офицеры ставки, помогавшие Маннергейму составлять приказ, откровенно тогда говорили маршалу, что подобные формулировки им кажутся очень резкими и лучше их оставить «на усмотрение президента или, например, премьер-министра, поскольку это требует их компетенции»⁵. Но позиция маршала к этому времени была четко сложившейся. Он оставался непреклонным. В ответ на данные рекомендации Маннергейм «с раздражением сказал: “Думаете, что вы умнее, чем я?”»⁶.

Иными словами, отданный маршалом приказ был для Маннергейма уже годами «выношенным», и он, несомненно, понимал, что это «резко изменит обстановку»⁷. Представление о Финляндии как «жертве агрессии» сразу же, естественно, исчезало⁸. Как справедливо заметил финский историк Х. Мейнандер, приказ явно отличался «откровенно экспансивным и националистическим подбором лексики»⁹. Таким образом, Маннергейм решил открыто заявить об истинных целях начала войны, и это показывало, какой неограниченной властью в тот период он пользовался¹⁰.

Однако это вызвало в определенных высших политических кругах Финляндии откровенный испуг. Поэтому в своих воспоминаниях К. Вилкуна прямо написал, что тогда сразу же возникло мнение, что

¹ *Lehmus K.* Tunteaton Mannerheim. S. 59.

² *Manninen O.* Suur-Suomen ääriivivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 196.

³ *Lehmus K.* Tunteaton Mannerheim. S. 56; *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 139.

⁴ *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 282.

⁵ *Lehmus K.* Tunteaton Mannerheim. S. 59.

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Vilkuna K.* Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. S. 65.

⁸ См.: *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 143–145.

⁹ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 230.

¹⁰ См.: *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S. 136.

смысл приказа отражает сугубо личные представления Маннергейма, а «президент республики и правительство не были предварительно проинформированы об этом приказе!»¹. Справедливости ради следует заметить, что в действительности президент страны Р. Рюти все же был проинформирован о содержании данного документа заранее, и именно он принял решение этот приказ опубликовать². Как считает написавший о Маннергейме мемуары генерал Э. Хейнрикс, президент сделал это вполне осознанно. Он, как считает Хейнрикс, решил просто «не наносить ущерб авторитету главнокомандующего»³. Но в целом Маннергейм как главнокомандующий явно превысил свои полномочия. Маршал это тоже понимал⁴. Поэтому затем, «в частных беседах с президентом и с отдельными членами правительства подчеркивал, что во все не стремился в приказе определить “политические цели войны”»⁵.

Но дело было сделано. Откреститься от обозначенных в приказе Маннергейма реальных целей войны и от очевидного возрождения идеи создания «великой Финляндии» руководству государства, конечно, не удалось. Приказ начал реализовываться на практике. И тут дело было не только в начавшемся общем наступлении финских войск в Карелии. Машина финской пропаганды в духе отданного маршалом приказа сразу же завертелась⁶. Более того, приказ стал своего рода сигналом к тому, чтобы усилить как в войсках, так и среди населения идеологическую работу в указанном направлении⁷. Как тогда подчеркивалось, «о границе не надо спорить, надо стремиться достигнуть приемлемую в военно-политическом отношении *новую* [выделено мною. — *Примеч. авт.*] границу»⁸. Теперь наряду с распространявшейся пропагандой идеей необходимости возврата Финляндии к рубежам 1939 г. в качестве главной задачи выдвигалась великофинляндская идея, связанная с установлением «новых границ». Таким образом, создание «великой Финляндии» с провозглашением

¹ *Vilkuna K.* Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. S. 66.

² *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 143; *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka. S. 279.

³ *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka. S. 280.

⁴ *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 145.

⁵ *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 62, 217.

⁶ *Vilkuna K.* Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. S. 66.

⁷ См.: *Ibidem*; *Rusi A.* Lehdistöensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin väliinään 1941–1944; По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 75.

⁸ *Vilkuna K.* Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. S. 66.

этого приказа оказалось на практике государственной политикой. Теперь в Финляндии, как и в Германии, начали достаточно открыто мечтать о «жизненном пространстве» («Finnlands Lebensraum»)¹, которое простиралось значительно дальше прежних государственных границ этой страны.

В результате, взяв курс на захват, а затем и на присоединение к Финляндии советских территорий, надо было разработать дальнейшие практические шаги для его реализации. Конкретно требовалось заранее продумать механизм управления «новыми землями». Предварительная проработка данного вопроса осуществлялась еще до начала войны. В ставке Маннергейма 16 июня 1941 г. был разработан специальный документ, который касался планов создания на занятых территориях СССР жесткой системы военной администрации². Причем сугубо военный подход к административному управлению создавал условия для прочного закрепления Финляндии на «новых землях».

Далее, на стадии подготовки к началу активных боевых действий маршал 8 июля подписал непосредственное обращение к гражданскому населению Карелии. В нем сообщалось о том, каким образом предполагалось введение общей организации управления контролируемых Финляндией советских территорий. В обращении говорилось: «Население, находящееся на территории, занятой финскими войсками, должно беспрекословно выполнять все распоряжения финских военных [выделено мною. — *Примеч. авт.*] властей. Всякое невыполнение данных распоряжений или действия, направленные в ущерб финской армии или же помощь ее врагам, будет наказываться согласно финским законам». В итоге, как объявлялось, «судебная власть... принадлежит военно-полевым судам финской армии», а все жители «подлежат трудовой повинности» и «обязаны выполнять сельскохозяйственные и полевые работы, на которые будут назначены, и данные им задания усердно и добросовестно»³.

С началом наступления 11 июля Маннергейм назначил конкретного руководителя Военного управления Восточной Карелии. Им стал полковник В. А. Котилайнен. Официальный приказ маршала о введе-

¹ См.: *Auer V., Jutikkala E.* Finnlands Lebensraum. Berlin, 1941.

² См.: *Manninen O.* Suur-Suomen ääriivivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 184; *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 75.

³ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 68–69; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши. С. 108.

нии на захваченных советских территориях администрации Военного управления был отдан на пятый день наступления — 15 июля 1941 г.¹ В тот же день полковник Котилайнен объявил, что «принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей»². Причем в его обращении также говорилось: «Всякое сопротивление немецкой и финской армии бесполезно и будет беспощадно пресекаться», а «за нарушение этих требований может последовать смертная казнь»³. К тому времени при оккупационной администрации стал уже создаваться достаточно большой административный аппарат. Он к концу 1941 г. насчитывал около 3 тысяч сотрудников⁴.

Таким образом, благодаря «своевременным распоряжениям» Маннергейма Финляндия оказалась хорошо подготовленной для быстрого установления на захваченных советских территориях своей военной администрации, то есть начала подготовку к созданию «великой Финляндии». Причем сама эта власть осуществлялась не на базе финских гражданских учреждений и не с привлечением к управлению местного населения, а сугубо через армейские структуры, подчиненные ставке.

Более того, как отмечает финский историк О. Маннинен, «с самого начала, летом 1941 г., в ставку в составившиеся планы управления Восточной Карелией вошли мероприятия, целью которых являлось финляндизовать население захваченных территорий и подготовить эти территории к присоединению к Финляндии»⁵. Речь шла о том, чтобы «не мудрствуя лукаво» уже в ходе войны присоединить Советскую Карелию к Финляндии и, более того, превратить ее «в территорию, заселенную только финно-угорскими народами»⁶. С тем, чтобы

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 391, 376; *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 187; *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 76.

² По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 72–73.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 154; *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 76; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. С. 310.

⁵ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 189.

⁶ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 311.

это выглядело «законно», сразу же недалеко от границы, в старинной карельской деревне Вокнаволок (Вуоккиниеме) было проведено специальное «народное собрание», на котором 20 июля было объявлено об «отделении Беломорской и Олонецкой Карелии от России» и «одновременно единодушно было решено присоединить нашу страну навечно к Финляндии»¹. Причем организаторами этого собрания оказались снова представители ведомства Маннергейма. Это были уже назначенные к тому времени первые сотрудники администрации Военного управления Восточной Карелии, а также работники информационного и разведывательного отделов ставки. Причем, как пишет финский историк Ю. Куломаа, «для экономии времени резолюция собрания была задолго до его проведения составлена в Главной ставке финляндской армии»², то есть у Маннергейма. Показательно при этом, что самих карел, особенно «беломорцев», на этом собрании было очень мало³. Таким образом, финское руководство сразу же обозначило то, какова будет в дальнейшем судьба захваченных советских территорий. Мнение местных жителей, естественно, здесь никоим образом не учитывалось.

Разумеется, что отношение к гражданскому населению на прежних территориях, которые Финляндия потеряла в период так называемой зимней войны, у Маннергейма вообще не вызывало вопросов. Присутствие советского населения не предусматривалось. Оно подлежало безусловному выселению. В результате сразу же после захвата приграничных советских территорий финскими войсками все представители мирного населения арестовывались, а затем переправлялись в специально организованные для них «трудовые лагеря»⁴. Но сказать, что для финской военной администрации это являлась серьезной проблемой, все же нельзя. На занятой территории гражданского населения оказалось немного, или точнее его «было меньше, чем ожидалось»⁵. Более того, финские войска, продвигаясь вглубь СССР, практически не

¹ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 77; см. также: *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 189, S. 190;

² *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Hels., 1989. S. 50.

³ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 190.

⁴ *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. S. 59.

⁵ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 190.

встречали мирное население. В целом на всей территории Карелии, которую Финляндия сумела захватить, местных жителей осталось лишь более 86 тысяч. Однако от этого числа финских «соплеменников» оказалось всего 35%¹.

Таким образом, для Маннергейма возникала иная проблема. Реализации идеи «великой Финляндии» существенно мешало то, что на «новых землях», которые заняли финские войска, проживало значительное количество русских. И вот тут ясно обозначилась конкретная позиция маршала, как он в действительности относился к русским и что у него реально осталось из «прошлой жизни». Все оказалось заранее продумано. Предвидя, что финской армии придется столкнуться с большим количеством именно русского гражданского населения, 8 июля 1941 г. маршал отдал наступающим войскам еще один очень важный приказ. Согласно нему требовалось «русское население заключать под стражу и переправлять в концентрационные лагеря»². Этот приказ, надо полагать, также целиком соответствовал целям начавшейся войны за «великую Финляндию» и, естественно, стал строго выполняться.

Конечно, отдавая данный приказ, Маннергейм никак не предполагал, что война будет длительной и может быть даже проиграна. Уверенность в успехе позволила ему предпринять такие действия, которые полностью раскрывали истинные цели участия Финляндии в войне, и они вполне соответствовали нацистской расовой идеологии Германии. В результате в Карелии финская армия стала осуществлять жесткие этнические чистки, которые, безусловно, позднее должны были лечь мрачным пятном на «светлый» образ финского маршала. Поэтому Маннергейм этот приказ после окончания войны, естественно, постарался быстро «забыть». В своих мемуарах он, наоборот, создал благостную картину финской оккупационной политики. Маршал без всякого стеснения написал, что «сразу после вступления в на-

¹ *Manninen O.* Suur-Suomen aariviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 190; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 309, 312.

² Цит. по: *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 190; См. также: *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 106–107; *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. S. 59. См. перевод на русский язык: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 283–284.

селенные пункты военные выдавали гражданскому населению продовольствие из своих запасов», оказывали «помощь в виде поставок сельскохозяйственной техники, скота» и т. д.¹ Более того, «базовыми принципами стали основанные на доверии сотрудничество с местными жителями», и у военной администрации «никаких трений ни с карельским, ни со славянским населением не было»².

Все эти утверждения абсолютно не соответствовали реальной действительности. Маннергейм, например, вряд ли «не знал» или просто «забыл», скажем, о докладе по итогам инспекционной поездки главного врача вооруженных сил Финляндии в Карелию осенью 1941 г. Однако в докладе без прикрас пишется: «Вдоль всей дороги... сотни русских семей шли из своих домов в концентрационные лагеря. Шли очень медленно, и некоторые находились в пути больше недели. Естественно, что эти толпы людей производили самое удручающее впечатление... Приказ отправиться в путь застал многих врасплох...»³ Вряд ли Маннергейм не представлял, к чему могут привести его приказы. К тому же он сам лично не раз бывал на оккупированных советских территориях⁴ и лично посетил, в частности, в Петрозаводске 17 января 1942 г., если верить его «российским биографам», как минимум концлагерь № 5, созданный именно для гражданского населения⁵. Кроме того, не является секретом, что Маннергейм лично получал от бывших русских дворян, проживавших тогда в Карелии, письма из финских лагерей. К нему прямо обращались фактически как к бывшему генералу русской армии с просьбой помочь им. Но известно лишь, что он эти письма читал...⁶

Конечно, трудно поверить, что маршал не мог видеть или даже вообще не представлял этнические чистки, которые организовывали его войска во имя «великой Финляндии». Что он только лишь «заботился о том, что касалось поддержания международных прав и обязанностей в деятельности оккупационных властей»⁷. В действительности Финляндия проводила в отношении славянского населения ярко выра-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 394.

² *Ibidem.*

³ Цит. по: *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. S. 58–59.

⁴ См.: *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 111.

⁵ См.: *Власов Л. В.* Маннергейм. С. 270–271.

⁶ *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 285–287.

⁷ *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 299.

женную расовую политику геноцида, который являлся самым грубым нарушением международного права. Хотя, конечно, для Германии и всего ее нацистского блока это было вполне естественным. Для оккупационной политики Маннергейма главным являлось будущее «великой Финляндии», и к этому будущему он, собственно, и стремился.

Более того, никто в тот период не мог серьезно повлиять на маршала и воспрепятствовать очевидному продолжению захвата советских территорий. Ярким примером этого стало внешнеполитическое давление на Хельсинки ведущих стран «западной демократии» как раз в разгар финского наступления в Карелии. Трижды в конце октября 1941 г. госсекретарь США К. Хэлл высказывал финскому руководству пожелание, что «войска Маннергейма остановятся у старых границ»¹. Подобного же рода надежду выразило несколько раньше — 22 сентября — и правительство Великобритании².

Но, как известно, никаких задержек в проведении наступательных операций не происходило. Финская армия планомерно продолжала откровенный захват чужих территорий. И тогда 24 ноября Хельсинки был выдвинут ультиматум. Он поступил из Лондона. В нем содержались жесткие требования прекратить наступление «на чисто российские территории». Более того, сообщалось о возможности объявления Великобританией Финляндии войны³. Подобное развитие внешнеполитических событий, конечно, «всполошило» финское руководство. По этому поводу даже прошло специальное совещание с участием Маннергейма. Однако на нем, скорее, не рассматривались возможности немедленного прекращения наступления, а просчитывалось, какими будут для Финляндии последствия от объявления Великобританией ей войны. Маннергейм, очевидно, всех решил успокоить и указал на то, что британские войска непосредственно с финской армией воевать не смогут: «Англичане, вероятно, будут пытаться высадиться в Мурманске»⁴, то есть в Заполярье, в зоне ответственности германских войск.

Но британский ультиматум ужесточился. 29 ноября его повторил в своем личном послании к Маннергейму премьер-министр Велико-

¹ *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941–1944. Porvoo-Hels., 1964. S. 82, 86.

² *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 175. См. также: *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 364.

³ *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 137. См. также: *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 364.

⁴ Цит. по: *Lehmus K.* Tunteaton Mannerheim. S. 73.

британии У. Черчилль. В письме он в принципе начертил достаточно пророческие слова, прямо указав маршалу, что «для многих английских друзей вашей страны было бы досадно, если Финляндия окажется на одной скамье с обвиняемыми и побежденными нацистами»¹. Но и это не возымело действия. Маннергейм лишь сухо ответил, что «не может приостановить проведение нынешних военных операций»². Только после этого Великобритания объявила войну Финляндии, а Маннергейм оказался именно тем человеком в финском руководстве, от решения которого действительно зависела вся дальнейшая жесткая реакция Лондона и появление у Финляндии нового военного противника.

Что же касается Соединенных Штатов, то подобного шага они не сделали. В Вашингтоне ограничились лишь призывом прекратить военные действия против СССР и получили 11 ноября в ответной ноте из Хельсинки следующее разъяснение: «Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы настоятельно необходимо для Финляндии и в интересах действительности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году, во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны»³. Так в конце 1941 г. финляндское руководство сказало правду о целях, которых оно хотело достигнуть в «первой фазе», то есть в ходе войны 1939–1940 гг., когда раздумывало об эффективности западной помощи и пыталось создать русское марионеточное «правительство». Маннергейм же в данном случае познакомил немецкого генерала Эрфурта с содержанием ответа Соединенным Штатам. Он тогда, как отметил представитель германских вооруженных сил, «слегка пошутил, сказав, что осязаемая “Великая Финляндия”, кажется, бросает вызов ограничениям американской дипломатии»⁴.

Действительно мечты о «великой Финляндии» тогда сохранялись. Захват финскими войсками Петрозаводска подтверждал эти стремления. Как откровенно записал в воспоминаниях Маннергейм, «радость по поводу взятия столицы Советской Карелии была огромна», — и да-

¹ Цит. по: *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 366.*

² *Ibid. S. 367.*

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1946. С. 160.

⁴ Цит. по: *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 291.*

лее добавил — «Это было ответом на часто высказываемое мнение, насколько мечты иногда далеки от реальности»¹. Тогда казалось, что идея создания «великой Финляндии» объективно стала воплощаться в жизнь, и, как подчеркнул Маннергейм в своем очередном приказе, значение взятия этого города «сохранится надолго в истории нашего народа»². Чтобы это стало понятно, сразу же Петрозаводску было дано чисто финское название — Яанислинна (Äänislinna). Вообще и другие захваченные финнами карельские города тоже получили новые, финские, названия.

Трудно представить, что эти изменения в названиях, как пишет в мемуарах Маннергейм, происходили без ведома финского маршала³. Все продумывалось заранее, и новые названия карельских городов придумывали непосредственно в военном ведомстве⁴. Более того, там даже были составлены списки «о переименовании улиц в городах и селах Восточной Карелии»⁵. Финляндия, как это казалось в 1941 г., пришла в Карелию основательно и надолго.

Что же касается отношения Маннергейма ко всем этим переименованиям, его взгляды достаточно выразительно зафиксировал в воспоминаниях начальник информационного отдела ставки К. Лехмус. Он весной 1942 г. завел с маршалом беседу о финских переименованиях и сказал маршалу: «...Когда теперь Петрозаводску дано новое название Яанислинна, а городу Олонец — Аунуксенлинна, то логично было бы дать Ленинграду после овладения им наименование Неванлинна, а по-шведски Неовиус». Далее он зафиксировал реакцию Маннергейма — «по глазам главнокомандующего почувствовалось одобрение шутки»⁶. После этого маршал уже серьезно сказал Лехмусу: «...Что сделано, то сделано. Теперь нужно поступать так, чтобы осторожно осуществить наши надежды и устремления»⁷.

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 356.

² По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 112.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 356.

⁴ См.: По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. С. 102; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 329–330; *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. С. 190.

⁵ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 329–330.

⁶ *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 81.

⁷ *Ibid.* S. 82.

Действительно, даже после взятия Петрозаводска и последующего его переименования для Маннергейма существовала одна серьезная проблема, которая мешала быстрому этническому утверждению тут «великой Финляндии». Дело в том, что именно в этом городе проживало большое количество русского гражданского населения. И данную проблему стали быстро решать так, как это и было предписано в приказе Маннергейма от 8 июля 1941 г. Столица Карелии стала превращаться в гигантский концлагерь. Распоряжение об организации здесь концентрационных или «трудовых» лагерей поступило через две недели после взятия города¹. Постановили в городе создать колоссальный концентрационный лагерь, рассчитанный на 10 тысяч человек². Этот лагерь затем для большего удобства оккупационной администрации был разделен на семь отдельных лагерей³. Создание такого большого количества лагерей в одном городе было связано с тем, что в Петрозаводск стали отправлять русских из других районов Карелии. В руководстве Финляндии хотели, чтобы «простые русские люди, живущие в деревнях, не могли смешиваться с привилегированными карелами, вепсами, ингерманландцами и другими финно-угорскими народами»⁴. Поэтому их в большинстве тоже депортировали в Петрозаводск, где над ними «легче» было осуществлять контроль⁵.

Кроме того, как считает финский исследователь Я. Куломаа, начавшаяся концентрация в Петрозаводске русского населения, проживавшего в Карелии, была вызвана еще и тем, что линия фронта находилась достаточно далеко от города. Но главное заключалось в том, что именно здесь можно «было просто организовать размещение людей и их охрану»⁶. Это указывало на место, которое финское руководство отводило столице Советской Карелии. При этом было очевидно, что лагерное строительство в городе рассматривалось в качестве лишь

¹ *Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. S. 60.*

² Там же; *Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 364.*

³ *Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки-СПб., 2009. С. 135.*

⁴ *Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 363.*

⁵ См.: там же; *Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990. № 12. С. 97–98.*

⁶ *Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. S. 61.*

«временного варианта». Возможности города, сохранявшего важное транспортное значение, позволяли затем изолированное русское население быстро по железной дороге вывезти с территории «великой Финляндии»¹.

В целом все было «заострено» на очищение для финнов их «жизненного пространства». Это мало чем отличало этническую политику Финляндии от действий нацистской Германии. Неслучайно поэтому в конце 1941 г. представитель Военного управления Восточной Карелии был отправлен в рейх с тем, чтобы там обсудить перспективу депортации русских из Карелии на оккупированную нацистами территорию СССР, а также рассмотреть вопрос о переселении оттуда представителей финно-угорских народов, наоборот, в Карелию. Кроме того, конечно, финскому представителю было поручено в деталях ознакомиться с опытом работы немецкой оккупационной администрации в захваченных районах Советского Союза². Все это, разумеется, являлось частью общего замысла создания, вместе с присоединенными территориями, «великой Финляндии». Таким образом, русское население рассматривалось оккупантами как «недочеловеки», и в отношении него проводилась ярко выраженная политика расовой дискриминации и геноцида.

В итоге к концу 1941 г. Финляндия, проводя очевидные этнические чистки в Карелии, смогла создать на ее территории 14 концентрационных лагерей³. Как отмечает профессор С. Г. Веригин, в них за колючую проволоку было определено около 20 тысяч человек. Далее в ходе войны эта цифра выросла до 24 тысяч, что составляло «около 27% всего населения, находившегося в зоне оккупации»⁴. Более того, то граждан-

¹ *Kulomaa J.* Aanislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. S. 61.

² См.: *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 312.

³ *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 79; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 363. Исследователь Фролов Д. Д. обнаружил таких лагерей на территории Карелии 13 (См.: *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 135).

⁴ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 363. См. также: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 68; *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тай-

ское славянское население, которое не попало в лагеря, оказалось в так называемых местах принудительного содержания, или на «особых территориях». Это были районы, «куда неродственные финнам народы были выселены оккупационными властями и где они отбывали трудовую повинность», «мало чем отличались от концлагерей»¹. В результате возникла немислимая, даже дикая для цивилизованного общества ситуация, «практически все национальное (русское) население... находилось либо в концлагерях (переселенческих) лагерях, либо в трудовых лагерях, либо в местах принудительного содержания»².

Тем не менее до сих пор неизвестно, какое количество мирных жителей Карелии погибло в местах заключения³. Считается, что в итоге созданного по своей сути, как заметил петрозаводский историк К. А. Морозов, «каторжного режима» погибло свыше 14 тысяч человек, или $\frac{1}{5}$ населения, проживавшего в захваченной Финляндией части республики⁴.

Столь высокая смертность гражданского населения, особенно среди тех, кто был отправлен финскими оккупационными властями в лагеря, безусловно, была вызвана массовым использованием их для чрезвычайно тяжелого физического труда, который сочетался с «голодом из-за крайне скудного питания, эпидемиями». Но, что особенно важно, в отношении узников активно применялись телесные наказания и использовались такие формы «воспитательной работы», как просто примитивные расстрелы. И это касаться «даже малолетних детей и подростков»⁵. О фактах расстрелов заключенных указал,

ны и открытия. С. 284; При этом данная цифра могла быть еще больше, поскольку, по данным историка Д. Д. Фролова, который специально занимался проблемами, связанными с финскими лагерями периода 1939–1944 гг., их вместимость для гражданского населения в Карелии доходила до 31 576 человек (*Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 135).

¹ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 379, 382–383; См. также: *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. С. 60–61.

² *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 382.

³ См.: там же. С. 372; *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 69.

⁴ *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 80.

⁵ *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 69.

в частности, финский военный историк Х. Сеппяля, находившийся в годы войны в Петрозаводске. Он в своей книге «Финляндия как оккупант» особо подчеркнул, что финны даже «при детях расстреливали заключенных, назначали телесные наказания женщинам, детям и старикам, невзирая на возраст»¹.

В этом отношении можно полностью согласиться с мнением авторитетного петрозаводского историка С. Г. Веригина, который отметил, что созданный в 1941–1942 гг. «финский режим на территории оккупированной Советской Карелии ничем не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков». При этом исследователь указывает лишь на одну разницу в организации двух этих взаимосвязанных режимов. Веригин подчеркивает, что «конечной целью германских концлагерей являлось уничтожение людей», а «задача финских концлагерей была принципиально иной — изоляция и последующее выселение некоренного населения». Но при этом историк вполне справедливо уточняет что «условия финских концлагерей были таковы, что русские люди погибали без специально поставленной задачи по их уничтожению»². Да, их готовили для депортации, а затем оказалось, что их вывозить из Карелии, собственно, стало некуда... Поэтому их неизбежной участью при установленных финской военной оккупационной администрацией порядках становилась в перспективе только смерть.

Знали об этом Маннергейм? Да конечно знал! Поэтому, когда финал участия Финляндии в войне для него стал более или менее понятным, в январе 1944 г. он дал строгое указание относительно уничтожения всех материалов, касавшихся оккупированной Карелии. Речь шла конкретно о размноженном экземпляре текста «О проводимой в отношении Восточной Карелии политике». Командный отдел ставки направил 6 января в войска следующее распоряжение: «Верховный главнокомандующий приказывает безотлагательно проконтролировать, где указанные материалы размножены в подчиненных частях, а также изъять их и сжечь»³. В результате документы, раскрывающие

¹ Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 69.

² *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 381.

³ Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. С. 69.

специфику финской политики в Карелии в годы войны, были просто уничтожены.

Тем не менее сейчас популяризируется оторванное от реальности представление о «гуманной» политике, которую финская оккупационная администрация проводила в отношении советского гражданского населения в Карелии¹. Весьма распространенным является, в частности, утверждение, согласно которому финны в Карелии выполняли лишь функции гуманитарного характера, помогая в общем-то «отсталому» местному населению в его развитии². Поэтому нельзя не согласиться с мнением петрозаводского историка С. Г. Веригина, который на основе серьезного научного исследования пришел к совершенно адекватному заключению. В своей фундаментальной работе «Карелия в годы военных испытаний» он сделал весьма аргументированный и очень важный вывод. Веригин подчеркнул, что «по многим параметрам финские власти установили оккупационный режим значительно более жестокий, чем тот, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР». И далее исследователь конкретно пояснил то, чего больше всего опасался после войны Маннергейм: «Сложно найти оккупированную территорию Советского Союза, где бы противник создал такое большое количество мест принудительного содержания, как в Карелии»³. К этому, вероятно, следует лишь добавить, что в отличие от Германии, где операциями террора против гражданского населения и военнопленных занимались, прежде всего, эсэсовские подразделения, в Финляндии организация как оккупационного режима, так и лагерей была возложена на ведомство Маннергейма.

Схожесть политики Германии и Финляндии в отношении гражданского населения на захваченных территориях была очевидной. И это подкреплялось упрочением в 1941 г. в целом политического сотрудничества двух государств. 25 ноября 1941 г. Финляндия офи-

¹ См.: *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 76–82.

² См. подробно: *Барышников В. Н.* Исторические мифы в Финляндии о периоде Второй мировой войны как идеологическое средство для создания современного негативного образа России // *Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности.* М., 2012. С. 191–203.

³ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 382.

циально присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, который подтвердил ее политический союз как с рейхом, так и с другими странами нацистского блока¹.

Но наиболее выразительно расовую политику Финляндии и ее схожесть с аналогичной политикой Германии иллюстрирует обращение финских властей с советскими военнопленными. Здесь ситуация выглядела не менее прискорбной. Финский исследователь Э. Пиэтола, который специально занимался рассмотрением данной проблемы, откровенно указывает, что «военное руководство нашей страны не придерживалось подписанных международных соглашений в обращении с пленными, а принялось по примеру нацистской Германии сортировать людей по их родовой принадлежности»². В момент наступательных действий финской армии в 1941 г. в финский плен попало 56 334 советских военнослужащих. Далее за время продолжения боевых действий это число увеличилось до 64 188 человек³.

Конкретно вопросами военнопленных было поручено заниматься известному русофобу, бывшему министру иностранных дел Финляндии Э. Эркко. Он тогда проходил военную службу в подчиненном ставке штабе тыловых войск⁴. Более того, в своей работе Эркко активно использовал структуры печально «прославившейся» еще в период финской гражданской войны «белой гвардии» — военизированной организации щюцкора. Из всего этого было уже понятно, что ничего хорошего советским пленным ждать тогда в Финляндии не приходилось.

Действительно, еще до начала общего наступления Карельской армии, 28 июня 1941 г., заблаговременно, в Финляндии приступили к формированию соответствующих лагерей⁵. Сразу же началось активное лагерное строительство. И в данном отношении очень существенным стал приказ ставки, который был отдан на следующий день. Этот приказ, как пояснил Э. Пиэтола, имел очень важную

¹ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 143.

² *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941—1944. С. 101.

³ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939—1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 132, 312; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. С. 378.

⁴ *Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. S. 161.

⁵ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941—1944. С. 92.

цель, которая четко раскрывала специфику финской лагерной политики. В нем предписывалось обязательное «распределение пленных по разным национальным группам»¹. Причем исследователь особо подчеркивает, что этот «национальный подход» спускался «сверху», то есть находился на контроле у высшего военного руководства². Иными словами, он не мог миновать внимания Маннергейма. Как отметил серьезно занимавшийся вопросами советских пленных в Финляндии Д. Д. Фролов, «основное внимание уделялось не столько воинскому званию военнопленного, сколько его национальности»³.

Уже к концу августа 1941 г. по всей Финляндии было образовано 18 лагерей для военнопленных. Далее, не останавливаясь на достигнутом, было в целом создано до 35 лагерей⁴, а также так называемых рот. Это позволило начать прием первых военнопленных, которых теперь финские военные власти обязаны были в соответствии с международными нормами содержать.

Однако, как это ни печально, судьба советских военнопленных полностью соответствовала тому, как складывалась ситуация с гражданским населением на оккупированной территории Советской Карелии. На оккупированной территории и в лагерях для советских военнопленных четко сохранялся ярко выраженный расовый подход. Здесь тоже все «привязывалось» к национальному происхождению всех взятых в плен людей⁵. В результате русские военнопленные были обречены на вымирание, также как и русское гражданское население Карелии. Даже указания о порядке, который следовало установить в гражданских и в военных лагерях, были очень схожи. Точнее, указывалось, что «в трудовом лагере следует применять те же инструкции, что и в лагерях для военнопленных» или что «в лагерях для гражданского населения применять те же виды наказания, что и для военнопленных»⁶.

¹ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 98.

² Там же. С. 99.

³ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 160.

⁴ Там же. С. 95; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 375, 536.

⁵ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 93.

⁶ Там же. С. 97.

С другой стороны, для «соплеменников» условия плена были иные. Весьма показателен приказ, который Маннергейм подписал 9 сентября. В нем четко указывалось на необходимость создания отдельного специализированного лагеря для военнопленных, говорящих на финском языке¹. Заключение в этом лагере получали очевидные привилегии. Как указывает историк Д. Д. Фролов, «их содержали лучше, чем остальных военнопленных, они имели относительно большую свободу передвижения по территории лагеря и т. д.». Кроме того, для них еще организовывалась специальная просветительная работа. Она выражалась в дальнейшем изучении ими финского языка, а также организации им лекций «по финской истории и культуре»². Подобный ярко выраженный национальный подход был связан еще и с тем, что предполагалось в дальнейшем этих «соплеменников» из числа военнопленных поселить в Восточной Карелии³.

Но, конечно, таких пленных в финских лагерях было немного. Что же касается пленных славянского происхождения, то в данном случае финский исследователь Э. Пиэтола довольно ясно указал на то, что их в финском плену ожидало. Он пишет: «Перегруппировка советских военнопленных, проводившаяся в Финляндии, представляла собой далеко зашедший расизм». Поясняя эту мысль, исследователь подчеркнул, что расизм «вращивался с ведома штаба тыловых войск», но «об этом “заботились” лагерное начальство и штат снабженцев»⁴.

Однако, вероятно, исследователь здесь не все договаривает. Основную ответственность за данные действия следовало, прежде всего, возложить на Маннергейма. Именно ему в конечном итоге все эти службы полностью подчинялись. К тому же конкретно по решению ставки Маннергейма с июля 1941 г. была определена особенно важная, как оказалось в дальнейшем, для пленных норма питания. Она оказалась тоже дифференцированной, и «“соплеменные” заключенные получали больше»⁵. В результате скудность пищи поставила русских пленных в крайне тяжелое положение. К тому же нормы питания

¹ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 192; *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 99.

² *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 145. См. также: *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 94.

³ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. S. 192; *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 100.

⁴ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 94.

⁵ Там же.

никак не соблюдались¹. В итоге даже «пленным, использовавшимся на тяжелой работе, дополнительного пайка не выдавали», также и «заболевшие не получали квалифицированной медицинской помощи»². Все это сразу же поставило русских военнопленных на грань голодной смерти. Что, собственно, и стало происходить. В финских концентрационных лагерях в массовом порядке начали умирать заключенные, прежде всего, именно «от голода и сопутствующих ему болезней»³.

Лагерное начальство не брезговало и организацией экзекуций над взятыми в плен людьми и их расстрелами. Причем «порки были публичным мероприятием, тогда как смертная казнь производилась без посторонних глаз»⁴. Тем не менее, надо полагать, не все расстрелы имели «законный характер» и производились после соответствующего решения специального для этого случая заседания военно-полевого суда. Поэтому здесь можно сказать лишь о числе официально казненных военнопленных. Их было 242 человека⁵. Однако количество погибших военнопленных в финских лагерях было очень большим.

Смертность военнопленных в Финляндии стремительно росла. В результате уже к зиме 1942 г. командование приняло решение, что наиболее «неблагополучные» лагеря, где погибало большое количество людей, следует просто закрыть. Оставшиеся в живых пленные должны быть переданы в новые места заключения⁶. В результате у некоторых современных финских историков прямо возникает вопрос: «По чьей же вине и при каких обстоятельствах осталось навсегда лежать в земле где-то 18 700 военнопленных?..»⁷

Действительно, еще в первый период войны начался стремительный рост числа погибших в лагерях военнопленных: только за полгода в 1941 г. скончалось в финском плену несколько тысяч человек⁸. Такие феноменальные показатели смертности не могли быть неиз-

¹ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 94. С. 93.

² Там же.

³ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 236.

⁴ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 111.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 309–310.

⁷ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 92.

⁸ Там же. С. 107; *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 307.

вестны Маннергейму и его окружению. Но это, очевидно, маршала мало заботило. Они неуклонно проводили свою линию как в отношении захваченной территории Советской Карелии, так и в отношении советских военнопленных.

В результате наблюдался дальнейший рост количества погибших в финских концентрационных лагерях советских солдат. В следующем, 1942 г. в лагерях погибло рекордное количество военнопленных — 14 926 человек¹. Германские победные фанфары в связи с продвижением немецких войск летом 1942 г. к Волге и Кавказу, несомненно, оказывали воздействие на тех, кому «великая Финляндия» все еще казалась реальностью. Маршал в связи с утойчивой гибелью десятков тысяч человек не предпринимал никаких действий, которые хоть как-то были способны облегчить их участь. Эта инертность Маннергейма явно указывала на то, что в то время смертность в лагерях для него не являлась серьезной проблемой, которая требовала личного адекватного вмешательства. В итоге, как отмечает финский исследователь Э. Пиэтола в опубликованной им работе «Военнопленные в Финляндии 1941–1944», «по статистическим данным получается, что из всей массы пленных в наших лагерях погибло 29,1 процента», и далее подчеркивает, что «это одна из самых высоких цифр в мире»².

Это утверждение финского ученого в чем-то является уникальным. Сейчас массовую гибель советских военнопленных в Финляндии некоторые исследователи стремятся просто не замечать. Или поступают, как исследователь Д. Д. Фролов, который очень большую смертность в финских лагерях попытался оправдать. В частности, он достаточно вольно, без соответствующего анализа, указывает на то, что смертность военнопленных, по его мнению, в лагерях нацистской Германии была выше³. Однако на самом деле здесь явно содержится некоторая доля лукавства. Для большей объективности исследователю, вероятно, следовало обратить внимание на то, как содержались советские военнопленные в немецких концентрационных лагерях в зоне их военной ответственности в Северной Финляндии и Норвегии, то есть там, где поблизости находились и финские лагеря. Так

¹ Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 107; Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 307.

² Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 92.

³ См.: Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 312.

вот, при анализе смертности именно в этих близких территориально друг к другу лагерях становится ясно, что в немецких она была значительно ниже, чем в финских¹.

Объясняется этот парадокс как раз именно спецификой лагерной политики Финляндии. В немецких лагерях, как это ни удивительно, «больше заботились о питании пленных и об их работоспособности, чем [в своих лагерях. — *Примеч. ред.*] финны». Более того, немцы не устанавливали такой жесткой дисциплины, как это было принято в отношении советских военнопленных в Финляндии². «В некоторых финских лагерях, — как справедливо подмечает финский историк Х. Мейнандер, — обращение с пленными было столь бесчеловечно, что это вызывало возмущение и протесты местного населения»³.

В целом вопросы расовой нетерпимости в годы войны сейчас, конечно, не очень популярны в Финляндии. Наоборот, одним из важных положений традиционной финской историографии является легенда о некой особой «доброте» Финляндии в годы войны. Намеки на проявление «гуманности» финской администрации к узникам лагерей без всякого труда можно заметить в работах профессора Х. Мейнандера⁴. Он даже приводит мнение, что тяжелые условия содержания в лагерях военнопленных «не преследовали цели геноцида»⁵. Особенно любопытным, в частности, выглядят авторское суждение о том, как было полезно Финляндии использовать труд советских военнопленных на сельскохозяйственных работах. В одной из работ историк прямо написал: «Эта система стала применяться зимой 1941/42 года, когда уровень смертности в лагерях военнопленных начал всерьез тревожить [???!! — *Примеч. авт.*] администрацию, а потребность в рабочей силе в деревне возросла». Далее, поясняя сказанное, Мейнандер указывает, что, действительно, «той зимой более трети из 50 тысяч интернированных военнопленных умерло в лагерях от голода и болезней»⁶.

¹ См.: *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. М., 2014. С. 282; *Meinander H. Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa.* S. 235–236.

² *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 282.

³ Там же.

⁴ См.: там же. С. 128–130; *Meinander H. Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa.* S. 236.

⁵ *Meinander H. Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa.* S. 236.

⁶ *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 128.

Суждение о том, что финскую лагерную администрацию стало «всерьез тревожить» сложившееся с военнопленными положение¹, очевидно, во многом основывается на тех высказываниях, которые содержатся в мемуарах Маннергейма. Он, так же как и в наши дни профессор Х. Мейнандер, написал, что «во время суровой военной зимы 1941—1942 годов пришлось решать серьезные проблемы административного и гуманитарного характера». Далее маршал отметил, что именно тогда ему «стало ясно, что необходимо предпринять шаги для улучшения условий содержания военнопленных» и «это была задача, которой нельзя было пренебрегать»². Тем не менее эти «шаги», как свидетельствуют данные о стремительно нарастающей именно в тот период смертности в лагерях, видимо, ни к чему не привели. Будем объективны. То, что «вдруг» узнал Маннергейм, знали уже многие, в том числе и те, кто был не связан с оккупационными проблемами³. Маршалу же после окончания войны, конечно, очень не хотелось рассказывать правду о его расовой политике. Рассуждения же о том, что и у самих финнов тогда возникали серьезные проблемы с продовольствием и что именно это являлось причиной скудного рациона питания людей, захваченных в плен⁴, кажется недостаточно убедительным.

Действительно, из-за начавшейся войны Финляндия стала испытывать очевидные продовольственные трудности. Было совершенно ясно, что создание «великой Финляндии» очень дорого обходится населению страны. В результате в зимне-весенний период 1942 г. государство оказалось в тяжелом экономическом положении. Тогда сельское хозяйство явно не справлялось с задачей обеспечения продовольствием населения. Общие запасы продовольствия составили всего 74% от необходимого⁵. Это требовало срочной закупки продовольствия за границей⁶. В итоге Финляндия реально оказалась перед угрозой голода, поскольку для питания населения использовался даже семенной фонд⁷. «Если бы не было запеканки из салаки,— отмечал видный деятель СДПФ В. Войонмаа,— то не знаю, как бы мы

¹ См.: Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939—1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 237.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 385.

³ См.: *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941—1946. S. 114.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 385.

⁵ *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 74.

⁶ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939—1944. S. 138.

⁷ *Kalliokoski V.* Kiitollisena muistan. Hels., 1973. S. 94.

да и большинство населения Хельсинки прожили бы...»¹ Но тяжелое положение с продовольствием сохранялась в Финляндии и далее. И, скажем, 1944 г. ничем не был в этом отношении лучше². Поэтому все «списывать» на собственные экономические проблемы, вероятно, нельзя.

На самом деле в проблеме, которая касалась военнопленных, важным были, прежде всего, политические решения. И это все непосредственно зависело именно от Маннергейма. В этом плане очень удивительно, что сейчас даже вполне серьезные историки рассуждают о каком-то полном «неведении» Маннергейма об отношении лагерной администрации к советским военнопленным. Будем объективны, и пора сказать правду. Маннергейм не был наивным человеком. Он был вполне адекватным и профессиональным политиком и государственным деятелем. Справедливо указывает в данном случае профессор Х. Мейнандер: «Маннергейм делал свои выводы не просто с учетом военных факторов. В его хладнокровных размышлениях геополитического характера не оставалось места для этических принципов и надежд на победу справедливости»³. Когда ход войны изменился, и он это увидел, то и в отношении к вопросу о «великой Финляндии» все встало «на свое место». Как только маршал стал предельно ясно понимать, что война может быть проиграна, то сразу же уточнил свое отношение к советским военнопленным.

Конкретно это произошло только осенью в 1943 г. Именно тогда Маннергейм лишил штаб тыловых частей, а также шюцкор функций по руководству лагерями военнопленных. С этого времени они стали управляться непосредственно ставкой. Причем маршал также отдал приказ применять к пленным исключительно «гуманные методы». Только тогда «Финляндия в полном объеме стала соблюдать международные права обращения с военнопленными в части их размещения и продовольственного снабжения»⁴. В результате, по мнению Э. Пиэтола, «с этого момента с военнопленными стали *обращаться по-человечески* [выделено мною. — Примеч. авт.]»⁵.

¹ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 96.

² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 261–265.

³ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 241.

⁴ *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 141.

⁵ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 104.

В это же время изменилось отношение финских властей и к гражданскому населению Карелии. В ноябре 1943 г. Маннергейм утвердил переименование созданных для русского населения лагерей. Вместо «концентрационных» большая часть их теперь стала именоваться «переселенческими» или «лагерями интернирования»¹. Еще раньше русское население постепенно начали освобождать из этих лагерей. В результате в них уже оставалось, после принятого решения, до 18 тысяч человек². Кроме этого, Финляндия начала устранять национальные привилегии для своих «соплеменников», и, в частности, было отменено дифференцированное по национальному признаку распределение продуктов питания, а также оплата труда³.

Таким образом, от идеи создания «великой Финляндии» начали, очевидно, отказываться. Но это стало проявляться только с 1943 г. Причем обосновать это идеологически было достаточно трудной задачей. Теперь уже так называемым офицерам просвещения необходимо было объяснить в армии, что финские войска «находятся за пределами границы Финляндии по чисто военным причинам и что это не означает цели овладения территориями»⁴. Это для «многих представителей полевых командиров, — как указывал начальник информационного отдела ставки К. Лехмус, — оказалось шоком»⁵. Все быстро менялось. 1 октября 1943 г. в приказе информационного отдела ставки уже устанавливались новые задачи, которые не предполагали дальнейшую пропаганду идей «великой Финляндии»⁶. Осенью 1943 г. штабом Военного управления Восточной Карелии был разработан план будущей эвакуации с оккупированных территорий⁷.

Все говорило только об одном: к этому времени Маннергейм осознал, что не сможет реализовать идею «великой Финляндии». Его приказ № 3 от 10 июля 1941 г. в политической его части стал полно-

¹ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 365, 380.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 333, 380.

⁴ *Lehmus K.* *Tuntematon Mannerheim.* S. 153.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibid.* S. 154.

⁷ См.: *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 333.

стью неактуальным, и Маннергейм это вынужден был признать¹. Теперь реализация идеи создания «великой Финляндии» перестала быть для него одной из главных целей в войне. Он в это время уже хорошо понимал, что «несмотря на достигнутые Финляндией военные успехи, ее политическое положение становится все более слабым»². В новых условиях важным оставалось сохранить хоть что-то из захваченных территорий.

В любом случае нужен был могучий удар советских вооруженных сил по германской армии, который заставил бы Маннергейма отказаться от покорного следования прогитлеровским курсом и от своих захватнических замыслов. И такой удар был нанесен под Сталинградом.

На перепутье: Маннергейм как политик

Грандиозное наступление советских войск под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г., по мере своего развития оказывало достаточно серьезное воздействие на формирование у Маннергейма нового подхода к оценке перспектив участия Финляндии в войне. Уже «задним числом» в своих мемуарах он прямо написал: «Эти события справедливо можно признать поворотом во Второй мировой войне»³. Причем взгляды маршала на происходящие события на Восточном фронте стали соответствовать тем настроениям, которые в это время проявились в финских правительственных кругах в целом. «Переоценку ценностей» заметили находившиеся тогда в Финляндии и иностранные дипломаты. В частности, в госдепартамент США из Хельсинки стала поступать информация, что «в руководящих кругах Финляндии происходят резкие перемены во взглядах»⁴. Об этом же телеграфировал 5 декабря 1942 г. в Берлин и германский посланник фон Блюхер: «Финны, занимающие ведущее положение, пересматривают в настоящее время взгляды на исход войны...»⁵

Тем временем в ходе битвы на Волге в ноябре — декабре 1942 г. немецкая армия потерпела полное поражение. Известный финский писатель О. Пааволайнен, являвшийся офицером службы пропаганды,

¹ См.: *Jägerskiöld S.* Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. S. 146.

² *Lehmus K.* Tunteimat Mannerheim. S. 170.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 414.

⁴ *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarosasta Teheraniin. S. 188.

⁵ *Beiträger zur Geschichte des Ostseeraums.* Greifswald. 1975. S. 135.

отмечал в своем дневнике: «Русская победа под Сталинградом после 23-недельной битвы явилась мировой сенсацией. Первый раз почувствовал и народ Финляндии такое потрясение... Безоговорочная вера в победу Германии заколебалась»¹.

Вслед за победой под Сталинградом в начале 1943 г. развернулось наступление советских войск на Северном Кавказе, в междуречье Волги и Дона. Как написал в своих мемуарах Маннергейм, «на всех южных участках фронта русские начали наступление, и только благодаря огромным усилиям немцам удалось избежать катастрофы...»². Но одновременно изменения стали происходить и на севере. В январе была прорвана блокада Ленинграда, что, мрачно зафиксировал в воспоминаниях маршал, «не предвещало ничего хорошего»³.

Изменившаяся обстановка заставляла финское руководство пристально следить за тем, какие в это время происходили изменения в самой Германии. Начальник разведки в ставке полковник А. Паасонен докладывал К. Г. Маннергейму, что во время встречи с руководителем германской военной разведки адмиралом В. Канарисом тот в конфиденциальной беседе сказал: «Мы уже проиграли войну»⁴. К тому же и по донесениям из Берлина посланника Т. Кивимяки, а также находившегося там для связи с вермахтом генерала П. Талвела, положение в Третьем рейхе становилось весьма тревожным. В этой связи в середине января 1943 г. Талвела был официально вызван к Маннергейму для соответствующего доклада⁵.

В целом разгром немецких войск под Сталинградом произвел в правительстве Финляндии «воздействие, подобное шоку»⁶. 3 февраля 1943 г., на следующий день после окончания этого сражения, срочно в ставку к Маннергейму прибыло все высшее руководство страны. Иными словами, немедленно решили провести совещание, «чтобы, — как указал в своих мемуарах маршал, — узнать мое мнение о международной ситуации»⁷. Действительно, только мнение Маннергейма

¹ *Paavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. Hels., 1960. S. 318.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 415.

³ *Ibidem.*

⁴ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 125.

⁵ *Rusi A.* Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. S. 232–233.

⁶ *Ibid.* S. 253.

⁷ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 415.

оказалось определяющим. Таким образом, он продолжал влиять не только на военные вопросы, но и вопросы «большой государственной политики».

Безусловно, маршалу вместе с остальными участниками этого совещания следовало «внимательно оценить свою позицию и подумать о будущем»¹. Чтобы сложившаяся обстановка была предельно понятна, на это совещание был также приглашен начальник разведки ставки Маннергейма полковник А. Паасонен. Он без всяких условностей четко заявил, что теперь ясно — «разгром Германии является очевидностью и за ним должно последовать поражение Финляндии». Далее он подчеркнул, что «в данный момент нужно решить трудную задачу выхода из войны»². Итог совещания подвел Маннергейм. «Мы решили, — как записал в воспоминаниях маршал, — что большая война окончательно достигла своего поворотного пункта, и для Финляндии это означало необходимость поиска путей выхода из нее»³. В беседе с политическим руководством страны он указал, что теперь уже «продолжать войну заставляет лишь существующая необходимость»⁴.

Однако констатация факта еще ничего не меняла. Выводы, к которым пришли на совещании, естественно, не означали отказ Финляндии от своей достаточно агрессивной позиции. В узком кругу финского руководства сочли, что выход из войны надо просто искать, но в любом случае «во взаимоотношении с Германией», которая, как предполагалось, проявит «лояльность» при определении Финляндией «безопасного пути» решения данного вопроса⁵. Началось выяснение возможного пути выхода из войны, причем четко при условии сохранения прежней власти, а также и прежней политической линии. Задача в целом состояла в том, чтобы, как указал Маннергейм, сейчас уже «на всякий случай рассмотреть вопрос о необходимости заключения нового Московского “мирного договора”»⁶.

Для «высвечивания» данной позиции маршал решил направить на закрытое заседание финского парламента полковника А. Паасонена. Это заседание состоялось 9 февраля. Здесь начальник разведки

¹ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944.* Hels., 1952. S. 12.

² *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä.* S. 135.

³ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II.* S. 415.

⁴ Цит. по: *Lehmus K. Tuntematon Mannerheim.* S. 136.

⁵ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944.* S. 16; *Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarossasta Teheraniin.* S. 203.

⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II.* S. 416.

на основе своих сведений, а также на базе «сугубо профессионального военно-политического обзора», который для него выполнил генерал Э. Хейнрикс, указал на назревшую для Финляндии необходимость начать думать о возможности выхода страны из войны¹. Но при этом Маннергейм хотел через Паасонена донести депутатам еще одну идею: «в данный момент Финляндия не имеет свободы действий во внешней политике, и поэтому нужно продолжать войну»². Кроме того, как сообщили депутатам парламента, Финляндии, если ей будет суждено подписать «новый Московский мир», далее предстоит «еще третья война, которая будет вестись совместно с западными государствами против того же противника». Именно следующая война, по мысли Паасонена, и «реализует надежды финского народа»³. Видимо, такие глобальные конструкции будущего, которые довел до сведения парламентариев уполномоченный Маннергейма, тогда начали рисоваться в сознании финского маршала. Он, несомненно, видел явную угрозу поражения.

Таким образом, перед парламентом ставка должна была предстать в качестве поборницы окончания войны. Это, конечно, было подобно «холодному душу» для депутатов⁴. И они, по наблюдению Паасонена, «еще не созрели, чтобы выслушивать такие реалистические выступления»⁵. Но при этом сам Маннергейм пока находился «в тени». Он не раскрылся как «поборник мира». Но для тех, кто хотел это увидеть, стал олицетворением главнокомандующего, способного приостановить многим уже изрядно надоевшую и явно бесперспективную войну.

Действительно, в это время среди достаточно влиятельных политических деятелей, включая депутатов парламента, начала формироваться так называемая мирная оппозиция. Она начала более или менее открыто выступать за необходимость выхода Финляндии из войны⁶. Именно представители этой оппозиции в новых условиях ви-

¹ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikköna ja hallituksen asiamiehenä. S. 136.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. S. 416–417.

³ Цит. по: *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 215.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 416.

⁵ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikköna ja hallituksen asiamiehenä. S. 136.

⁶ См.: *Барышников В. Н.* Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник. 1985. Т. XXIX. С. 58–67; *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 220–224.

дели Маннергейма в образе «главного миротворца»¹. Хотя сам Маннергейм публично свою позицию никак не обозначил. У него, как отмечали известные государственные деятели, тогда «было не больше, чем у Рюти, заблуждений в подходе к вопросу об окончании войны»².

Действительно, Маннергейм, без сомнения, с большим вниманием относился к мнению президента, считая его «единственным, с кем он может с доверием взаимодействовать»³. Рюти же, как свидетельствовали люди, хорошо знавшие его взаимоотношения с маршалом, «видел в Маннергейме главнокомандующего, который быстро улавливает военно-политические перемены и выдвигает соответствующие требования». Финский президент также полагал, что Маннергейм вполне «готов вместе с государственным руководством вносить необходимые коррективы в основополагающие решения»⁴. Все это создавало определенную запутанность политической ситуации, в которой было трудно оценить реальную роль Маннергейма в управлении страной.

Неслучайно в рейхе, когда узнали о выступлении Паасонена, то заявили представляющему Маннергейма в Германии генералу П. Талвела, что в парламенте полковник «не должен был преподносить те сведения, которые ведут к формированию пессимистических представлений»⁵. Таким образом, Маннергейм не оттолкнул рейх. Ему продолжали доверять, высказывая лишь некоторые претензии. Очевидно, в Берлине надеялись, что он не будет активно вмешиваться и влиять на политику.

Однако позиция Маннергейма могла быть в политическом плане более открытой, поскольку именно в это время у него появилась возможность стать президентом Финляндии. Дело в том, что 15 февраля 1943 г. в стране состоялись президентские выборы. Они проходили путем голосования выборщиков, которых население страны избрало еще до начала войны, в 1937 г.⁶ Бесспорным кандидатом на этот пост считался Р. Рюти⁷.

¹ *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 500.

² *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 137.

³ *Ibid.* S. 181.

⁴ *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 217.

⁵ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa II. S. 240.

⁶ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 222.

⁷ См.: *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 106.

Но в ходе начавшейся предвыборной кампании обсуждалась и кандидатура маршала. Причем, что было достаточно необычно, за Маннергейма выступили самые разнообразные политические круги страны, имеющие совершенно различные взгляды и мотивы поддерживать финского маршала. Начиная от пронацистских деятелей, яростных сторонников пронемецкого курса Финляндии в продолжении войны типа Г. Доннера или Т. Рейникка, к которым добавлялись непримиримые русофобы, такие как бывшие министры Э. Эркко или Ю. Ниукканен, и заканчивая либералами из Шведской народной партии и вообще сторонниками «мирной оппозиции»¹.

Такой широкий политический диапазон сторонников Маннергейма свидетельствовал о том, что он имел неплохую, хотя и разношерстную опору внутри страны. Также он был абсолютно уверен в поддержке армии. Как маршал тогда утверждал, «офицерский корпус» подчинится любому его приказу и «при любых обстоятельствах станет воевать с любым противником»².

Однако финская профашистская партия «Патриотическое народное движение» (ИКЛ) четко выразила свое мнение, что «Рюти и Маннергейм должны оставаться на своих прежних местах»³. Так, собственно, и произошло. В день выборов 15 февраля хельсинкские газеты опубликовали сообщение маршала об его отказе от выдвижения кандидатом на пост президента страны⁴. На это, естественно, сразу же обратили внимание за рубежом⁵. Впоследствии Маннергейм объяснил свое решение сойти с дистанции в самый последний момент тем, что «не мог выступать в качестве соперника президенту Рюти», поскольку «считал его избрание единственным и желательным»⁶.

В целом поиски возможности выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии продолжались, но носили весьма своеобразный характер. Финское руководство решило договориться

¹ *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 106–121; *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. Tutkimus poliittisesta oppositiosta Suomessa vuosina 1940–1944. S. 102–103; *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 500; *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 32; *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 138; *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 134–139.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 431.

³ *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 114.

⁴ См.: *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 139.

⁵ См.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III.* Washington, 1963. P. 235.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 418.

с США об оказании давления на СССР с целью добиться мира с позиции страны, которая не несет персональной ответственности за агрессию и не потерпела в войне поражение. Эта позиция, естественно, предполагала сохранение занятых в ходе боевых действий советских территорий. Реализации этого плана представлялась возможной, прежде всего, потому, что считалось — США не отвергает финские территориальные претензии¹.

В середине февраля между официальными представителями обеих стран произошел обмен мнениями². Но позиция Вашингтона проявилась не сразу, а лишь после того, как в Финляндии состоялись президентские выборы и 5 марта к власти пришло новое правительство. Его возглавил Э. Линкомиес. По словам американского посла в Советском Союзе У. Стэндли, в США рассматривали происшедшую перемену как признак того, что новый финский кабинет может быть «склонен выйти из войны»³. Исходя из этого, Вашингтон решил взять на себя роль посредника между Финляндией и Советским Союзом.

Однако, оценивая происшедшую перестановку в финляндском руководстве, правительство Советского Союза не имело иллюзий по поводу перспектив выхода Финляндии из войны. Поэтому, когда 12 марта У. Стэндли, выполняя поручение руководства США, сообщил народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову о согласии Вашингтона взять на себя посредническую миссию, перед ним был поставлен вопрос: реально ли Финляндия хочет мира и какова ее действительная позиция?⁴ На это не смогли ничего сказать ни Стэндли, ни правительство США.

Сомнения советского правительства в том, что руководители Финляндии смогут порвать отношения с фашистской Германией и заключат сепаратный мир на приемлемых для СССР условиях, были высказаны также в послании И. В. Сталина У. Черчиллю

¹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 205–207.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 232–233, 236; Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikanin — Tukholma. Porvoo-Hels. 1960. S. 173–174.

³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. М., 1984. С. 294; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 249.

⁴ Там же. С. 294–295; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976. С. 125–126; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 249.

15 марта. Информировав английского премьер-министра о содержании американского предложения, Сталин писал: «У меня нет оснований считать, что она [Финляндия. — *Примеч. авт.*] уже решила порвать с Германией и готова предложить приемлемые условия»¹. Иными словами, советское правительство давало понять США и Великобритании, что если финляндское руководство рассчитывает вести переговоры с СССР на основе ревизии Мирного договора 1940 года, то это окажется бесплодным.

20 марта, разъясняя позицию советского правительства, народный комиссар иностранных дел СССР уведомил Стэндли, что Советский Союз в принципе считает допустимыми переговоры с Финляндией, хотя и не имеет оснований ожидать от них положительных результатов². В результате в этот же день правительство США направило в Хельсинки ноту с предложением о посредничестве в деле выхода Финляндии из войны. Ее передал финляндскому правительству американский временный поверенный в делах Р. Мак-Клинток³.

Правительство, «ищущее мира», должно было встретить такой шаг с большой заинтересованностью. Но, как записал в своих мемуарах новый премьер-министр Финляндии Э. Линкомиес, его кабинет с самого начала не проявил для достижения мира инициативы⁴. О каком же тогда «миротворческом» предназначении нового правительства можно было говорить? Получалось так, что его больше подталкивали к выходу из войны извне.

Тем не менее линия поведения финляндского правительства обсуждалась на специально созванном 22 марта совещании узкого круга руководства страны. «В силу важности дела маршал прибыл из ставки в столицу»⁵, а само совещание прошло в рабочем кабинете президента Рюти. На нем присутствовали наряду с К. Г. Маннергеймом и Р. Рюти премьер-министр Э. Линкомиес, а также министры Х. Рамсай, Р. Вальден, В. Таннер, Т. Рейникка⁶. Решался вопрос о том, как поступить в связи с нотой США, не обостряя при этом от-

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 126.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 254.

³ Ibid. P. 251–253; *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 418.

⁴ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 215–216.

⁵ Ibid. S. 217.

⁶ См.: *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 52–53.

ношений с Германией. Большинство участвовавших в обсуждении не допускали мысли действовать за спиной у Германии. Поэтому решили послать в Берлин министра иностранных дел Х. Рамсея с информацией об открывающейся перспективе мирных переговоров, но одновременно выяснить у американцев суть советских мирных условий. Таким образом, говорить о серьезном желании Финляндии весной 1943 г. выйти из войны просто не приходилось. Поездка ее министра иностранных дел полностью ставила крест на американской инициативе.

В этом отношении, конечно, важна позиция по данному вопросу Маннергейма. Она по крайней мере четко могла прояснить, насколько искренне он тогда хотел, чтобы Финляндия вышла из войны. То, что это является весьма важным, свидетельствуют его воспоминания. В них маршал, стремясь представить себя «человеком мира», вообще не стал комментировать факт его личного участия в правительственном совещании. Наоборот, в своих мемуарах маршал твердо указал: «Я не участвовал во всем этом деле»¹. Более того, он четко указал, что «не стал скрывать от министра Рамсея, что считаю визит на Вильгельмштрассе² нежелательным»³.

Это утверждение, как свидетельствуют другие участники данного совещания, является очевидной неправдой. Более того, именно Маннергейм оказался на этом совещании самым горячим сторонником поездки Рамсея в Берлин. Как отметил Линкомиес, маршал на все доводы, касающиеся бессмысленности визита в рейх, «упрямо возражал». Его единственным аргументом было то, что, «возможно Германии будет выгодно, чтобы Финляндия перешла в группу нейтральных государств... и что в руководящих кругах Германии, возможно, поймут положение Финляндии»⁴. Таким образом, если верить этому аргументу, то маршал, разуверившись в будущих военных успехах рейха, продолжал верить в особую «порядочность» нацистов и готов был продолжать с ними сотрудничать.

Но существует еще мнение, что Маннергейм просто еще и испугался. Испугался самой перспективы начала мирных переговоров, а точнее их последствий. Он мог предположить, что если Германия

¹ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 419.*

² Улица в Берлине, где располагалось Министерство иностранных дел Германии.

³ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 418.*

⁴ Цит. по: *Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 218.*

узнает о желании финнов выйти из войны, то создаст крупные проблемы для его страны. Так, собственно, считает финский историк П. Аалто, который утверждает, что Маннергейм тогда опасался, что немецкая радиоразведка была в состоянии перехватить американскую переписку с финнами и что у Финляндии в этом отношении «нет никакой возможности сохранить это дело от немцев в секрете»¹. Поэтому, как подчеркивает исследователь, маршал открытым текстом Рамсаю тогда сказал: «У немцев были возможности получить об этом деле информацию»². Подтверждением этой версии может служить тот факт, что Маннергейм накануне совещания «обговаривал по телефону суть дела» с Рамсаем. В целом же считается, что «между Рамсаем и Маннергеймом существовали близкие отношения» и «в оценке обстановки у них были одинаковые позиции»³. В результате Х. Рамсай выступил на совещении с аргументами за необходимость его поездки в Берлин. Причем он убеждал присутствующих именно доводами Маннергейма, говоря, что «Германия в любом случае разузнает об этом деле — если не узнала уже, т. к. могла прочесть те телеграммы, которые отправлялись через Атлантику»⁴.

Если действительно Маннергейм верил, что германские спецслужбы смогли перехватить американскую дипломатическую корреспонденцию, то это было явным заблуждением. Как затем оказалась на практике, никаких сведений об этом перехвате исследователи не обнаружили⁵. Тем не менее факт остается фактом. Именно Маннергейм занял на совещании особенно «осмотрительную позицию и считал важным, чтобы в отношении Германии было проявлена осторожность». Более того, как свидетельствовал в воспоминаниях Таннер, маршал тогда подчеркнул, что «по его мнению, необходимо переговорить с Германией в Берлине, прежде чем давать ответ Соединенным Штатам»⁶.

Таким образом, собственно по настоянию Маннергейма первая реальная возможность запустить процесс выхода Финляндии из Второй мировой войны была изначально сорвана.

¹ *Aalto P.* Ulkoministeri Ramsayn matka Berliiniin maaliskuussa 1943 // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1982, № 3. S. 264.

² Цит. по: *Ibid.* S. 265.

³ *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 226.

⁴ Цит. по: *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 217.

⁵ *Aalto P.* Ulkoministeri Ramsayn matka Berliiniin maaliskuussa 1943. S. 264.

⁶ Цит. по: *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 53.

Но нужны ли в данном случае оправдания действий финского маршала? Ведь, как выразился депутат парламента В. Войонмаа, отправившись в Берлин, Рамсай «вывез из страны в своем портфеле ее суверенитет»¹. «Гибкость» Маннергейма подтвердила лишь одно — зависимость Финляндии от Германии и готовность по такой важнейшей для страны проблеме, как выход из войны, выполнять требования Берлина. Это проясняло позицию Маннергейма по данному вопросу.

25 марта Рамсай, как на этом и настаивал финский маршал, прибыл в Берлин, где его ожидала весьма холодная встреча. «Поездка Рамсая явилась как унижительной, так и по всем внешнеполитическим последствиям отрицательной, что было уже заранее ясно»². Немецкое руководство решило не церемониться и сразу же прочитывать своего младшего «брата по оружию». Рамсай ждал аудиенции у Риббентропа целые сутки, а когда его наконец приняли, то он получил отповедь в самых резких выражениях, сопровождавшихся угрозами в адрес Финляндии. Риббентроп сказал, что «Германия также ведет войну и за Финляндию», и потребовал, чтобы финляндское правительство совершенно четко заявило о своей готовности «без согласия Германии не заключать никакого перемирия или мира с СССР»³. Он настаивал на том, чтобы были разорваны дипломатические отношения с Соединенными Штатами Америки, поскольку США толкают Финляндию к заключению мира⁴.

Между тем в соответствии с запросом Вашингтона правительство СССР сообщило 26 марта Соединенным Штатам, что условия, на которых Советский Союз мог бы пойти на переговоры с Финляндией, сводятся к восстановлению Мирного договора 1940 года, разрыву ее отношений с Германией, возмещению в половинном размере убытков, причиненных советскому государству, и демобилизации финской армии⁵. Ознакомившись с этими условиями, Соединенные Штаты направили 2 апреля через У. Стэндли правительству СССР меморандум относительно готовности с их стороны предпринять соответствующие усилия. Далее указывалось, что США только этим ограни-

¹ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 238.

² *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 219.

³ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 342–343.

⁴ *Ibidem*; *Deutschland im zweiten Weltkrieg.* Band 3. Berlin, 1982. S. 427; *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 253.

⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 298; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.* 1943. Vol. III. P. 258.

чат «свои добрые услуги»¹. Однако все уже теряло теперь какой-либо здравый смысл.

После возвращения Рамсея из Германии в Хельсинки было принято решение дать Соединенным Штатам отрицательный ответ. 10 апреля Рюти сообщал в США, что финское правительство «не считает для себя возможным воспользоваться посредничеством США»².

Такой тон заявления был рассчитан на то, чтобы успокоить Германию. Ведь покинувший 5 апреля Финляндию немецкий посланник заявил финскому руководству, что возвратится в Финляндию только тогда, когда из Хельсинки дадут отрицательный ответ Соединенным Штатам³. Кроме того, Берлин стал решительно настаивать на подписании Финляндией с рейхом политического договора, обязывавшего ее не заключать сепаратный мир⁴. По этому поводу нажим на Финляндию продолжал усиливаться. Немецкое руководство настаивало, чтобы президент Р. Рюти приехал в Германию для встречи с Гитлером⁵, и одновременно стало сокращать экспорт в Финляндию продовольствия и оружия⁶.

В сложившейся ситуации в Хельсинки вынуждены были подготовить ответ. В нем говорилось, что «правительство Финляндии твердо намерено продолжать ведущуюся Финляндией войну»⁷. Но обмен мнениями с Германией затянулся на весь май. Причем Маннергейм в выяснении отношений с рейхом прямого участия не принимал, более того, с 17 апреля до 9 мая 1943 г. вообще находился в отъезде. Он покинул Финляндию и по совету врачей «провел какое-то время в более благоприятном климате для восстановления сил»⁸. Он уехал в нейтральную Швейцарию.

Тем временем недовольство Гитлера поведением Финляндии постепенно стало ослабевать. Из финского представительства в Берлине сообщалось, что в определенных кругах Третьего рейха «отмечается

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 306; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 260.*

² *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 265–266.*

³ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 59, 62–63.*

⁴ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 420.*

⁵ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 420; Soikkanen H. Sota-ajan valtioneuvosto // Valtioneuvoston historia. 1917–1966. Osa II, Hels., 1976. S. 159.*

⁶ *Kivimäki T.M. Suomalaisen politikon muistelmat. S. 256; Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 183.*

⁷ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 66.*

⁸ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 420.*

понимание позиции Финляндии»¹. По ряду признаков становилось ясно, что инцидент с финским «братом по оружию» исчерпан, и «отношения с Германией с этого момента начали постепенно возвращаться в прежнее русло»². Как удовлетворенно записал в своих мемуарах Маннергейм, «позиция Германии в последовавшие ближайшие недели было совсем не доброжелательной, однако ожидавшийся многими кризис не наступил»³.

Зато со стороны Соединенных Штатов не была оставлена без последствий проявленная Финляндией нелояльность. Анализируя кризисную ситуацию, которая сложилась в американо-финляндских отношениях, посланник США в Хельсинки Мак-Клинтон писал 12 апреля в госдепартамент: «Немцы одержали свою первую победу. Они бы выиграли в любом случае... так как финское правительство вовсе не было готово подвергнуться риску немецких ответных действий». Более того, американский дипломат указал, что «на самом деле наша нота... парадоксальным образом помогла финскому правительству удовлетворить немецкое требование»⁴. В результате по распоряжению президента Ф. Рузвельта почти весь состав посольства покинул Хельсинки, что, по мнению Маннергейма, «означало вероятный разрыв дипломатических отношений»⁵. Однако на это Вашингтон все же не пошел.

Так начинался процесс первоначального прощупывания финской дипломатией путей выхода из войны. Существенной особенностью его было то, что Маннергейм пока не видел возможности предпринять решительные шаги без соответствующих санкций немецкого руководства. При этом его мнение в руководстве страны оставалось решающим. Мысль о возможности договориться с Германией, хотя поездка Рамсая в Берлин и закончилась полным провалом, очевидно, его не покидала. Теперь вновь вынашивалась идея направить в Берлин «для частной беседы» Рамсая или даже самого маршала⁶.

Данные идеи, безусловно, были связаны с тем, что в целом Финляндия оказалось в весьма трудном положении: у Германии теперь

¹ *Kivimäki T.M.* Suomalaisen politikon muistelmat. S. 310.

² *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 223.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 422.

⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 266.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 421.

⁶ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 58.

уже не было прежнего доверия, явно пошатнулась и благосклонность Соединенных Штатов. Решение вопроса о выходе из войны не только не продвинулось вперед, а еще более осложнилось. К этой непростой ситуации добавилось то, что для Германии положение на Восточном фронте продолжало ухудшаться. Крупнейшее поражение немецких войск летом 1943 г. на Курской дуге и развернувшееся затем стремительное наступление Красной армии означало четкое закрепление коренного перелома во Второй мировой войне. Итог этого сражения опять застал военно-политическое руководство Финляндии врасплох,¹ поскольку «немцы шаг за шагом, — как зафиксировал Маннергейм, — были вынуждены отступать в направлении Днепра»².

Не менее угнетающим для финского руководства оказался обозначившийся тогда в германском блоке очевидный кризис. События в Италии — свержение в конце июля правительства Муссолини — явились, по выражению премьера Э. Линкомиеса, «внешнеполитической сенсацией»³. Произшедшее заставило финское правительство опять задуматься над проблемой выхода из войны. Начавшийся разрыв Италии с германским блоком и переход ее на сторону союзников «являлся для каждого, кто хотел размышлять над этим, явным признаком ожидаемого поражения Германии»⁴. Неслучайно новое фашистское «правительство», которое нацисты сумели создать на севере Италии, Финляндия решила не признавать⁵.

Теперь уже и Маннергейм, и президент Рюти не сомневались, что наступил окончательный провал всей немецкой стратегии. От правительства Финляндии в новых условиях опять требовались решительные действия, чтобы реанимировать процесс выхода страны из войны. Но порвать с Гитлером все еще не решались. Также сохранялись прежние надежды, что «отправной точкой для возможных переговоров станет граница 1939 года»⁶. Об этом временный поверенный США в Хельсинки докладывал в госдепартамент: «финское правительство пришло к выводу, что оно должно заключить сепаратный мир с Рос-

¹ См.: *Manninen O.* Maaherra Hillilän salainen tehtävä // *Sotilasaikakauslehti.* 1979. № 1. S. 16; *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 271.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 428.

³ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 261.

⁴ *Ibid.* S. 262.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 428.

⁶ *Ibid.* S. 425.

сией», но тем не менее «не готово заключить мир на основе границ Московского договора»¹.

В новых условиях линия финского руководства конкретно вырабатывалась 3 августа 1943 г. Тогда состоялось совещание узкого круга государственного руководства, на котором, естественно, присутствовал и К. Г. Маннергейм. Совещание опять было посвящено поиску возможностей выхода Финляндии из войны. Наконец те, кто определял политику страны, пришли к заключению, что дальнейшее согласование внешнеполитической линии с Германией вряд ли является целесообразным. Но вместе с тем не решились полностью отойти от сотрудничества с рейхом. Линия, выработанная на этом совещании, как всегда, была очень хитроумной. Ставя цель вновь оживить контакты с Западом, Маннергейм и все финское руководство вовсе не хотели давать при этом никаких поводов для обострения отношений с Берлином².

Весьма любопытным стало также еще и то, что на завершающей стадии совещания Маннергейм захотел узнать позицию правительства в отношении идеи высадки англо-американских войск на финской территории. Конкретно маршал хотел понять, как члены правительства относятся к идее, что «западные державы предпримут попытку высадки на побережье Норвегии или в Петсамо». При этом он от лица главнокомандующего уточнил что сам финскую армию для защиты Северной Финляндии «как от западных держав, так и от Советского Союза перебросить не смог бы»³.

Поднятый Маннергеймом вопрос был неслучайным. Дело в том, что в это время в Португалии завязывались секретные финско-американские переговоры, которые вели советник дипломатической миссии США в Португалии Д. Кеннон и финский посланник Т. Похьянпало⁴. В ходе их встреч американский представитель действительно пытался выяснить условия возможного проведения десантной операции на Севере Европы и, таким образом, определить отношение к этому финского руководства. Конкретно США стремились получить четкий ответ, как будут действовать вооруженные силы Финляндии в случае

¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 291.

² См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 212–213.

³ Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 87.

⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 293; Linkomies E. Vaikkea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 264.

появления в стране войск союзников. О том, что это действительно волновало американцев, свидетельствовал тот факт, что разработкой данной проблемы занимался начальник личного штаба президента Ф. Рузвельта адмирал У. Д. Леги¹.

На совещании финского руководства Маннергейм получил в принципе достаточно ясный ответ. Его участники высказались за то, что «в случае если произойдет высадка как в Северной Финляндии, так и в Петсамо, не следует оказывать вооруженного сопротивления»². Но при этом на самих финско-американских секретных переговорах, как полагали участники совещания, нужно добиться того, чтобы западные державы учитывали и непосредственные «соображения Финляндии». А тут главным оставалось положение, что «следует защищать финскую территорию против наступления русских»³.

Уповая на помощь США, Маннергейм и все руководство Финляндии готовы были согласиться с оккупацией страны американскими войсками. Расчет делался на двусмысленный маневр: можно было вытолкнуть части немецкой армии из Финляндии и создать своеобразный барьер против советских войск.

В плане практической реализации данного замысла финское руководство уведомило США, что финны «готовы к началу сентября прекратить какие-либо поставки на север Финляндии немецким войскам, обрекая их тем самым на истощение и уничтожение». Но, поясняя это, финны сообщили американцам, что данное решение не может означать, что немецким «войскам, если они того пожелают, не будет предоставлена возможность мирно покинуть Финляндию, вернувшись опять в Германию»⁴. Таким образом, позиция финского руководства в условиях Второй мировой войны выглядела достаточно своеобразной. Да и американцы не рискнули раскрывать им все свои военные замыслы, отметив для себя, «что в современной ситуации, в которой находится финское правительство, оно может чувствовать, что лучшим для решения их нынешних политических трудностей была бы высадка в Финляндии американских или даже британских войск»⁵.

¹ См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 293–294.

² Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 265.

³ Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 87–88.

⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. P. 293–294.

⁵ Ibid. P. 294.

В Финляндии тем не менее действительно ухватились за эти американские инициативы. В США из МИДа было направлено письмо, в котором заверялось, что «финская армия не будет сражаться с американскими войсками, если они расширят свои военные операции на территорию Финляндии». Причем, как подчеркнул Маннергейм, этот документ лично «получил мое одобрение»¹. Что же касается Соединенных Штатов, то 1 сентября 1943 г. госсекретарь США К. Хэлл в письме адмиралу У. Д. Леги подчеркнул, что финские предложения «интересные и важные в связи с каждой военной операцией, которая может осуществиться союзными силами в любом месте скандинавского региона»².

Но, как известно, замысел о проведении десантной операции в Скандинавии и в Финляндии тогда не был реализован. Адмирал У. Д. Леги оказался категорически против. Он считал, что «с военной точки зрения операция была бы малоэффективной», а сам район боевых действий «представлял в основном советский интерес»³. В результате союзники сосредоточили главные усилия на осуществлении своих стратегических планов в районе Средиземного моря.

Да и в финском руководстве тоже появились сомнения: а не приведет ли высадка американцев на севере к тому, что за этим может последовать вторжение и советских войск?⁴ Как отмечал впоследствии в своих мемуарах Э. Линкомиес, в Финляндии «не могло быть и мысли признать мир, который бы основывался на Московском договоре», правительство не думало пойти «на утрату того, что было достигнуто в войне»⁵. Об этом же 7 августа Маннергейм лично заявил финскому посланнику в Стокгольме. «Трагично, — сказал он, — если армия, которая имеет такие крупные успехи, пойдет на то, чтобы отказать от всех или большей части своих приобретений»⁶. Следовательно, сама идея выхода Финляндии из войны строилась исключительно исходя из расчета удержания занятой советской территории. Такая позиция, вполне понятно, не могла получить поддержки у Советского Союза.

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 425.

² *Ibidem.*

³ *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarosasta Teheraniin. S. 239.

⁴ См.: *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941–1944. S. 175–176.

⁵ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 266.

⁶ *Gripenberg G. A.* Lontoo — Vatikaanin — Tukholma. S. 283.

Тем не менее все это время Берлин не оставлял без внимания закулисные действия Финляндии. По утверждению профессора Х. Сойкканена, «начиная с августа немцы с все большим недоверием следили за изменениями, появлявшимися в политике Финляндии»¹. 25 сентября Кивимяки писал из рейха: Гиммлер и Риббентроп открыто угрожали, что Финляндия будет оккупирована, подобно Италии, если она пойдет на сепаратный мир². Не ограничиваясь этим, Гитлер направил в октябре в Хельсинки начальника штаба оперативного отдела верховного главнокомандования вермахта генерал-полковника А. Йодля, который в разговоре с Маннергеймом ясно показал, что «знает о попытках Финляндии выйти из войны». Но, как отметил Маннергейм в воспоминаниях, это «не смогло повлиять на мою оценку положения»³, хотя Йодль значение этой беседы увидел совершенно в другом. Он из разговора с маршалом вынес то, что «мы будем сражаться до полной победы»⁴. В результате трудно понять, кто сказал правду, подводя итог этой встречи. Однако было очевидно, что реальных перспектив выйти из войны путем начала мирных переговоров оставалось достаточно мало. Поэтому Маннергейм все больше обращал внимание на строительство укреплений на линии фронта, которые начали сооружаться, как он выразился, «в ускоренном темпе»⁵.

В целом в сложившейся обстановке отчетливо проявилась конъюнктурность и противоречивость политики Маннергейма. Он, с одной стороны, хотел показать Гитлеру свою «честность» и «верность», а с другой — не мог не искать выхода из создавшегося положения. В итоге получалось так, что пока в Финляндии не могли отказаться от захватнической политики, и это отодвигало решение вопроса о мире⁶.

Но что представляется наиболее важным: в столь сложном политическом положении, когда Финляндия находилась на перепутье, авторитет Маннергейма внутри страны никоим образом не пошатнулся, а его действия не подлежали критическому разбору. В данной ситуации, оценивая его роль в руководстве Финляндии, В. Таннер прямо отметил, что именно в этот период позиции маршала еще более уси-

¹ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto. S. 168.

² *Ibid.* S. 169–170.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 427, 428.

⁴ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 345.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 430.

⁶ См: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 216.

лились¹. И дело заключалось не в каких-то особых взглядах Маннергейма на финскую политику, которые завоевали тогда популярность. Эти взгляды в принципе мало чем отличались от взглядов президента. Но при этом именно Рюти прежде всего продолжал нести за принимавшиеся или не принимавшиеся решения главную ответственность. Маннергейм же, как главнокомандующий, постоянно находился «в политической тени». В результате даже тогда он мог себе позволить смело критиковать президента, причем таким же образом, как это делали в это время немцы.

Ярким примером в этом отношении было личное письмо, которое Рюти 14 октября получил от Гитлера. В нем фюрер «прямолинейно критиковал позицию Финляндии в отношении Германии»². Однако показательно, что в узком кругу правящей элиты Маннергейм тоже, буквально «используя лексику, не сильно отличающуюся от письма Гитлера, начал критиковать внешнюю политику Финляндии». Как записал его слова Таннер, маршал заявил, что «Финляндия плохо осуществляет свою внешнюю политику», что «мы сжигаем за собой мосты... отношения с Германией ухудшаются, и Германия раздражается»³. Подобные фразы, которые на совещаниях тогда говорил Маннергейм, указывали на то, что маршал не только мог позволить себе открыто критиковать президента, но также откровенно лицемерить. Те, кто участвовал в регулярных совещаниях высшего финляндского руководства, хорошо представляли, что Маннергейм нес за финскую политику не меньшую ответственность, чем Рюти. Еще одна фраза, которую он тогда произнес, тоже весьма показательна. Маршал, в конце концов, просто сказал: «Поскольку положение и дальше остается неясным, надо ждать и проявлять хладнокровие»⁴. Эта же мысль — «ждать и смотреть»⁵ была и у Рюти.

Но внутривластная обстановка в стране вовсе не позволяла просто «ждать». Настроения в пользу заключения мира постепенно захватывали финское общество⁶. Эти настроения начали уже активно

¹ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 127.*

² *Ibid. S. 128.*

³ *Ibid. S. 129.*

⁴ Цит. по: *Ibid. S. 130.*

⁵ См.: *Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 297; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. 556.*

⁶ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 224–227.*

проникать в финскую армию, что не могло серьезно не беспокоить командование. О сложившемся положении осенью 1943 г. докладывалось непосредственно К. Г. Маннергейму и в генштаб¹. Сообщалось, в частности, что в победу Германии уже многие не верят, что «положение Финляндии критическое и необходимо заключить сепаратный мир»². Командир III армейского корпуса отмечал: «Теперь уже несомненно, что все устали и достаточно сыты войной, поскольку никогда до этого наше государство не вело такую долгую войну. Тоска по миру является очевидной, этого нельзя отрицать»³.

Какова же в это время была линия Маннергейма? Что он думал в этой непростой ситуации? Маннергейм, как и правительство Финляндии, в это время все еще продолжал «ждать». В Хельсинки не хотели вызвать гнев в Берлине, но думали и о том, как успокоить население. Также продолжала теплиться надежда на возможность получения поддержки со стороны США и Британии и даже раскола антигитлеровской коалиции⁴. Существовала еще надежда, которую финское правительство могло донести до сведений американских дипломатов, что финны просто рассчитывают «после прекращения военных действий в Европе исходить из предположения, что Финляндия, несмотря на то что она ведет “отдельную войну”, получит выгоду от коллективного мира»⁵.

Но события развивались иначе. Государства антигитлеровской коалиции явно проявляли решимость продолжать совместную борьбу до полного разгрома фашистской Германии и ее союзников. В октябре 1943 г. в Москве прошла конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В ее итоговом документе говорилось о «еще более тесном сотрудничестве... во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению врагов»⁶. Была достигнута договоренность, что вопрос о мире для Финляндии может быть решен только на переговорах с СССР.

¹ *Lehmus K. Tuntematton Mannerheim. S. 162.*

² Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 225.*

³ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 225.*

⁴ См.: *Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 307.*

⁵ *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Vol. III. P. 557.*

⁶ *Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): Сборник документов. М., 1984. С. 312.*

Решения Московской конференции были восприняты в финских правительственных кругах и в парламенте с очевидной нервозностью. Там расценили их как «поворотный пункт в мировой войне», в силу чего менялось положение Финляндии и уже было «нельзя сидеть сложа руки»¹. Особенно озадачило финское руководство то обстоятельство, что Финляндию на Западе, как и в Москве, стали причислять к союзникам Германии, в силу чего «не могло быть надежд на исправление границ 1940 года»². Единственной надеждой, как заявил министр иностранных дел Х. Рамсай, будет «ожидать того, когда Англия, как и Соединенные Штаты, усилят свои позиции в Европе, а влияние Советского Союза, напротив, ослабеет»³.

Однако продолжавшееся ожидание не приносило Финляндии позитивных результатов, хотя перспектива переговоров с Советским Союзом вновь обозначилась. 13 ноября советский посланник в Стокгольме А. М. Коллонтай передала в МИД Швеции информацию о желании Москвы начать с Финляндией мирные переговоры. Далее спустя неделю она уточнила эту инициативу, заявив, что «если Финляндия желает вести переговоры о мире, то ее представители могут прибыть в Москву», подчеркнув при этом, что советские предложения «не что иное, чем требование безоговорочной капитуляции»⁴. Однако положительной реакции в Хельсинки эта советская инициатива не получила. Как отметил в своих мемуарах Маннергейм, «мы стремились начать мирные переговоры, но не можем отказаться от городов и территории, имеющих важное значение для нашего существования»⁵.

Тем не менее шансов играть на противоречиях в стане антигитлеровской коалиции становилось все меньше. В конце ноября — начале декабря 1943 г. в Тегеране прошла первая конференция руководителей трех союзных держав. На ней также рассматривался и «финский вопрос». Сталин тогда проинформировал союзников об уже обозначившемся с финским руководством переговорном процессе и готовности принять для этого в Москве финскую правительственную делегацию. Он также сообщил о советских условиях, на которых СССР готов был начать эти переговоры. Точнее, их сформулировал Рузвельт, который

¹ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto. S. 174.

² *Ibidem.*

³ Цит. по: *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 137.

⁴ *Ibid.* S. 144; *Carlgren V. M.* Svensk utrikespolitik 1939–1945. Stockholm, 1973. S. 487.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 428–429.

уточнил у Сталина, насколько верным является желание Советского Союза восстановить условия Московского мирного договора 1940 г.¹ Сталин это подтвердил и даже отметил, что, по его сведениям, уже «Маннергейм и Рюти готовы прибыть в Москву для переговоров». Но СССР не устраивает, как заметил Сталин, что они за основу переговоров «согласны принять советско-финляндскую границу, существовавшую в 1939 году»². Данную идею, как он проинформировал своих союзников, в Москве не приемлют, и у него в результате сложилось представление, что в Финляндии не хотят «серьезных переговоров с Советским правительством» и что «они еще верят в победу Германии»³.

Как отметил известный финский историк, профессор Т. Полвинен, «западные державы после конференции министров иностранных дел в Москве в октябре 1943 г. ожидали, что Советский Союз потребует от Финляндии капитуляции». Поэтому, как исследователь полагает, для Запада «заявление Сталина в Тегеране о желании вести переговоры стало позитивным сюрпризом»⁴. Однако удивительно, что другой финский историк, профессор Х. Мейнандер, делает при этом ничем не подтверждаемое заключение, что уже тогда Сталин начал лично «благоволить» к Маннергейму. Исследователь утверждает, что Сталин «судя по всему, предпочел бы заключить мир с Маннергеймом, а не с Рюти»⁵. Это утверждение тем не менее ближе к малодостоверным фантазиям, нежели к реальной действительности. Хорошо известно, что, обсуждая конкретные варианты возможного главы финляндской делегации, с которым в Москве могли бы начать переговоры, советский посланник А. М. Коллонтай называла Ю. К. Паасикиви. Она подчеркивала, что «Сталин его очень ценил и относился к нему с уважением»⁶. Это утверждение можно считать более правдоподобным, если вспомнить, что в Москве действительно его пытались поддерживать и тогда и ранее, даже на президентских выборах в 1940 г.⁷

¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 160.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 159.

⁴ *Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. Porvoo-Hels.-Juva, 1980. S. 11.*

⁵ *Meinander H. Gustaf Mannergeim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 251.*

⁶ Цит. по: *Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 11.*

⁷ См.: *Hirvikkallio P. Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 90.*

Но в любом случае Рузвельт, пытаясь оценивать находящихся тогда у власти Финляндии людей, откровенно заявил: «Я думаю, что нынешние правители Финляндии пронацисты, — а далее прибавил: — Если бы в Москву были посланы другие финны, то было бы лучше»¹. В данном случае из финского руководства самым известным в мире был тогда как раз Маннергейм. Неслучайно Сталин со своей стороны тоже заверил, что «мы готовы разговаривать с Рюти или даже с самим чертом, если финны его пришлют к нам»². Таким образом, к Маннергейму, как это почему-то хотят доказать некоторые исследователи, тогда у советского руководства никакого особого пиетета не было.

Обсуждение на Тегеранской конференции перспективы начала мирных переговоров с Финляндией на практике оказалось преждевременным. Лишь только в канун нового, 1944 г. в Хельсинки отреагировали на советское предложение, заявив то, о чем уже затем написал в мемуарах Маннергейм. Было сообщено, что Финляндия «не может думать о таком мире, при котором отошли бы по другую сторону границы жизненно важные для нее территории»³. Когда этот ответ финского руководства 11 января 1944 г., наконец, сообщили А. М. Коллонтай, то она заявила, что «не может в такой форме телеграфировать» его в Москву⁴. Так путь к началу переговоров вновь закрывался.

События на советско-германском фронте между тем продолжали стремительно развиваться. В январе 1944 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов нанесли мощный удар по немецкой группе армий «Север», освободив Ленинград от блокады. Как отметил в воспоминаниях Маннергейм, «все это не способствовало появлению оптимистических надежд, а перспективы в новом, 1944 году представлялись еще более мрачными»⁵. Действительно, события под Ленинградом произвели в Финляндии ошеломляющее впечатление. Даже те, кто до этого были полностью одурманены милитаристской пропагандой, вынуждены были, наконец, забыть о «великой Финляндии».

В этом отношении уже можно было четко проследить, как шаг за шагом происходила и эволюция отношений Маннергейма к войне.

¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). С. 160.

² Там же. С. 161.

³ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944.* S. 152; *Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947.* II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 10.

⁴ Цит. по: *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944.* S. 153.

⁵ *Mannerheim G. Muistelmat.* Osa II. S. 430.

Уже в конце 1941 — начале 1942 г. у него проявился явный отход от прежних глобальных политических целей, которые ранее четко связывались с целями Германии. Далее на рубеже 1942—1943 гг. маршал фактически вынужден был отказаться от масштабных военных замыслов, а также от надежд на «великую Финляндию». К началу 1944 г. у него сохранялась лишь одна прежняя идея — восстановление границ 1939 г. В результате к этому времени, как указывает К. Лехмус, «у Маннергейма больше не было размышлений о ведении войны и ослаблении противника». Приближенный к маршалу офицер ставки лишь подчеркнул, что тогда «его мысли вращались вокруг того, “как и когда представится возможность выйти из войны с минимально возможным уроном”»¹.

Кроме того, в это время, очевидно, к Маннергейму, так же как и к его политическому окружению, явно начинает приходить еще и осознание, что «радужные надежды» на поддержку западных держав оказались на практике беспочвенными. Об этом, кстати, откровенно сказал на закрытом заседании парламента и премьер-министр Э. Линкомиес. Он сказал: «Мы никак не можем возлагать надежды на поддержку англосаксонских государств... Еще меньше нам следует надеяться на возможность разлада между союзниками»². Для Маннергейма, который уже полностью разуверился в военных возможностях рейха, как одной из ключевых фигур в финском руководстве оставалось лишь одно — пытаться сохранить возможность поддержания контактов с СССР и продолжать «выяснять» его позицию³. Но при этом как для Маннергейма, так и всего финского руководства главным оставалось любым способом добиться сохранения занятых финскими войсками советских территорий.

В этом отношении определяющим оказалось совещание у президента страны. Оно состоялось 8 февраля 1944 г. На совещание из ставки специально прибыл К. Г. Маннергейм. Он тогда с Р. Рюти и другими руководителями страны пришел к заключению, что «Германия, вероятнее всего, войну проиграет»⁴. В итоге было решено тайно направить своего представителя в Стокгольм, чтобы «через Коллонтай выяснить мирные условия Советского Союза»⁵. Договорились напра-

¹ *Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. S. 165.*

² *Salaiset keskustelut. S. 210.*

³ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 165.*

⁴ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 431; Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 305.*

⁵ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 168.*

вить того человека, который лучше, чем кто-либо другой, смог бы вести эти переговоры. Им стал Юха Кусти Паасикиви. Для соблюдения максимальной секретности решили использовать содействие в организации переговоров шведского банкира М. Валленберга¹, который, естественно, не представлял никаких государственных структур, но очень благоволил к Финляндии.

18, 19 и 21 февраля 1944 г. в Стокгольме проходили тайные переговоры. Они организовывались исключительно по ночам в загородном отеле Валленберга². Именно тогда финское руководство было проинформировано об окончательных условиях СССР по заключению возможного соглашения о перемирии. Они сохранились практически в неизменном виде до момента выхода Финляндии из войны. Центральным в советских предложениях, как это считала тогда А. М. Коллонтай, было отсутствие у СССР «каких-либо намерений покушаться на самостоятельность Финляндии»³. Но конкретные условия советских предложений финскую сторону не устраивали. В Хельсинки видели большие проблемы, в частности, с предлагаемым СССР разрывом ее отношений с Германией и интернированием немецких войск. Также не нравилась задача восстановления границ Московского мирного договора 1940 г.⁴ В результате стокгольмские переговоры оказались на грани срыва. 24 февраля 1944 г. в Хельсинки решили их просто не продолжать. Мотивировалась эта позиция очень просто — «Финляндия еще войну не проиграла»⁵. Но при этом делалась оговорка, что путь к продолжению переговоров с СССР нельзя считать закрытым. То есть реакция, которая последовала на советские предложения, полностью соответствовала той линии, которую выражал К. Г. Маннергейм.

Но на этом этапе переговоры перестали быть особо конфиденциальными. Новая краска в ход проходивших неофициальных встреч

¹ Лоренц Э. Г. Коллонтай в Швеции // Новая и Новейшая история. 1966. № 1. С. 110.

² См.: Коллонтай В. М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 8. М., 2015. С. 328–329; Паасикиви Ю. К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941 — 27 июня 1944. С. 339, 312–315; Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. С. 182–183, 184–187; Симицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 165–168.

³ Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 307; См. также: Симицын Е. Резидент свидетельствует. С. 167.

⁴ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 231–232.

⁵ Soikkanen H. Sota-ajan valtioneuvosto. S. 183.

была внесена Москвой. В СССР решили обнародовать советские предложения¹. Это свидетельствовало о том, что Советский Союз от предложенных финнам условий перемирия явно не собирался отступить.

Естественно, что о начавшихся переговорах узнали в Берлине, где, «не понимая» финскую позицию, сразу же стали заявлять, что если Финляндия пойдет на мир, то Германия «сделает из этого все соответствующие основные выводы»². Одновременно финские сторонники продолжения войны утверждали, что «Финляндия совершит преступление, даже самоубийство, если пойдет на мир», поскольку у нее «нет иной возможности, как только продолжать войну на стороне Германии»³.

В результате Маннергейм и все финское руководство должно было сделать реальный окончательный выбор: либо полностью порвать с Германией, либо также полностью разделить ее судьбу. Кроме этого, для Хельсинки принципиально важным было то, что западные союзники СССР, а также Швеция, узнав о сделанных официальных предложениях, поддержали идею продолжения переговоров и не разделили доминирующего в финском руководстве мнения об их невыполнимости.

Складывающаяся тогда ситуация очень хорошо видна из переписки финского МИДа со своими дипломатическими представителями на Западе. В Хельсинки вызвало разочарование то, что шведский король Густав V, например, выразил надежду, что возникшие советско-финляндские связи «не прервутся», и «просил, — как сообщали финские дипломаты, — чтобы это мнение короля Густава стало известно Президенту Республики, маршалу Финляндии и правительству»⁴. В Великобритании вообще по данному поводу было сделано крайне жесткое заявление, где Хельсинки предупреждали, что «отказ от перемирия будет означать для приносящегося в жертву финского народа гибель», и наоборот, «принятие условий перемирия будет означать спасение Финляндией своей самостоятельности и суверенитета государства»⁵. Но наиболее неприятной оказалась для Финлян-

¹ УМ. 110. В 2. Условия перемирия советского правительства. 6-ть пунктов (радио Москвы), 29.02.1944; Uusi Suomi. 1944, 02.03.

² *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. S. 365; *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943—44. S. 177.

³ *Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 310.

⁴ УМ. 110. В 2. Gripenbergin ja Güntherin keskustelusta, 06.03.1944.

⁵ *Ibid.* Lausunto Suomen kysymyksessä, jossa määritellään Englannin asenne siihen. Daventry, kelo 18.15, 15.03.1944.

дии позиция США. Дело в том, что именно с Вашингтоном, как известно, в финском руководстве связывали большие надежды. Тем не менее из финской дипломатической переписки очень хорошо видно, что Америка никоим образом не собиралась их поддерживать¹, хотя в Финляндии опять стали выдвигать предположение о возможности Соединенных Штатов «направить свои войска в Финляндию»², или что в Хельсинки готовы даже «попросить США об оккупации»³. В результате позиция западных стран, несомненно, являлась дипломатическим успехом Советского Союза, указывая финским политикам, что они «зашли в тупик»⁴.

В такой международной ситуации было ясно, что для Хельсинки оставалось лишь мечтать о том, как выскользнуть из начавшегося переговорного процесса, не отвергая при этом саму идею выхода страны из войны. После длительных колебаний 17 марта Финляндией был подготовлен ответ, с которым лично был ознакомлен маршал и который он поддержал⁵. В ответе говорилось, что финское правительство «надеется начать переговоры, но никоим образом не может обосновать одобрение полученных условий, касающихся существования нации, до того, как будет выяснена достоверность их толкования...»⁶.

Очевидно, что наилучшим исходом для Хельсинки стал бы отказ СССР от переговоров. Но, выбрав в данном случае столь сложную дипломатическую комбинацию, финское руководство оказалось в безвыходном положении, когда с советской стороны заявили о готовности продолжать переговоры. «Произошло неожиданное, — отмечал в мемуарах премьер-министр Э. Линкомиес. — От советского правительства пришло через Стокгольм сообщение, что, поскольку правительство Финляндии просило разъяснить условия, советское

¹ См.: UM. 110. B 2. Salasähke Washingtonista, 13.03.1944; Salasähke Helsingista USA:an, 02.03.1944; Ulkoasiainministeriön poliittisia tiedotuksia. № 16. 11.03.1944. Yhdysvaltojen suhtautuminen Suomeen IV; Yhdysvaltain lähetystöstä Helsinkiin 17.03.1944. Presidentti Rooseveltin lausunto, 16.03.1944; Valtiosihteeri Hullille pressikonferenssissa 23.03 tehty Suomea koskeva kysymys; *Polvinen T. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947*. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 23, 25; *Foreign relations of the United States diplomatic papers. 1944*. Vol. III. Washington, 1965. P. 568–570, 575, 576.

² UM. 110. B 2. Salasähke Washingtonista, 04.03.1944.

³ Ibid. Salasähke Washingtonista, 13.03.1944.

⁴ *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma*. S. 319.

⁵ *Polvinen T. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947*. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 26.

⁶ Цит. по: Ibidem.

правительство готово дать желаемые пояснения, которые могут быть получены в Москве»¹.

В результате для продолжения переговоров следовало направить в Москву правительственную делегацию. Более того, в СССР даже намекнули на возможный состав этой делегации. Как стало известно, советское руководство теперь хотело, чтобы в Москву приехал личный друг К. Г. Маннергейма — министр обороны генерал К. Р. Вальден или «другой близкий к маршалу человек»². Иными словами, роль маршала в выработке финской позиции в Москве тоже хорошо понимали. Но ее полное раскрытие было не в интересах Маннергейма. В итоге Вальден занял откровенно негативную позицию. Он считал, и его в этом поддерживали другие финские генералы, что заключение мирного соглашения с СССР преждевременно. В армейской среде полагали, что «для нас [Финляндии. — *Примеч. авт.*] лучше, чтобы окончательный мир был заключен лишь после окончания мировой войны», а «до этого мы удержали бы наши войска на нынешних рубежах»³.

Таким образом, в Хельсинки военных представителей для участия в делегации так и не смогли найти, хотя, судя по реакции советской стороны, это вызвало явное недоумение, поскольку, как утверждалось, в Москве на переговорах будут еще «стоять военные вопросы»⁴. В целом в этот момент было абсолютно ясно, что начало переговоров для маршала являлось сугубо вынужденным шагом, и он лишь имитировал попытку выхода Финляндии из войны. Это стало сугубо политическим действием, которое, несомненно, не преследовало цель привести страну к реальному завершению войны. Неслучайно в момент московских переговоров маршал срочно вызвал в ставку «командующих армейскими корпусами и командиров частей на передовых позициях, чтобы... проинформировать о создавшемся положении»⁵. Естественно, это было сделано, прежде всего, для того, чтобы армейское командование «не расслаблялось» и сохраняло «боевую форму».

В целом было очевидно: Маннергейм, хотя публично и говорил, что «правительство поступило ответственно и мудро», на самом деле

¹ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–1944. S. 314

² УМ. 110. В 2. Salasähke Tukholmasta Ramsaylle, 19.03.1944; *Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 321.

³ Цит. по: *Паасикиви Ю-К.* Дневники. С. 340.

⁴ УМ. 110. В 2. Sähkesanoma Tukholmasta, 24.03.1944.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 434.

в успех не верил, поэтому не подключал представителей вооруженных сил к московским переговорам. Он теперь представлялся лишь как некий «безусловный гарант мирного процесса»¹. Но в самом этом процессе публично не участвовал, и в состав делегации были выдвинуты не близкие к маршалу лица, а те, кто представлял дипломатический корпус. Вначале, в частности, рассматривалась кандидатура А. Ирье-Коскинена², который, хотя и находился в это время в качестве финского посланника в Анкаре, прекрасно разбирался в хитросплетениях финско-советских отношений³. Делегацию возглавил все тот же Ю. К. Паасикиви, а его единственным помощником стал достаточно известный дипломат «старой школы» К. Энкель⁴. Таким образом, был подобран состав делегации, которая, однако, ничего не могла в Москве самостоятельно решить.

В Хельсинки оставалось лишь продумать детали, как грамотно доставить своих посланцев в СССР. Они должны были по крайней мере преодолеть линию фронта. Причем тайно от немцев, да еще в условиях продолжающихся боевых действий. Для достижения максимальной скрытности этой операции она была организована через нейтральную Швецию. Финских участников переговоров на небольшом шведском транспортном самолете из Турку перевезли в Швецию, а затем уже на другом самолете делегация вылетела в Москву⁵. Таким образом они преодолели самый опасный участок — линию фронта над центральной частью Карельского перешейка, минуя далее Ленинград, и прямым курсом были доставлены в столицу СССР⁶. Причем о факте этого перелета в Германии узнали уже после того, как все случилось.

С большим риском для жизни, тайно, официальные представители Финляндии 26 марта прибыли для переговоров в Москву. Изначально с финскими участниками переговоров, по мнению Ю. К. Паасикиви, «обращение было хорошим»⁷. С советской стороны перегово-

¹ *Meinander H. Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 252.*

² См.: УМ. 110. В 2. Sähkesanoma Helsingista Ankaaraan, 21.03.1944; Sähkesanoma Helsingista Ankaaraan, 23.03.1944.

³ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы.

⁴ См.: *Барышников Н. И.* К. Энкель — первый представитель независимой Финляндии в Петрограде // Россия и Финляндия XIX—XX вв. СПб., 1996; *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Os. I—II. Porvoo-Hels., 1956.

⁵ УМ. 110. В 2. Salasähke Tukholmasta Ramsaylle, 23.03.1944.

⁶ *Паасикиви Ю.-К.* Дневники. С. 343.

⁷ Там же. С. 344.

ры вели нарком иностранных дел В. М. Молотов и его заместитель В. Г. Деканозов. Переговоры «продолжались в целом шесть часов» — 27 и 29 марта. Как заметил пользовавшийся протокольными записями переговоров шведский историк Т. Пальм, «Молотов на мартовских переговорах был совсем другим», и далее, поясняя свою мысль, отметил, что он «проявлял во всем особую вежливость»¹. Однако эта «вежливость» несколько не меняла суть переговоров.

В своем дневнике в день начала переговоров Ю. К. Паасикиви заметил: «Общее впечатление от разговора было очень неприятным. Молотов — да, лично был настроен дружелюбно... Но по делу был резок. Разговор показал, насколько опасна ситуация»². При этом трудно было представить, на что в действительности могли рассчитывать финские представители, прибыв на переговоры без особых полномочий для достижения договоренности. Глава финской делегации, объясняя советской стороне их цель, лишь смог сообщить, что «мы через мадам Коллонтай получили условия перемирия Советского Союза, но хотели бы иметь разъяснения по этим положениям и в то же время показать финскую точку зрения по данному вопросу»³. Начавшийся затем обмен мнениями, естественно, не изменил позицию советского руководства. И хотя как финские, так и советские записи затем не сверялись они, очевидно, в достаточно объективной форме отражали различную позицию обеих сторон⁴. Было несомненно, что СССР принципиально не собирался отходить от изначально предложенных им условий. Молотов четко это заявил, когда в завершение переговоров «вежливо» указал на то, что «удовлетворен» ими, поскольку теперь, по его мнению, «у нас нет недоразумений».

Советский нарком пожелал финскому руководству «не затягивать решения» о выходе страны из войны, поскольку «задержка не приведет ни к чему хорошему»⁵. В результате в своем дневнике Ю. К. Паасикиви оставил запись: «У нас полагают, что наш приезд

¹ *Palm T.* Moskova 1944. Aseleponeuvottelut maaliskuussa ja syyskuussa 1944. S. 46.

² *Паасикиви Ю.-К.* Дневники. С. 344.

³ *Sotasyyllisöikeudenkäynnin pöytäkirjat nide IV sivut 21–54 // Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–1944. S. 420.

⁴ См.: *Ibid.* S. 420–440; *Palm T.* Moskova 1944. Aseleponeuvottelut maaliskuussa ja syyskuussa 1944. S. 48–81; *Комаров А. А.* Выход Финляндии из Второй мировой войны (По материалам Архива внешней политики России МИД России) // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1995. С. 120–123.

⁵ Цит. по: *Sotasyyllisöikeudenkäynnin pöytäkirjat nide IV sivut 21–54.* S. 440.

в Москву является с русской стороны... отступлением, и что русским нужен [выход] из войны, и поэтому они готовы заключить с нами на приемлемых условиях хороший мир и пойти нам на уступки». После этой фразы он записал: «Заседание показало, что дело обстоит не так»¹.

В целом, как и следовало ожидать, встреча в Москве финляндской правительственной делегации с советским руководством «дала плохой результат»² и резко обострила общую обстановку вокруг Финляндии. Переговорный процесс по выходу из войны был безнадежно прерван. Более того, Германия соответствующим образом отреагировала. Поездка Паасикиви и Энкеля не могла долго оставаться в тайне. Скоро об этом узнали в Берлине³. После этого немецкое военное командование начало разрабатывать оперативные планы («Танне» и «Бирке»), предусматривавшие оккупацию стратегически важных районов Финляндии⁴. Далее, 18 апреля 1944 г. А. Гитлер подписал распоряжение «прекратить поставку вооружения в Финляндию», что, по мнению представителя вермахта в ставке Маннергейма генерала В. Эрфурта, нанесло «тяжелый удар, потому что он сокрушил все надежды финской ставки на модернизацию» своего вооружения⁵.

Таким образом, ничего Финляндия не добилась. По мнению премьер-министра Э. Линкомиеса, лишь «показали, что переговоры не являлись необходимыми»⁶. Вывод по результату переговоров сделал сам Паасикиви. Он в своем дневнике 2 апреля 1944 г. с горечью указал: «Правительство и др. были бы готовы заключить мир, но на таких условиях, на которых Россия не согласится, — и далее подчеркнул: — Снова живем во власти иллюзий и фантазий. Ждем спасения, не осмеливаясь даже помыслить, каким образом это можно было бы осуществить»⁷. Эту запись он сделал в день, когда Рюти в присутствии

¹ Паасикиви Ю.-К. Дневники. С. 344.

² Tanner V. Suomen tie rauhan 1943–44. S. 224.

³ См.: Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 369; Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 223; Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 322; Soikkanen H. Sota-ajan valtioneuvosto. S. 187.

⁴ Menger M. «Herbstmanöver» oder Krieg? Zur Vertreibung der faschistischen Truppen aus Nordfinnland 1944 // Nordeuropa Studien. Beiheft 8. Greifswald, 1979. S. 82; Эрфурт В. Финская война 1941–1944. С. 258–259.

⁵ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 161.

⁶ Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–1944. S. 323.

⁷ Паасикиви Ю.-К. Дневники. С. 353.

Маннергейма и на заседании комитета по внешней политике пришел к заключению, что следует отвергнуть советские предложения. Причем, как указывает финский историк Х. Мейнандер, маршал «не предпринял серьезных попыток повлиять на членов правительства»,¹ поддержав, таким образом, данное решение.

Тем не менее очевидно, что маршал никоим образом не обольщался большими перспективами, которые могли открыть эти переговоры. Финал их он, конечно, предвидел. Но для Маннергейма этот неудачный исход тоже был результатом. Как он отметил в мемуарах, их срыв в чем-то способствовал мобилизации финского населения на продолжение войны, поскольку неудачные переговоры, как он считал, показывали, что достижение мира просто «невозможно», что «побуждало бы финский народ продолжать борьбу»².

Действительно, после срыва переговорного процесса в Финляндии была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания против советских условий. Тон ей задавали прежде всего профашистская партия ИКЛ, Академическое Карельское общество³, а также определенные круги финского генералитета, которые «намеревались выступить даже против действий» Маннергейма, если он будет склоняться к ведению переговоров⁴. Маршал, конечно, не планировал поддерживать советские предложения и просто констатировал, что «настроение в Финляндии мрачное», «мирная инициатива угасла», «отношения с Германией значительно ухудшились»⁵.

В это время в стране распространялось «завещание» бывшего президента П. Э. Свинхувуда, в котором содержался призыв продолжать войну «до победного конца». Отпечатали это «завещание» большим тиражом в Германии и спешно доставили в Финляндию⁶. В другом пропагандистском материале — листовке Академического Карельского общества «Борьба или мир» — утверждалось, будто «Финляндия сможет продолжать сражаться, даже если Германия проиграет войну»⁷. В устных выступлениях отдельных политиков проявлялось

¹ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 253.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 434.

³ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. S. 360.

⁴ *Palm T.* Moskova 1944. Aseleponeuvottelut maaliskuussa ja syyskuussa 1944. S. 24.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 436.

⁶ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto. S. 189.

⁷ Цит. по.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 237.

стремление запугать народ своей страны мнимой опасностью, которая будет грозить, если будет заключен мир¹.

Со стороны военного руководства тоже прилагались дополнительные усилия, чтобы воспрепятствовать ослаблению боевого духа в армии. К середине 1944 г. количество так называемых офицеров просвещения в войсках увеличилось по сравнению с 1943 г. почти в два раза². В соответствии с распоряжением ставки давалось категорическое указание не обсуждать вопросы внешней и внутренней политики страны³. В целом чувствовалось желание не допустить распространения в армии «мирных настроений».

В обстановке широкой пропагандистской кампании против советских условий финский парламент начал обсуждать итоги переговоров с Советским Союзом. В докладе, с которым 12 апреля выступил премьер-министр Э. Линкомиес, была изложена позиция правительства. Докладчик ссыался на то, что общественное мнение «не готово к откату от Карелии», а также невозможно интернировать германские войска и согласиться с выплатой репараций⁴. Отрицательная позиция правительства Финляндии в отношении советских мирных предложений получила одобрение в парламенте. Это показывало, отмечал историк Х. Сеппяля, что «у членов правительства и парламента не было правильного представления о стратегическом положении» страны⁵. Такой вывод подтверждается и оценкой ситуации, данной Ю. К. Паасикиви. Указывая на недалёковидность финского руководства в определении перспектив войны на данном этапе, он записал в своем дневнике следующее: «Мира можно было достигнуть. Если бы Маннергейм, Рюти и правительство поддержали эту позицию, то финский народ одобрил бы ее»⁶.

19 апреля от Финляндии в СССР поступило сообщение, в котором отклонялись советские предложения⁷. Отказываясь идти на достижение мира с Советским Союзом, Финляндия тем самым решила продолжать войну против СССР на стороне Германии.

¹ *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 236.

² *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. S. 51.

³ *Ibid.* S. 154, 158.

⁴ *Salaiset keskustelut.* S. 249–254, 261.

⁵ *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 247.

⁶ J. K. Paasikivi päiväkirjat. Osa I. Prvoo-Hels.-Juva, 1985. S. 29–30.

⁷ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 240.

Таким образом, отвергнув советские условия, руководство Финляндии прервало процесс переговоров. На этом в Хельсинки первый период поисков путей выхода из войны прекратился.

При его анализе четко прослеживаются три этапа. На первых порах финляндская дипломатия с ведома Германии хотела окольными путями прощупать на Западе пути выхода из войны. Затем в ухудшившейся для Финляндии обстановке это делалось опять-таки через западные страны, но уже скрытно от Германии. И наконец, не достигнув желаемого результата, финляндское правительство установило прямые контакты с Советским Союзом, действуя втайне от Берлина. На всех этапах определяющее значение имело мнение прежде всего Маннергейма. Именно он фактически находился в центре процесса выработки окончательной линии внешней политики того времени.

Но эта линия, очевидно, вела к дальнейшей катастрофе, поскольку, вступив в переговоры с СССР и ничего не добившись, Финляндия серьезно осложнила отношения с Германией. Теперь в Берлине с нарастающим недоверием начали относиться к финскому маршалу. Попытки как-то исправить это положение уже ничего не давали. Личное письмо Гитлеру, которое 13 мая отправил ему Маннергейм и в котором он заверял его в надежности финнов¹, ничего уже не дало. В Германии теперь с сомнением относились к такого рода заверениям. На совещании верховного командования германской армии, состоявшемся 22 мая, по поводу Финляндии говорилось, что, хотя ее акция с перемирием сорвалась, «есть опасность в отношении позиции народа и армии»². Иными словами, среди гитлеровской военной верхушки выражались сомнения относительно готовности финского народа и вооруженных сил дальше поддерживать политику войны. Отвечая на письмо Маннергейма, Гитлер 1 июня в расплывчатых выражениях давал понять, что Германия опасается, как бы ее оружие не попало «через финнов к русским», и поэтому в дипломатической форме объяснял отказ в военных поставках Финляндии³.

В итоге Финляндия оказывалась в крайне тяжелом положении. Причем теперь уже только маршал Маннергейм должен был искать из

¹ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto. S. 193.

² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 242.

³ *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 253; *Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Hels., 1954. S. 144–148.

него выход, поскольку в СССР тогда пришли к окончательному выводу о необходимости начать подготовку организации наступления советских войск севернее Ленинграда.

Маннергейм — «победа в противостоянии»?

После 19 апреля, когда Финляндия отклонила советские условия перемирия и переговоры прекратились, Ставка советского Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб приступили к разработке наступательной операции севернее Ленинграда. Цель была поставлена — разгром противостоящих войск противника. Предстоящая операция должна была привести к поражению Финляндии и выходу ее из войны на стороне фашистской Германии¹. 1 мая советское Верховное Главнокомандование дало распоряжение Ленинградскому и Карельскому фронтам начать непосредственную подготовку к наступлению против финской армии. Его намечалось осуществить на Выборгском и Свирско-Петрозаводском направлениях.

Таким образом, как пишет профессор О. Маннинен, «финны могли достаточно рано заметить начало подготовки наступления, чтобы сменить спортивное снаряжение на боевое, поскольку в то время, когда готовился прорыв, как говорят, они проводили спортивные соревнования»². Иными словами, с этого момента Маннергейм должен был решать сугубо военные вопросы, связанные с необходимостью отражения финской армией готовящегося наступления.

Тем не менее вопрос о том, какую роль Маннергейм сыграл при организации отражения готовящегося советского наступления, особо в научно-исследовательской литературе пока не рассматривался. Хотя с точки зрения исторического изучения деятельности маршала это представляет бесспорный интерес. Сам Маннергейм назвал начало советского наступления «черным днем в нашей военной истории»³. Причем в России существует лишь общая констатация, что «у маршала Маннергейма не было ясного представления о планах наступления советской армии, однако, интуиция подсказывала ему, что надо мак-

¹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 243.

² Manninen O. The Soviet plans for the North Western the Operations in 1939–1944. Hels., 2004. P. 134.

³ Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 440.

симально усилить оборонительные позиции на Карельском перешейке и в Южной Карелии»¹. Однако одной лишь «интуиции» оказалось здесь далеко недостаточно.

Советские войска, начавшие на Выборгском направлении наступление 10 июня, полностью опрокинули все стратегические замыслы маршала. Они смогли всего за одну неделю прорвать серьезные финские укрепления, а на десятый день боев взять Выборг. Более того, в финской армии в это время наступила общая паника. На фронте откровенно господствовали пораженческие настроения, что вообще «всему пришел конец»². В результате значительная часть отступающих стремилась как можно раньше покинуть зону боевых действий. Признавая это, начальник генерального штаба финской армии Э. Хейнрикс «мягко» подчеркнул, что тогда «духовное состояние войск явно ухудшилось»³. Действительно, в армии начало нарастать массовое дезертирство. За 14 дней отступления из финских частей дезертировало 24 тысячи солдат, что составляло 4,5% всех войск. Это было равнозначно по численности двум пехотным дивизиям⁴.

В целом проведенная операция, безусловно, отличалась от той, которую осуществила Красная армия в период так называемой зимней войны. Тогда, как известно, финские войска удерживали оборону на перешейке в течение трех месяцев, а Выборг наступавшие вообще так и не смогли полностью занять. Очевидно, что именно в 1939–1940 гг. имя маршала Маннергейма, руководившего финскими войсками, прославилось на весь мир. В результате возникал вопрос, почему его армия в июне 1944 г. не смогла повторить прошлый успех?

Самым простым ответом на данный вопрос, конечно, может стать утверждение, содержащееся в отдельных финских исследованиях, что в 1944 г. «Выборг не имел такого большого военного значения, как во время “зимней войны”» и в результате «его защита тоже не была такой»⁵. Однако подобное достаточно примитивное суждение направ-

¹ *Власов Л. В.* Густав Маннергейм. С. 277.

² *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. S. 162.

³ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 367.

⁴ См.: *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // *Historiallinen Arkisto.* 1986. № 88. S. 196–197; *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Porvoo, 1959. S. 79; *Tiedonantaja.* 1984, 06.09.

⁵ *Viipuri 1944.* Miksi Viipuri menetettiin? Hels., 2007. S. 368.

лено на то, чтобы показать большую «хитроумность» отдельных представителей финского командного состава в 1944 г.¹

На самом деле существовали вполне объективные причины, и они, естественно, не могли персонально зависеть от действий или принимаемых решений финского военного руководства или лично Маннергейма. Безусловно, главной причиной поражения финских войск являлось то, что они оказались значительно слабее советской армии. В итоге существует мнение, что советскому командованию в момент наступления на Карельском перешейке в июне 1944 г. «сопротивление противника можно было не учитывать»². Как заметил не без доли самокритики генерал Э. Хейнрикс, «20 июня русские оказались в Выборге, перешедшем в их руки *неожиданно* [выделено. — *Примеч. авт.*] легко»³.

Действительно, на направлении главного удара командование Ленинградским фронтом смогло сосредоточить колоссальное количество войск, доведя их численность до 80% от всех своих сил, находящихся на Карельском перешейке. Советская армия здесь превосходила финскую не только по численности, но и по количеству, а также качеству боевой техники⁴. Это, конечно, имело важное значение для достижения поставленной задачи.

Но, с другой стороны, и в «зимнюю войну», как известно, советские войска тоже в конце войны имели подавляющее преимущество. Поэтому существенным отличием советских войск летом 1944 г. от наступающих частей Красной армии в 1939–1940 гг. было превосходство в уже полученном к этому времени боевом опыте. Длительная позиционная война, которую вели финские фронтовые части, несо-

¹ Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? Hels., 2007. S. 361.

² Барышников В. Н. Советское наступление в июне 1944 года глазами финских солдат // Война в зеркале историко-культурной традиции: От античности до Нового времени. Материалы международной российско-немецкой научной конференции. СПб., 2012. С. 133.

³ Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 366.

⁴ В целом в момент проведения Выборгско-Петрозаводской наступательной операции советские войска превосходили финскую армию в живой силе в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 5,2, по танкам и самоходной артиллерии — в 7,3, по самолетам — в 6,2 раза (Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 246). По отчетным документам Ленинградского фронта, накануне операции наступавшая на выборгском направлении 21-я армия превосходила финские войска по артиллерии в 13 раз, а по танкам и самоходной артиллерии — абсолютно (Каранкевич Л. Н., Козуленко Д. А. Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. СПб., 2017. С. 94).

мненно, ослабляла их подготовку, по сравнению с советскими солдатами. Боевой дух наступавших был очевидно намного выше, чем у постоянно оборонявшихся финских войск. Как справедливо заметил К. Г. Маннергейм, говоря о постигшей его армию в начале июня катастрофе, «это было следствием не только огромного превосходства противника в силах, но и того, что [для финской армии. — *Примеч. авт.*] продолжалась почти три года позиционная война». Далее маршал пояснил: «Наоборот, Красная армия с 1942 г. шла от победы к победе и приобрела тем самым исключительный опыт наступления». Закончил свои рассуждения он весьма примечательной фразой: «В ходе данного наступления мы также познали, чем объяснялись победы русского оружия на немецком фронте»¹.

Важным являлось также и морально-волевое состояние войск. Маннергейм об этом особо не пишет, но к лету 1944 г. всем было предельно ясно, что Финляндия, участвуя в войне против Советского Союза, главной своей цели добиться уже не сможет². В отличие от «зимней войны», в которой финское командование стремилось лишь не допустить разгрома, в войне 1941—1944 гг. изначальной задачей являлось уничтожение вместе с Германией Советского Союза и создание по итогам войны «великой Финляндии». Но к 1944 г. от этой идеи финны вынуждены были окончательно отказаться. Тем не менее, хотя война для Финляндии становилась уже бесперспективной, занимаемые войсками территории, в том числе и те, которые Финляндии никогда не принадлежали, возвращать, как известно, Маннергейм не планировал.

Для маршала трагизм событий, произошедших на Карельском перешейке, усугублялся еще и тем, что к отражению советского военного удара Финляндия очень долго готовилась. На Карельском перешейке Финляндия сосредоточила до 26% всех своих сухопутных войск и артиллерии³. Также были модернизированы и созданы новые укреп-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 464—465.

² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 261—274.

³ Там же. С. 245. Финский историк Х. Сеппеля, однако, указывает на то, что этих сил было недостаточно. Он обращает внимание, что на переднем крае находилось лишь 75 050 войск (см.: *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 249). Историк подчеркивает, что их тогда было в два раза меньше, чем в момент генерального наступления советских войск на Карельском перешейке в феврале 1940 г., когда финское командование имело здесь 150 000 своих войск (см.: *Ibiem*).

ления, которые должны были исключить возможность их прорыва. У финского военного руководства вообще тогда существовала явная уверенность, что строившаяся и модифицировавшаяся в течение трех лет оборона позволит удачно отразить любое наступление советских войск¹. Но этого не произошло. Более того, советские войска осуществили быстрый прорыв финских укреплений, сопровождавшийся стремительным отступлением армии противника.

Все это, несомненно, было связано и с рядом чисто субъективных обстоятельств. Они тоже оказали свое влияние на окончательный результат Выборгской операции.

Первое, что в данном отношении следует учитывать: финское высшее военное руководство и прежде всего сам маршал явно переоценили возможности своих войск. Изначально в ставке, очевидно, не учитывали возможность того, что на Карельском перешейке финская армия будет очень быстро отступать и даже окажется на грани полного разгрома. Несомненно, правы отдельные исследователи, которые указывают на то, что «вина финского верховного командования заключается в том, что оно вовремя не составило продуманный план организованного отступления»².

Также безусловной ошибкой являлось решение финского командования возводить новую передовую линию укреплений в непосредственной близости от фронта. Она даже «частично пролегла... по территории России»³ и, как метко заметил профессор Мейнандер, проходила «всего лишь в 20 км от Зимнего дворца и центра Ленинграда»⁴. Более того, по мнению известного военного историка Х. Сеппяля, «в соответствии с планами эту позицию надо было укрепить так, чтобы можно было обеспечить оборону на Карельском перешейке и с помощью имевшихся резервов решительно отразить наступление»⁵. Но даже невоенным экспертам было понятно, насколько данное решение было рискованным. Премьер-министр Финляндии Э. Линкомиес прямо затем отметит, что «маршал при одобрении

¹ См.: *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 456; *Oesch K. L.* Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944. Hels., 1956. S. 75; *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäälikönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 142, 144; *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 234.

² *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 168; *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. S. 198.

³ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 179.

⁴ *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 166.

⁵ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 234.

плана недостаточно обдумал его, ввел себя в заблуждение, дав волю фанатизму»¹.

Действительно, близость укреплений к линии фронта привела к тому, что они стали хорошо известны советской разведке. Более того, созданные укрепления оказались весьма уязвимыми: с помощью сконцентрированного огневого воздействия их можно было быстро и внезапно уничтожить². В итоге здесь присутствовал явный стратегический просчет, который хорошо прочувствовали в июне 1944 г. финские фронтовые части.

Тем не менее важно учитывать, что эта ошибка родилась не вследствие «непродуманности» или в итоге чисто военно-инженерных недоработок. Дело в том, что в Финляндии считалось, что строительство глубокоэшелонированной линии обороны «далеко от фронта могло создать впечатление, что предполагалась возможность сдачи противнику той части Перешейка, которую заблаговременно не укрепляли»³. Таким образом, идея организации масштабных оборонительных работ, проводимых на линии фронта, была продиктована сугубо *политическими соображениями*, за которые затем уже заплатили своими жизнями финские солдаты.

В результате, несмотря на то что «у финской ставки не было ясного представления о наступательных планах Советского Союза»⁴, она приняла решение максимально усилить свои оборонительные позиции, особенно на Карельском перешейке. В дополнение к проведенному в течение двух с половиной лет восстановлению Линии Маннергейма и сооружению новых мощных железобетонных укреплений между Финским заливом и Ладожским озером развернулись широким фронтом инженерно-строительные работы, к которым, по неполным данным, было привлечено до 13 тысяч рабочих и солдат⁵.

К лету 1944 г. финская оборона на Карельском перешейке представляла собой три укрепленные полосы общей глубиной около

¹ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 179.

² Это обстоятельство затем вынуждены были признать и финские военные историки. См.: Suomen sota 1941–1945. Osa 7. Kuopio, 1957. S. 23; *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. S. 195.

³ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 179.

⁴ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 231.

⁵ *Ibid.* S. 236; *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennus joukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia // Turun Historiallinen Arkisto. 1976. № 31. S. 342.

100 км. Первая полоса, проходившая вдоль линии фронта, состояла из системы укреплений полевого типа с мощными узлами обороны и опорными пунктами. Вторая (основная) — «линия ВТ» — проходила от района Ваммелсуу (Черная речка) у Финского залива до Тайпале (устье реки Бурной) у Ладожского озера, в 20–30 км к северу от первой оборонительной полосы. Здесь в глубоко эшелонированной форме размещались 926 подземных железобетонных сооружений, соединенных 94-километровой линией окопов¹. Подходы к укреплениям были прикрыты гранитными надолбами, противотанковыми рвами, проволочными заграждениями и минными полями. Затем в 30–40 км от Выборга проходила третья оборонительная полоса — «линия ВКТ», пересекавшая Карельский перешеек в районе южнее Выборга, по течению реки Вуоксы, и заканчивавшаяся у реки Тайпале. На этом рубеже имелись, главным образом, восстановленные сооружения Линии Маннергейма. Вокруг Выборга были созданы внешний и внутренние обводы укреплений с расчетом на круговую оборону. Таким образом, возведенная на Карельском перешейке система укреплений была несравненно сильнее ранее существовавшей Линии Маннергейма. Но новые укрепления не сыграли той роли, которую им отвел финский маршал.

Далее важным обстоятельством, тоже субъективного характера, стали ошибки в определении потенциальных возможностей войск Ленинградского фронта, а также места и, наконец, времени, когда следовало ожидать вероятное советское наступление. Как справедливо заметил исследователь Э. Кууссаари, финское командование, «в соответствии с главной задачей обороны основных позиций, заранее не смогло точно определить возможные направления наступления противника», и в итоге войска просто были «в начале лета равномерно размещены по всей линии обороны»².

С другой стороны, для финского командования момент начала наступления тоже оказался во многом неожиданным. Причем наступление стало сюрпризом и для Маннергейма, и для всего высшего военного руководства Финляндии. Однако не для фронтовых частей финской армии. Здесь солдаты уже в начале июня 1944 г. начали дога-

¹ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 237; *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennus joukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia. S. 345.

² *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 24.

дываться о готовящемся советском ударе. Но они не имели конкретных указаний по этому поводу от своего командования¹.

В исследовательской литературе вообще нет ясного ответа, почему финское высшее военное руководство не обращало внимания на изменение положения за линией фронта. Даже существует представление о том, что «в генштабе между разведывательным и оперативным отделами наблюдался дуализм»². Как отметил в своих воспоминаниях сотрудник отдела разведки ставки У. А. Кякёнен, к командованию шли запросы с фронта, в которых просили внести ясность — «будет наступление или нет». Но генерал А. Айро, занимавшийся в ставке вопросами оперативного планирования, откровенно игнорировал данные военной разведки и уклонялся от ответов на такие запросы. Он лишь язвительно отмечал, что он «не знает, будут ли наступать русские или нет», добавляя при этом не без иронии: «Это знает только Сталин. Спросите у него!»³

Тем не менее в финской литературе существует также утверждение, что Айро все же «наступление советских войск летом 1944 г. не считал неожиданным»⁴. Но тогда возникает вопрос: почему Айро явно не желал учитывать имеющуюся у командования разведывательную информацию?

Понять это, конечно, важно. В любом случае сейчас в литературе существует устойчивое мнение, что именно он должен нести наибольший груз ответственности за допущенный просчет, поскольку Маннергейм ему «безмерно доверял»⁵. Однако мотивы действий генерала А. Айро, которые сейчас представлены в литературе, объективно выглядят малоубедительными. Как утверждают, в частности, его сослуживцы, он полагал, что финской военной разведке просто не следовало «запугивать» командование, поскольку она «своими обзорами обстановки лишь нервнрует войска»⁶.

¹ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion ääniarkistosta koonnut Paavo Rintala. Hels., 1966. S. 12, 15–16; См.: *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. S. 194–195.

² *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 389.

³ Цит. по: *Käkönen U. A.* Miehytyksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. Hels., 1970. S. 87–88.

⁴ *Brantberg R.* Sotakenraalit. Jyväskylä, 1998. S. 18.

⁵ См.: *Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А.* Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. С. 74. См. также: *Меру В.* Маннергейм — маршал Финляндии. С. 174; *Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin?* S. 361.

⁶ *Lehmus K.* Tunteimatton Mannerheim. S. 174; *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 144.

Показательно, что подобные взгляды тогда, по наблюдениям сотрудников ставки, были и у начальника генерального штаба Э. Хейнрикса. Он тоже полагал, что о подготовке советских войск к наступлению не следует много говорить. Более того, существует твердое убеждение, что о реальной возможности советского наступления в полном объеме не информировали не только действующие войска, но и самого Маннергейма. Хейнрикс, в частности, как и Айро, считал, что разведсведения о возможном советском наступлении на Карельском перешейке приведут к тому, что маршал «только разнервничается»¹. Таким образом, утверждения представителей высшего финского военного руководства как бы отводили от Маннергейма обвинения в том, что именно он должен был нести главную ответственность за допущенный военно-стратегический просчет.

Однако то, что К. Г. Маннергейм мало мог «знать» или даже об этом ему особо «не докладывали», выглядит несомненным преувеличением. Очевидно, что маршал должен был получать необходимые сведения. Иначе трудно представить, что он считался главнокомандующим. Более того, в воспоминаниях он сам прямо утверждал, что «ставка не какое-то коллегиальное учреждение, а орган, задачей которого является осуществление воли и решений главнокомандующего»². К тому же, как известно, Маннергейм лично заслушивал индивидуальные рапорты офицеров генерального штаба³ и, таким образом, держал в своих руках общее руководство войсками. В этом плане трудно согласиться с мнением финского историка Х. Мейнандера, который в различных своих произведениях утверждает, что в 1944 г. «офицеры ставки в чисто военном смысле лучше представляли ситуацию, чем Маннергейм» и маршал в это время просто утратил способность «анализировать поступающую информацию и делать из нее правильные выводы»⁴.

В целом здесь надо сказать правду. Маннергейм оставался «прежним» и продолжал в 1944 г., как и раньше, руководить финской армией. В этом отношении немецкий генерал В. Эрфурт, который в тот момент постоянно наблюдал Маннергейма в реальной рабочей обстановке, прямо пишет: «...Он прекрасно справлялся с функциями глав-

¹ Цит. по: *Käkönen U. A. Miehityksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. S. 90.*

² *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 450.*

³ *Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроение. С. 169.*

⁴ Там же; *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. S. 256.*

нокомандующего без малейших признаков утомленности и слабости, ограничивая влияние своих сотрудников лишь пределами необходимого». Далее Эрфурт отмечает, что «желание работать» Маннергейма «было достойно восхищения» и он «всегда сохранял полное самообладание»¹. Таким образом, рассуждения о том, что его попросту «не вводили в курс дела» или что он вдруг стал «неспособным» к анализу тех или иных событий, представляются лишь примером стремления снять с маршала ответственность за допущенный им просчет. Об этом можно судить даже исходя из того, что именно А. Айро в начале 1944 г. лично ему «с картой в руках указывал на необходимость увеличить количество войск на Карельском перешейке»², но Маннергейм это предложение отверг.

В целом допущенная Маннергеймом ошибка является вполне очевидной³ и его собственной. Это он хорошо понимал. Неслучайно именно тогда у него наблюдался очень сильный психологический стресс, который обернулся кожным заболеванием, заметным для его окружения⁴. Всем, с кем в это время встречался Маннергейм, было очень хорошо понятно, что он «был крайне обеспокоен изменением обстановки на Карельском перешейке»⁵.

Что же касается подчиненных маршала, прежде всего Айро и Хейнрикса, то их действия, предшествующие наступлению, можно объяснить только тем, что они стремились строго учитывать взгляды Маннергейма, проводя в соответствии с ними свою общую линию. Но если это признать, то важно понять мотивы, которые подталкивали Маннергейма к стремлению «не замечать» готовившееся советское наступление, направляя в этом отношении и своих подчиненных.

В данном случае, как ни удивительно, разгадка данной позиции содержится в воспоминаниях маршала. В них касательно советского наступления содержатся определенные следы личных переживаний и взглядов Маннергейма. В частности, именно тех, которые существовали у маршала накануне советского наступления. Более того, эти взгляды были хорошо известны его «ближайшему кругу». Поэтому неслучайно они практически полностью перекочевали в воспоминаниях маршала.

¹ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 228–229.

² Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 555.

³ Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. S. 255, 256.

⁴ Ibid. S. 247, 256; Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 174.

⁵ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 211: *Erfurth W.* Sota-päiväkirja vuodelta 1944. S. 167.

нения генерала Э. Хейнрикса¹. Также эти взгляды дословно пересказал в своих воспоминаниях руководивший финскими войсками на Карельском перешейке генерал К. Л. Эш².

Первое, что видно из текста воспоминаний маршала, Маннергейм, конечно, знал о концентрации советских войск на финском фронте. Он даже прямо указывает, что еще «в мае разведдонесения сообщали об изменениях в составе войск противника» и что уже было установлено «появление нового, до сих пор неизвестного для нас штаба корпуса»³.

Но выводы из этого маршал, если верить его мемуарам, делал несколько необычные. Маннергейм полагал, что появление новых войск на Карельском перешейке являлось типичной заменой частей, поскольку «состав русских войск на Карельском перешейке менялся каждую весну». Как записал Маннергейм, это происходило просто потому, что «русские имели обыкновение в это красивое время года отводить войска на отдых и пополнение в большие лагеря, расположенные северное Ленинграда»⁴. Таким образом, информация разведки маршала особо не пугала. Но при этом его взгляды на концентрацию войск выглядели достаточно наивными.

Но главной причиной, почему советское наступление для Маннергейма оказалось большóй неожиданностью, было явное заблуждение в представлениях о советских *военно-политических* концепциях окончания Второй мировой войны. Здесь Маннергейм больше обращал внимание, что называется, на здравый смысл. Впоследствии он вполне откровенно заметил, что просто не верил в возможность на Карельском перешейке какой-либо особо масштабной операции советских войск. Подобные мнения, кстати, можно было увидеть и в воспоминаниях других финских генералов⁵. Генерал К. Л. Эш, в частности, тоже подчеркнул, что «для дивизий первой линии и руководства отдела ставки это сильное наступление не являлось неожиданным», но далее с горечью подчеркнул, что «только его не ожидали именно такой силы»⁶.

Анализируя «с военной точки зрения» складывающуюся обстановку на Восточном фронте, маршал очевидно не смог понять стратегиче-

¹ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 358.

² *Oesch K. L.* Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 76.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 437.

⁴ *Ibidem.*

⁵ См.: *Oesch K. L.* Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 76.

⁶ *Ibid.* S. 73.

ского значения для руководства Красной армии крупномасштабного наступления на Карельском перешейке. Он справедливо считал, что разгром Финляндии вообще коренным образом не изменил бы для СССР хода военных действий. Как военный человек, маршал даже не скрывал, что, по его мнению, «для решающих операций против немцев русским не нужна была территория Финляндии, в том числе и те районы, которые мы оккупировали»¹.

С другой стороны, Маннергейм видел, что необходимая для прорыва финских укреплений концентрация войск неминусом должна была «ослабить наступательную мощь» на германском направлении, что, по его мнению, со стратегической точки зрения являлось бессмысленным. Маршал, пытаясь в ходе своих рассуждений встать на сторону советского руководства, не без оснований полагал, что в случае поражения вермахта Финляндия «осталась бы в одиночестве» и «финская проблема... после разгрома германских вооруженных сил и так была бы решена», поскольку Финляндия неминусом «одобрила бы умеренные условия мира»².

В целом такие рассуждения выглядели вполне здравыми, но очевидно не учитывали общих масштабов Второй мировой войны. Естественно, задачи СССР в 1944 г. были значительно более крупными, нежели чем в 1941 или 1942 гг. Вступление в 1944 г., например, советских войск на территорию Болгарии, которая тоже находилась на «европейской периферии», является ярким тому доказательством.

Финская армия занимала советские территории, и в тот период этого в Москве допускать не собирались. Финский историк Х. Сеппяля затем неоднократно обращал внимание на данное обстоятельство. В нескольких своих работах он буквально слово в слово пишет: «Политическое и военное руководство Финляндии не хотело понимать сложившуюся стратегическую ситуацию». Поясняя свою мысль, он подчеркнул: «Финские войска находились в непосредственной близости от Ленинграда... Наши войска перерезали кратчайший путь из Мурманска в Ленинград. Финны и немцы владели важными островами в Финском заливе, которые фактически закрыли Финский залив и ограничили свободу действий флота Балтийского моря. Финская береговая артиллерия могла обстреливать

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 461–462.

² *Ibidem.*

с Карельского перешейка южное побережье Финского залива»¹. Все это было вполне очевидным, и это следовало учитывать, когда в финском военном руководстве весной 1944 г. задумывались о возможности военной операции советских войск на Карельском перешейке.

Иными словами, маршал К. Г. Маннергейм в отношении военно-стратегических планов советского руководства просто допустил очевидный просчет.

Несомненно, что в основе ошибочных взглядов о предстоящем на Карельском перешейке советском наступлении лежали не военные, а субъективные *политические представления*, которыми руководствовался финский главнокомандующий. В результате *именно он*, в первую очередь, так и не смог предвидеть весь масштаб планируемой советским командованием операции на Карельском перешейке, что, бесспорно, закончилось катастрофой для финских вооруженных сил. В этом отношении, безусловно, был прав премьер-министр Э. Линкомиес, который в воспоминаниях просто сказал, что Маннергейм «не был непогрешимым гением <...> Он был человеком, к тому же еще старым и очень уставшим человеком, который так же делал ошибки, как и все»².

В результате на финские войска на Карельском перешейке неожиданно для их командования обрушился удар огромной силы. «Никогда еще в истории Севера, — отмечал генерал Т. Лаатикайнен, — не достигалось такого концентрированного и мощного сосредоточения сил, как это было осуществлено Красной армией на Карельском перешейке»³. Утром 9 июня 1944 г. артиллерия и авиация Ленинградского фронта начали методичное разрушение финских оборонительных позиций на Карельском перешейке. Сразу же по полевым укреплениям финских войск в районе намечавшегося прорыва был нанесен мощный авиационный удар: 370 бомбардировщиков подвергли атаке позиции финской армии. Далее огонь уже тяжелых артиллерийских орудий был перенесен на узлы сопротивления: по дотам, дзотам, подземным укрытиям, командным пунктам⁴. Эта огневая подготовка ока-

¹ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 233–234; *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. S. 194.

² *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 180.

³ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 246.

⁴ См.: там же. С. 246.

залась настолько эффективной, что принявшие удар советской авиации и артиллерии финские военнослужащие характеризовали его не иначе как «огненный ад» или «конец света»¹.

Действительно, в результате этой огневой подготовки готовящегося советского наступления на линии фронта было ликвидировано до 335 оборонительных сооружений финских войск². Более того, на следующий день, 10 июня утром финские позиции вновь были подвергнуты сильному артиллерийскому и авиационному удару. «Картина разгрома все ярче вырисовывалась с каждым моментом», — писал известный финский военный историк Х. Сеппяля. При этом он весьма образно нарисовал ту ситуацию, которая сложилась в принявших на себя удар финских частях: «Раненые не могли эвакуироваться, люди и оружие остались погребенными в окопах, связь была прервана, и всеми овладело чувство беспомощности»³. И вот в этот момент в наступление пошли подразделения 21-й армии. Форсировав реку Сестру, они начали стремительно продвигаться вперед на Выборгском направлении. К исходу 10 июня советские части уже вклинились в финскую оборону до 15 км.

Само это наступление выглядело очень мощным. Командир 1-го пехотного полка Т. В. Вильянен, части которого прикрывали этот участок фронта, вспоминал: «Штурмовики с воздуха и танки с передовых позиций прокладывали путь пехоте... Двигавшиеся впереди красноармейцы непрерывно запускали в небо ракеты, давая знать штурмовикам о своем местоположении». Далее подполковник с горечью заметил, что финские «противотанковые пушки ничего не могли сделать против новых типов русских танков»⁴.

Во второй день наступления советские войска продолжали быстро продвигаться вперед, не давая противнику закрепиться на промежуточных рубежах. О боях, которые разгорелись тогда, в частности, в районе Райвола (Рошино), финские военнослужащие вспоминали явно не без некоторого содрогания. Полковник Н. О. Эссен с горечью указал: «Огонь самолетов и артиллерии уничтожил окопы. Продвигаться по ним стало трудно... На нас надавила танковая бригада русских. Это создавало критическое положение. Огонь нашей артил-

¹ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. S. 26, 53.

² Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 247.

³ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 246.

⁴ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. S. 53.

лерии окончательно прекратился... Мы вообще не знали о положении наших войск, кроме своего собственного...»¹

Действительно, наступательный порыв советской армии не ослабевал. Более того, учитывая достигнутый успех, Ставка ВГК поставила перед Ленинградским фронтом задачу к 18–20 июня овладеть Выборгом. Но осуществление столь стремительного прорыва оказалось достаточно сложной целью, поскольку теперь советским войскам предстоял выход на главные укрепления финских войск. К тому же Маннергейм начал перебрасывать на выборгское направление дополнительные силы из Северной Финляндии и Южной Карелии². В помощь отходившим частям были направлены еще две пехотные дивизии и две бригады, а в районе Кивеннапа (Первомайское) введена в бой танковая дивизия.

В этой ситуации, оценивая обстановку, командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров принял решение перенести направление главного удара с центра перешейка, где находились наибольшие силы оборонявшихся, к побережью Финского залива. Прорыв начался, как и раньше, с утренней артиллерийской и авиационной обработки финской обороны. Она длилась в общей сложности более двух часов. «Концентрация артиллерии была настолько сильная, — отмечал старший лейтенант Лукандер, — что это просто невозможно обрисовать словами. Я такого никогда прежде не видел... Звуков летящих снарядов мы даже не успевали услышать, хотя их разрывы происходили непрерывно»³.

После проведения артподготовки советские войска двинулись на штурм укреплений. Наиболее упорные бои разгорелись тогда в районе поселка Куутерселькя (Лебяжье). Здесь наступавшим частям удалось ударами с нескольких направлений при активной поддержке артиллерии и авиации осуществить прорыв сложной системы финских укреплений. Велся непрерывный «огонь самолетов, солдат, танков» — так передавал об этих боях свои ощущения финский младший сержант 2-го батальона 53-го пехотного полка Кука. Далее, в режиме реального восприятия времени и выражая эмоции, охватившие его в тот момент, он глубоко прочувствованно отметил: «Самолетов столько, что не видно солнца... Танки идут через наши позиции. Мы находимся по обе стороны дороги, и они идут прямо сюда, через наши позиции.

¹ Sotilaiden aanet. Kannaksen lapimurto taistelusta 1944. S. 138–139.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 440.

³ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taistelusta 1944. S. 107.

Эти восемь огромных машин, мнуших все на своем пути». Указывая на мощь начавшегося наступления, Кука буквально телеграфным языком, чеканя фразы, говорил: «Русские шли через наши окопы. Из нашей группы осталось до десяти человек в бункере. Они, когда заметили, что противник уже ворвался на наши позиции, даже не осмеливались выходить наружу из своих укрытий»¹. Вот такое чувство ужаса тогда вызывало у финских солдат начавшееся советское наступление.

При этом попытка контратаковать советские части, предпринятая подразделениями финской танковой дивизии, а также егерской бригадой не дала желаемого результата². Как отметил командир этой бригады полковник Пурома, «у нас не было представления о противнике. Мы знали лишь, что у Куутерселькя осуществлен прорыв»³. Другой же военнослужащий егерской бригады, командир 2-го пехотного полка Кекконен, просто заметил: «Противник был очень сильный и хорошо натренирован»⁴.

В результате части финской армии с боями стали отходить к третьей полосе обороны, а советские войска 17–18 июня заняли значительную часть Карельского перешейка. Единственное, что оставалось Маннергейму, это во чтобы то ни стало удержать как саму третью полосу обороны, так и подходы к ней. Однако финские войска под давлением советской армии «вынуждены были начать отход раньше, чем прибыло на это разрешение» их командования⁵. Наступление шло настолько стремительно, что, по выражению финских историков, «казалось, течет неодолимой силой»⁶.

19 июня соединения Красной армии непосредственно подошли к Выборгу, что означало неминуемый штурм города. Действительно, 20 июня он начался. О том драматичном для финского командования периоде затем напомнил начальник оперативного отдела ставки Маннергейма полковник В. К. Нихтиля. При этом он сообщил парадоксальную вещь. По его мнению, в ставке узнали о появлении советских частей на улицах Выборга раньше, чем в командовании финского корпуса, части которого, собственно, и должны были оборонять город.

¹ Sotilaiden aanet. Kannaksen lapimurto taisteluista 1944. S. 118.

² Halsti W. Aika vaatii veronsa. Hels., 1974. S. 307–311.

³ Sotilaiden äännet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. S. 153.

⁴ Ibid. S. 159.

⁵ Kuussaari E. Niitemaa V. Suomen sota vv. 1941–1945. Hels., 1948. S. 165.

⁶ Ibid. S. 185.

Как вспоминал Нихтиля, финская разведка 20 июня, прослушивая радиообмен между советскими танками, которые двигались на Выборгском направлении, перехватила и расшифровала радиogramму одного из командиров танка, наступающего в первом эшелоне советских войск. Он сообщал: «Вступил в Выборг и намерен двигаться дальше...» Мы несколько оторопели, — отметил финский полковник. — Я позвонил тогда генералу А. Свенссону, который был командиром V армейского корпуса... и спросил у него: «Знаете ли Вы, что русские в Выборге?» Он не поверил и стал выяснять. Через некоторое время он сам уже мне позвонил и сообщил: «Да, действительно, это так»¹.

На самом деле ситуация в финских войсках, находящихся в Выборге, была тогда близкой к катастрофе. Стремительно наступавшие советские части сходу ворвались в город. В уличных боях им пытались оказывать непосредственное сопротивление подразделения 20-й бригады финских войск, которой командовал полковник А. А. Кемппи. Из воспоминаний военнослужащих этой бригады четко вырисовывается картина общей неразберихи и паники, которая в это время царила в боевых порядках обороняющихся частей.

Так, лейтенанта штаба этой бригады Венескари в момент разгара боев за город для выяснения обстановки вынуждены были срочно направить из штаба корпуса в восточную часть Выборга, где он напрямую столкнулся с советскими танками² и смог, таким образом, подтвердить сведения, поступавшие по линии разведки финскому командованию. Но самым печальным для этого лейтенанта стало его возвращение в штаб бригады, который располагался в подвале банка в центре города на площади Пуунайсенляхтеентори (сов. наз. Красная площадь). Штаба он не обнаружил. В штабном помещении находился лишь командир бригады полковник Кемппи, который выслушал его сообщение, а затем мрачно сказал: «Никакой я больше не командир. У меня нет бригады. Штаб тоже эвакуирован». Как подчеркнул далее Венескари, «в это время советские танки вели уже огонь вдоль улицы», где ранее располагался штаб бригады³. Кемппи и Венескари ничего не оставалось, как срочно отправиться пешком из центра города в направлении Выборгского замка, уходя в сторону

¹ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. S. 309.

² Ibid. S. 317–318.

³ Ibid. S. 318.

Финляндии. Этот путь, видимо, глубоко врезался в память Венескари. Как он вспоминал, на пути им встречались отдельные финские военнослужащие, которые просто не знали, что им сейчас делать. Так, один раненый солдат прямо обратился к Кемппи с вопросом: «Господин полковник, где следующая линия обороны?» Ответ был обескураживающим: «На Торнионйоки! Следуйте прямо к Торнионйоки!»¹ То есть командир бригады советовал уже отступить к границе со Швецией.

У самого А. А. Кемппи тоже не было реального представления о происходивших тогда в городе событиях. Единственный его приказ, который был четко выполнен, заключался в спуске с башни Выборгского замка финского флага. Это произошло 20 июня уже в 16:00. Причем, как вспоминает прапорщик Йокинен, когда он выполнил это распоряжение и доложил об этом полковнику, получил лишь раздраженный ответ, что «он после этого уже не является полковником»². Действительно, впоследствии Кемппи был арестован и предстал перед военным трибуналом³.

Таким образом, советские войска мощным и стремительным наступлением снесли финские укрепления и нанесли крупное поражение финской армии. Это поражение означало и крушение основных положений «большой стратегии» Маннергейма. Его расчет на то, что за сильными укреплениями на Карельском перешейке можно будет отсидеться, сохранить за собой оккупированные советские территории и после окончания войны узаконить это дипломатическим путем, полностью провалился.

Тем не менее в разгар советского наступления, 18 июня в резиденции президента Финляндии было созвано срочное правительственное совещание с участием Маннергейма. На нем обсуждался вопрос о необходимости формирования нового правительства, чтобы затем «обратиться к Советскому Союзу с просьбой о мире»⁴. Однако решение принято не было. Возобладала позиция противников проведения правительственных перестановок. Доказывалось, что начинать переговоры с СССР, когда финские войска терпят поражение, невыгодно и крайне рискованно. По мнению маршала, требовалось прежде всего

¹ Sotilaiden aanet. Kannaksen lapimurto taistelusta 1944. S. 319.

² Ibid. S. 317.

³ Тамми Э. Почему Выборг не собирались удерживать в 1944 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008. С. 168–169.

⁴ Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 336.

любими средствами приостановить советское наступление. Для этого решено было запросить военную помощь у Германии.

Иными словами, история повторялась. Когда в марте 1918 г. войска Маннергейма не могли сломить сопротивление финских красногвардейцев, то он обратился, как известно, за помощью к Германии. Теперь это делалось уже второй раз. К тому же опасность полного поражения Финляндии серьезно обеспокоила и Берлин, поскольку возрастала угроза германским войскам в Заполярье и Прибалтике. Поэтому Гитлер уже в середине июня отменил введенный им запрет на военные поставки в Финляндию¹. Но в сложившейся на фронте обстановке финскому командованию срочно нужна была более эффективная помощь, в том числе войсками.

Понимая, что в условиях полной катастрофы просить у Германии срочной военной помощи будет очень сложно, Маннергейм отдал приказ, в котором потребовал во что бы то ни стало остановить советские войска на рубеже третьей линии обороны². Тогда же, 19 июня, начальник генштаба А. Хейнрикс провел переговоры с немецким генералом В. Эрфуртом, в ходе которых, обрисовав катастрофическое положение на фронте, поставил вопрос об оказании Германией незамедлительной помощи, в частности о посылке в Финляндию шести дивизий. Об этом Эрфурт сразу же доложил в гитлеровскую ставку³.

Ответ из Германии пришел на следующий день. В нем говорилось, что Германия окажет помощь, но финским войскам нужно во что бы то ни стало вернуть обратно третью оборонительную линию⁴. Маннергейм поспешно заверил Гитлера, что эта задача перед войсками поставлена⁵.

Финское командование предприняло в это время дополнительные меры по усилению своей группировки на Карельском перешейке. Сюда были переброшены новые соединения из Карелии. В боях уже находились прибывшие с этого направления две пехотных дивизии и две пехотных бригады. В районе Выборга сосредоточились еще две

¹ *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941–1944. S. 263–264.

² *Oesch K. L.* Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 101.

³ *Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. S. 175–179; *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 372; *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 218.

⁴ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 374; *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 218–219.

⁵ *Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. S. 181; *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. S. 375.

дивизии, которые также были переброшены с Карельского фронта¹. Кроме того, в резерве северо-восточнее города находились дополнительно четыре пехотные и одна танковая дивизии.

Одновременно командование предпринимало экстренные меры, чтобы всячески воспрепятствовать начавшемуся тогда массовому дезертирству солдат и приостановить падение морального духа в армии. Пойманных дезертиров стали строго наказывать. Полевыми судами было осуждено в это время за «военные преступления» свыше 10 тысяч человек, а позднее приговорено к смертной казни 76 человек, значительную часть из которых расстреляли немедленно². Но падение морального духа наблюдалось и среди офицеров финской армии. Антивоенные настроения охватили значительную часть их младшего звена. А у офицеров генштаба панические проявления настолько распространились, что отдельные думали даже о бегстве на Запад³.

Тем временем военная обстановка на фронте для Финляндии не облегчалась. «Падение Выборга явилось жестоким ударом по боевому духу и означало одновременно потерю сильной крепости, которая необходима была для противодействия значительным силам противника, — писал в своих воспоминаниях Маннергейм. — К тому же неприятель получил трамплин для прыжка через Выборгский залив»⁴.

Действительно, после завершения Выборгской операции советские войска не прекратили наступление. 21 июня Ставка ВГК поставила перед ними новую задачу: овладеть рубежом Иматра — Лаппенранта — Виройоки, а также наступать на Кексгольм, Элисенваару и выйти в восточной части Карельского перешейка к государственной границе⁵.

В правительственных кругах Финляндии в это время царили растерянность и смятение. Это состояние усугублялось новым сообщением, поступившим в ставку: 21 июня развернулось наступление войск

¹ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 251; *Kuussaari E. Niitemaa V.* Suomen sota vv. 1941–1945. S. 182.

² *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana. S. 202.

³ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 251.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 447.

⁵ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 252; *Manninen O.* The Soviet plans for the North Western the Operations in 1939–1944. P. 139–141.

Карельского фронта на свирском участке. Теперь Маннергейм уже не мог поручиться за возможность стабилизации положения на фронте, хотя еще совсем недавно заверял в этом Гитлера. Для принятия экстренных мер парламент предоставил правительству чрезвычайные полномочия. Было объявлено об эвакуации части населения из восточных районов Финляндии¹.

В такой обстановке финляндский посланник в Стокгольме получил 22 июня указание обратиться через Министерство иностранных дел Швеции к советскому правительству, чтобы выяснить возможность выхода Финляндии из войны². Ответ из Москвы поступил на следующий день. В нем говорилось, что из Хельсинки должно быть направлено обращение к правительству СССР, содержащее заявление о капитуляции Финляндии, и выражено желание достигнуть мира с Советским Союзом³. Посланник СССР в Швеции А. М. Коллонтай разъяснила, что капитуляцию следует понимать как прекращение военных действий с целью достижения соответствующей договоренности⁴. Но ответа с финской стороны так и не последовало. Отказ Финляндии от продолжения переговоров объяснялся постановкой СССР вопроса именно о «капитуляции». При этом капитуляции безоговорочной⁵. Как пишет бывший начальник информационного отдела ставки К. Лехмус, «позиция советского правительства сразу была истолкована таким образом, что положение о капитуляции означало роспуск армии и полное разоружение, а также последующую оккупацию страны»⁶.

О предпринятых действиях финской дипломатии и ее посредников Германия, конечно, не знала, поскольку соблюдались большие предосторожности. Но немецкое руководство по опыту прошлого не могло доверять финским политикам. Оно считало необходимым закрепить военно-политическое сотрудничество с Финляндией соответствующим соглашением, и финские правые круги вели в таком направлении подготовку, действуя за спиной парламента.

¹ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 253.

² *Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 336.

³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 148.

⁴ *Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 337.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 450.

⁶ *Lehmus K.* Tunteaton Mannerheim. S. 179.

В тот самый день, когда Финляндия предприняла попытку возобновить мирные контакты с Советским Союзом, 22 июня, в Хельсинки прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Он имел цель решительно воздействовать на финских руководителей и добиться от них безотлагательного оформления военно-политического соглашения. В ходе переговоров с Рюти и Рамсаем Риббентроп поставил вопрос о том, чтобы правительство Финляндии гарантировало, что «не заключит соглашения о перемирии или мир с Советским Союзом без согласия правительства германского рейха»¹ и будет продолжать войну на стороне Германии.

В воспоминаниях Маннергейм указывает, что при решении этого вопроса финляндскому руководству «предстояло выбрать между безоговорочной капитуляцией и пактом, который увеличивал наши шансы на подписание приемлемого мира», то есть достижением соглашения с Германией². Чтобы выяснить, был ли тогда у Маннергейма и финского руководства реальный выбор, нужно, вероятно, обратиться к фактам. Вопрос о поддержке Германией Финляндии оружием и войсками был решен 20 июня, а обращение к советскому правительству последовало лишь 22 июня. Следовательно, Финляндия в момент обращения за помощью к Германии уже предопределила тот путь, по которому затем пошла. Ю. К. Паасикиви записал в своем дневнике: «Правительство Финляндии 22.6 запросило у советского правительства условия и получило ответ сразу же 23.6. Это, следовательно, произошло после того, как Маннергейм запросил помощь у военного руководства Германии»³. Визит Риббентропа фактически явился следствием обращения к Германии из Хельсинки. Но теперь финское руководство оказалось в сложном положении: закрепление немецкой военной помощи юридическим актом — межгосударственным соглашением — лишало Финляндию возможности «договориться» с Советским Союзом.

Усилия германской дипломатии были направлены на то, чтобы пресечь любые попытки Финляндии маневрировать. 25 июня Гитлер направил Риббентропу телеграмму, в которой сообщил о принятом решении прекратить всякую поддержку Финляндии, пока она не делает открытого твердого заявления о своей политике⁴.

¹ См.: *Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44.* S. 384; *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II.* S. 450.

² *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II.* S. 450.

³ J. K. Paasikivi päiväkirjat. Osa I. S. 23.

⁴ *Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44.* S. 384.

Такой поворот дела требовал от финляндского руководства быстрого принятия решения. Маннергейм, настаивавший на необходимости получения военной помощи, предлагал принять, «как бы они ни были тяжелы», требования Германии¹. В своих мемуарах он даже четче это объяснил. «Не ставка, — записал он, — а Верховный главнокомандующий поддержал подписание пакта»².

В целом 26 июня решение было принято и предлагаемое Германией соглашение было подписано. Оно было подписано президентом страны Р. Рюти и оформлено в виде его личного письма Гитлеру, которое было вручено Риббентропу для последующей передачи лично фюреру. В подписанной бумаге содержалось обязательство, которое брал на себя президент Финляндии. В ней говорилось: «Принимая во внимание ту военную помощь, которую Германия оказывает Финляндии, я, как президент Финляндии, обещаю, что не заключу мира с Советским Союзом, иначе как во взаимопонимании с Германией, и не позволю, чтобы правительство или какое-либо лицо начало переговоры о мире, иначе как во взаимопонимании с правительством Германии»³. Взятое президентом обязательство затем было еще подтверждено премьер-министром Линкомиесом в речи, произнесенной им по радио 2 июля. Он твердо заявил о продолжении Финляндией войны на стороне Германии.

Маннергейм выразил, однако, неудовлетворение тем, что соглашение с Германией быстро предали гласности. По его мнению, повременив с этим, можно было вынудить Германию предоставить Финляндии значительно более эффективную военную помощь. В свою очередь, он заявил 2 июля немецкому генералу Эрфурту, что Финляндия выйдет из войны, если не получит в необходимом ей объеме запрашиваемую у Германии помощь⁴. В Берлине поспешили отреагировать на это. Через день, 4 июля, Рюти получил письмо от Гитлера, в котором тот сообщал, что «Германия сделает для Финляндии все возможное в деле оказания помощи оружием, а также в экономическом отношении»⁵.

¹ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 354.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 450.

³ Цит. по: *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 77.

⁴ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto. S. 204.

⁵ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 255.

Эти драматические для финского руководства события проходили в обстановке, когда на фронте финские войска продолжали вести напряженные оборонительные бои. Как заметил Маннергейм, для него тогда «истощенность оборонявшихся войск давала повод для беспокойства»¹. Тем не менее ценой больших потерь финская армия стремилась остановить наступление советских частей. Особенно ожесточенные бои развернулись севернее и северо-западнее Выборга. К этому времени финское командование сконцентрировало здесь максимально возможные силы. Как писал финский военный историк В. Х. Халсти, Маннергейм «готов был полностью отказаться от Восточной Карелии, лишь бы иметь подкрепление для Карельского перешейка»².

Тем не менее реальной поддержкой для финских войск, сражавшихся под Выборгом, в этот момент оказалась вовремя пришедшая немецкая помощь. Она была весьма разнообразной и представляла собой новейшие по тем временам виды вооружения. Начиная от авиации, которой финской армии остро не хватало, и заканчивая современными противотанковыми системами обороны, а также самоходными артиллерийскими установками. Все эти поставки были Финляндии очень нужны и предоставлялись исключительно для того, чтобы дать «оказавшемуся в тяжелой ситуации финскому брату по оружию как можно бóльшую помощь»³.

В результате в конце июня 1944 г. в действия финских войск активно включилась немецкая армия. Тогда особую роль стала играть германская авиация. До 70 выделенных для этого самолетов V немецкого воздушного флота были направлены прямо на Карельский перешеек. И это сразу стало заметно. Как пишет генерал В. Эрфурт, 21 июня, например, немецкие военно-воздушные силы совершили там до 940 самолето-вылетов⁴. Кроме того, в боевые действия включились бригада германский самоходных штурмовых орудий, а также одна пехотная дивизия, которые были выделены из состава группы армий «Север» и направлены под Выборг⁵. Причем, по компетентному мнению Маннергейма, «оба этих соединения себя показали в боях хорошо» и «проявили большое мужество»⁶. Для финской армии данное пополнение,

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 452.

² *Halsti W. H.* Suomen sota 1939–1945. Osa III. Hels., 1957. S. 376.

³ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 226.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 455–456.

конечно, сыграло очень важную роль, поскольку в результате, как заметил маршал, «защитники Карельского перешейка получили возможность прийти в себя»¹.

Наряду с этим Германия смогла очень быстро перевооружить финские войска «современным и эффективным оружием»². Она направила в Финляндию свыше 10 тысяч новейших немецких противотанковых ружей и 5 тысяч фаустпатронов³. Все они сразу же поступали на фронт и оказались очень эффективными. В результате довольно быстро, как отметил в своих воспоминаниях Маннергейм, некоторый «скептицизм солдат к новому вооружению сменился полным доверием и желанием продолжать борьбу»⁴.

Гитлеровское командование, однако, не дало Финляндии всего, что хотел Маннергейм. Его просьбу о шести немецких пехотных дивизиях, которые, по мысли маршала, должны были быть брошены под Выборг, не выполнили. Если бы такое количество немецких войск оказалась тогда на юге Финляндии, они просто смогли бы взять ее под военный контроль, то есть оккупировать. Но у немцев такого количества «свободных» войск не было. Как записал в своих воспоминаниях Эрфурт, «принимая во внимание крайне тяжелую обстановку на германском Восточном фронте... в данный момент не представлялось возможным выполнить требование финского главнокомандующего»⁵. И это уже на практике показывало, что Германия в военном отношении была не в состоянии оказать сопротивление финскому руководству, если бы в Хельсинки действительно решили запустить процесс выхода из войны. Но даже того, что Маннергейм получил от немцев, оказалось вполне достаточно для оборонительных действий. По мнению немецкого представителя при ставке маршала, по крайней мере «теперь финны получили возможность укрепить свой фронт и обновить состав своих подразделений»⁶.

Активные боевые операции в северной части Карельского перешейка длились еще около трех недель. За это время соединения

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 455.

² *Ibid.* S. 452.

³ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 226–227; *Kuussaari E. Niitemaa V.* Suomen sota vv. 1941–1945. S 192.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 465.

⁵ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 228.

⁶ Там же.

Ленинградского фронта во взаимодействии с кораблями Балтийского флота овладели основными островами Выборгского залива. Кроме того, продвинулись еще на 10–12 км севернее Выборга и, наконец, форсировали реку Вуоксу, захватив на ее северном берегу небольшой плацдарм. При этом столь скромные результаты, по сравнению с итогом катастрофы, которая постигла финскую армию на Карельском перешейке, некоторые финские историки называют уже «победой в противостоянии», которая повлияла на весь итог окончания Финляндией войны¹. Но на самом деле эта «победа» заключалось в том, что войска прекратили дальнейшее наступление, поскольку за Выборгом «немедленных результатов ожидать не приходилось»². То есть требовались дополнительные усилия, чтобы осуществить новый прорыв в условиях, когда главная цель была уже выполнена — северный сегмент блокадного кольца был уничтожен. В этом отношении прав финский историк О. Маннинен, который, давая оценку сложившейся ситуации, отметил, что для Москвы «основным вопросом было не будущее положение Финляндии как государства, а вывод финской армии из войны, чтобы силы Красной армии могли быть сосредоточены против немцев в Белоруссии и Лапландии»³.

11 июля, в соответствии с указанием Ставки ВГК, советские войска перешли на Карельском перешейке к обороне. Причем наступление прекратилось после того, как по этому поводу дал указание лично И. В. Сталин. Он посчитал необходимым отвести значительную часть войска с Карельского перешейка на немецкое направление. Как говорилось в его распоряжении, «итог войны будет решаться в Берлине, а не в Хельсинки»⁴. Таким образом, острая фаза боев за Выборгом закончилась, но война с Финляндией, естественно, продолжались. Теперь центр тяжести боевых действий был перемещен в Карелию. При этом для Маннергейма многое оставалось все еще неясным. Един-

¹ См.: *Барышников Н. И.* Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 297–309.

² *Manninen O.* The Soviet plans for the North Western the Operations in 1939–1944. P. 141.

³ *Ibid.* P. 144.

⁴ Цит. по: *Барышников Н. И.* Военно-политическая обстановка после взятия советскими войсками Выборга (конец июля — первая половина сентября 1944 г.) // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 384.

ственное, впоследствии он, как на это уже обращали внимание исследователи, в «своих воспоминаниях совершенно не употреблял при оценке результатов боевых действий войск на Карельском перешейке во второй половине июня — начале июля 1944 г. внедренного пропагандой определения о “победе”»¹.

Для Финляндии итог ее участия в войне на стороне нацистской Германии был еще впереди.

¹ *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. С. 90.

ГЛАВА IV

ПРЕЗИДЕНТ К. Г. МАННЕРГЕЙМ

Маннергейм становится президентом.

Финляндия выходит из войны

Еще в тот момент, когда шли ожесточенные бои за Выборгом, советские войска перешли в наступление в Карелии. Замысел этого наступления заключался в том, чтобы стремительным ударом с рубежа реки Свири в направлении Сортавалы и севернее Онежского озера в направлении Суоярви окружить и уничтожить группировку финских войск. «Мы должны были,— писал командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков, — рассечь эту группировку на части... и примерно за 40 дней разгромить их, выйдя к советско-финляндской границе»¹. Тем самым решалась задача освобождения южной части Советской Карелии, что должно было ускорить решение проблемы выхода Финляндии из войны.

Маннергейм считал, что здесь, в Южной Карелии, как и на Карельском перешейке, созданные укрепления позволят отразить советское наступление. На двух основных линиях обороны («ПСС» и «У») на Онежско-Ладожском перешейке финские войска имели 335 дотов и дзотов, бетонированные укрытия, 243 бронированные ячейки и другие противотанковые и противопехотные инженерные сооружения. Сильно укреплен был и Медвежьегорский участок обороны. В общей сложности там находилось около 200 бетонированных укрытий, дотов

¹ Мерецков К. А. На службе военной. М., 1968. С. 381.

и дзотов¹. Многие населенные пункты, рубежи на водных преградах были приспособлены для длительной обороны².

Однако начавшееся советское наступление финскому командованию не оставляло никаких шансов. В воспоминаниях Маннергейм даже отметил, что «действия противника в Карелии были более хитроумными» и «нам пришлось напрячь все свои силы без остатка»³. Действительно, финские войска не смогли удержаться на оборонительных позициях и стали отходить. Причем попытка маршала начать более или менее организованное отступление⁴ не получилась. Как заметил немецкий генерал В. Эрфурт, бои и постепенный отход финских войск от Свири «не всегда проходили так, как это планировало верховное командование»⁵. В результате разгорелись «крайне ожесточенные бои», в которых финская армия, чтобы, по мнению маршала, не попасть в окружение, буквально «пробивала» свой отход⁶. Для Маннергейма при этом стало откровением то, что «в ходе многочисленных оборонительных боев противник научился использовать лесистый рельеф местности»⁷.

В итоге финские войска с боями уходили вдоль восточного побережья Ладожского озера к Питкяранте. Также началось их отступление и на петрозаводском направлении. Кроме того, финские части начали отход и севернее Онежского озера. 24 июня ими был оставлен город Медвежьегорск. В целом в ставке Маннергейма возникли серьезные опасения за исход боев в Карелии. «Сильный и охваченный наступательным духом противник, — писал военный историк В. Халсти, — шел по пятам, и это могло кончиться плохо»⁸.

Так же как и на Карельском перешейке, моральное состояние финских войск изо дня в день ухудшалось. Росло количество дезертиров. Финские солдаты, несомненно, считали уход с оккупированной территории Советской Карелии уже просто необходимым. Донесения о таких настроениях постоянно поступали в ставку и в финляндский

¹ *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennus joukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia. S. 345.

² Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1984. С. 187.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S.464.

⁴ *Ibid.* S.458.

⁵ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 228.

⁶ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 458.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Halski W. H.* Suomen sota 1939–1945. Osa III. S. 384.

информационный центр. «Это показывает,— отмечалось в одном из них,— что довольно значительная часть наших войск... с самого начала не склонна была к оккупации Восточной Карелии»¹. Это ясно говорило о том, что не все в финских войсках, как К. Г. Маннергейм, мечтали о «великой Финляндии».

Таким образом, ход боевых действий в Карелии в конце июня складывался не в пользу финской армии. 28 июня был освобожден Петрозаводск. 29 июня советские войска подошли к «старой государственной границе» в Южной Карелии и развернули боевые действия у города Питкяранта. Фактически первый этап наступательной операции завершился. В итоге за 10 дней советские войска осуществили прорыв сильно укрепленной обороны финской армии и, продвинувшись до 120 км, освободили более 800 населенных пунктов². Более того, были взяты под контроль две важные для СССР коммуникации — южный участок мурманской железной дороги и Беломорско-Балтийский канал.

В ходе второго этапа операции советские войска должны были выйти широким фронтом непосредственно к государственной границе. Предвидя это, ставка Маннергейма потребовала остановить это наступление на линии, по которой проходила граница в 1939 г.³ Для этого был проведен ряд мер по усилению финских войск. На участках, где предполагался советский прорыв, сосредоточивалась артиллерия, также оборудовались дополнительные оборонительные рубежи⁴.

Но противостоять натиску наступавших финская армия не смогла. Продвигаясь по бездорожью, через лесные завалы и густо заминированные участки местности, советские войска овладели городом Питкяранта и вышли вблизи государственной границы в район Лоймала. Одновременно, 12 июля, был прорван оборонительный рубеж в районе Поросозеро, и во второй половине июля здесь также велись бои на советско-финляндской границе⁵.

В сложившейся обстановке, чтобы не допустить дальнейшего продвижения советской армии, Маннергейм решил перебросить в зону прорыва как можно больше войск с Карельского перешейка и из дру-

¹ Kotirintama 1941–1944. Hels., 1972. S. 248.

² Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 215.

³ *Halsti W. H.* Suomen sota 1939–1945. Osa III. S. 387.

⁴ *Kuussaari E. Niitemaa V.* Suomen sota vv. 1941–1945. S. 209–210.

⁵ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 260.

гих районов страны¹. Бои приняли затяжной, ожесточенный характер. Как отметил маршал в своих воспоминаниях, «еще в течение целой недели ценой огромных усилий удавалось сдерживать противника»². Более того, в начале августа некоторым частям советских войск, вышедшим к государственной границе в районе Куолисмаа, приходилось вести боевые действия в окружении³. В целом к 10 августа фронт окончательно стабилизировался. Маннергейм для себя зафиксировал, что «таким образом, кульминация наступления была пройдена» и теперь «нашей измученной армии» предстояло вести боевые действия «под знаком активной обороны»⁴. В конечном итоге 29 августа по приказу Ставки ВГК войска Карельского фронта прекратили наступление⁵.

Это решение принималось в условиях, когда Советский Союз по дипломатическим каналам дал понять, что «не закрывает двери» для установления мира с Финляндией и готов вести соответствующие переговоры. 14 июля в Стокгольме А. М. Коллонтай в беседе со шведским посланником в Хельсинки Х. Бек-Фриисом указала на имеющиеся у Финляндии возможности для возобновления переговоров на тех же самых условиях, которые предлагались ей весной. Но добавила, что новому переговорному процессу в значительной мере способствовали бы «персональные изменения в высшем руководстве страны»⁶.

Финский историк Х. Мейнандер утверждает, что затем, «25 июля Маннергейм через посредников получил личное извещение от Сталина о готовности начать мирные переговоры»⁷. Не вызывает никаких сомнений, что правительственные круги в Хельсинки были к этому времени хорошо информированы о содержании беседы А. М. Коллонтай с Х. Бек-Фриисом, поскольку о сделанном советском предложении стало известно финскому посланнику в Стокгольме Г. А. Грипенбергу⁸, а также прибывшему в то время в Шве-

¹ *Seppälä H.* Itsenäisen suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 258.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 458–459.

³ *Ibid.* S. 459–460; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 221.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 459–460.

⁵ Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 220.

⁶ Цит. по: *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 345.

⁷ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 256.

⁸ *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 345.

цию бывшему министру иностранных дел Э. Эркко¹. Более того, копию текста беседы с Коллонтай Э. Эркко послал в Хельсинки бывшему финляндскому посланнику в Москве П. Ю. Хюннинену. Сведения об изложенной А. М. Коллонтай позиции советского правительства получили также К. Г. Маннергейм и начальник генштаба А. Хейнрикс².

Но версия Мейнандера о том, что Сталин лично начал переписываться с финским маршалом, не подтверждается ссылками автора на источники. Более того, Коллонтай не скрывала от шведских дипломатов, что и она передаваемую информацию получала не от Сталина, а из Наркомата иностранных дел³. В результате непонятно, откуда исследователь почерпнул данные сведения. Все это вызывает большие вопросы. В любом случае советская позиция в отношении возможности выхода Финляндии из войны в середине июля уже обозначилась и слово оставалось теперь за Финляндией.

В данном случае весьма важным в политике финского руководства оставался «германский фактор». Но немецкая армия в Прибалтике в тот период терпела одно поражение за другим. 26 июля советские войска уже заняли Нарву, что, по заявлению министра иностранных дел Х. Рамсая, создало для Финляндии «новую ситуацию»⁴. Далее германское командование вынуждено было отозвать свою переброшенную ранее под Выборг дивизию⁵, «что указывало, — как отметил Маннергейм, — на их сильную нужду во всех своих резервах»⁶. В результате новых военных неудач рейха в Балтийском регионе для маршала окончательно стало понятно, что ни о какой реальной помощи со стороны Германии не могло быть и речи. Да и резких контрдействий военного порядка против выхода Финляндии из войны от Берлина также ожидать не приходилось. «В финской ставке, — записал Эрфурт, — начали понимать, что в ходе оборонительной войны на германском Восточном фронте все ощутимее становится нехватка сил»⁷. Более того, произошедшее 20 июля покушение на фюрера явно указывало, что в рейхе и своих забот внутреннего порядка становилось все больше.

¹ *Carlgren V. M. Svensk utrikespolitik 1939–1945. S. 511.*

² *Suomi J. Urho Kekkonen 1936–1944. Myrrys mies. Hels., 1986. S. 470–471.*

³ *Carlgren V. M. Svensk utrikespolitik 1939–1945. S. 514.*

⁴ *Höller H. Armee in der Arktis. Bad Nauheim, 1953. S. 55.*

⁵ *Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 236.*

⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 455.*

⁷ *Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 233.*

Маннергейм по этому поводу лишь отправил Гитлеру соболезнования, где «выражал удовлетворение», что фюреру «удалось избежать такой серьезной опасности для жизни»¹.

Положение на фронте, а также военно-политическая обстановка все больше, однако, требовали принятия судьбоносных для страны решений. Это опять должен был сделать маршал. В финском руководстве становилось уже предельно понятно, что настал момент, когда Маннергейм наконец должен был «выйти из тени», с теми, чтобы его официально привлечь к управлению страной. Но «Маннергейм, — как зло высказался по данному поводу Р. Рюти, — слишком много думает о своем некрологе и о том, в каком свете он будет представляться потомкам»².

Однако другого выхода для маршала уже не оставалось. В «узком кругу» окончательно решили предложить ему без каких либо реальных выборов, нарушая таким образом конституцию страны, стать президентом. 28 июля к маршалу в ставку прибывает Рюти, которого сопровождал Таннер и Вальден³. В ходе этой встречи Маннергейма просто попросили дать согласие возглавить государство, поскольку, как заявил Рюти, сам он «намеревается уйти в отставку»⁴. Причем особых конституционных переживаний в этом очень «узком кругу» руководства Финляндии не наблюдалось. Более того, когда начались с Маннергеймом переговоры, то «первоначально рассматривалась альтернатива между восстановлением поста регента и пожизненным президентским мандатом»⁵. Но маршал решил для себя не «делать исключений» и дал согласие «управлять страной, чтобы вывести ее из войны»⁶. Также обговорили и срок его президентства. Договорились, что он будет определен временем... «когда мое задание будет можно считать выполненным»⁷.

В результате 1 августа в Хельсинки было официально объявлено об отставке Рюти с поста президента в связи с «ухудшением состояния здоровья». Одновременно последовало решение поставить на обсуждение в парламенте вопрос закона о назначении президента без проведения обычных по существующим нормам конституции выбо-

¹ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 232.

² *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 331.

³ *Ibid.* S. 338.

⁴ *Ibidem;* *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 469.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 469.

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Ibidem.*

ров. 4 августа парламентарии приняли этот закон¹ и новым президентом утвердили К. Г. Маннергейма. Причем за ним сохранялся пост главнокомандующего вооруженными силами. Тем самым маршал сосредоточивал в своих руках и политическое, и военное руководство в стране. Как он записал в своих мемуарах, «теперь я занимал два важных государственных поста — главы государства и Верховного главнокомандующего»². И, видимо, в данном случае был абсолютно прав В. Войонмаа, когда, оценивая данную ситуацию, указал: «В нормальных условиях подобное событие следовало бы рассматривать как государственный переворот»³.

Чем объяснить, что кандидатура Маннергейма на пост главы государства оказалась самой приемлемой? Здесь, очевидно, несколько причин. Маннергейму доверяли и крайне правые круги, и «мирная оппозиция». Бытовало мнение, что в Советском Союзе его рассматривают как деятеля, способного вывести страну из войны. В Германии не допускали мысли, что такой закоренелый враг коммунизма, как финский маршал, мог договориться с СССР. Как отмечал В. Эрфурт, «учитывая прошлое Маннергейма, немцы считали невозможным, чтобы он при своей антипатии к большевизму мог заключить сепаратный мир с Советским Союзом»⁴.

То есть получалось, что Маннергейм оказался подходящим в данный момент для поста президента и с внутривнутриполитической, и с внешнеполитической точек зрения. Представленное в нем единство политического и военного руководства рассматривалось как условие для предотвращения дальнейшего раскола в обществе и стабилизации положения в стране.

Обстоятельства, связанные со вступлением К. Г. Маннергейма на пост президента Финляндии в весьма критический момент, и его последующая роль в решении острых проблем войны и мира многократно обсуждались в финской литературе и периодической печати. В частности, военный историк В. Тервасмяки безапелляционно называет Маннергейма «архитектором мира» и пишет, что он «думал о мире» и «возможности достижения мира» уже «с самого начала войны»⁵.

¹ *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. S. 129–131.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 470.

³ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 370.

⁴ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 239.

⁵ *Tervasmäki V.* Mannerheim rauhantekijä presidenttinä // *Taide ja Ase.* 1983. № 41. S. 9, 24.

Такого рода утверждения весьма далеки от истины. Сошлемся на сказанное о Маннергейме тогдашним премьер-министром Э. Линкомиесом: «Маннергейм рисовался в представлении многих своего рода мирным президентом, тогда как Рюти изображался продолжателем прежнего курса. Такое представление является беспочвенным, даже ложным. Собственно, во взглядах между Рюти и Маннергеймом не было никакой разницы... Маннергеймом не больше чем Рюти употреблялись магические слова о необходимости окончания войны... Его имя представляло собой прежде всего символ, вокруг которого все должны были объединиться...»¹

Когда встал вопрос о формировании нового правительства, Маннергейм, выразивший прежние взгляды политического и военного руководства, не привлек в его состав представителей «мирной оппозиции»². Финский историк Х. Мейнандер, оценивая утвержденный президентом состав кабинета, отмечает, что он назначил «на ключевые посты в правительстве людей, которых хорошо знал и которые к тому же знали Россию»³. С этим мнением, безусловно, можно согласиться. Но ни один из деятелей, выступавших за улучшение отношений с Советским Союзом, таких как Ю. К. Паасикиви, У. К. Кекконен и другие, в правительство допущен не был. Новое правительство, более чем наполовину состоящее из министров прежнего кабинета, было сформировано 8 августа. Его возглавил консервативно настроенный политический деятель А. Хакцель. В результате немецкий генерал при ставке маршала просто назвал созданное правительство «кабинет доверия Маннергейма»⁴. Данное правительство в действительности реально отражало специфику политической линии, которую собирался проводить Маннергейм.

В целом подход к формированию правительства свидетельствовал, прежде всего, о незначительности происшедших политических изменений. И это происходило в условиях, когда Маннергейм, несомненно, знал, сколь решительно деятели «мирной оппозиции» выдвигали требование не допустить в правительство лиц, поддерживавших военный курс и причастных к соглашению с Риббентропом⁵.

¹ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 137, 180.

² *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 350–355; *Carlgren V. M.* Svensk utrikespolitik 1939–1945. S. 515–516.

³ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 260.

⁴ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 242.

⁵ *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 355.

«У Маннергейма не обнаружилось способности давать правильную критическую оценку,— писал в те дни в дневнике Ю. К. Паасикиви. — По всему видно, что Маннергейм не имеет действительно ясного представления о людях и обстановке»¹. Таким образом, сложившееся положение не предполагало быстрого решения вопроса о мире.

И действительно, выход Финляндии из войны затянулся еще на целых полтора месяца. Финское руководство по-прежнему стремилось быть «преданным» Германии. На поздравительную телеграмму Гитлера по поводу избрания маршала президентом, как заметил немецкий генерал В. Эрфурт, «Маннергейм передал по телеграфу свою благодарность и пожелал германскому вермахту всяческих успехов в героической борьбе против общего врага»².

В целом никаких внешних признаков отказа Маннергейма от продолжения сотрудничества с Германией не проявлялось. Вплоть до того, что цензура получила указание не препятствовать дальнейшей пронемецкой пропаганде и распространению поступавших из Берлина информационных материалов. Отмечалась также забота о том, чтобы не подорвать в Финляндии «веру в успешное для Германии окончание войны»³. Более того, у внешних наблюдателей создавалось твердое представление, что «маршал не пойдет на то, чтобы потерять свою славную репутацию, приняв позорный мир» и что «Финляндии чрезвычайно трудно принять решение расстаться с братьями по оружию и покориться советскому повелителю»⁴.

Тем не менее отставка Рюти вызвала в Берлине беспокойство. По указанию Гитлера в Хельсинки срочно вылетел командующий группой армий «Север» Ф. Шернер. Он должен был оценить обстановку, а также «доложить Маннергейму о положении группы армий “Север”», показав при этом, что у немцев для того, чтобы «защищать Прибалтику... в распоряжении достаточные... силы». Таким образом фюрер посчитал необходимым как-то повлиять на Маннергейма и «укрепить позицию Финляндии» в деле продолжения войны⁵. Маршал, как пишет Эрфурт, «принял германского посланца с отменной

¹ J. K. Paasikivi päiväkirjat. Osa I. S. 551.

² Эрфурт В. Финская война 1941—1944 гг. С. 241.

³ Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941—1944. S. 369.

⁴ Эрфурт В. Финская война 1941—1944 гг. С. 242.

⁵ Там же. С. 239.

любезностью», но «политические вопросы, как и следовало ожидать, вообще не затрагивались»¹.

Тем не менее в германской разведке, в Министерстве иностранных дел и у посланника В. фон Блюхера складывалось мнение, что Маннергейм не будет придерживаться обязательств, которые были взяты Рюти². Гитлер же, со своей стороны, был, очевидно, другого мнения. Как полагает Эрфурт, у него «по-видимому, сложилось довольно наивное представление, что доложенная с воодушевлением и основательно приукрашенная оперативная сводка может произвести на такого человека, как финский маршал, хоть какое-нибудь впечатление»³.

В целом Маннергейм, очевидно, просто пытался понять реакцию Берлина на произошедшие в стране перемены и разгадать, не замышляют ли там какой-либо вооруженной акции против Финляндии. Тем не менее во второй половине августа он все же решил сообщить Германии о дальнейших намерениях Финляндии. Это произошло 17 августа, когда в Хельсинки прибыл генерал-фельдмаршал В. фон Кейтель для встречи с новым финским президентом и вручения Маннергейму очередной награды рейха. Теперь маршал стал уже кавалером Рыцарского креста ордена Железного креста с дубовыми листьями. Таким образом Гитлер стремился «подчеркнуть неизменную прочность боевого содружества»⁴.

Фактически же визит Кейтеля имел только одну цель — выяснить взгляды финского руководства на перспективы Финляндии в ее военном сотрудничестве с Германией. Поэтому Кейтель особо стремился подчеркнуть сохраняющуюся военную мощь рейха и даже сказал маршалу, что «Германия готова воевать еще десять лет». Однако Маннергейма это ничуть не вдохновило. Он просто ответил, что «Финляндия воевать так долго не будет»⁵. И после этого немецкий представитель, наконец, впервые был уведомлен Маннергеймом о том, что он как президент не считает себя связанным обязательствами, взятыми его предшественником, поскольку большинство финского народа их отвергает⁶. Как отмечает профессор Х. Майнандер, маршал «сформули-

¹ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 240.

² Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 89; Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 403.

³ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 240.

⁴ Там же. С. 244–245.

⁵ Цит. по: Gripeberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 353.

⁶ Ibidem; Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 246; Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 409.

ровал свои аргументы настолько гламурно, что Кейтель, несмотря на досаду, не стал угрожать военными последствиями»¹. Действительно, немецкий посланец ответил, что у него, как военного, нет полномочий рассматривать политические вопросы². Как указал по этому поводу в своих мемуарах сам маршал, «мое объяснение, очевидно, произвело на гостя сильное впечатление, хотя ему пришлось до самого конца сохранять хорошую мину при плохой игре... Общий тон высказываний фельдмаршала Кейтеля выражал оптимизм, проявление которого входило в его задание»³.

В Берлине действительно, сделали вид что ничего не случилось, и дали указание своему посланнику В. фон Блюхеру исходить из наличия июньского соглашения, игнорируя высказывание К. Г. Маннергейма⁴. Гитлер посчитал, что Маннергейм просто «бездарный политик»⁵. Таким образом, Германия не предприняла мер экономического или военного давления на Финляндию, как это бывало прежде. В течение августа в финские порты поступали зерно и военные материалы. Было видно, что немецкое руководство всячески хотело избежать таких действий, которые могли бы ускорить выход Финляндии из войны.

Да и Маннергейм особо с этим не спешил. О том, что маршал придерживается выжидательной тактики, Эрфурту сообщил непосредственно начальник генштаба финской армии Хейнрикс. Он прямым текстом заявил германскому военному представителю, что «еще вполне возможно, что на дальнейший ход событий решающее влияние окажет изменение обстановки на главных германских фронтах и особенно в Прибалтике»⁶. Действительно, Маннергейм продолжал еще на что-то надеяться и в узком кругу тогда говорил: «Дело вести очень трудно... Нам нужно до конца проявлять корректность с Германией»⁷. В результате к его политике возникли определенные вопросы у тех, кто рассматривал маршала в качестве гаранта неизбежного вы-

¹ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 260–261.

² *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 246; *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 90.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 472.

⁴ *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 91.

⁵ Цит. по: *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 261.

⁶ Цит. по: *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 246.

⁷ *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 364.

хода Финляндии из войны. Как отмечает профессор О. Вехвилайнен, «в правительственных и парламентских кругах начало пробуждаться беспокойство из-за медлительности президента»¹.

Однако постепенно Маннергейм понял, что фактор времени в решении вопроса о мире приобретает исключительно важное значение. Развернувшееся наступление советских войск на Восточном, а Великобритании и США на Западном фронтах подвело Германию к черте полного разгрома. Это четко зафиксировал немецкий представитель в ставке маршала. Он записал: «В последнюю неделю августа не осталось никаких сомнений в том, что приближаются последние дни боевого содружества финнов и немцев»². Маннергейм при этом не сбрасывал со счетов и значение СССР. Как он полагал, если советское наступление опять возобновится, Финляндия сможет продержаться «два или три месяца». Маршал в традиционном «узком кругу» прямо говорил: «Если Советский Союз начнет новое наступление, то уже будет осуществлен прорыв»³.

В конечном итоге 24 августа Маннергейм все же принял решение установить контакт с Советским Союзом⁴. В результате на следующий день после этого посланник в Швеции Грипенберг получил распоряжение передать по дипломатическим каналам обращение к советскому правительству «об условиях начала мирных переговоров»⁵. Когда Грипенберг вручал это обращение Коллонтай, то сообщил при этом и о заявлении, сделанном Маннергеймом Кейтелю⁶. Одновременно финскому посланнику в Берлине тоже было дано указание заявить, что Финляндия не считает себя связанной принятыми ранее обязательствами⁷.

В ответ на финское обращение в Москву 29 августа советское правительство дало согласие принять финскую делегацию, но при условии, что Финляндия порвет отношения с Германией, публично за-

¹ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 279.

² *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 247.

³ *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 350; *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 365.

⁴ *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 366; *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 356.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 472; *Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 356–357.

⁶ *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 357–358.

⁷ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. S. 412; *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 367.

явив об этом, и предъявит ей требование о выводе до 15 сентября всех своих войск с финской территории. В противном случае оставшиеся немецкие части должны были быть интернированы¹. Все остальные вопросы предлагалось разрешить во время самих переговоров. Таким образом, абсолютно центральным в решении проблемы выхода Финляндии из войны становился «германский вопрос».

Однако выдвинутые Советским Союзом условия, как и прежде, не встретили положительного отклика у Маннергейма. Как он тогда говорил, «очень тяжело совершить прыжок в неизвестность»². Маршал считал особенно сложным то, что «был дан небольшой срок, позволяющий немцам добровольно покинуть страну»³. При этом в решении проблемы выхода из войны он явно не хотел вступать в конфликт с Берлином и тем более использовать силу по отношению к немецким войскам. Поэтому для обсуждения полученного из Москвы ответа 30 августа Маннергейм созвал совещание с участием как нового состава правительства, так и прежних руководителей. Было решено не спешить вступать в официальный контакт с руководством СССР, а лишь продолжить обмен мнениями⁴. Но долго затягивать с официальным заявлением становилось уже практически невозможно.

Наступило 2 сентября, ставшее «решающим днем в истории финско-германских отношений»⁵. Именно тогда финляндский парламент должен был обсудить на закрытом заседании вопрос о выходе страны из войны. При этом в Берлине, предчувствуя надвигающуюся «катастрофу», срочно направили из Лапландии к Маннергейму командующего 20-й немецкой горной армией генерал-полковника Л. Рендулича. Он должен был оказать на маршала давление: ведь под его командованием находилась 200-тысячная армия. В беседе с Маннергеймом немецкому генералу не удалось, однако, достигнуть своей цели. Финский маршал «не раскрыл своих карт»⁶, хотя Рендулич в разговоре с Маннергеймом не избегал угрожающего тона. Как зафиксировал в своих воспоминаниях маршал, Рендулич ему прямо сказал: «Немцы неустрашимые бойцы, а в случае необходимости и беспощадные

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa. II. S. 472; *Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 361.

² Цит. по: *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 369.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa. II. S. 473.

⁴ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 398.

⁵ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 251.

⁶ *Höller H.* Armee in der Arktis. S. 26.

в бою». Но далее Маннергейм записал, что «несмотря на эти угрозы, мы расстались с соблюдением общепринятых правил вежливости»¹. Со своей стороны, Эрфурт, присутствующий при данной беседе, отметил: «Было такое чувство, что сидишь в доме, полном скорби, откуда еще не вынесли покойника»².

Финский маршал, конечно, хорошо понимал, что именно на нем лежала львиная доля ответственности за то, что немецкие войска вообще оказались на севере Финляндии и что там они находились с сентября 1940 г. Впоследствии, перебирая в памяти произошедшее, он, очевидно, пытался оправдать принятые перед войной решения. Маннергейм в мемуарах указал, что немцы просто, «когда это стало отвечать их интересам, поддержали нас в период 1940–1941 годов» и далее, что «эта поддержка переросла в братство по оружию»³. Но при этом, вероятно, маршалу следовало пояснить, что его страна все же не являлась «только пешкой в игре великих держав»⁴. Объективно Гитлер отнюдь не на «чистом финском листе бумаги» чертил свой замысел нападения на СССР. У Финляндии в этом деле был свой собственный интерес, который выходил далеко за рамки возвращения утраченных ею территорий, а Маннергейм как раз и был тем самым «главным человеком», который этот замысел стремился реализовать. Неслучайно поэтому ему с таким трудом давалась мысль о разрыве с рейхом. Как он достаточно эмоционально затем указал, «шаг, который мы вынуждены были сделать, был очень болезненным, но выбора у нас не было!»⁵.

В результате нужно было заручиться поддержкой парламента. И на его заседании премьер-министр А. Хакцель изложил точку зрения правительства относительно перспективы достижения мира. Он поставил вопрос о необходимости принятия парламентом предварительных условий Советского Союза для выхода Финляндии из войны. Что же касается способа объявить о разрыве отношений с Германией, то Хакцель, как и Маннергейм, считал, что это необходимо сделать в лояльной форме, чтобы у финнов «осталась благодарная память» о «братстве по оружию»⁶. Поэтому премьер-министр с большим сожа-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 476.

² *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 248.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 476.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Salaiset keskustelut.* S. 275.

лением говорил о необходимости идти на разрыв отношений с рейхом и вести переговоры с СССР. Но другого пути он не обозначил. В результате за его предложение проголосовало 113 депутатов против 43¹. Таким образом, было официально санкционировано начать переговоры с СССР, исходя из предложенных им условий.

Вскоре после заседания Маннергейм, проявляя «рыцарский дух»², направил Гитлеру послание и сообщал, что Финляндия решила прекратить войну³. Также маршал имел отдельную беседу с германскими военными представителями в ставке, где в исключительно деликатной форме сообщил о решении Финляндии прекратить войну и высказал пожелание, чтобы немецкие войска в двухнедельный срок покинули Финляндию. При этом он особо попросил Эрфурта, чтобы тот, уже со своей стороны, «попытался склонить генерала Рендулича ускорить вывод войск», и заверил, что «мы сделаем все, чтобы облегчить их транспортировку»⁴.

Правительственное заявление о выходе страны из войны было озвучено поздно ночью 2 сентября по радио премьер-министром А. Хакцелем. Он сообщил, что немецким войскам предложено покинуть Финляндию⁵, но ничего не сказал о разрыве отношений с Германией. По всему чувствовалось желание рейх «не обидеть». Тем не менее, учитывая сделанное Финляндией заявление, Советский Союз 3 сентября вновь подтвердил свое требование о необходимости открытого разрыва отношений с Германией. При этом была выражена готовность помочь Финляндии изгнать с ее территории немецкие войска, если у нее возникнут сложности в этом вопросе⁶. В такой ситуации финскому руководству ничего не оставалось, как согласиться с предварительными условиями Советского Союза. К тому же Германия предприняла ответные решительные меры по отношению к своему бывшему «брату по оружию»: немецкие представители в Финляндии получили из Берлина распоряжение прекратить любые контакты с финнами⁷.

¹ Salaiset keskustelut. S. 295.

² Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 249.

³ Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 474–475.

⁴ Ibid. S. 477.

⁵ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 281.

⁶ Там же.

⁷ См.: Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 253.

В это время, как пишет Маннергейм в воспоминаниях, «чтобы создать благоприятный климат для переговоров и избежать дальнейшего кровопролития, я через Стокгольм предложил генералиссимусу Сталину прекратить боевые действия». В результате, если верить воспоминаниям маршала, ему ночью 4 сентября передали из финского МИДа, что «Сталин согласился»¹. Столь странный контакт, который описывает Маннергейм, советскому руководству был совершенно не нужен. Главное, чтобы Финляндия согласилась с советскими условиями выхода из войны. А это произошло несколько по-иному. В ночь на 4 сентября правительство Финляндии передало по радио заявление о том, что полностью принимает советские условия, а в 8 часов утра финские войска по распоряжению командования прекратили военные действия. По всей линии фронта появились белые флажки, финские солдаты группами без оружия подходили к переднему краю обороны советских войск и восторженно кричали: «Мир! Конец войне!»² Вот так, с трудом, рожалось решение прекратить войну. Поэтому только через сутки распоряжение о прекращении военных действий с Финляндией поступило от советского командования войскам Ленинградского и Карельского фронтов.

Далее, 7 сентября, через линию фронта финская делегация во главе с премьер-министром А. Хакцелем вылетела в Москву. Однако сами переговоры начались лишь 14 сентября. В Советском Союзе явно не торопились, поскольку Финляндия к этому времени должна была уже принять все необходимые меры по выдворению из страны немецких войск. Однако Маннергейм тоже не спешил. Проявилась прежняя тенденция избегать конфликта с Германией. Ставка предложила немецкой стороне «всяческую поддержку перевозками по эвакуации немецких войск»³. Как отмечает Эрфурт, «все финны проявляли в духе Маннергейма стремление “продолжать развивать прежние отношения без обострений, которых следует всячески избегать”»⁴. В результате немецкие войска и представительства Германии выводились только из Южной Финляндии. Последнее «немецкое эвакуационное судно» отплыло из Хельсинки 13 сентября⁵. В результате к 14 сентября из Финляндии эва-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 478.

² *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 282.

³ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 252.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Там же. С. 257.

куировались далеко не все находящиеся там немецкие войска¹. Главная группировка войск продолжала контролировать Северную Финляндию.

Тем не менее в первый день переговоров финской делегации от имени союзников были переданы условия соглашения о перемирии. В них, прежде всего, предусматривалось восстановление советско-финляндской государственной границы 1940 г. Кроме того, Финляндии предлагалось выплатить Советскому Союзу репарации в размере 300 млн долларов. Особо подчеркивалась необходимость начать действия по разоружению немецких войск. Ставились также вопросы демилитаризации и демократизации страны. Также предполагалось для контроля за выполнением условий соглашения о перемирии создать Союзную контрольную комиссию².

Получив эти условия, финская сторона не смогла ничего сказать относительно выполнения Финляндией ранее взятых ею предварительных обязательств. В результате этот вопрос приковал к себе наибольшее внимание. Не внес ясности по данному поводу и прибывший из Хельсинки новый глава финской делегации К. Энкель, который заменил А. Хакцеля в связи с его внезапной болезнью³.

Во время переговоров также достаточно обстоятельно обсуждался вопрос суммы репарационных платежей, которые Финляндия должна была заплатить по итогам участия ее в войне. В целом переговоры стали затягиваться. Причем на завершающей их стадии у членов финской делегации возникла мысль о целесообразности прибытия в Москву Маннергейма⁴. Однако 18 сентября советская делегация вынуждена была прямо поставить вопрос: или представители Финляндии соглашаются принять условия перемирия, или надо прекратить переговоры. Предлагалось решить этот вопрос не позднее 12 часов следующего дня⁵. Поставленная перед этой дилеммой финская делегация запросила из Хельсинки полномочия для подписания соглашения.

«Поэтому, — пишет Маннергейм, — я созвал правительство в 5 часов утра 19 сентября» на экстренное заседание⁶. Маршал пес-

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 282.

² Подробно см.: там же. С. 283; *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 481–482.*

³ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 481.*

⁴ *Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 122.*

⁵ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 482.*

⁶ *Ibidem.*

симистически оценил обстановку и отрицательно оценивал условия перемирия¹. Он считал их «ужасными»². Однако все же высказался за то, чтобы вопрос о заключении соглашения о перемирии безотлагательно передать на рассмотрение парламента. «С тяжелым сердцем, — записал Маннергейм в воспоминаниях, — в моем присутствии правительство решило обратиться к парламенту с предложением одобрить условия и наделить делегацию полномочиями для подписания соглашения о перемирии»³. Заседание парламента открылось в 7 часов утра, и большинством голосов парламента решил предоставить делегации в Москве полномочия для подписания соглашения о перемирии⁴.

19 сентября в 12 часов дня Соглашение о перемирии было наконец подписано. Так была закрыта последняя страница истории участия Финляндии во Второй мировой войне на стороне Германии. Но штиля после подписанного соглашения, естественно, в Финляндии не предвиделось.

«Заговор» против Маннергейма и война против немцев

В исследованиях, касающихся личности Маннергейма, нередко достаточно высоко оценивают его «вклад» в безболезненный разрыв отношений с Германией. В частности, отмечается то, что это выглядело как своего рода «цивилизованный развод, который обошелся без эксцессов в отличие от других стран»⁵. Даже пишется, что и особых боевых действий между финскими и немецкими войсками удалось избежать, «если бы Советский Союз не торопил Финляндию»⁶.

Но во всех этих благостных рассуждениях не учитывается то, что уже к концу 1944 г. нацистская Германия просто не обладала возможностями «проучить» или даже «наказать» своего «брата по оружию», хотя реально этого очень хотела. И «заслуга» Маннергейма в «цивилизованном разводе» как раз касается отсутствия у бывшего партнера по

¹ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 405.

² Цит. по: *Tanner V.* Suomen tie rauhan 1943–44. S. 390.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 483.

⁴ *Salaiset keskustelut.* S. 320.

⁵ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 262.

⁶ *Ibidem.*

войне реальных сил, что на самом деле и спасло Финляндию от соответствующего «наказания». На самом деле рейх просто так отпустить бывших союзников не собирался.

Процесс подготовки финского руководства к выходу из войны, конечно, в Берлине фиксировался. Причем отслеживался данный процесс на каждом его этапе, и продумывались соответствующие контрдействия. Когда Маннергейм, наконец, решился открыто заявить о желании Финляндии выйти из войны, в Берлине предприняли максимум усилий, чтобы это не произошло, и принялись судорожно искать способы, чтобы не допустить возможного разрыва.

В данной обстановке ставка была сделана на службы СС, а в качестве «ударной силы» решили использовать тех бывших финских эсэсовцев, которые служили в отдельном батальоне, воевавшем до этого в составе немецкой дивизии СС «Викинг» на Восточном фронте в группе армий «Юг». Этот батальон в 1943 г. был возвращен Маннергеймом, на родину и теперь, по идее нацистов, финские эсэсовцы могли опять пригодиться. В рейхе, как справедливо заметил профессор М. Менгер, «чем больше терялась вера в собственные возможности, тем более масштабным становились безудержные расчеты на коллаборационные круги Финляндии»¹. Иными словами, у германского руководства возникла тогда идея организовать в Хельсинки государственный переворот. Причем моделью для будущего Финляндии мог стать режим, который был установлен нацистами в Норвегии, где страной управлял их ставленник В. Квислинг². Опору в организации и проведении этого переворота гитлеровцы видели, прежде всего, в финских солдатах, прошедших эсэсовскую школу.

Главным инициатором этой идеи стал начальник Главного управления СС обергруппенфюрер Г. Бергер. После того как Маннергейм стал президентом Финляндии и обозначилась перспектива смены курса финского руководства, Бергер 4 августа 1944 г. прибыл к Гиммлеру и сообщил ему, что определенные надежды на взаимопонимание с финнами все же остаются. Как подчеркнул Г. Бергер, предварительная «работа велась в правильном направлении». Конкретно он указал на то, что «командный состав эсэсовского батальона [бывшего. — *Примеч. авт.*] был подобран хорошо и имеет в Хель-

¹ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 220.

² *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 290.

синки неплохие связи с высшим руководством». Более того, по представлениям обергруппенфюрера, именно «данный факт может быть непосредственно использован для организации профашистского сопротивления»¹.

Так, иными словами, в ээсовском руководстве принялись обдумывать перспективу нацистского переворота, направленного против Маннергейма, используя при этом финских «солдат фюрера». Конкретно, 8 августа 1944 г. Г. Гиммлер отдал распоряжение приступить к целому комплексу мероприятий, которые следовало срочно начать с тем, чтобы «укрепить пронацистские силы» в Финляндии². Для ээсовцев было важно, прежде всего, четко определиться с личностью руководителя планирующегося заговора. Разнообразных вариантов в выборе кандидатуры у рейха не было. Выбирать приходилось только из представителей высокопоставленных финских генералов и старших офицеров, которые были хорошо знакомы немцам по периоду Первой мировой войны, поскольку тогда являлись солдатами кайзеровской армии.

Непосредственные перспективы организации переворота рейх связывал с генералом П. Талвела, которого видели преемником Маннергейма. Тогда он был ближе всех к гитлеровскому командованию. Эти надежды подкреплялась верой в реальные способности генерала создать в финских военных кругах оппозицию, поскольку считалось, что «между маршалом Маннергеймом и генералом Пааво Талвела проявляются острые противоречия»³.

Тем временем 5 сентября 1944 г., то есть спустя два дня после того, как в Хельсинки сообщили, что немецким войскам предложено покинуть Финляндию, в Берлине перешли к практическим действиям. По распоряжению А. Гитлера приступили к реализации идеи государственного переворота, что вначале предполагало осуществление комплексной системы мероприятий. Тогда же было решено обратиться к Талвела. В ночь на 5 сентября 1944 г. с ним лично встретился рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Как свидетельствуют источники, беседа оказалась достаточно дружественной, рейхсфюрер откровенно пред-

¹ *Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfrent im Jahre 1944 // Bulletin des Arbeitskreises "Zweiter Weltkrieg". 1983. № 3–4. S. 9; Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 221.*

² *Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfrent im Jahre 1944. S. 10.*

³ Цит. по: *Lehmus K. Kolme kriisiä. Hels., 1971. S. 211.*

ложил Талвела «возглавить в Финляндии движение сопротивления»¹. Но Талвела на это предложение заявил, что будет «подчиняться только маршалу Финляндии»².

Пытаясь разобраться в мотивах такого ответа, немецкий историк М. Менгер справедливо заметил, что Талвеле «представлялось все-таки очень трудным выступить против Маннергейма»³. Другой же германский исследователь, М. Йонас, просто подытожил, что в это время в Финляндии «почти все люди были убеждены, что Германия проиграла войну и у их страны не было другого выбора, кроме как идти на соглашение с Россией»⁴. Хороший военный и расчетливый политик П. Талвела, очевидно, тоже был тогда такого же мнения.

В Берлине беседа с Талвела, которую провел Гиммлер, естественно, получила продолжение. Далее финский представитель имел встречу с генерал-полковником А. Йодлем. На ней также обсуждался вопрос относительно перспектив организации «движения сопротивления» в Финляндии, направленного против Маннергейма. Речь шла уже о налаживании тайных связей между финским и немецким командованием. И хотя П. Талвела тогда тоже заявил, что для этой цели нужен «другой, более молодой генерал», была достигнута договоренность, что он установит с Йодлем личную секретную связь, которая должна была осуществляться через немецкого военного атташе в Стокгольме⁵.

Таким образом, эсэсовцы могли надеяться продолжить в Финляндии активную работу, и, как отмечает профессор М. Менгер, Гиммлер даже «ждал успеха в этом вопросе»⁶. Командующий находящейся в Лапландии 20-й армией генерал-полковник Л. Рендулич тоже считал, что в Финляндии следует установить военный режим, который должен контролироваться службами СС⁷. Конкретно деятельность по

¹ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa II. S. 483.

² *Brantherg R.* Sotakenraalit. Jyväskylä, 1998. S. 215; *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 12.

³ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 12.

⁴ *Jonas M.* Kolmannen valtakunnan lähettiläs. Wipert von Blücher ja Suomi. Juva, 2010. S. 408.

⁵ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 13.

⁶ *Ibid.* S. 12.

⁷ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. S. 291.

организации в Финляндии «внутреннего фронта сопротивления» возглавил начальник внешней разведки Главного имперского управления безопасности бригаефюрер СС (генерал-майор) В. Шелленберг. Под его контролем в начале сентября сотрудники руководства СС в Хельсинки, а также финские офицеры СС Ю. Итяля и В. Вайнио, имея при себе «значительное количество финской валюты», приступили к работе «по организации добровольцев» для создания финских воинских соединений на базе 6-й немецкой дивизии СС «Норд», дислоцируемой тогда в Финляндии¹. Кроме того, эсэсовцы начали планировать формирование так называемого «антисоветского подполья, которое должно было приступить к действиям в случае советского вторжения в страну»².

Непосредственная организация пронацистского движения легла на плечи ядра финских активистов, которых возглавил один из руководителей ярко выраженного антироссийского общественного объединения «Академическое Карельское общество», выступающего за создание «великой Финляндии», В. В. П. Хеланен. Он в свое время стоял у истоков нацистского движения в Финляндии, оказывая весной 1941 г. помощь в создании в стране эсэсовских войск³. Кроме того, к налаживанию предполагаемого финского «движения сопротивления» был привлечен один из создателей Линии Маннергейма подполковник Й. К. Фабрициус, а также предприниматель П. Форстрем⁴, который традиционно активно поддерживал нацистское движение в Финляндии.

Именно эти люди должны были возглавить работу по налаживанию связи командования германских войск, размещавшихся в Лапландии, с предполагаемым финским «подпольем». В результате, благодаря начавшейся энергичной деятельности сторонников нацизма, достаточно быстро была образована целая сеть будущего «сопротивления», которая охватила главные финские города — Хельсинки, Турку, а также Вааса, Оулу, Куопио, Лахти, Котка и др.

¹ Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 12. См. также: Erfurth W. Sotapäiväkiriä vuodelta 1944. S. 281.

² Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 11.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. Jyväskylä, 1996. S. 38.

⁴ См.: Susi E. Oikeiston salaliitot 1944–1945 // Tiedonantaja. 1984, 14. 09.

Однако больших результатов эта работа не дала. Как вынужден был 8 сентября записать в дневнике немецкий генерал при ставке Маннергейма В. Эрфурт, «до сих пор непохоже, чтобы хотя бы один финн был готов сражаться в рядах вооруженных сил Германии»¹. Это можно было объяснить, прежде всего, тем, что в Финляндии итог войны был уже понятен. Большинство населения страны мечтало лишь только об одном — о мире. Поэтому попытка стремительно организовать с помощью финских эсэсовцев тайную сеть будущего «движения сопротивления»² мало что реально давала. В результате «сразу после того, как отношения были разорваны, — свидетельствовал фон Блюхер, — я получил от рейхсминистра иностранных дел телеграфное распоряжение попытаться поднять оппозиционные национальные силы страны против политики правительства»³. Блюхер ответил Риббентропу, что такая возможность исключается. Создать реальную оппозицию Маннергейму Германия не смогла.

Более того, в ставке Маннергейма стало достаточно рано известно об активизации немецкой разведки, направленной против Финляндии⁴. Маршал срочно начал предпринимать контрмеры. Вокруг Хельсинки были сосредоточены дополнительные войсковые соединения. С тем, чтобы не допустить неожиданного немецкого десанта с южного побережья Финского залива, было решено безотлагательно приступить к созданию финской разведывательной сети в Эстонии⁵. Кроме того, из ставки последовал приказ о переброске особого батальона для защиты Аландских островов⁶.

В целом принятые по распоряжению Маннергейма меры безопасности «против угрозы диверсий со стороны немцев»⁷ начали усиливаться. Более того, уже в начале сентября в Финляндии начали задерживать сочувствовавших национал-социализму финнов⁸. Все это в комплексе не позволило активно использовать финских эсэсовцев

¹ *Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. S. 281.

² *Rislakki J.* Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. S. 293.

³ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. S. 420.

⁴ *Mäkelä J. L.* Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo-Hels., 1964. S. 258.

⁵ *Ibid.* S. 260.

⁶ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. S. 255.

⁷ *Ibid.* S. 291.

⁸ *Ibid.* S. 292.

для решительных действий против Маннергейма и всех тех, кто выступал за окончание войны.

Таким образом, попытка организации нацистами быстрого заговора с использованием эсэсовцев на начальной стадии потерпела серьезную неудачу. Не удалась и попытка наладить создание пронацистских финских воинских частей. Как не без горечи заметил затем немецкий генерал В. Эрфурт, «те финны, которые стремились вступить в германский вермахт, представляли собой исключение, большинство же даже и не думало срывать принятый финским правительством политический курс и отказывать маршалу в повиновении»¹. Основная масса финских солдат гибнуть за идеи национал-социализма очевидно не собиралась.

Однако прогерманские настроения в финском руководстве все же сохранялись. Подтверждением являлся тот факт, что в ночь на 15 сентября, когда немецкий морской десант предпринял попытку захватить в восточной части Финского залива остров Суурсаари (Гогланд), финский гарнизон отразил это нападение. Но он действовал, не имея на то приказа финского военного командования. Что же касается Маннергейма, то он впоследствии в мемуарах записал: «Мне не оставалось ничего другого, как констатировать, что своими бессмысленными действиями немцы облегчили наше положение как раз в тот момент, когда Финляндия была поставлена перед необходимостью применения силы, чтобы заставить их покинуть страну»².

Германия была особенно заинтересована в удержании никелевых рудников в районе Петсамо³, и вначале финское военное руководство ей не мешало. Более того, по распоряжению К. Г. Маннергейма представитель оперативного отдела ставки подполковник У. С. Хааhti 12 сентября прибыл в распоряжение германского командования на север Финляндии в Рованиemi⁴ и подписал с начальником штаба 20-й армии строго секретный договор. В нем говорилось о проведении совместной военной операции, получившей кодовое название «Осенние маневры». В соответствии с договором германские части

¹ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 255.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 480.

³ *Menger M.* Zur Bedeutung für die faschistische Kriegswirtschaft // Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums. Greifswald, 1975. S. 143–151.

⁴ *Ursin M.* Pohjois-Suomen tuhot ja jälleenrakennus saksalaissodan 1944–1945 jälkeen. Rovaniemi, 1980. S. 20.

должны были без боя отходить на север, а финские — следовать за ними, избегая конфликтов¹. В результате немецкие части получили возможность не только полностью взять под контроль стратегически важные районы Лапландии, но еще и сохранить определенные надежды на возможность «склонить часть финской армии к дальнейшей борьбе» на стороне рейха². Как по этому поводу записал в воспоминаниях бывший военнослужащий 6-й дивизии ваффен-СС «Норд» И. Фосс, «нам казалось невероятным, что наши братья по оружию повернут против нас штыки»³. Действительно, в тот момент Маннергейм отдал достаточно показательный по сути приказ. По нему бывшие военнослужащие эсэсовского батальона, находившиеся в рядах финской армии, но не желавшие «по соображениям совести» воевать против германских войск, могли в боевых действиях уже не участвовать⁴.

Тем не менее с подписанием между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. соглашения о перемирии финско-немецкий разрыв стал неизбежным. Более того, нацистская Германия явно утратила прежние рычаги влияния на население Финляндии. После заключения соглашения финская цензура сразу же отдала органам массовой информации распоряжение, запрещающее публикацию всяких материалов о финско-германском «братстве по оружию»⁵. Также радио Финляндии приступило к активной критике тезиса немецкой пропаганды о том, что «финское население сочувственно относится к Гитлеру»⁶. Это явно означало стремление решительно оторваться от нацизма.

В складывающейся неблагоприятной для Германии ситуации ей оставалось лишь только одно — пытаться наладить работу собственной пропагандистской машины, направленной на формирование в общественных кругах Финляндии взглядов, противоположных официаль-

¹ *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 131–138.

² *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 10.

³ *Фосс И.* «Черные эдельвейсы» СС. М., 2009. С. 215.

⁴ http://fi.wikipedia.org/wiki/SS-vapaaehtoispataljoona_Nordost (дата обращения: 20.09.2010).

⁵ *Rusi A.* Lehdistöensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. S. 354.

⁶ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 13.

но провозглашаемых финскими средствами массовой информации. В частности, 23 сентября 1944 г. в эсэсовском руководстве определили главные задачи пропаганды, которые выражались в стремлении «разжечь у финского населения настроения, направленные против мирных условий», а также создать условия для «обеспечения притока новых добровольцев» в немецкие части на севере Финляндии. Кроме того, считалось необходимым с помощью активной агитации «не допускать столкновения частей армии Маннергейма с немецким вермахтом». Далее СС планировали развернуть специальную пропаганду в отношении финских войск, которых следовало всячески призывать к «продолжению борьбы против советской армии и присоединению их к немецким частям» или организации так называемой партизанской борьбы¹. Иными словами, со стороны СС началась весьма жесткая пропагандистская работа, направленная против Маннергейма и всего государственного и военного руководства Финляндии.

В этом отношении значительная роль была отведена созданной тогда на территории Германии специальной немецкой радиостанции «Свободное радио Финляндии». Она на коротких волнах вещала на всю территорию страны. Главным ее диктором был бывший военнослужащий финского эсэсовского батальона унтерштурмфюрер СС (лейтенант) Ю. Пурьо. После этого на Финляндию посыпались призывы, в которых говорилось: «Защитим каждую пядь нашей земли! Сохраним Финляндию от русских! Только такая борьба будет благословлена Богом!»² Однако дальше звучавших в эфире «красивых» лозунгов, лившихся с немецкой эсэсовской радиостанции, дело не шло. Поэтому и эффективность данной работы была незначительной. Подтверждением стал факт того, что финнов, желающих продолжать боевые действия на стороне Германии, оказалось всего 68 человек. Причем из числа военнослужащих только 8 имели офицерские звания. По распоряжению руководства СС эти последние «братья по оружию» тем не менее были приведены к эсэсовской присяге на верность Адольфу Гитлеру. Причем фюрера в клятве финнов именовали не иначе как «лидером всех немцев и покровителем националистской Финляндии»³.

¹ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfrent im Jahre 1944. S. 14.

² *Ibid.* S. 14, 15.

³ *Ibid.* S. 16–17.

В целом в финале войны в Финляндии нацистской идеологии был, безусловно, нанесен сильный удар. Как весьма ярко отметил немецкий профессор М. Менгер, в конце войны здесь «даже от самых решительных противников Советского Союза не удавалось скрыть понимание того, что не было совершенно ничего хорошего в продолжении войны на стороне нацистской Германии». И далее он замечает: «Этот объективный факт не мог быть развеян только лишь с помощью размахивания нацистским стягом или знаменем антикоммунизма»¹.

Тем не менее финский народ дорого заплатил за сотрудничество с рейхом. Несмотря на то что Маннергейм всячески стремился не допустить военных столкновений с Германией, дальнейшее обострение финско-немецких отношений неминуемо должно было привести к началу прямых боевых действий. Рейх ничего Финляндии не простил. Попытка «по-хорошему», как «брат с братом», договориться, о чем, собственно, мечтал Маннергейм, не удалась.

После заключения Соглашения о перемирии Финляндия не могла считать себя вне войны. Вся северная часть страны — Лапландия — была фактически оккупирована войсками 20-й горной армии Германии. Союзная контрольная комиссия (СКК), которая приступила к выполнению своих обязанностей в Финляндии с 23 сентября, потребовала принятия безотлагательных мер по интернированию или изгнанию немецких войск. В письменном уведомлении, сделанном 30 сентября руководством СКК финскому правительству, требовалось представить в тот же день план проведения финскими войсками операции в Северной Финляндии. При этом указывалось на необходимость начать активные боевые действия не позднее утра 1 октября 1944 г.².

Маннергейм возложил руководство войсками, предназначавшимися для проведения этой операции, на командира III армейского корпуса генерал-лейтенанта Я. Сийласвуо³, хорошо знавшего Лапландию. В его подчинение передавались три пехотные и одна танковая дивизии, а также две пехотные бригады. Сухопутные войска должны были поддерживать эскадрилья истребителей и полк бомбардиров-

¹ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 17.

² *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 141; *Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. Muistelma. S. 240.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 488.

щиков. Общая численность группировки войск составляла 75 тысяч человек¹.

В сложившейся обстановке боевые действия финской армии приобретали совершенно иной характер. Метаморфоза с поворотом оружия против недавнего своего патрона — старшего «брата по оружию», — конечно, являлась для многих противоестественным делом. Как отметил Маннергейм в воспоминаниях, «многие, особенно молодые офицеры, которые вместе с немцами сражались против общего врага, несомненно, оказались в очень непростой для них ситуации»². Да и сам маршал, конечно, воевать с немцами, как известно, особо не хотел. Генерал Эрфурт по этому поводу указывает, что договоренность по отводу германской армии из Финляндии «встретила бы у Маннергейма полное понимание и избавила бы немецкие войска от множества забот и ненужных жертв»³. Поэтому маршал шел на новые боевые действия с трудом. А заявление о том, что Финляндия находится в состоянии войны с Германией, было вообще сделано лишь спустя полгода — 4 марта 1945 г.⁴

Начавшееся в октябре 1944 г. наступление финской армии в прибрежной части Северной Финляндии явилось, в принципе, большой неожиданностью для немецкого командования. Основные силы германской армии находились тогда у побережья Баренцева моря и вели бои с советскими войсками. В результате для Германии на севере Европы фронт сразу же растянулся на 800 километров. Как отметил Маннергейм, «несомненно, участие русских в боевых действиях сократило сроки операций и сэкономило нам значительные силы»⁵.

Используя затруднительное положение немецкой армии, Финляндия начала свою собственную операцию с целью прорыва вдоль побережья Ботнического залива к Кеми — Торнео. В ночь с 30 сентября на 1 октября финнами был южнее Торнио высажен морской десант⁶. После захвата города финские части стали с боями продвигаться в северном и восточном направлениях. Впоследствии генерал Рендулич

¹ *Kaila T.* Lapin sota. Hels., 1950. S. 126–127; *Peltonen M.* Ilmasota saksalaisia vastaan 1944–1945 // *Taide ja Ase.* 1983. № 41. S. 112.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 486.

³ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. С. 293.

⁴ Известия. 1945, 6 марта.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 491.

⁶ *Ibid.* S. 488–489.

писал: «1 октября одна финская дивизия высадилась в районе Торнио. Быстро переброшенная туда дивизия «К» [немецкая. — *Примеч. авт.*] вступила в бой, но на трудной местности оттеснить финнов не смогла»¹. Пытаясь приостановить дальнейшее продвижение финских войск, немецкое командование перешло к тактике «выжженной земли». В результате, как отметил Маннергейм, «отступая, немцы начали минировать дороги и разрушать все на своем пути, не исключая небольшие мосты, не говоря уже о крупных железнодорожных мостах на больших реках в северных районах Восточной Ботнии»². Таким образом, начались события, которых, вероятно, Маннергейм больше всего боялся, оттягивая решение о начале боевых действий, в результате на севере Финляндии оказалось больше разрушенных объектов, чем на всей остальной территории страны за время участия Финляндии в войне.

Тем не менее финская армия, разворачивая наступление, начала продвигаться вглубь Северной Финляндии в направлении «столицы» Лапландии и важного узла коммуникаций — Рованиеми. Эта «атака... вызвала у нас серьезные затруднения, — признавал впоследствии начальник штаба 20-й горной армии генерал Х. Хельтер. — Они сковали все наиболее боеспособные подвижные части, которые через несколько дней необходимо было использовать на Крайнем Севере в качестве резервов»³. 14 октября немецкие части оставили Рованиеми, но при этом полностью его сожгли. В целом немецкая армия, отходя из южной части Лапландии, подвергала почти полному уничтожению все населенные пункты на ее территории.

Это вызывало гнев и возмущение финской общественности. «Немцы приступили к организованному уничтожению Северной Финляндии! — писал в своем дневнике офицер службы пропаганды финской армии О. Пааволайнен. — Отношение наше сразу стало яро антинемецким...» Далее в его дневнике появилась еще одна выразительная запись: «Я никогда не любил немцев, а теперь я их ненавижу»⁴.

Финские войска тем не менее продвигались дальше вперед, следуя, по словам Рендулича, «по пятам 18-го корпуса»⁵. Немецкие ча-

¹ Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974. С. 195.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 487.

³ *Hölter H.* Armee in der Arktis. S. 41.

⁴ *Raavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. S. 571.

⁵ Рендулич Л. Управление войсками. С. 199.

сти, отходя, существенного сопротивления уже не оказывали. При чем их отход был вполне объясним, поскольку перешедшие 7 октября в наступление советские войска на петсамо-киркенесском направлении прорвали сильно укрепленную полосу обороны и уже 15 октября овладели городом Петсамо (Печенгой). «Вырвавшиеся из окружения остатки разбитых фашистских частей, ускользнувшие от разгрома, — писал командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков, — потянулись к Северной Норвегии»¹.

Руководство Союзной контрольной комиссии (СКК) в Финляндии, однако, считало, что в условиях успешно развивавшегося наступления советских войск в Заполярье финские части могли бы вести более активные боевые действия. В этой связи председатель СКК А. А. Жданов сделал представление К. Г. Маннергейму, который в свою очередь вынужден был поставить соответствующую задачу перед генералом Я. Сийласвуо². Но от этого темп продвижения финских войск не увеличился. Они по существу лишь следовали за отходившими немецкими частями, не вступая с ними в боевые столкновения. Что, собственно, не мог не признать финский маршал, который тоже подчеркнул, что «преследование противника проходило очень медленно»³.

Тем не менее финские войска в первой половине октября все же продвигались вперед и дошли до рубежа озера Инари. 20 ноября они вышли к государственной границе с Норвегией. Но затем остановились перед немецкими долговременными укреплениями. Далее в течение нескольких месяцев у Финляндии оставался неосвобожденным один район на севере страны близ Кильписъярви. Последние оккупационные войска покинули эти места лишь в апреле 1945 г.

Таким образом, война в Лапландии закончилась, но она стоила Финляндии достаточно больших жертв. Разрешение, данное Маннергеймом в сентябре 1940 г. германскому командованию разместить на финской территории немецкие войска, затем дорого обошлось финскому населению. Большая часть Лапландии по приказу командующего Рендулича подверглась сплошному разрушению. Были

¹ Мерецков К. А. На службе военной. С. 404.

² *Polyinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan. S. 146–147.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 487.

уничтожены шоссейные и железные дороги, мосты, паромные переправы, средства связи, общественные здания и жилые дома. Были превращены в руины от 40 до 47% жилых построек, а в некоторых районах все крупные населенные пункты (Рованиemi, Энонтекиё, Савукоски, Киттиля, Муонио и другие) подверглись почти полному уничтожению. Урон Финляндии здесь составлял 90%¹. Тысячи людей в Северной Финляндии остались без крова, имущества и средств к существованию.

Иногда в Финляндии высказывается предположение, что если бы финская армия не пыталась освободить Лапландию от германских войск, то они не проводили бы свою «тактику выжженной земли». Это не совсем так, если вспомнить распоряжение Гитлера, последовавшее 5 сентября 1944 г., после того как финская армия прекратила боевые действия против Советского Союза. В связи с отводом немецких войск он приказывал «уничтожить имущество» как в Южной, так и в Северной Финляндии². Следуя этому требованию, немецкий гарнизон, покидая на юге страны аэродром Пори, тоже уничтожил имевшиеся там сооружения. Командующий 20-й горной армией Л. Рендулич, отдавая своим войскам приказ об уничтожении населенных пунктов и коммуникаций в Лапландии, действовал именно на основании указания Гитлера.

Это была месть гитлеровского руководства за то, что Финляндия вышла из войны. Таким был самый последний аккорд немецко-финского «братства по оружию».

Неожиданный финал

С поражением Финляндии в войне всем было понятно, что звезда Маннергейма уже катится к закату. Он и сам это прекрасно понимал и прямо утверждал, что его ждет весьма непростая судьба в дальнейшем. Как он тогда говорил, «русские его не любят» и «возможно, в будущем его арестуют и расстреляют»³. Но в любом случае теперь оставалось лишь выяснить, насколько долго он будет

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 293.

² *Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: 1944, Teheranista Jaltaan.* S. 133.

³ Цит. по: J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944 — 24.4.1949. Porvoo-Hels.-Juva, 1985. S. 38.

еще пребывать в стране у власти и какова будет его дальнейшая судьба.

Маннергейму было понятно, что Финляндия войну проиграла и в новых условиях должна осуществлять свою политику строго в соответствии с соглашением о перемирии. В первую очередь нужно было теперь оказывать всяческое содействие в окончательном разгроме Германии и скорейшем завершении Второй мировой войны. В результате, в соответствии со взятыми на себя обязательствами, Финляндия предоставила в распоряжение Красной армии финские аэродромы в южной части страны, которые использовались в ходе наступления советских войск в Прибалтике против немецкой группы армий «Север» осенью 1944 г.¹ Кроме того, в портах Хельсинки, Турку, Ханко, а также Мариенхамна на Аландских островах начали базироваться военные корабли советского Балтийского флота². Также, как это и предусматривалось Соглашением о перемирии, Финляндия передала в аренду Советскому Союзу полуостров Порккала-Удд для создания там военно-морской базы. С 21 сентября по 2 октября, находившиеся на советской территории части финской армии, в соответствии с Соглашением о перемирии, были полностью отведены в пределы своей государственной границы. Вскоре началась их демобилизация, и к 5 декабря 1944 г. финские войска были переведены на мирное положение.

Маннергейму, конечно, стали неприятными и те перемены, которые тогда начали происходить во внутривнутриполитической жизни страны. Парламент принял закон о роспуске находившихся в стране профашистских, правых организаций. В общей сложности было распущено 1100 таких организаций³. Кроме того, правительство приступило к аресту военных преступников. Хотя должной решительности, принципиальности и последовательности в осуществлении этих мер не проявлялось. Часть членов распущенных организаций при попустительстве властей внедрилась в другие политические партии и общественные организации, а многие лица, виновные в совершении военных преступлений на оккупированной территории Карелии и Ленинградской области, имели возможность укрыться за рубежом, бежав через границу в Швецию.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 263–264.

² Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978. С. 271.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 263–264.

Процесс обновления внутривластной жизни Финляндии заметно усилился, когда получили возможность легальной деятельности коммунисты, а также левые социалисты и другие участники антивоенной борьбы. В результате Коммунистическая партия Финляндии, находившаяся в подполье 26 лет, впервые получила возможность легальной политической деятельности. Однако в это время в ее рядах было всего 2 тысячи членов¹. Тем не менее при ее активном участии был основан достаточно широкий Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ). В его состав вошли коммунистическая партия, левые социал-демократы и ряд других политических организаций.

Естественно, что изменения во внутривластной обстановке и в области внешней политики Финляндии во многом зависели от решительности президента и правительства страны. Находившийся у власти в первые месяцы после подписания Соглашения о перемирии кабинет во главе с премьер-министром У. Ю. Кастреном, которого тогда на этот пост назначил Маннергейм, так же как и маршал, не стремился к переменам. Причину этого нетрудно было понять. Многие из тех, кто входил в состав правительства, не один год были сторонниками враждебного Советскому Союзу внешнеполитического курса. Трудно было ожидать, что они пойдут иным путем. За восемь недель своего существования правительство Кастрена не решило ни одной конкретной задачи послевоенного изменения политики страны.

Тем не менее ситуация, сложившаяся в Финляндии, привела к тому, что в начале ноября кабинет Кастрена был вынужден уйти в отставку². Правительственный кризис со всей очевидностью показал назревшую необходимость прихода к руководству таких политических деятелей, которые действительно являлись бы сторонниками нового курса. Известный финский государственный и политический деятель, член «мирной оппозиции», будущий президент Финляндии У. К. Кекконен в своем интервью шведской газете «Ню Даг» прямо заявил: «Я надеюсь, что новым премьер-министром будет Паасикиви... Хочу, чтобы у нас было образовано такое правительство, которое выражало бы истинное желание и нашу волю установить дружественное сотрудничество с Советским Союзом»³.

¹ 10 julkisuuden vuotta. Hels., 1955. S. 42.

² См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 296–297.

³ Цит. по: Известия. 1944, 28 окт.

Кандидатура Ю. К. Паасикиви на пост главы правительства получила широкую поддержку в политических кругах Финляндии. В результате 10 ноября представители различных фракций парламента на объединенном заседании признали необходимым рекомендовать именно его в качестве премьер-министра страны¹. В этих условиях Маннергейм был вынужден 17 ноября утвердить состав нового правительства, который ему предложил Ю. К. Паасикиви. Значительная часть кабинета в прошлом входила в «мирную оппозицию». Кроме того, впервые в истории Финляндии в правительстве была представлена Коммунистическая партия.

«Я старался, — заявил Паасикиви, — сформировать правительство таким образом, чтобы оно в возможно большей мере соответствовало политическому положению страны»². В выступлении 6 декабря 1944 г. он четко сформулировал внешнеполитическую линию правительства. «Главным и определяющим во внешней политике Финляндии, — заявил он, — является отношение нашей страны к великому восточному соседу... Мир и согласие, а также добрососедские отношения с Советским Союзом являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности»³. В результате, как отмечает профессор Х. Мейнандер, «центр власти постепенно начал смещаться от политически изолированного президента Маннергейма к правительству Паасикиви»⁴.

Действительно, создание правительства Паасикиви, выдвинувшего новую политическую программу дальнейшего развития страны, означало важный момент в жизни Финляндии. С этого времени влияние Паасикиви на общую политику страны значительно возросло. Он начал серьезно ослаблять прежнюю роль в управлении государством Маннергейма. «Хотя на посту президента все еще находился Маннергейм, — отмечал профессор О. Вехвилайнен, — он отошел на задний план, и руководство политикой перешло в надежные руки премьер-министра»⁵.

Весьма значительным событием в политической жизни Финляндии явилась также победа левых сил на парламентских выборах

¹ *Suomi J.* Urho Kekkonen 1936–1944. Myrrysmies. S. 531.

² *Vapaa Sana.* 1944, 21. 11.

³ Линия Паасикиви: Статьи и речи Ю. К. Паасикиви. 1944–1956 гг. М, 1958. С. 16.

⁴ *Meinander H.* Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. S. 265.

⁵ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 298.

19 марта 1945 г. Демократический союз народа Финляндии выступил с предвыборной программой, требовавшей искоренения фашизма в Финляндии, привлечения к судебной ответственности главных виновников войны и последовательного осуществления дружественного Советскому Союзу внешнеполитического курса. Хотя ДСНФ насчитывал в то время в своих рядах не более 30 тысяч человек¹, ему удалось объединить значительное число своих сторонников, получить почти четвертую часть всех голосов и 49 депутатских мест из 200. Это являлось убедительным показателем политических настроений, которые тогда существовали в финском обществе.

После выборов по инициативе Демократического союза народа Финляндии было достигнуто соглашение о сотрудничестве так называемых «трех больших» фракций парламента — ДСНФ, Социал-демократической партии и Аграрного союза, располагавших 148 мандатами из 200. В их совместном заявлении, принятом 13 апреля 1945 г., говорилось, что необходимо окончательно отказаться от вредной для страны внешнеполитической ориентации и установить искренние отношения с Советским Союзом.

17 апреля был сформирован новый кабинет во главе с Ю. К. Паасикиви. Из 18 министерских постов 14 принадлежало в нем представителям «трех больших» фракций, в том числе шесть министров были членами ДСНФ. Излагая программу правительства на заседании парламента, Ю. К. Паасикиви заявил, что будет сделано «все, что в его силах, для развития и укрепления отношений с Советским Союзом на базе искреннего обоюдного доверия и уважения, взаимных связей и прочной дружбы»².

Произошедшие изменения в руководстве страны привели к тому, что с этого периода начались чистки государственной полиции, а также устранение из армии тех, кто непосредственно был причастен к планированию и подготовке агрессии против Советского Союза. Все это совпадало с тем, что Германия тогда уже была полностью разгромлена и капитулировала. 9 мая 1945 г., выступая по этому поводу по радио, Ю. К. Паасикиви сказал: «Ужасающая война, бушевавшая в Европе примерно 6 лет, окончилась. В нашей части земного шара замолк лязг оружия... Народы всего земного шара ждут и надеются, что наступит

¹ Suomen Kansan Demokraattisen liiton toimintakertomus ajalta 12.10.1944 — 31.12.1945 ja alustukset liittokokoukselle 23–25 p:nä maaliskuuta 1946. Hels., 1946. S. 193.

² Valtiopäivät. 1945. Pöytäkirjat I. Istunnot 1–73. Hels., 1946. S. 45.

новая жизнь и мир между народами. И мы, финны, надеемся и ждем этого»¹.

С разгромом Третьего рейха прекратилось и официально ранее объявленное Финляндией фактическое состояние войны с Германией. Теперь страна должна была, выполняя Соглашение о перемирии, максимально переключиться на ликвидацию тяжелых последствий войны и на осуществление задач мирного развития.

В этом отношении важным стал суд над главными виновниками участия Финляндии во Второй мировой войне на стороне нацистов. Причем было бы ошибкой считать, что судебный процесс, который должен был начаться в Хельсинки, преследовал только одну цель — наказать главных финляндских виновников войны. Он должен был осудить всю прежнюю политику страны. В результате этот процесс неминуемо должен был затронуть Маннергейма. Однако, как это ни парадоксально, маршала не привлекли к суду ни в качестве главного обвиняемого, ни даже как свидетеля.

Этот судебный процесс проводился исключительно синхронно с заседаниями Нюрнбергского международного трибунала в Германии и осуществлялся параллельно с аналогичными судебными процессами в других странах, участвовавших во Второй мировой войне на стороне фашистского блока. Причем эти процессы велись непосредственно в соответствии с условиями подписанных ранее соглашений о перемирии или актом о безоговорочной капитуляции.

Однако в отношении Хельсинского процесса остается достаточно много загадок. Несмотря на то что этот судебный процесс не являлся международным, а осуществлялся сугубо финскими юристами, документы, которые отражали материалы, связанные с судебной следственной работой по подготовке этого процесса, а также самими заседаниями в Финляндии, не были в полном объеме опубликованы. Причем первые документы этого процесса были изданы еще в 1945–1946 гг.² Но основная масса источников до сих пор остается лишь достоянием архивных фондохранилищ. Характерно при этом, что широко публикуются сейчас только документы второстепенного характера, имеющие лишь косвенное отношение к самому Хельсинкскому суду³.

¹ Линия Паасикиви: Статьи и речи Ю. К. Паасикиви. 1944–1956 гг. С. 33.

² См.: Sotasyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. Hels., 1945; Sotasyllisyysjuttu. Hels., 1946.

³ См., например: Sotasyllisyuden asiakirjat. Toimittanut H. Rautkallio. Tampere, 2006. 681 s.

В результате нельзя сказать, что в исследовательской литературе существует много работ, в которых непосредственно затрагивались бы вопросы этого важного для истории Второй мировой войны процесса. В Финляндии можно выделить небольшое количество работ подобного характера¹. Тем не менее пока нет ответа, почему Советский Союз не воспользовался поражением Финляндии и в новых политических условиях не закрепил достигнутую победу². Утверждение весьма уважаемого профессора К. Рентола о маниакальном желании И. В. Сталина «поглотить Финляндию» упирается в до сих пор не объясненный никем парадокс, что к судебным заседаниям так и не был привлечен К. Г. Маннергейм. Рассуждения историка о том, что «Сталин принимал большие решения, но это не означает, что он был в состоянии контролировать их результаты»³, вероятно, не могут считаться достойным аргументом и объяснить благоприятную ситуацию, возникшую в отношении маршала в 1945 г. Нет объяснений ситуации, сложившейся вокруг Маннергейма в 1945 г., и в России.

Сейчас хорошо понятен лишь формальный механизм, при котором Маннергейм избежал наказания. Считается, что по существующим тогда финским законам маршал официально не мог быть привлечен к суду, поскольку являлся действующим президентом страны. Хотя Маннергейм занял в августе 1944 г. данный пост, как известно, без национальных выборов и без соответствия его «избрания» с законами, определенными финской конституцией. Более того, занимаемый им тогда самый высокий пост в государстве не помешал финскому маршалу накануне начала судебного процесса просто покинуть Финляндию. Президент без всяких проблем отправился 3 ноября в Португалию⁴, возложив при этом свои обязанности на премьер-министра Ю.К. Паасикиви. Он пробыл за границей достаточно продолжительное время — два месяца. Как было официально объявлено, его отъезд являлся вынужденной мерой, связанной с болезнью⁵. Но вернулся Маннергейм лишь 2 января 1946 г.

¹ *Soini Y.* *Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyyssasian vaiheet 1944–1949.* Hels., 1956; *Blinnikka A.* *Valvontakomission aika.* Porvoo, 1969 и др.

² *Tarkka J.* 13. artikla. Suomen sotasyllisyysskysymys ja liittoutuneiden sotarikospolitiikka vuosina 1944–1946. Hels., 1977; *Rentola K.* *Stalin ja Suomen kohtalo.* Hels., 2016.

³ *Rentola K.* *Stalin ja Suomen kohtalo.* S. 7.

⁴ *Mannerheim G.* *Muistelmat.* Osa II. S. 500.

⁵ *Ibidem.*

Это случилось, когда основные страсти вокруг судебного процесса стали успокаиваться и судьи уже готовились вынести окончательный обвинительный приговор.

Приговор был зачитан 21 февраля ближайшему соратнику Маннергейма, бывшему президенту республики Р. Рюти, а также его коллегам: премьер-министрам Ю. Рангелю и Э. Линкомиесу, членам правительства В. Таннеру, Ю. Рамсаю, Т. Рейникке и А. Кукконену¹. Приговор был вынесен еще и финляндскому посланнику в Германии Т. Кивимяки². К. Г. Маннергейм собственно ни разу на суде не появлялся. И здесь можно лишь с большой долей уверенности утверждать, что он внимательно наблюдал за его ходом со стороны, поскольку в документах его личного архивного фонда хранятся материалы этого процесса, которые были выполнены в форме ротапринтных отчетов о проходивших тогда заседаниях³.

Тем не менее после оглашения на процессе окончательных обвинений ведущая финская газета «Хельсингин Саномат» в передовой статье прямо отметила, что в них были приведены факты, о которых народ Финляндии не имел ни малейшего представления. Более того, в газете указывалось, что становится ясным, какую роль в вопросе о вступлении Финляндии в войну сыграл бывший главнокомандующий, то есть маршал К. Г. Маннергейм.

Действительно, при внимательном ознакомлении со статьями обвинительного заключения, состоящими из семи пунктов, можно отметить, что большая часть из них самым непосредственным образом касается военно-политической деятельности финского маршала, и он, безусловно, на процессе должен был выступать как главный обвиняемый.

Конкретно уже *в первом пункте* заключения указывалось, что обвинения вынесены именно тем, кто «позволил германским военным

¹ Суд приговорил Р. Рюти к 10 годам тюремного заключения. Далее, 6 лет тюремного заключения было определено Ю. Рангелю, а Э. Линкомиес и В. Таннер получили соответственно по 5 с половиной лет. Ю. Рамсай был приговорен к 2 годам и 6 месяцам тюрьмы, а А. Кукконен и Т. Рейникка — к 2 годам тюремного заключения.

² Т. Кивимяки был приговорен к 5 годам тюремного заключения, причем ему не были вменены общие для всех остальных подсудимых статьи обвинения. Было лишь подчеркнуто, что «судебное преследование Кивимяки пошло по-другому» и его обвинения «не соответствовали ни одному из пунктов», предъявленных другим участникам процесса (См.: *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyyksien vaiheet 1944–1949.* S. 186).

³ KA. Mannerheimin G. Kokoelma: Sotasyllisyys.

силам расположиться в стране»¹. Здесь, без сомнения, можно констатировать, что никто из находившихся на скамье подсудимых бывших государственных деятелей Финляндии не был так близок к данному обвинению², как не привлекавшийся к суду Маннергейм. Именно он непосредственно стоял у истоков начинающегося с августа 1940 г. военного сотрудничества с Германией. Причем, минуя высшие государственные структуры, принялся решать важнейшие проблемы страны, которые касались ее суверенитета. Роль маршала тогда была столь значительной, что, как известно, даже в рейхе стремились договариваться не с высшим руководством страны, а именно с Маннергеймом. Только с ним шли на достижение важных договоренностей, от которых в принципе зависела вся будущая судьба Финляндии на многие годы.

В результате подчиненные Маннергейма уже в сентябре 1940 г. стали подписывать с нацистами такие договоренности, которые позволили пропустить германские войска на финскую территорию и, более того, беспрепятственно там располагаться. Таким образом, Финляндия оказалась единственной страной в мире, которая добровольно открыла свои границы для дислокации на своей территории немецкой армии, а Маннергейм в этом нес самую большую в стране ответственность.

Далее именно военное ведомство, продолжая развивать достигнутые с Германией соглашения, принялось осуществлять все практическое военно-стратегическое планирование. Благодаря этому уже в начале 1941 г. части германской армии получили право использовать территорию Финляндии, чтобы развернуть свое наступление на мурманском направлении и в Северной Карелии. Характерно при этом, что вплоть до мая 1941 г. узкий круг политического руководства страны лишь ставился в известность о принимаемых тогда военными решениях. Весь состав финского правительства узнал о военном сотрудничестве с Германией только после сообщения об этом на специальном совещании, которое было сделано Р. Рюти 9 июня 1941 г.

¹ Sotasyllisyysjuttu. S. 18. См. также: Ленинградская правда. 1945.18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949.* S. 186.

² По этой статье обвинения проходили президент Р. Рюти, а также премьер-министр Ю. В. Рангель и министр А. Кукконен (*Sotasyllisyysjuttu. S. 18; Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949.* S. 186).

Таким образом, именно стараниями Маннергейма Финляндия оказалась «в едином строю» с Германией, а на ее территории разместились немецкая армия. И это произошло в результате осуществления вполне сознательной линии, которую проводил, прежде всего, финский маршал. В результате по первой статье обвинительного заключения он должен был первым, кого следовало осудить.

То же самое можно сказать и о *втором пункте* обвинительного заключения. Здесь осужденным выносился приговор за согласованное с Германией решение «перейти границу Советского Союза и овладеть территориями» СССР¹. Обвинили в этом четырех человек². Однако на самом деле только Маннергейм непосредственно занимался решением данного вопроса, а войска под его руководством не только перешли государственную границу с СССР, но и, естественно, развернули наступление как на ленинградском направлении, так и в Карелии. В результате финская армия оказалась всего в чуть более чем 30 км от центра Ленинграда, захватила значительную часть Советской Карелии, включая ее столицу Петрозаводск. В целом финские войска под командованием Маннергейма смогли в 1941 г. оккупировать значительную часть советской территории, что полностью соответствовало приговору, который был вынесен по второму пункту обвинительного заключения. Ни один из обвиняемых высших финских государственных деятелей большей ответственности, чем Маннергейм, за это нести не мог.

Что же касается *третьего пункта* обвинительного заключения, то он относился к утверждению, что подсудимые «повлияли своей деятельностью на объявление войны со стороны Великобритании»³. Обвиняемыми по этому пункту оказались четыре человека⁴.

Однако и здесь, если говорить объективно, единственный, кому следовало непосредственно предъявлять это обвинение, это был

¹ Sotasyllisyysjuttu. S. 19. См. также: Ленинградская правда. 1945.18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949.* S. 186.

² По этой статье обвинения проходили: президент Р. Рюти, премьер-министр Ю. В. Рангель, министры В. Таннер и А. Кукконен. См.: Sotasyllisyysjuttu. S. 19; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949.* S. 186.

³ Sotasyllisyysjuttu. S. 19. См. также: Ленинградская правда. 1945.18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949.* S. 186.

⁴ По этой статье обвинения проходили: президент Р. Рюти, премьер-министр Ю. В. Рангель, министры В. Таннер и А. Кукконен. См.: Sotasyllisyysjuttu. S. 19; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949.* S. 186.

опять Маннергейм. Именно он, как известно, на требование англичан о прекращении наступления «на чисто российские территории» ответил британскому премьеру У. Черчиллю, что «не может приостановить проведение нынешних военных операций». Только после этого Великобритания объявила войну Финляндии, а Маннергейм оказался именно тем человеком в финском руководстве, от решения которого, собственно, зависела вся дальнейшая жесткая реакция Лондона. Таким образом, только Маннергейму и по данной статье следовало предъявлять главное обвинение.

Что до *четвертого и пятого пунктов* обвинительного заключения, то они касались фактов уклонения Финляндией от миролюбивых инициатив США, которые рассматривались в Хельсинки в августе и октябре 1941 г., а также предоставления 20 марта 1943 г. Германии сведений о новых американских посреднических миролюбивых инициативах. В *шестом пункте* заключения финское руководство обвинялось еще и в срыве мирных переговоров с СССР в начале 1944 г., поскольку в Хельсинки «не уполномочили делегатов должным образом»¹. Конечно, за все эти решения К. Г. Маннергейм личной персональной ответственности нести полностью не мог. Но при этом он наряду с другими лично принимал участие в выработке соответствующих общеправительственных решений, за которые, собственно, затем были вынесены судебные приговоры. В целом, безусловно, трудно ставить в вину практически всему «узкому кругу» лиц государственного руководства Финляндии принятие решений, которые срывали возможность быстрого выхода Финляндии из войны², игнорируя при этом Маннергейма.

Не должен был избежать обвинения финский маршал и по *седьмому*, последнему, *пункту* обвинения. Он касался письменных гарантий Германии в продолжении войны, которые были ей предоставлены президентом Финляндии Р. Рюти летом 1944 г. Формально к этому пункту Маннергейм отношения персонально не имел. Более того, именно он эти письменные гарантии затем нарушил, поскольку

¹ Sotasyllisyysjuttu. S. 20. См. также: Ленинградская правда. 1945.18.11; *Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949. S. 187.*

² По этим статьям обвинения проходили: президент Р. Рюти, премьер-министры — Ю. В. Рангель и Э. Линкомиес, министры В. Таннер, А. Кукконена, Ю. Рамсай и Т. Рейникка (*Sotasyllisyysjuttu. S. 19–20; Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyysasian vaiheet 1944–1949. S. 186–187.*)

ку в августе 1944 г., став президентом страны, взял курс на выход из войны.

Но и здесь все было тоже далеко неоднозначно. Финским войскам, которые терпели в июне 1944 г. сокрушительное поражение, тогда срочно была необходима военная поддержка Германии. С это просьбой в рейх из Финляндии, как известно, обратились военные. В Берлине данным обращением постарались быстро воспользоваться, направив в Финляндию министра иностранных дел И. фон Риббентропа, который сообщил финскому руководству, что Германия сможет предоставить военную помощь, лишь имея ясные гарантии сохранения финско-немецкого сотрудничества. Маннергейм, со своей стороны, лично стал настаивать на необходимости получения немецкой военной поддержки, то есть объективно предлагал согласиться с запрашиваемыми немецкой стороной требованиями. Как по этому поводу заметил специально занимавшийся данным вопросом финский исследователь М. Йокисипиля, «соглашение Рюти — Риббентропа не появилось бы без активных действий Маннергейма»¹. Действительно, Р. Рюти дал запрашиваемые нацистами гарантии и обещал, что не заключит «мира с Советским Союзом, иначе как во взаимопонимании с Германией».

Но за всеми этим обещаниями четко просматривалась фигура Маннергейма, поскольку именно он настаивал на необходимости за счет финляндского суверенитета получить немецкую военную помощь. Причем даже ближайший к Маннергейму генерал Э. Хейнрикс считал, что в тот момент немецкие «требования о соглашении нужно холодно отвергнуть»². Впоследствии в воспоминаниях о Маннергейме он прямо заметил, что «соглашение только лишь скомпрометировало нашу политику военного времени и многократно возложило бремя личной ответственности на президента и главнокомандующего»³. Более того, уже после окончания войны Э. Хейнрикс, часто встречаясь с Маннергеймом, даже заметил, что тогда маршал «никогда не чувствовал себя свободным... когда Рюти страдал в качестве заключенного “за то содеянное, за которое следовало нести ответственность ему”»⁴.

¹ *Jokisipiulä M. Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Hels., 2004. S. 341.*

² *Ibid.* 331.

³ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. S. 382.*

⁴ *Ibid.* S. 452.

В результате, понимая свою причастность к пакту Рюти — Риббентроп, Маннергейм впоследствии, в мемуарах, как бы извинился за содеянное прямо перед Рюти. Он написал: «Видимо, не нужно говорить, что мне претило подталкивать президента на меру, из-за которой через некоторое время ему пришлось отказаться от своего поста»¹. Но дело было сделано. Поэтому и по седьмому пункту обвинительного заключения он должен был разделить с Р. Рюти, Э. Линкомиесом, Ю. Рамсаем и Т. Рейниккой скамью подсудимых². Но никаких обвинений и здесь Маннергейму на процессе предъявлено не было.

В конечном итоге мы видим, что по всем пунктам обвинительного заключения Маннергейм должен был предстать перед судом. И в данном случае, несомненно, пора поставить все-таки единственный, но вполне обоснованный вопрос: почему все же Маннергейму не выдвинули никаких обвинений, а на Хельсинкский процесс его даже не пригласили?

Аргументированного ответа на него до сих пор в полном объеме пока нет. Бесспорным является то, что здесь многое зависело от позиции советского руководства. Очевидно, что в Москве, решая не способствовать возбуждению дела против финского маршала, руководствовались рядом как объективных, так и субъективных причин, которые вывели финского маршала из числа главных обвиняемых.

Прежде всего, известно, что у Советского Союза существовал к Финляндии несомненный геополитический интерес. Москва стремилась добиться превращения этой страны в союзника. Данная стратегическая линия просматривалась уже с середины 1930-х гг. Но никак не решалась... Более того, не пойдя в 1944 г. на захват территории Финляндии, Советский Союз вынужден был учитывать внутреннее положение в этой стране. Таким образом, в Москве стали искать, а затем должны были сделать соответствующую ставку на те политические силы, которые смогли бы поддерживать, а затем и реализовать главную стратегическую линию СССР.

При этом самыми подходящими в данном случае являлись представители левых политических группировок, прежде всего коммуни-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 451.

² *Sotasyyllisyyssjuttu.* S. 20; *Soini Y.* Kuin Pietari hiilivalkealla. *Sotasyyllisyyasian vaiheet 1944–1949.* S. 187.

сты. Они могли стать реальной политической силой, которая объективно выступила бы за тесные союзные отношения с СССР. Но влияние коммунистов в Финляндии могло только в дальнейшем набрать должную силу¹. Причем, несомненно, серьезным ударом по коммунистическому движению стала попытка создания в ходе «зимней войны» финского «народного правительства»². Это, безусловно, подорвало авторитет в финском обществе КПФ, создавая весьма узкий коридор для усиления через них влияния Москвы на Финляндию.

С другой стороны, в СССР могли не обратить внимания на существующий в Финляндии очевидный политический вес, который сохранился у Маннергейма. Он реально мог объединить население. Подобную позицию в финском обществе не имел тогда никто из политических деятелей. К тому же большую роль в судьбе Маннергейма сыграл тогда премьер-министр Ю. К. Паасикиви. Он пользовался доверием советского руководства, но при этом поддерживал финского маршала. Паасикиви понимал, что без общественного влияния Маннергейма трудно будет осуществлять серьезные политические изменения в стране³.

Тем не менее, принимая данное положение, следует отметить, что важной оставалась и собственная политическая позиция маршала. А она менялась в сторону сотрудничества с СССР. В результате, опираясь на президентский авторитет Маннергейма⁴, Паасикиви уже осенью 1944 г. включил коммунистов в состав своего правительства. Маннергейм пошел еще дальше и подписал распоряжение о закрытии ряда близких ему по духу организаций, включая финскую «белую гвардию» — шюцкор, с которой он одержал в 1918 г. победу в гражданской войне. И наконец, являясь всю предшествующую жизнь ненавистником большевиков, он 10 ноября 1944 г. лично поздравил советское руководство с 27-й годовщиной Октябрьской ре-

¹ См.: Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 123–124; *Смирнов В.* Финляндия // Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. М., 1962. С. 656–659; *Барышников В. Н.* Антивоенное движение в Финляндии в 1941–1944 гг. // Вопросы истории европейского севера. Межвузовский сборник, Петрозаводск, 1984. С. 92–101; *Барышников В. Н.* Развитие антивоенного движения в Финляндии в 1941–1944 гг. и его этапы // Клио. 1999. № 3 (9).

² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.-Хельсинки, 2003.

³ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. S. 38.

⁴ См.: *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 185.

волюции. Все это, по крайней мере, говорило о том, что Маннергейм стал вполне «управляемым», то есть готовым к поддержке весьма непопулярных, прежде всего для него самого, действий в интересах Советского Союза.

Самым главным являлось то, что сейчас пытаются не замечать некоторые исследователи, когда утверждают, что «Сталин распорядился не трогать маршала из пиетета к его личности и заслугам»¹. На самом деле Маннергейм, трезво оценивая складывающуюся ситуацию, пытался реально учитывать геополитические интересы СССР. Об этом он в узком кругу руководства страны уже говорил в октябре 1944 г., заявляя, что «наша внешняя политика не должна идти против России»². Эти изменения в позиции Маннергейма, очевидно, почувствовали в Москве.

Наиболее отчетливо новая тенденция проявилась у маршала в январе 1945 г. Тогда Маннергейм лично предложил советскому руководству заключить договор, который представлял собой соглашение о военно-политическом союзе двух государств. То есть то, к чему СССР безуспешно стремился в отношениях с Финляндией начиная со второй половины 1930-х гг. На переговорах с А. А. Ждановым, проходивших в Хельсинки два дня, 18 и 22 января, Маннергейм письменно, собственноручно, на русском языке вывел первую статью предлагаемого договора³. Дословно он написал: «В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкуче, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами»⁴.

¹ Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 324.

² J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. S. 38.

³ См.: *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa III. Porvoo-Hels.-Juva, 1981. S. 59.

⁴ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. S. 92. См. факсимильную копию данного текста в кн.: *Tervasmäki V.* Mannerheim — valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtissa. Hämeenlinna, 1987. S. 177.

Полный текст договора, предложенный Маннергеймом для его обсуждения советским руководством:

«Желая, в случае направленной против их стран в послевоенное время агрессии, согласовать между собою меры противодействия таковой агрессии, а равно желая обеспечить постоянную дружбу и послевоенное мирное сотрудничество между собою, решили с этой целью заключить нижеследующий договор:

Причем парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что фактически аналогичные формулировки были в договоре, который советское руководство заключило с «финским народным правительством» О. В. Куусенена в 1939 г.¹ Более того, аналогичные формулировки затем легли в основу Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан Финляндией в 1948 г. в Москве². Таким образом, Маннергейм оказался отличным стратегом, который отбросил свои прежние убеждения, постаравшись максимально учесть реальные цели Советского Союза. Именно это, как представляется, стало определяющим в отношениях Москвы к будущей судьбе этого человека.

**Сравнительная таблица военных статей договора, предложенных
К. Г. Маннергеймом в 1945 г., и советско-финляндских договоров
1939 и 1948 гг.**

Предложения Маннергейма, 1945 г.	Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой, 1939 г.	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, 1948 г.
----------------------------------	---	---

Статья I.

В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкуче, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывают друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Статья II: Высокие Договаривающиеся Стороны, учитывая интересы безопасности каждой из них, соглашаются на тесное и дружественное сотрудничество в период после восстановления мира и действовать в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела другого государства. Они соглашаются развивать в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны.

Статья III. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции направленных против Другой Высокой Договаривающейся Стороны (J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944 — 24.4.1949. S. 92).

¹ См.: Известия. 1939. 3 дек.

² Советско-финляндские отношения 1948–1983 гг. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 6–8.

<p><i>Статья I</i> В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкуче, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.</p>	<p><i>Статья III</i> Советский Союз и Финляндская Демократическая Республика обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию, а также в случае нападения или угрозы нападения через территорию Финляндии на Советский Союз со стороны любой европейской державы.</p>	<p><i>Статья I</i> В случае, если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии, станут объектом военной агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства, Финляндия, верная своему долгу самостоятельного государства, будет сражаться для отражения агрессии. Финляндия направит при этом все имеющиеся в ее распоряжении силы на защиту неприкосновенности своей территории на суше, на море и в воздухе, действуя в пределах своих границ в соответствии со своими обязательствами по настоящему договору, при помощи, в случае необходимости, Советского Союза или вместе с ним. В указанных выше случаях Советский Союз окажет Финляндии необходимую помощь, о предоставлении которой стороны договора будут друг с другом.</p>
---	---	--

Показательно, что подобную позицию К. Г. Маннергейма оценили тогда даже финские коммунисты. Они, серьезно пострадавшие от политики Маннергейма в предшествовавший период, уже весной 1945 г. начали признавать заслуги стареющего маршала. Министр внутренних дел, коммунист Ю. Лейно, в частности, 1 апреля прямо указал премьер-министру Ю. К. Паасикиви на то, что именно «Маннергейм вывел Финляндию из войны, и это такая заслуга, которая позволяет его оставить в стороне», намекая, очевидно, на надвигающееся наказание всех тех, кто привели Финляндию к войне. При этом он также подчеркнул, что в дальнейшем все «зависит от него самого, что он сделает»¹.

¹ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. S. 130. См. также: *Rentola K. Stalin ja Suomen kohtalo. S 138.*

А далее Маннергейм действительно стал статистом, никаким образом не препятствуя принятию в Финляндии закона о наказании виновников вовлечения страны в войну. В целом в Москве поняли, что большего от Маннергейма добиться будет очень сложно. Но главное уже было сделано. Поэтому, понимая всю неоднозначность политического положения Маннергейма, советское руководство решило позволить ему накануне начала судебного процесса 3 ноября 1945 г. покинуть Финляндию. Неслучайно перед началом этого процесса, 8 октября, на встрече в Кремле с финской делегацией в области культуры И. В. Сталин подчеркнул, что «не должно быть чувства мести в отношениях между народами»¹, и даже решил выразить «признательность Маннергейму»².

Но объективно дело заключалась далеко не в «признательности» или отказе от «мести». Как указывал в своих воспоминаниях резидент советской разведки в Финляндии Е. Т. Сеницын, позиция руководства СССР выражалась в том, чтобы *позволить* Маннергейму *самому лично осудить «своих соучастников»*. Что, собственно, и произошло. При этом в процитированных Сеницыным словах И. В. Сталина о будущем маршала явно отсутствовала какая-либо «признательность». Более того, советский лидер вполне резонно заметил: «Во время суда Маннергейм неизбежно будет неоднократно упоминаться как повинный в приказах по армии и за сговор с немцами о вступлении Финляндии в войну на стороне фашистской Германии. Тогда народ Финляндии примет отставку Маннергейма с облегчением»³. Иными словами, в Кремле решили использовать его авторитет в переходный период, но затем его участие в управлении государством уже не предполагалось.

Так, собственно, и произошло. Маршал появился в Финляндии, когда судебный процесс завершился. А после того как он закончился и были вынесены обвинительные приговоры всем бывшим коллегам Маннергейма по руководству страной, всего через десять дней, 4 марта 1946 г. он подал в отставку⁴. Таким образом закончилась государственная карьера этого человека. Ему оставалось теперь только писать

¹ Цит. по: *Helo J. Vaiennettuja ihmisiä. Tapahtumia toisen maailmansodan ja jälkeisenä aikakautena.* Hels., 1965. S. 115.

² *Lehmus K. Kolme kriisiä.* S. 244.

³ Цит. по: *Сеницын Е.* Резидент свидетельствует. С. 237.

⁴ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II.* S. 502–504.

мемуары, находясь вдалеке от Финляндии, в Швейцарии в курортном местечке Монтрё, где он проживал еще чуть более пяти лет.

Таким образом, человек, который был ответственным практически по всем статьям обвинительного заключения по делу финских виновников войны, избежал прямого наказания. «Гибкость» Маннергейма в отношении СССР, проявленная им в 1944–1945 гг., тем не менее не может скрыть историческую правду. Блокада Ленинграда, геноцид русского населения в Карелии, гибель тысяч советских военнопленных, а также все те десятки тысячи человеческих жизней, которые были брошены к алтарю создания «великой Финляндии», не должны, конечно, быть оправданы тем, что К. Г. Маннергейма не судили так, как судили всех его единомышленников. Но здесь, очевидно, должен состояться суд истории и исторической правды...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно в Советском Союзе Карл Густав Эмиль Маннергейм представлялся в качестве одного из наиболее одиозных персонажей финской истории, одного из наиболее коварных и опасных врагов СССР. Это было вполне естественным, поскольку негативное к нему отношение складывалось задолго до начала Второй мировой войны. «Другом» Советской России он действительно никогда не был, и вся его государственная деятельность в Финляндии, несомненно, была направлена на борьбу с соседним государством. При этом его противостояние Советской России претерпевало очевидные этапы, которые находились в зависимости от того положения, которое Маннергейм занимал в финском обществе и государстве.

В любом случае не вызывает никакого сомнения, что вся сознательная жизнь первого и единственного маршала Финляндии была очень тесно связана с Россией. И именно Россия очень многое дала Маннергейму. Именно здесь у него сформировались навыки незаурядного военного и политического деятеля. В Петербурге Маннергейм получил военное образование и до окончательного отъезда в Финляндию активно вращался в близких к высшему свету Российской империи кругах. Причем в этой среде у него не было условий для формирования русофобских настроений. Но и русофилом Маннергейм, как показала вся его дальнейшая жизнь, тоже не стал. Он служил в меру своих способностей царской России, однако для него родиной оставалась только Финляндия.

В результате с обретением Финляндией независимости и окончательным переездом на свою историческую родину у Маннергейма начинает формироваться совершенно новый личный подход и отношение к России. Он, естественно, никоим образом не поддержал революцию и приход к власти большевиков, которые, собственно,

признали независимость его страны. Но при этом Маннергейм, интегрируясь целиком и полностью в политическую и государственную жизнь Финляндии, перестал осознавать себя генералом русской армии. Поэтому он не принял активного участия в русском Белом движении. Для него вся его будущая жизнь была исключительно связана только с Финляндией и ее будущим.

Эта трансформация, несомненно, предполагала неизбежность борьбы и противостояния с Советским Союзом. Но не как эмигранта или «белого генерала», а в качестве одного из видных военных и государственных деятелей Финляндии. Уже в 1918 г. Маннергейм стал главнокомандующим войсками «белой» Финляндии, и именно в это время началась его реальная борьба с Советской Россией. Тогда он уже думал, прежде всего, о будущем Финляндии как независимом от России государстве. Вплоть до возможности присоединения к Финляндии российских территорий, а также создания на руинах Российской империи «великой Финляндии».

Тем не менее сказать, что победа в финской гражданской войне явилась его личным успехом, все же нельзя. Ее итог был определен военной помощью, которая была оказана финскому белому движению со стороны германской армии. Причем само его обращение к немецкому военному командованию за соответствующей поддержкой позволяет понять то, что уже тогда Маннергейм готов был ради определенных результатов пожертвовать своими принципами и не вспоминать о прежней службе в русской армии, об орденах за участие в «германской войне».

Тем не менее утвердиться в независимой Финляндии в качестве ее руководителя у Маннергейма, однако, тоже не получилось. Он дважды за достаточно короткий отрезок времени — 1918–1919 гг. вынужден был отойти от власти. Один раз после «своей победы» в финской гражданской войне, поскольку при немецком военном контроле в новой Финляндии Маннергейму просто не нашлось соответствующего места, а в другой раз после поражения на первых президентских выборах, когда он после должности регента так и не стал выбранным президентом республики. Население Финляндии предпочло либерального политического деятеля, а не «белого генерала». Единственное, в данный отрезок времени он завоевал определенный авторитет и влияние у части финского общества. Прежде всего у тех, кто активно участвовал в гражданской войне на стороне «белых». Кроме того, благодаря участию в финской гражданской войне о существовании Маннергейма

как «бравого белого генерала» сразу же узнали многие, и он буквально за полгода превратился в человека, известного в остальном мире.

Причем в Советской России его имя стали отождествлять, прежде всего, с организованным в Финляндии белым террором, которого эта страна не знала на протяжении всей своей истории. Этот террор был направлен как против «красных финнов», так и против русского населения, проживавшего тогда в Финляндии, что также «заметили». Более того, начавшийся финский белый террор стал одним из наглядных аргументов, использованных большевиками для развертывания широких репрессий в отношении «белых» уже в России.

В целом тогда явно обозначилась многовекторность или многоликость будущего финского маршала. Некоторые продолжали еще видеть в нем «друга белой России», но другие все больше убеждались, что защита «интересов Финляндии» у него перевешивала все иные чувства и эмоции. Таким образом, период становления Финляндии в качестве независимого государства совпал с оформлением представлений о Маннергейме как об одном из лидеров этой страны, которого, однако, только периодически допускали до власти. Его отношение к Советской России было ярко враждебным. Но в интересах своей страны Маннергейм был готов отступить от определенных прежних своих принципов, что наиболее ярко проявилось в его обращении за помощью к кайзеровской Германии в решающий момент гражданской войны.

Следующий этап, когда Маннергейм вернулся во власть, наступил только спустя более десяти лет, в начале 1930-х гг. Связано это было во многом с усилением праворадикальных настроений в финском обществе, где на волне антикоммунизма и так называемого лапуаского движения о нем опять «вспомнили». Показательно, что в данный период позиции Маннергейма в финском руководстве серьезно окрепли. Став маршалом и возглавив Совет обороны, он постепенно превратился в одну из ключевых фигур в определении перспектив дальнейшего военно-политического развития Финляндии. Более того, в этот период Маннергейм уже полностью и официально поддерживал руководство Финляндии и ту политику, которую тогда проводили.

В результате можно говорить, что лишь в первой половине 1930-х гг. Маннергейм полностью интегрировался с высшим руководством страны, и с данного момента принимаемые в высших сферах власти Финляндии решения стали все больше связываться с его именем. В данной ситуации финляндско-советские отношения во многом

уже зависели от той позиции, которую по тому или иному вопросу занимал Маннергейм. При этом представления Маннергейма о Советском Союзе тоже изменились. Они оставались ярко выраженными негативными, но, с другой стороны, Маннергейм уже почувствовал, что СССР стал превращаться в мощную державу. Это уже не предполагало возможности строительства на руинах соседнего государства «великой Финляндии». Но одновременно маршал фиксировал нарастающее усиление международной напряженности в Европе. Поэтому его главная забота заключалась тогда в стремлении к усилению финских вооруженных сил, рассматривая одновременно «новую Германию» как своеобразный противовес Советскому Союзу. В любом случае в представлениях Маннергейма СССР оставался, как и раньше, главным и основным противником Финляндии. Именно борьба с Советским Союзом в государственной деятельности финского марша оставалась центральной.

В данной ситуации, на базе продолжающегося противостояния развитию финско-советских отношений и укрепления военного сотрудничества с Германией, маршал начал набирать политический вес. Это подкреплялось нарастающей значимостью и его военного ведомства. В конечном итоге уже к концу 1938 г. роль Маннергейма в решении вопросов безопасности страны, несомненно, усилилась. К его позиции стали относиться с еще большим вниманием, хотя конкретно к проблемам текущих советско-финляндских отношений он пока не привлекался.

Тем не менее накануне начала Второй мировой войны позиции Маннергейма в руководстве страны стали настолько прочными, что он уже принялся решать проблемы Совета обороны путем предъявления правительству соответствующих ультиматумов. Однако не всегда его взгляды на вопросы внешней политики и политики безопасности находили поддержку в руководстве страны. Это особенно проявилось накануне «зимней войны». Маршал очень опасался этой войны и пытался уже заглаживать те противоречия, которые к этому моменту реально существовали. Тем не менее с начала советско-финляндской войны роль Маннергейма в решении вопросов управления государством стала стремительно усиливаться. В целом для маршала «зимняя война» оказалась важным жизненным рубежом. С этого периода его имя стало известно абсолютно во всем мире. Финская армия смогла выдержать мощный удар советских войск, что, несомненно, укрепило его авторитет как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, в это

время стало окончательно ясно, что маршал полностью простился с царским периодом своей жизни. Он уже реально боролся не только с Советской Россией, но и никоим образом не хотел какой-либо реставрации прежнего сильного русского государства. Идеи создания марионеточного русского правительства, а также попытка использовать украинских националистов полностью подтверждали его стремление добиться возможного развала соседнего с Финляндией государства.

Но наиболее явно данные тенденции в представлениях Маннергейма проявились после окончания «зимней войны». Тогда уничтожение Советского Союза стало главной целью его деятельности, поскольку он направил финскую внешнюю политику строго в кильватерный строй агрессивных замыслов нацистской Германии. При этом именно тогда окончательно его власть в Финляндии достигла кульминации. В результате он мог себе позволить принимать такие решения, от которых уже зависело все дальнейшее развитие Финляндии. Именно благодаря его представлениям, без всяких условий и обязательств, немецкие войска осенью 1940 г. были допущены на территорию суверенной Финляндии. Это делалось без согласия парламента, большинства членов правительства и даже президента. А единственной целью появления немецких войск в Финляндии стала подготовка новой войны с СССР. Сама же эта война готовилась не столько для того, чтобы вернуть утраченные ранее финские территории, а с тем, чтобы вместе с Германией и ее союзниками развалить соседнее государство. Причем на руинах СССР Маннергейм стремился опять, как и в 1918–1919 гг., построить будущую «великую Финляндию». В результате финские войска приняли участие в сентябре 1941 г. в попытке вместе с немецкой армией захватить Ленинград, а затем исправно держали блокадное кольцо вокруг города. В этом отношении, несомненно, маршал несет персональную ответственность за гибель миллионов жителей города.

Но ярче всего идея создания «великой Финляндии» проявилась в захвате в 1941 г. значительной части территории Советской Карелии. Реализуя этот проект, Маннергейм вообще здесь приказал «русское население заключать под стражу и переправлять в концентрационные лагеря». В результате в Карелии финская армия осуществляла жесткие этнические чистки, которые, безусловно, легли в будущем мрачным пятном на образ финского маршала.

В целом истинное отношение Маннергейма к Советскому Союзу сохранялось до того момента, пока в войне не произошел коренной

перелом и Германия не стала проигрывать одно сражение за другим. Провал с идеей создания «великой Финляндии» потребовал от маршала срочных новых решений и выхода Финляндии из войны. Но, добиваясь этого, по возможности сохранить занятые до этого советские территории. Только после серьезного поражения финских войск на Карельском перешейке и в Карелии Финляндия согласилась с советскими условиями перемирия и 19 сентября 1944 г. вышла из войны на стороне нацистской Германии. К этому времени Маннергейм стал президентом, превратившись в высшего государственного и военного руководителя государства. В итоге история распорядилась так, что маршал, занимая долгое время ключевые позиции в финском руководстве, только на завершающей стадии войны «вышел из тени».

В результате финал жизни Маннергейма оказался парадоксальным. С одной стороны, он только летом 1944 г. возглавил свое государство и таким образом достиг вершины власти. Но, с другой, именно тогда он вынужден был отказываться от прежних своих убеждений и начать выстраивать новые советско-финляндские отношения, предложив руководству СССР военно-политический договор о сотрудничестве.

Это, безусловно, было крахом всей прежней концепции этого человека в его представлениях о Советском Союзе. Тогда Маннергейм полностью отстранился или даже отрекся от всех своих прежних союзников или единомышленников, начиная со шюцкора, белой гвардии, с которой он пришел к победе в гражданской войне, и заканчивая своим «узким кругом» руководства страны, с которым он управлял Финляндией во Второй мировой войне. Шюцкор тогда запретили, а его коллеги по государственной службе отправились на скамью подсудимых в качестве обвиняемых по делу о главных виновниках участия Финляндии в войне на стороне нацистской Германии. Сам же Маннергейм уже в ноябре 1944 г. поздравил советское руководство с очередной годовщиной победы Октябрьской революции — революции, которая в корне поменяла его судьбу и с итогами которой Маннергейм всю свою жизнь стремился бороться. Маннергейм тогда просто выразил «искреннее желание финского народа укреплять прочные и дружественные, на обоюдном доверии основанные, добрососедские отношения Финляндии с ее великим соседом».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Айро А. — 285–287
Александр I — 12
Арапов Н. У. — 13
Арапова А. Н. — 13
Архангельский А. П. — 141
Асмус Э. А. — 89
Бажанов Б. Г. — 142, 143
Бек-Фриис Х. — 308
Бергер Г. — 171, 323
Берия Л. П. — 118
Блюхер В. фон — 79, 81, 95, 116, 199, 208, 244, 314, 315, 327
Борн Э. — 166, 171
Брюк А. фон — 99
Брюммерт Р. — 127
Вайнио В. — 326
Валленберг М. — 268
Вальден Р. — 146, 150, 159, 163, 167, 170, 171, 174, 207, 251, 271, 310
Варес В. — 49
Васара В.-Т. — 111
Вегнер Б. — 212–214
Вейссауер Л. — 161
Велтъенс Ё. — 161–163
Венескари — 294, 295
Веригин С. Г. — 231, 233–235
Вехвилайнен О. — 316, 338
Вилкуна К. — 217, 220
Вильянен Т. В. — 291
Виттинг Р. — 79, 159, 171, 180, 200, 202
Вихавайнен Т. — 22, 157
Войонмаа В. — 208, 241, 254, 311
Вольф К. Ф. О. — 215
Ворошилов К. Е. — 91, 94, 124, 147
Вуоримаа А. — 84, 95
Галифакс Э. — 104
Гальдер Ф. — 112, 113, 160, 168, 170, 174, 205, 210, 211, 214
Гамелен М. — 145
Ганеваль Ж. — 145, 147
Геринг Г. — 82, 84, 85, 94, 95, 153, 162, 163, 167–169, 186, 214
Геуст К.-Ф. — 141
Гиммлер Г. — 215, 261, 323–325
Гинденбург П. фон — 93
Гитлер А. — 78, 79, 81, 82, 85, 93, 97, 98, 102, 103, 113, 153, 160, 161, 164, 168, 169, 173, 174, 177, 180, 193, 202, 204, 206, 209–216, 218, 255, 257, 261, 262, 274, 277, 296, 298–300, 310, 313–315, 318, 319, 324, 329, 330, 335
Говоров Л. А. — 292
Гольц Р. фон дер — 46, 47, 49, 99
Грёнроос К. Ю. — 26, 27
Грипенберг Г. А. — 217, 308, 316
Густав V — 269
Дарлан Ф. — 148
Деканозов В. Г. — 273
Деникин А. И. — 46
Деревянский В. К. — 111
Дзержинский Ф. Э. — 51
Дитрих Й. — 212
Доннер Г. — 249
Евстигнеев П. П. — 183
Егоров А. И. — 91
Ескилайнен Х. — 58
Жданов А. А. — 334, 349
Жуков Г. К. — 11, 183
Индман К. — 21
Йодль А. — 173, 174, 205, 206, 212, 261, 325
Йокинен — 295
Йокипии М. — 170, 181
Йокисипила М. — 346
Йонас М. — 325
Иоффе Э. — 219
Ирьё-Коскинен А. — 117, 118, 272
Итяля Ю. — 326
Каллио К. — 90, 92, 107, 108, 131, 133, 159, 163, 166, 167
Канарис В. — 112, 116, 245

- Кастрен У. Ю. — 337
 Каяндер А. — 90, 108, 120, 132
 Квислинг В. — 323
 Кейтель В. — 174, 204, 212, 214, 216, 314–316
 Кекконен У. К. — 293, 312, 337
 Кемппи А. А. — 294, 295
 Кеннон Д. — 258
 Керенский А. Ф. — 139, 140
 Кивимяки Т. — 79, 89, 101, 153, 163, 171, 186, 245, 261, 342
 Клинге М. — 9, 19, 41
 Коллонтай А. М. — 264–268, 273, 298, 308, 309, 316
 Колчак А. В. — 46, 68
 Корхонен К. — 110
 Котилайнен В. А. — 222, 223
 Кука — 292, 293
 Кукконен А. — 342–345
 Куломаа Ю. — 224, 230
 Куусенен О. В. — 32, 52, 54, 59, 128, 138, 350
 Кууссаари Э. — 284
 Кякёнен У. А. — 126, 285
 Лаатикайнен Т. — 290
 Леги У. Д. — 259, 260
 Лееб В. Р. фон — 199, 203
 Лейно Ю. — 351
 Ленин В. И. — 21, 22, 59–61, 182
 Лехмус К. — 229, 243, 267, 298
 Линг К. — 146, 147, 149, 152
 Линкомиес Э. — 122, 123, 250–252, 257, 260, 267, 270, 274, 276, 282, 290, 300, 312, 342, 345, 347
 Литвинов М. М. — 90, 91, 109
 Лобанова Д. Р. — 50
 Лукандер — 292
 Лундин Ч. — 175
 Луукканен А. — 23
 Людендорф Э. фон — 46, 49
 Мак-Клинтон Р. — 251, 256
 Малмберг Л. — 94
 Маннергейм К. Г. — 9–17, 23–29, 31–49, 55, 57–60, 62–71, 73–88, 91–117, 120–127, 130–157, 159–181, 184–230, 233, 234, 236, 237, 239, 241–249, 251–269, 271, 274–281, 284–290, 292, 293, 295–303, 305–325, 327–338, 340–359
 Маннергейм К. Э. — 12
 Маннинен О. — 39, 223, 278, 303
 Манштейн Э. — 215
 Мартола А. Е. — 94, 151, 180
 Маурер Х. — 99
 Мейндандер Х. — 62, 79, 180, 200, 212, 220, 240–242, 265, 275, 282, 286, 308, 309, 312, 338
 Меландер Л. — 116
 Менгер М. — 42, 44, 83, 95, 98, 111, 323, 325, 331
 Мерецков К. А. — 305, 334
 Мери В. — 15, 24, 57, 77, 105, 132, 159, 213
 Миккола А. — 53
 Молотов В. М. — 113, 117, 118, 147, 148, 250, 273
 Морозов К. А. — 232
 Муссолини Б. — 212, 257
 Невалайнен П. — 28
 Никишев Д. Н. — 183
 Николай II — 13
 Ниукканен Ю. — 120, 123, 249
 Нихтиля В. К. — 293, 294
 Новиков А. А. — 182–184
 Окс — 165
 Олейников Г. А. — 198
 Пааволайнен О. — 244, 333
 Паасикиви Ю. К. — 118, 123, 125, 126, 140, 265, 268, 272–274, 276, 299, 312, 313, 337–339, 341, 348, 351
 Паасонен А. — 148, 245–248
 Пакаслаhti А. — 139
 Пальм Т. — 273
 Петен А. Ф. — 149
 Петр I Великий — 68, 155
 Пиэтола Э. — 235, 237, 239, 242
 Полвинен Т. — 265
 Похьянпало Т. — 258
 Пурома — 293
 Пурьо Ю. — 330
 Рамсай Х. — 251–256, 264, 299, 309, 342, 345, 347
 Рангель Ю. — 171, 185, 218, 342–345
 Ратьковский И. С. — 51
 Рахья Э. — 31
 Рахья Ю. — 31
 Рейникка Т. — 249, 251, 342, 345, 347
 Рендулич Л. — 317, 319, 325, 332–335
 Рентола К. — 341
 Риббентроп И. фон — 254, 261, 299, 300, 312, 327, 346, 347
 Рузвельт Ф. Д. — 191
 Руси А. — 179, 192, 256, 259, 264, 266
 Рыбкин Б. А., см. *Ярцев Б. Н.*

- Рюти Р. — 134, 140, 148, 150, 158, 159, 161, 163, 167, 170, 171, 177, 185, 198, 213, 218, 221, 248, 249, 251, 255, 257, 262, 265–267, 275, 276, 299, 300, 310, 312–314, 342–347
- Салминен Е. — 208
- Свенссон А. — 294
- Свечников М. С. — 32–41, 43, 46–48
- Свинхувуд П. Э. — 19, 20, 23, 35, 60, 64, 75, 76, 79, 84, 90, 92, 275
- Селён К. — 84–86, 105, 121, 125
- Сеппинен И. — 127
- Сеппяля Х. — 38, 181, 185, 206, 212, 218, 233, 276, 281, 282, 289, 291
- Сийласвуо Я. — 331, 334
- Синицын Е. Т. — 352
- Смилга И. — 16, 19, 20, 22, 23, 31, 60, 61
- Смирнов В. М. — 39
- Смолин А. В. — 17
- Сноу Т. М. — 93
- Сойкканен Х. — 261
- Сталин И. В. — 11, 98, 99, 100, 105, 118, 119, 128, 137, 142, 147, 191, 217, 250, 251, 264–266, 285, 303, 308, 309, 320, 341, 349, 352
- Стивен М. К. — 165
- Стэндли У. — 250, 251, 254
- Стольберг К. — 68, 69
- Сюкияйнен И. И. — 33
- Тайми А. — 48
- Талвела П. — 164, 165, 167–169, 174–176, 186, 211, 215, 216, 245, 248, 324, 325
- Таннер В. — 101, 122, 125, 139, 140, 148, 150, 154, 159, 251, 253, 261, 262, 310, 342, 344, 345
- Тервасмяки В. — 311
- Троцкий Л. Д. — 59, 140
- Туртола М. — 81
- Удовиченко А. И. — 144
- Урицкий С. П. — 86
- Фабрициус Й. К. — 326
- Форстрем П. — 326
- Фосс И. — 329
- Фрич К. О. — 72, 122, 166, 210
- Фролов Д. Д. — 231, 232, 236, 237, 239
- Хаапалайнен Э. — 37, 39
- Хааhti У. С. — 328
- Хакцель А. — 89, 144, 312, 318–321
- Халсти В. Х. — 301, 306
- Хаупт В. — 200
- Хейнрикс Э. — 43, 45, 47, 125, 154, 165, 170, 173, 174, 210, 211, 215, 216, 221, 247, 279, 280, 286–288, 296, 309, 315, 346
- Хеланен В. В. П. — 326
- Хельтер Х. — 333
- Хентия С. — 57
- Холодковский В. М. — 32, 38, 42, 54
- Холсти Р. — 90–92, 94, 95, 100, 105, 108
- Хэлл К. — 227, 260
- Хюнинен П. Ю. — 309
- Чемберлен Н. — 150
- Чернов В. М. — 140
- Черчилль У. — 228, 250, 345
- Шелленберг В. — 326
- Шернер Ф. — 313
- Шоенфельд А. — 203
- Штейн Б. Е. — 107–110
- Штумпф — 212
- Шульгин А. Я. — 144
- Эквист Х. — 112, 211, 216
- Энкель К. — 272, 274, 321
- Энкель О. — 149
- Эркко Э. — 107–111, 118, 120, 122, 123, 125, 133, 134, 235, 249, 309
- Эрфурт В. — 177, 179, 187, 188, 190, 191, 194–196, 198, 200–203, 205–207, 228, 274, 286, 287, 296, 300–302, 306, 309, 311, 313–315, 318–320, 327, 328, 332
- Эссен Н. О. — 291
- Эстерман Х. — 97, 98, 134, 151
- Эш К. Л. — 147, 288
- Юденич Н. Н. — 46, 67, 68
- Юликангас Х. — 34
- Ягершельд С. — 68, 70, 75, 76, 79, 81, 101, 107, 109, 124
- Ярцев Б. Н. (наст. фам. Рыбкин Б. А.) — 98–103

БИБЛИОГРАФИЯ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ФОНДЫ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)

Секретариат наркома иностранных дел. Ф. 06

Референтура НКВД по Финляндии. Ф. 0135.

Архив Президента Российской Федерации (Москва)

Документы личного архива И. В. Сталина. Ф. 45.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург)

Главный морской штаб, оперативное управление. Ф. Р-1877

Морской генеральный штаб. Ф. Р-342

Разведывательный отдел штаба КБФ. Ф. Р-1883

Штаб КБФ. Ф. Р-92

Российский государственный военный архив (Москва)

Главное оперативное управление. Ф. 37977

Секретариат наркома обороны. Ф. 33987

Оперативное управление Ленинградского военного округа. Ф. 2588

Управление Северо-Западного фронта. Ф. 349810

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

Коллекция документов А. А. Жданова. Ф. 77

Коллекция документов О. В. Куусинена. Ф. 522

ФОНДЫ ФИНЛЯНДСКИХ АРХИВОВ

Kansallisarkisto (Helsinki) (Национальный архив)

G. Mannerheimin kokoelma. 612.

G. Mannerheimin kokoelma. 611.

G. Mannerheimin kokoelma. 125.

G. Mannerheimin kokoelma. 606

G. Mannerheimin kokoelma. Sotasyllisyys.

R. Holstin kokoelma.

A.K. Tudeerin kokoelma.

Sota-arkisto (Helsinki) (Военный архив)

Päämaja.

Kenraali Heinrichsin kokoelma.

Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki) (Архив Министерства иностранных дел)

5 C 1; 5 C 5; 5 C 18; 5 D.

7 E

12 L / 25; 12 K.

109. A 1; A 2; A 4; A 8; A 6; A 11; B 1; C 2e; C 2b; C 4; C 6a.

L // 34

G 1e

C 8a; C 2b.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Внешняя политика СССР: Сб. документов: в 6 т. Т. I–IV. М., 1945–1946.

Гальдер Ф. Военный дневник: в 3 т. М., 1968, 1969, 1971.

Год кризиса 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. М., 1990.

Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах // сост. Л. В. Власов, М. А. Власова. СПб., 2008.

Документы внешней политики СССР: в 22 т. М., 1957–1992.

Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии: исследования, документы, комментарии: к 70-летию советско-финляндской войны. М., 2009.

Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005.

Маннергейм. Российский офицер. Маршал Финляндии. Каталог выставки. СПб., 2005.

«Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...». РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахметьевского архива Колумбийского университета, США) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997.

Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: в 7 т. Т. 2. М., 1958.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М., 1976.

По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Петрозаводск, 1995.

Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком 1924–1953 // Исторический архив. 1995. № 2, 3, 4, 5/6.

Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939–1940 годов // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 22.

Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сб. документов. М., 2017.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945: сб. документов: в 6 т. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1984. С. 312.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945: сб. документов: в 6 т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945: сб. документов: в 6 т. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 95.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984.

Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000.

Фролов Д. Д. Из истории зимней войны 1939–1940 гг.: сб. документов. Петрозаводск, 1999.

Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сб. документов: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998.

Documents on German Foreign Policy. Ser C. Vol. II–III. London, 1959–1962; Ser. D. Vol V–VIII. London; Washington, 1953, 1954, 1956, 1957; Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. VIII.

Finland 1917–1918. In the Documents of the US Department of State. Wrocław, 2007.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. Washington, 1963.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Vol. III. Washington, 1965.

Puhtain ase. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918–1944. Hels., 1970.

Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939–1944. Lahti, 1967

Sotasyllisyyden asiakirjat. Tampere, 2006.

Sotasyllisyysjuttu. Hels., 1946.

Sotasyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. Hels., 1945.

Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion ääniä arkistosta koonnut Paavo Rintala. Hels., 1966.

Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma. Hels., 1937.

Suomen Kommunistinen puolue. Puoluekokouseten ja keskikomitean plenumien päätöksiä Osa I. Leningrad, 1935.

Valtiopäivät 1930–1939. Asiakirjat. Hels., 1931–1940.

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997.

Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.

Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Л. В. Ланник. СПб., 2015.

Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940: в 2 т. М., 2001.

Коллонтай В. М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 8. М., 2015.

Лоренц Э. Г. Коллонтай в Швеции // Новая и Новейшая история. 1966. № 1.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968.

Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение 1941–1944. СПб., 2004.

- Петров И. М. (Тойво Вяя).* Красные финны. Воспоминания. Петрозаводск, 1970.
- Рендулич Л.* Управление войсками. М., 1974.
- Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. М.; Пг., 1923.
- Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996.
- Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
- Тайми А. П.* Страницы пережитого. М., 1956.
- Тойкка Э.* Сквозь грозные годы. Петрозаводск, 1980.
- Щеглов Г. И.* Три года в концлагерях Финляндии. СПб., 2002.
- Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. М., 2005.
- Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. Porvoo-Hels., 1951.
- Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Os. I–II. Porvoo-Hels., 1956.
- Erfurt W.* Muurmannin radan ongelma. Hels., 1952.
- Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Hels., 1954.
- Erkko E.* Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009.
- Friesch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels, 1945.
- Gripenberg G. A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. Suomalaisen diplomaatin muistelmia. Porvoo, 1960.
- Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I, II. Hels., 1957, 1959.
- Holstin R.* muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51–52.
- Hölter H.* Armee in der Arktis. Bad Nauheim, 1953.
- J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944 — 24.4.1949.* Porvoo-Hels.-Juva, 1985.
- Kakönen U. A.* Sotilasasialnichenä Moskovassa 1939. Keuruu, 1966.
- Kivimäki T. M.* Suomalaisen politiikon muistemat. Porvoo, 1965.
- Käkönen U. A.* Miehytyksen varalta. Päämajan tiedustelua 1943–45. Hels., 1970.
- Lehmus K.* Kolme kriisia. Hels.-Tapiolla, 1972.
- Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. Helsinki, 1967.
- Linkomies E.* Vaieka aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Hels., 1970.
- Mannerheim G.* Muistemat. Osa I–II. Hels., 1951, 1952 (рус. изд.: *Маннергейм К. Г.* Воспоминания. М., 2015; *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999; 2000; 2003; 2004; 2011; 2014 и др.).
- Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Keuruu, 1973.
- Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo, 1951.
- Oesch K. L.* Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944. Hels., 1956.

Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Osa I–II. Porvoo, 1958.

Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Hels. 1974.

Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. Hels., 1960.

Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen naytelma. Porvoo; Hels., 1970.

Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. Hels., 2006.

Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. Jyväskylä, 2017.

Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I–II. Jyväskylä, 1976, 1977.

Tanner V. Kahden maailmansodan välissä. Muistelmia 20- ja 30-luvulta. Hels., 1966.

Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1950. (англ. изд.: *Tanner V.* The Winter War. Finland against Russia. 1939–1940. Standford, 1957;

рус. изд.: *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940 / пер. В. Д. Кайдалова. М., 2003).

Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. Hels., 1952.

Tuompo W. E. Päiväkirjani 1941–1944. Porvoo-Hels., 1969.

Viilkuna K. Sanan valvonta. Hels., 1962.

Voionmaa V. Kuriiripostia 1941–1946. Hels., 1971.

РЕЧИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПЕРЕПИСКА, ПУБЛИЦИСТИКА

Барышников В., Мошник О. Карл Густав Маннергейм // Лица Войны. М., 2018.

Власов Л. В. «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!». СПб., 2010.

Власов Л. В. Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003.

Власов Л. В. Долгий путь финского маршала. СПб., 2010.

Власов Л. В. Женщины в судьбе Маннергейма. М., 2005.

Власов Л. В. Маннергейм. М., 2005.

Власов Л. В. Петербург в судьбе Маннергейма. СПб., 2000.

Власов Л., Власова М. Густав Маннергейм и белая эмиграция. СПб., 2008.

Власов Л., Власова М. Маннергейм и Польша. СПб., 2005.

Катая С. Террор буржуазии в Финляндии. Пг., 1919.

Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. М., 1975.

Клинге А. Маннергейм и блокада: Запретная правда о финском маршале. М., 2017.

Куусинен О. В. Избранные произведения (1918–1964). М., 1966.

Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). Петроград, 1919.

Майзель М. Страницы из революционной истории финляндского пролетариата. Л., 1928.

Пиетаринен К. И. Финляндия и ее вооруженные силы М., 1931.

Романов П. Финляндия и ее армия. М., 1937.

Савицкий В. Два маршала, или враги союзники // Знание и общество. 2007. № 1.

Akateemisen Karjala-Seuran vuosikertomukset 1932–39. Hels., 1933–40.

Auer V., Jutikkala E. Filmlands Lebensraum. Berlin. 1941.

Donner K. Fältmarskalken friherre Mannerheim. Hels., 1934.

Härkenen I. Alkutyä Karjalan heimouden herättämiseksi. Hels., 1924.

Itä-Karjala. Hels., 1934.

Jackson J. H. Finland. London, 1938.

Karjalan akateemisen seuran. Hels., 1937.

Kaukoranta T. Itä-Karjalan vapaudentie. Hels., 1944.

Kuusi M. Maanpuolustuksemme kolmas rintama; AKS:n tie 1938. Hels., 1938.

Mannerheim. Puheet 1918–1947. Hels., 2008.

Manninen T. Mannerheim oli Stalinin suojahti // *Ilta-Sanommat*, 1992, 3.4.

[*Paasikivi J. K.*] *Paasikiven linja. II. Juho Kusti Paasikiven puheita ja esitelmiä vuosilta 1923–1942.* Porvoo, 1956. (рус. изд.: *Линия Паасикиви: Статьи и речи Ю. К. Паасикиви / пер. с фин. Е. И. Самокрасова и М. Н. Стрельцова; предисл. А. И. Маркушевича. 1944–1956 гг. М., 1958).*

ИСТОРИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

Книги

Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2003.

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.-Хельсинки, 2002. (фин. изд.: *Baryšnikov N. I.* Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944. Hels.-Pietari, 2003; англ. изд.: *Baryshnikov N. I.* Finland and the siege of Leningrad 1941–1944. Hels.; SPb., 2005).

Барышников Н. И. Маннергейм без ретуши 1940–1944. СПб-Хельсинки, 2004 (англ. изд.: *Baryshnikov N. I.* Mannerheim without the mask 1940–1944. Hels.; SPb., 2005).

Барышников Н. И. На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007.

Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010.

Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.-Хельсинки, 2003.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. (фин. изд.: *Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia.* Jyväskylä, 1997).

История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 3. М., 1974.

История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.

Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А. Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. СПб., 2017.

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1984.

Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969.

Коронен М. М. В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1977.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на северо-западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004.

Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997.

Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983.

Невалайнен П. Исход. Финская эмиграция из России 1917–1939. СПб., 2005.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

Носков А. М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.

Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941–1942 годов. СПб., 2000.

От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

Ратьковский И. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017.

Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962.

Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки-СПб., 2009. С. 135.

Хаунт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М., 2005.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М., 1975.

Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.

Шкваров А. Г. Генерал-лейтенант Маннергейм. СПб., 2005.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки, 2013.

Arimo R. Suomen linnoittamisen historia 1918–1944. Keuruu, 1984.

Carlgrén W. M. Svensk utrikespolitik 1939–1945. Stockholm, 1973.

Eskelinen H. Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69. Hels., 1970.

Halsti W. Aika vaatii veronsa. Hels., 1974.

Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja. Hels., 2001.

Hirvikallio P. Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919–1950. Porvoo; Hels., 1958.

Huldén A. Finnlands deutsches Königsabenteuer 1918. Reinbek, 1997.

Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939.

Hyyönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. Hels., 1957.

Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Hels., 2002.

Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987.

Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. Hels., 1968.

Jokisipiulä M. Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Hels., 2004.

Jonas M. Kolmannen valtakunnan lähettiläs. Wipert von Blücher ja Suomi. Juva, 2010.

Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Keuruu, 1973.

Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. Hels., 1981.

- Jägerskjöld S.* Mannerheim 1867–1951. Keuruu, 1984.
- Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Hels., 1961.
- Kansakunnan historia. Osa VI. Porvoo-Hels., 1968.
- Kansakunta sodassa. Osa I–III. Hels., 1989, 1990, 1992.
- Ketola E.* Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Hels., 1987.
- Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan. Suomi neuvostodiplomatiasaa Tartosta talvisotaan. Osa I. Hels., 1966.
- Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomen neuvosto diplomatiassa Tartosta talvisotaan. Osa II. 1933–1939. Hels., 1971.
- Kotirintama 1941–1944. Hels., 1972.
- Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauha ajan historia. Porvoo-Hels.,-Juva, 1989.
- Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Hels., 1989 (пер. на рус. яз.: *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска. Петрозаводск, 2006).
- Kuussaari E. Niitemaa V.* Suomen sota vv. 1941–1945. Hels., 1948.
- Lappalainen J. T.* Punakaartin sota. Osa 1–2. Hels., 1981.
- Lehén T.* Punaisten ja valkoisten sota. Hels., 1967.
- Lenin ja Suomi. Osa II. Hels., 1989.
- Lundin C. L.* Finland in the Second World War. Broomington, 1957 (фин. изд.: *Lundin C. L.* Suomi toisessa maailmansodassa. Jyväskylä, 1961).
- Maninen O.* Suur-Suomen ääriviivat. Kysymystulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan — politiikassa 1941. Hels., 1980.
- Manninen O.* The Soviet plans for the North Western the Operations in 1939–1944. Hels., 2004.
- Mazaur A.* Finland between East and West. Princeton, 1956.
- Meinander H.* Finland 1944. Krig, samhälle, känslolandskap. Hels., 2009 (перевод на рус. яз.: *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроение. М., 2014).
- Meinander H.* Gustaf Mannerheim — aristokraatti sarkatakissa. Hels., 2017 (рус. изд.: *Мейнандер Х.* Густав Маннергейм. Аристократ в суконном мундире. М., 2020).
- Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.
- Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972 (англ. изд.: *Nevakivi J.* Appeal that Was Never Made. London, 1976).
- Nevakivi J.* Ystävistä vihollisiksi. Suomi Englannin politiikassa 1940–1941. Hels., 1976.
- Peltovuori R. O.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975.

Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. II: Teheranista Jaltaan. Porvoo-Hels.-Juva, 1980.

Polvinen T. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. I: Barbarossasta Teheraniin. 1941–1943. Hels., 1979.

Polvinen T. Suomi suurvaltojen politiikassa 1941–1944. Porvoo-Hels., 1964.

Ranki K. Lukeva Mannerheim. Poimintoja Marsalkan kirjastosta. Hels., 2013.

Reimaa M. Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3 – 20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtojen edessä. Keuruu, 1979.

Rentola K. Stalin ja Suomen kohtalo. Hels., 2016 (рус. изд.: *Рентола К.* Сталин и судьбы Финляндии. М., 2020).

Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982.

Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. Hels., 1982.

Salminen E. Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Hels., 1976.

Salomaa M. Punaupseerit. Porvoo; Hels.; Juva, 1992.

Screen J. E. O. Mannerheim. Hels., 2001.

Sélen K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Keurull, 1980.

Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. Hels., 1983.

Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974.

Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. Hels.-Pietari, 2003.

Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984.

Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1969.

Soikkanen T. Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisullus? Ulko- ja sisäpolitiikan linjat ja vuorovaikutus Suomessa vuosina 1933–1939. Juva, 1984.

Soini Y. Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyllisyyssasian vaiheet 1944–1949. Hels., 1956.

Suomela J. Rajantakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918–1940. Hels., 2001.

Suomen historia. Osa VII. Espoo, 1987.

Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa I. Hels., 1921.

Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. Hels., 1923.

Suomi J. Mannerheim — Viimeinen kortti? Ylipäällikkö-presidentti. Hels., 2013.

Suomi J. Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitiikassa 1937–1939. Hels., 1973.

Suomi J. Urho Kekkonen 1936–1944. Myrrysmies. Keuruu, 1986.

Talvisodan historia. Os. I–IV. Porvoo, 1977–1979.

Tervasmäki V. Mannerheim — valtiomies ja sotapäällikkö talvi ja jatkosotien käännekohtissa. Hämeenlinna. 1987.

Turtola M. Mannerheim. Hels., 2016.

Turtola M. Torniojelta Rajajoille. Suomen ja Ruotsin salainen yhteistoiminta Neuvostoliiton hyökkäyksen varalle vuosina 1923–1940. Juva; Porvoo, 1984.

Wahlbäck K. Mannerheimista Kekkoseen Suomen politiikan päälinjoja. — 1917–1967. Porvoo; Hels. 1968.

Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Hels., 2018.

Vehviläinen O. Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933–1934. Porvoo, 1966.

Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? Hels., 2007.

Viitala H. M. Rauhanoppositio. Tutkimus poliittisesta oppositiosta Suomessa vuosina 1940–1944. Hels., 1969..

Научные статьи

Барышников В. Н. Возникновение и крах в Финляндии в 1940 г. «Общества мира и дружбы с СССР» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2013. № 11.

Барышников В. Н. Дипломат Б. Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2015. № 15.

Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004.

Барышников В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эркко»? // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2011. № 7.

Барышников В. Н. К вопросу о планировании советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.-Vaduz- Liechtenstein, 1997.

Барышников В. Н. К вопросу об определенных причинах поражения советских войск в сражении за Выборг в августе 1941 года // Карельский перешейк. Страницы истории. Кн. первая. СПб., 2017.

Барышников В. Н. К истории начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: пограничный инцидент у деревни Майнила // Петербургская историческая школа. Альманах. Третий год выпуска. СПб., 2004.

Барышников В. Н. К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.): Петербургские Кареевские чтения по новистике: [сб. трудов конференции] (Санкт-Петербург, 22–25 апреля 1997 г.). СПб., 1999.

Барышников В. Н. К. Г. Маннергейм и Хельсинкский процесс над главными виновниками участия Финляндии во Второй мировой войне // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке. СПб., 2020.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. 2019. № 20 (1).

Барышников В. Н. Маннергейм и проблема начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.). Витебск, 2018.

Барышников В. Н. Маршал К. Г. Маннергейм и «русская народная армия»: от идеи создания до начала ее формирования (1939–1940 гг.) // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти. СПб., 2020.

Барышников В. Н. Маршал К. Г. Маннергейм и наступление советских войск в июне 1944 г. на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 21 (1).

Барышников В. Н. О германских планах 1942–1945 гг. совершения государственного переворота в Финляндии // Мнемон. Вып. 12. СПб., 2013.

Барышников В. Н. Победа контрреволюции в Финляндии в 1918 г. и ее значение для политики большевиков в Советской России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2020. № 22 (1–2).

Барышников В. Н. Почему в 1946 г. К. Г. Э. Маннергейм не был осужден как «главный военный преступник»? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2017. № 17 (1).

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002.

Барышников В. Н. Радиоразведка Финляндии и Зимняя война 1939–1940 годов // Защита информации. INSIDE. 2018. № 5.

Барышников В. Н. Советское наступление в июне 1944 года глазами финских солдат // Война в зеркале историко-культурной традиции: От антич-

ности до Нового времени: материалы международной российско-немецкой научной конференции. СПб., 2012.

Барышников В. Н. Угроза советской оккупации Финляндии в 1935 г. и полпред в Хельсинки Э. А. Асмус // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2017. № 17 (1).

Барышников В. Н. Финляндия и Советский Союз: К вопросу об обстоятельствах и времени принятия в СССР решения о начале войны против Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2016. Вып. 2.

Барышников В. Н. Эволюция во взглядах Советского Союза на финляндско-германские связи в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2001. Вып. 1 (№ 2).

Барышников В. Н. Эволюция во взглядах Советского Союза на финско-германские связи в 1920–1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2001. Вып. 1 (№ 1).

Барышников Н. И. Битва за Ленинград в исследованиях Хельге Сеппяля // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда в концепциях финских историков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004.

Барышников Н. И. Блокада по-фински (рецензия на книгу: Helge Seppälä. Leningradin saarto 1941–1944) // Ulkopoliitikka. 2004. Vol. 1. № 1.

Барышников Н. И. Военно-политическая обстановка после взятия советскими войсками Выборга (конец июля — первая половина сентября 1944 г.) // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

Барышников Н. И. К вопросу о «стратегических границах» Финляндии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999.

Барышников Н. И. К. Энкель — первый представитель независимой Финляндии в Петрограде // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1996.

Барышников Н. И. К читателю. В. Эрфурт. Финская война 1941–1944 гг. М., 2005.

Барышников Н. И. Линия Маннергейма в отношении Ленинграда // История Петербурга. 2007. № 3 (37).

Барышников Н. И. Маннергейм — каким он был летом и осенью 1941 г. // Север. 2001. № 1.

Барышников Н. И. Маннергейм и блокада Ленинграда // Петербургские чтения 98–99: материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999.

Барышников Н. И. Маннергейм и Геринг: плоды сближения и сотрудничества // Петербургская историческая школа. Альманах. Третий год выпуска. СПб., 2004.

Барышников Н. И. Маннергейм — каким он был летом и осенью 1941 года // Север. 2001. № 3.

Барышников Н. И. Мифы финской историографии о «войне-продолжении» // 1941 год: СССР — Финляндия. СПб., 2003.

Барышников Н. И. Неудавшаяся попытка перекрыть ленинградскую Дорогу жизни в 1942 г. // История России: исследования и размышления: сборник статей к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Валентина Михайловича Ковальчука. СПб., 2006.

Барышников Н. И. Не хотел маршал или не мог? // История Петербурга. 2006. № 4 (32).

Барышников Н. И. О встрече финского генерала Э. Хейнрикса с А. Гитлером в Берлине в 1942 г. // Россия и Финляндия в XX веке. СПб-Vaduz-Liechtenstein, 1997.

Барышников Н. И. О действиях войск Северного фронта в начале войны // Военная мысль. 1992. № 2.

Барышников Н. И. Отношение Финляндии к операции «Нордлихт» // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2001.

Барышников Н. И. Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003.

Барышников Н. И. Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006.

Барышников Н. И. Роль Маннергейма в размещении немецких войск на территории Финляндии в 1940–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германского договора 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006.

Барышников Н. И. Судьба Ленинграда на карте финляндского руководства (1941–1942 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007.

Барышников Н. И. Тайные визиты А. Гитлера в Финляндию и К. Г. Маннергейма в Германию в июне 1942 г. // Новая и Новейшая история. 2007. № 3.

Барышников Н. И. Финские историки о политических аспектах битвы за Ленинград // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография. СПб., 2005.

Барышников Н. И. Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8.

Вайну Х. Блокада Ленинграда и Финляндия // Скандинавский сборник. XVII. Таллинн, 1972.

Вайну Х. Из истории «большой стратегии» правителей Финляндии в первой половине 1941 г. // Скандинавский сборник. XV. Таллинн, 1970.

Вайну Х. Многоликий Маннергейм // Новая и Новейшая история. 1997. № 5.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2010. № 4.

Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1.

Вуколов Н. Банкир, который помирил нас с финнами: (М. Валленберг) // Эхо планеты. 1996. № 4.

Геуст К.-Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб., 2006.

Гнетнев К., Леонтьев П. Советские военнопленные в Финляндии в 1941–1944 годах // Север. 1989. № 6.

Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5.

Ерофеев В. И. В советском посольстве в Швеции. 1942–1944 гг. // Новая и Новейшая история. 1996. № 1.

Клинге М. Густав Маннергейм (1867–1951). Президент республики, регент, маршал Финляндии // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004.

Комаров А. А. Выход Финляндии из Второй мировой войны (По материалам Архива внешней политики России МИД России) // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1995.

Макуров В. Г. Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

Макуров В. Г. Наступательные операции советских войск на Карельском фронте и освобождение Карелии от оккупации в 1944 г. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Петрозаводск, 2001.

Маннинен О. Маршал Маннергейм и причины войны // Север. 1992. № 11–12.

Маттизен Э., Ходьбе А. Об участии финляндских добровольцев в антисоветской интервенции в Эстонии (1918–1919 гг.) // Скандинавский сборник. XXIII. Таллинн, 1978.

Мельтюхов М. И. «Народный фронт» для Финляндии? (К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией 1939–1940 гг.) // Отечественная история. 1993. № 3.

Менгер М. О значении Финляндии для военного руководства Германии во Второй мировой войне // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991.

Менгер М. Цели и результаты политики Германии в отношении Финляндии перед Второй мировой войной // Скандинавский сборник. XXIII. Таллинн, 1978.

Невакиви Ю. Финляндия и план «Барбаросса» // Война и политика 1939–1941. М., 1999.

Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990. № 12.

Саллинен А., Леонтьев П. Узники финского лагеря № 11 // Север. 1990. № 10–11.

Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2011. № 7.

Тамми Э. Почему Выборг не собирались удерживать в 1944 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008.

Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944 // Политическая история Финляндии. М., 2010.

Aalto P. Ulkoministeri Ramsayn matka Berliiniin maaliskuussa 1943 // Historiallinen Aikakauskirja. 1982. № 3.

Ahto S. Ajatuksia talvisodasta // Sotilasaikakauslehti. 1985. № 2.

Ahto S. Mannerheim sodan johtajana // Historiallinen Arkisto. 1986. № 88.

Arimo R. Vapaussodan päämajasta talvisodan päämajaa // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11.

Baryshnikov N. I. The Soviet-Finnish War of 1939–1940 // The Soviet Union and Second World War. Soviet Studies in History. Winter, 1990–91. Vol. 29. № 3.

Baryshnikov N. I. Mannerheim ja Göring // Ulkopoliitiikka. 2005. Vo 2. № 2.

Baryshnikov N. I. Neuvostoliiton ja Suomen keskinäisen turvallisuusongelmien ratkaisemiseen // Historiallinen Arkisto. 1991. № 95.

Baryshnikov N. I. Suomen irtautuminen toisesta maailman sodasta // Historiallinen Arkisto. 1983. № 80.

Baryshnikov N. I. Was There any Threat to Leningrad from the North in 1941? // The Journal of Slavic Military Studies. 2001. № 3.

Baryshnikov V. N., Borisenko V. N. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3.

Baryshnikov V. C. G. Mannerheim and the Question of Forming a «Russian Government» in 1939–1940 // Ulkopoliitiikka. 2004. Vol. 1. № 2.

Baryshnikov V. Varför blev Mannerheim inte dömd som främsta krigsansvarig 1946? // Kungl Krigsvetenskapsakademiens (KKRVAS) Handlingar och Tidskrift. 2021. № 2. S. 199–210.

Gtust C.-F. General Vlasov's army — the Finnish connection // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2017. № 17 (2).

Jakobson M. Mannerheim ja Suomen tie sotaan // Kanava. 1976. № 2.

Jokipii M. Himmlerin Suomen — matka v. 1942 // Historiallinen Arkisto. 1962. № 5.

Jokipii M. Mannerheim ja saksalaiset // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2004. № 23.

Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2006. № 25.

Julkunen M. Myytti Saksan vaikutusvallasta Suomessa 1930-luvun lopulla // Historiallinen Aikakauskirja. 1989. № 3.

Kiljunen K. Epäluottamusta luottamukseen — Suomen linja 1941–1947 // Ulkopolitiikka, 1982. № 2.

Kulomaa J. Rintamakarkuruus jatkosodan hyökköysvaiheissa v. 1941 // Historiallinen Aikakauskirja. 1979. № 4.

Kulomaa J. Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // Historiallinen Arkisto. 1986. № 88.

Laaksonen L. Mannerheimin ja hänen kenraaliensa henkilösuhteet kesän 1944 taisteluissa // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2005. № 24.

Manninen O. Mannerheim torjui vlasovilaise Suomesta // Sotilasaikakauslehti, 1994. № 4.

Manninen O. Ryti ja kauttakulkusopimus // Historiallinen Aikakauskirja. 1979. № 1.

Menger M. «Herbstmanöver» oder Krieg? Zur Vertreibung der faschistischen Truppen aus Nordfinnland 1944 // Nordeuropa Studien. Beiheft 8. Greifswald, 1979.

Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstand Front im Jahre 1944 // Bulletin des Arbeitskeises “Zweiter Weltkrieg”. 1983. № 3–4.

Menger M. Zur Bedeutung für die faschistische Kriegswirtschaft // Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums. Greifswald, 1975.

Mikola K. J. Kenraali vaikuttajana takana ja komentajana edessä // Historiallinen Aikakauskirja. 1977. № 1.

Mikola K. J. Vapaussota // Oman maan puolustaminen. Porvoo-Hels., 1964.

Mikola K. J. Vuosien 1940–1941 suomalais-saksalaisen yhteistoiminnan tarkoituksien ja muotojen tarkastelua // Taide ja Ase. 1976. № 25.

Nikkilä A. Historian tausta ja sen puutteesta // Kanava. 2003. № 3.

Oesch K. L. Talvisotaa edeltäneet neuvottelut Moskovassa ja Suomen puolustusvalmius // Taide ja Ase. 1960. № 18.

Salokangas R. Itsenäinen tasavalta // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo-Hels.-Juva, 1987.

Salomaa M. Terijoen hallituksen mysteeri // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 1.

Selén K. Mannerheimin toinen tuleminen // Valvoja. 1967. № 2.

Selén K. The main lives of Finnish security policy between the World War // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62.

Soikkanen H. Sota-ajan valtioneuvosto // Valtioneuvoston historia. 1917–1966. Osa II. Hels., 1976.

Tervasmäki V. Mannerheim rauhantekijä presidenttinä // Taide ja Ase. 1983. № 41.

Tervasmäki V. Miten linnoitusrakennus joukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia // Turun Historiallinen Arkisto. 1976. № 31.

Wegner B. Hitlers Besuch in Finnland. Das geheime Tonprotokoll seiner Unterredung mit Mannerheim am 4. Juni 1942 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1993. № 1. S. 122.

Vehviläinen O. Finland's Withdrawal from the Second World War // Revue Internationale d'Histoire Militaire, 1985. № 62.

Vehviläinen O. Isännät ja aseveljet: Suomalaisen hallinnon ja saksalaisen sotaväen suhteista 1940–1944 // Historiallinen Arkisto. 1984. № 82.

Vehviläinen O. Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta // Historiallinen Arkisto. 1983. № 80.

Vihavainen T. Leningradin turvaaminen stalinismin näkökulmasta // Kanava. 1989. № 6.

Vuorenmaa A. Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland Soviet Winter War 1939–1940 // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62. P. 75.

Vuorenmaa A. Finland's Defence Forces: the Years of Construction 1918–1939 // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово. <i>Вероника Крашенинникова</i>	3
Предисловие	9
ГЛАВА I. БАРОН МАННЕРГЕЙМ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ФИНЛЯНДИИ	15
Провозглашение независимости и начало революции в Финляндии	15
Финская гражданская война, Советская Россия и Маннергейм	25
«Победа» Маннергейма и белый террор	49
Маннергейм с императорской властью	62
Глава II. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МАРШАЛ МАННЕРГЕЙМ	72
Председатель Совета обороны	72
Проблема военной безопасности в советско-финляндских отношениях конца 1930-х гг.	87
Маннергейм перед началом «зимней войны»	115
Советско-финляндская война и «русское народное правительство»	132
ГЛАВА III. МАННЕРГЕЙМ В ВОЕННОМ СОЮЗЕ С ГИТЛЕРОМ ПРОТИВ СССР	157
К вершине влияния: роль Маннергейма в подготовке новой войны	157
Маннергейм в битве за Ленинград	178
Станет ли Финляндия «великой»?	217
На перепутье: Маннергейм как политик	244
Маннергейм — «победа в противостоянии»?	278

ГЛАВА IV. ПРЕЗИДЕНТ К. Г. МАННЕРГЕЙМ	305
Маннергейм становится президентом. Финляндия выходит из войны	305
«Заговор» против Маннергейма и война против немцев	322
Неожиданный финал	335
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	354
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	360
БИБЛИОГРАФИЯ	363

В. Н. Барышников

МАННЕРГЕЙМ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Художественное оформление *В. В. Забковой*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*
Корректор *Л. А. Куртова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 11.08.2021
Формат 165×235 мм. Печ. л. 24
Тираж 1000 экз. Заказ № 5290-21

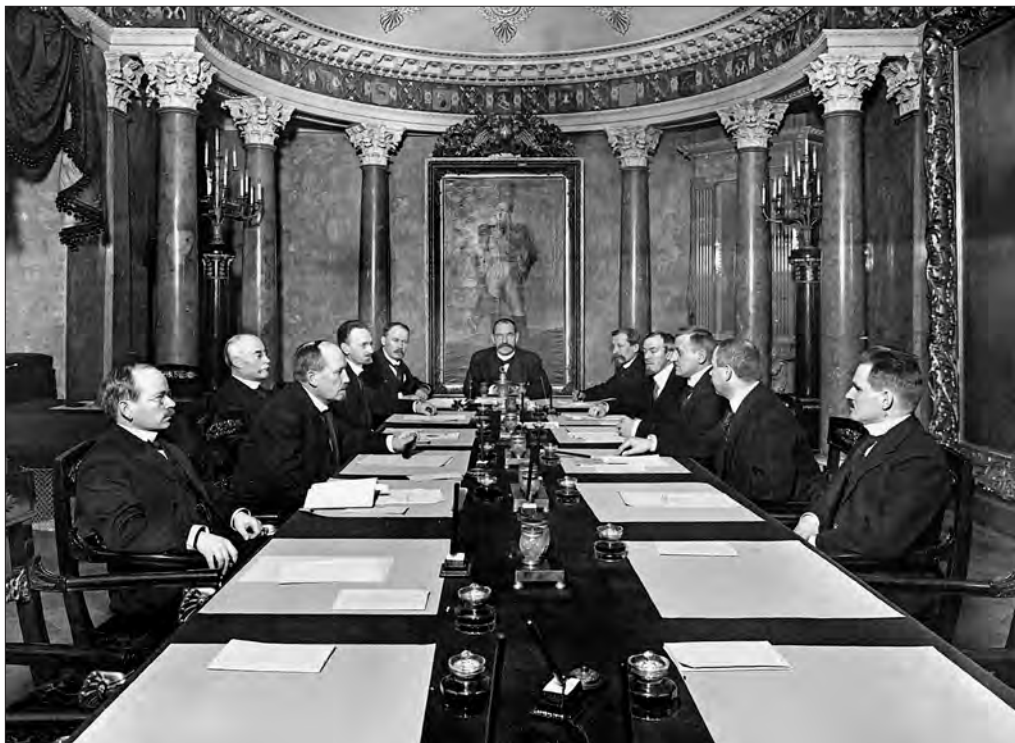
ISBN 978-5-907171-47-3

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

К. Г. Маннергейм. С 7 января 1918 г. Маннергейм участвовал в заседаниях Военного комитета при правительстве Финляндии

Заседание правительства независимой Финляндии, сформированного 27 ноября 1917 г., под председательством П. Э. Свинхувуда

Декрет о признании независимости
Финляндии 18 (31) декабря 1917 г.

Карикатура, отражающая отношение зарубежных стран к провозглашению независимости Финляндии. Под карикатурой текст: «Рождество 1917 года: «Добро пожаловать, маленькая Финляндия. Рассчитывай на свои собственные силы, а мы за тобой согласны присмотреть»»

Карикатура на тему борьбы за независимость Финляндии

Председатель Областного исполкома
армии, флота и рабочих Финляндии
И. Смилга

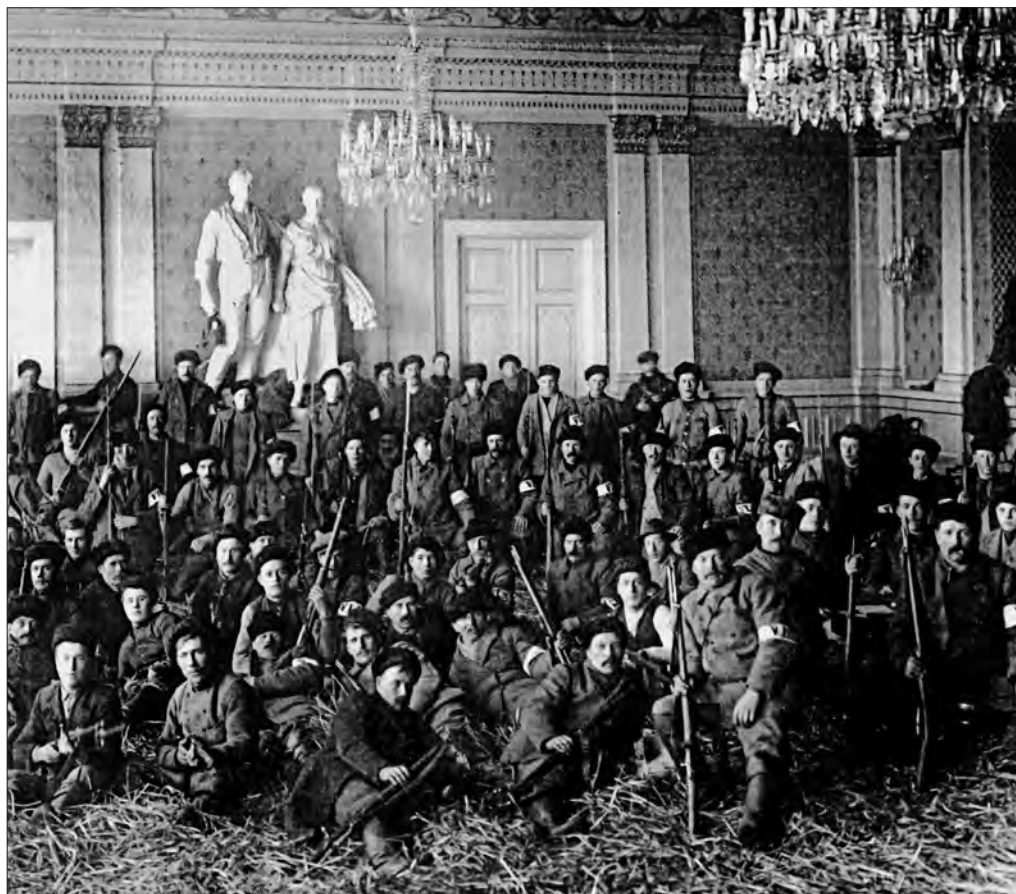
Плакат финских «красных».
Надпись гласит: «Воля народа —
высший закон»

М. С. Свечников

Главнокомандующий всеми
вооруженными силами «красной»
Финляндии Э. Хаапалайнен

Отряд шюцкора в помещении мэрии города Ваза, 1918 г.

Отряд финской красной гвардии, 1918 г.

К. Г. Маннергейм в районе Таммерфорса, 1918 г.
Художник Э. Ярнефельт, 1933 г.

К. Г. Маннергейм перед строем проходящих обучение бойцов финской белой армии

Р. фон дер Гольц,
командир германского экспедиционного
корпуса в Финляндии в 1918 г.

Немецкие войска у памятника русской
императрице Александре Фёдоровне
на Торговой площади Гельсинфорса, 1918 г.

Парад победы
«белых»
в гражданской войне
в столице Финляндии
16 мая 1918 г.

Жители Выборга,
арестованные после
взятия города войсками
финской белой армии,
1918 г.

Бывшие русские казармы в Финляндии использовались в качестве лагерей
для содержания заключенных красногвардейцев

Регент Республики К. Г. Маннергейм
в своем рабочем кабинете

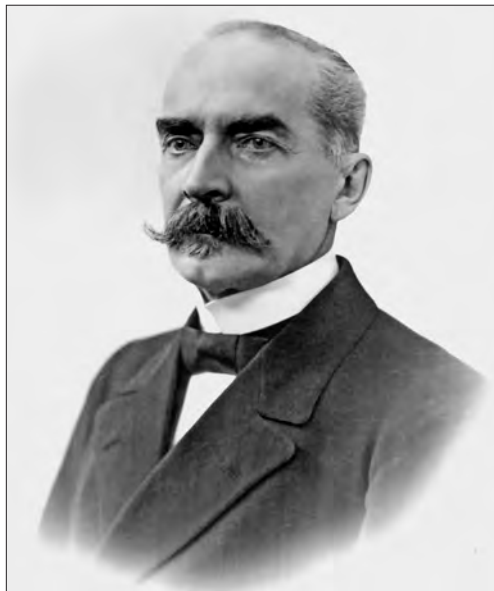
Регент К. Г. Маннергейм
со своими адъютантами

Финская артиллерийская позиция на реке Тулокса (Карелия), 1918 г.

Объявление в парламенте итогов голосования после избрания президентом Финляндии К. Стольберга, 25 июля 1919 г.

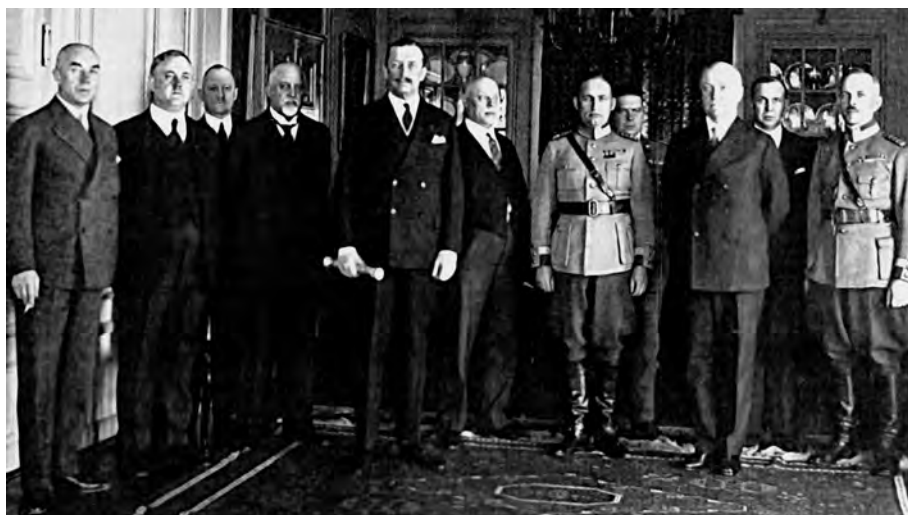

К. Стольберг — первый президент Финляндии (1919–1925)

Марш
ультраправого
движения
лапуасцев
в Хельсинки,
1930 г.

П. Э. Свинхувуд — президент
Финляндии (1931–1937)

19 мая 1933 г. К. Г. Маннергейму был вручен маршалский жезл

К. Г. Маннергейм в Берлине на встрече с германскими генералами, 1932 г.

Прием в Хельсинки офицеров шведского штаба обороны

Министр иностранных дел Финляндии А. С. Ирье-Коскинен (слева) и советский посланник И. М. Майский подписывают договор о ненападении между Финляндией и СССР, 1932 г.

Визит в СССР министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти, февраль 1937 г.

Торжества по случаю 70-летия К. Г. Маннергейма в Хельсинки, июнь 1937 г.
Маршала поздравляют участники гражданской войны

Поздравления от студентов в честь юбилея маршала Финляндии

На праздновании юбилея
К. Г. Маннергейма
приветствуют цветами

К. Г. Маннергейм принимает поздравления на Сенатской площади в Хельсинки

Шведские офицеры
поздравляют маршала
с 70-летним юбилеем

В феврале 1937 г. президентом
Финляндии избран К. Каллио

Торжества на Хельсинкском стадионе по случаю 20-й годовщины
победы в гражданской войне, 1938 г.

Визит эскадры немецких подводных лодок в Хельсинки в августе 1937 г.

Военные самолеты морской авиации на острове Суурсаари (Гогланд), лето 1930 г. Несмотря на демилитаризацию, финская военная авиация регулярно посещала отдаленные острова в Финском заливе рядом с Ленинградом

Б. Е. Штейн

Б. Н. Ярцев (Б. А. Рыбкин)

Встреча Э. Эркко в рабочем кабинете с Ю. К. Паасикиви

Руководство финских
вооруженных сил в августе
1939 г. организовало
на Карельском перешейке
военные маневры.
В маневрах участвовало
до 20 тыс. человек

Маршал К. Г. Маннергейм с генералами А. Айро и К. Л. Эш на военных учениях,
август 1939 г.

Премьер-министр Финляндии
А. Каяндер

О. В. Куусинен

Возвращение финской делегации после первого раунда переговоров в Москве, 1939 г.

Нота СССР об отзыве
советских дипломатических
представителей из Финляндии,
29 ноября 1939 г.

Господин посланник !

Как известно из официальных сообщений, нападения финских воинских частей на советские войска продолжаютя, продолжаютя не только на Карельском перешейке, но и на других участках советско-финляндской границы.

Советское Правительство не может терпеть дальше такого положения.

Ввиду сложившейся обстановки, ответственность за которую полностью ложится исключительно на правительство Финляндии, правительство СССР не может больше поддерживать нормальных отношений с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

29 ноября 1939 года. *В. Малицкий*

Чрезвычайному и Полномочному Посланнику
Финляндии г-ну Крие-Коскинен
Финляндская Миссия, Москва.

К. Г. Маннергейм в период «зимней войны» (1939–1940)

Р. Рюти — президент Финляндии (1940–1944)

Финские войска на оборонительных позициях Карельского перешейка

Подписание 2 декабря 1939 г. в Москве Договора о взаимопомощи и дружбе с «народным правительством Финляндии»

Первый номер газеты «Друг пленных» от 27 января 1940 г. По указанию финского генштаба газету выпускали два раза в неделю на русском языке. Всего до 6 апреля 1940 г. было выпущено 16 номеров

393

RUSSIAN PUBLICATIONS
YMPÄÄRIKÖ

KÄÄNNÖS 8 P. Päivälehti
№ 19.

Herra Ulkosisäntäministeri,
Tahdon tuntea

vahvistaa puhelinkeskusteluun jolloin sinulla oli Herra Ministerille kunnia tiedottaa, että kuulutuani tänään avarasti Fannosen suullisen selonteon länsivaltojen suhtautumisesta ja luottuani hänen muistonsa sekä tutustutuani pääministeri Daladierin erittäin myönteiseen lausuntoon olen tullut vakautetuksi

- 1) että olisi kiitettävää niiden viidenkymmenen pomikonien lähettämistä, mitkä Konraali Ling'in erillisiltäisen ilmoituksen mukana olivat lähteväisiä,
- 2) että ehdoton ehtykseni on, että niin kauan kuin sotatila vallitsee meidän ja Neuvostoliiton välillä ei saa jättää mitään tekemättä tuodaksemme maamme kaikkea mitä saavutetuissa on, koska tämä voi vaikuttaa myönteisesti neuvotteluissa.
- 3) että Hallituksen tulisi viipymättä tehdä länsivalloille vetoamus jota ne edellyttävät ja joka on perusteltui.

Sekä lisäksi, että kun ei mitään varmuutta ole siitä ettei saavutettaisiin rauha hyväksyttävillä ehdoilla on kaikki tehtävä sodan jatkamiseksi neuvottelujen keskeytyneen varalta.

Käytän tilaisuutta esittäen
Herra Ministerille vakutuksen suuresta kunnioituksestani.

G. Mannerheim

Письмо Маннергейма министру иностранных дел В. Таннеру от 8 марта 1940 г., в котором маршал подчеркивает: «... чтобы достигнуть мира на приемлемых условиях, необходимо сделать все, чтобы продолжить войну в случае срыва переговоров». Он также выражает надежду, что еще остается возможность получить военную помощь от западных стран

Выступление министра иностранных дел Финляндии В. Таннера по финскому радио 13 марта 1940 г. с сообщением о прекращении «зимней войны»

WYÖKYLÄN NRO 72 - 1940
mk 1:50

UUSI SUOMI

ISSANUMERO mk 1:50
1940 - N:o 72

Tuomas meikkilä 14 pöj
ARVOMITTAINEN K. S. PARTTI
Tuomas meikkilä 14 pöj

Rauhansopimus allekirjoitettu.

SUURIN OSA VIIPURIN LÄÄNIÄ Hankoniemi, Suomenlahden saaret ym. Neuvostoliitolle.

Vihollisuudet lopetettiin eilen klo 11

Tietoinen kulutus maaliskuun 13. päivänä klo 17 pidettiin Moskovaan Suomen ja Neuvostoliiton edustajien välillä kokous, jossa rauhansopimuksen tähtenä esitettiin Suomen valtuutetuille. Sopimuksen allekirjoittamisen tapahtui klo 13 päivän vastaisena yönä.

Sopimuksessa Neuvostoliitto saa Hangon niemisen ja loppujen mukaan sekä ympärillä olevat saaret. Sopimuksen mukainen Suomen ja Neuvostoliiton välillä uusi valtakunnaraja koostuu enimmäkseen vanha Suomesta ja Uudenmaan maakunnasta. Pääosa Suomen rajasta. Uusi raja lähtee Suomesta läntisellä Väinälän kirkon ja Puustimäen välillä ja kulkee läntiseltä Väinälän kirkon, Finlan, Kaitanlahden, Uudenmaan, Väinälän ja Korpelan kautta etelään nykyisen rajan lauhalla. Osa Korpelan ja Väinälän kirkon välillä.

Uusi kumpikin sopimuspuoli lopettaa sotatoimet keskeyttämättä maaliskuun 13. päivänä klo 11 Suomen aikaa. Pöytäkirjassa on sovittu niistä ehtimistä, joiden mukaan sotavankien parantaminen ja eläkeluovutus rauhansopimuksen sovitettua. Lisäksi sotavankien eläkeluovutus on maaliskuun 15. päivänä ja lastensa palautus alavalla lailla maaliskuun 16. päivänä. Parantaminen tapahtuu vähintään 7 kuukauden välein. Sotavankien eläkeluovutus uuden valtakunnarajan tähtenä puolelta suorittaminen tapahtuu eri lailla. Sotavankien eläkeluovutus tapahtuu. Tuomijon ja lastensa palautus alavalla lailla maaliskuun 20. päivänä. Kulkunäytelmä otettiin alavalla lailla. Luvun otettiin maaliskuun 22. päivänä. Sotavankien eläkeluovutus - Väinälän - Markkunan sotavankien 26. päivänä. Sotavankien...

Статья в газете «Ууси Суоми» о заключении мирного договора между СССР и Финляндией

Президент Финляндии К. Каллио во время посещения узкого круга руководства страны. Слева направо: К. Каллио, К. Г. Маннергейм, Р. Вальден, госпожа К. Каллио, Р. Рюти

П. Талвела

Маршал К. Г. Маннергейм и генерал Э. Хейнрикс, 1941 г.

Р. Рюти наблюдает за тем, как проходит голосование во время президентских выборов 19 декабря 1940 г.

К. Г. Маннергейм, лето 1941 г.

Самолет немецких ВВС на финском аэродроме в Южной Финляндии, июнь 1941 г.

Механизированные части дивизии СС «Норд» прибывают в финскую Лапландию из Норвегии, июнь 1941 г.

Официальное выступление президента Р. Рюти по радио с объявлением Финляндией войны Советскому Союзу, 26 июня 1941 г.

К. Г. Маннергейм в окружении финских генералов, 26 июня 1941 г.

29 августа 1941 г. финская армия вошла в Выборг

Черновик приказа № 3,
отданного К. Г. Маннергеймом
10 июля 1941 г. о наступлении
финских войск на территорию
Советской Карелии

P ä i v ä k k i s k y

Vuoden (1918) Helmikuussa lausuin Suomen ja Vienan karjalaisille ~~saattamassani julistuksessa~~, etten tulisi panemaan miekkaani tuppeen ennen kuin Suomi ja meihin ~~veren siten kuulava~~ Itä-Karjala olisivat vapaat. Vannonin tämän suomalaisen talonpoikaissarmeijan nimessä luottaan/urhoollisiin miehiimme ja urhautvaisiin naisiiimme. Halusin luoda ~~suuren, mahtavan Suomen.~~

Kaksiyksikymmentäkolme vuotta ovat Vienna ja Aunus ~~saaneet odottaa~~ ^(-neet Suomen) lupauksensa täyttymistä; puolitoista ~~vuotta on Suomen Karjala kunniakkoon talvisodan jäl-~~keen autions odottanut aamun sarastusta.

Urhoolliset sotilaani! Vapaussodan taistelijat, talvisodan maineikkaat miehet, Uusi päivä on koittanut. ~~Karjala nousee, vapautuu meidän sotilaiden avulla.~~ ^{Karjala nousee, vapautuu meidän sotilaiden avulla.} ~~Karjalan vapaus ja suuri Suomi vaikky edessämme maailmanhistoriellisten tapahtumien valtavassa vyöryssä.~~ Suokoon kansojen kohtaloja ohjaava ^(Suomen) kaitseminen ~~antamani lupauksen.~~

Sotilaat! Se kamara, jolle astutte ~~astuimme,~~ ^{heimomme} on ~~astuimme~~ ^(ja käreimmän) ~~veren kylästämmä,~~ pyhäk maata. Teidän voittonne tulevat vapauttamaan ~~Itä-Karjalan,~~ ^{Kerjalan,} teidän tekonne luovat Suomelle ^(onnellisen) ~~suuren tulevaisuuden,~~ ~~suuren tulevaisuuden, ja~~

MANNERHEIM

Во время освободительной войны 1918 г. я обещал карелам Финляндии и Беломорья, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободными. Я поклялся в этом от имени финской крестьянской армии, надеясь на мужество ее солдат и на самоотверженность женщин Финляндии.

Двадцать три года Беломорье и Олония ждали выполнения этого обещания. Опустевшая после доблестной зимней войны финская Карелия полтора года ждала нового рассвета.

Бойцы освободительной войны, славные участники зимней войны, храбрые мои солдаты! Новый день наступил. Карелия поднимается, в ваших рядах маршируют и ее батальоны. Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий. Да позволит финской армии провидение, направляющее судьбы народов, выполнить данное мною карельскому племени обещание.

Солдаты! Та земля, на которую вы вступаете, святая земля. Она пропитана кровью и страданиями нашего племени. Ваши победы освободят Карелию, ваши дела принесут Финляндии великое, счастливое будущее.

Маннергейм

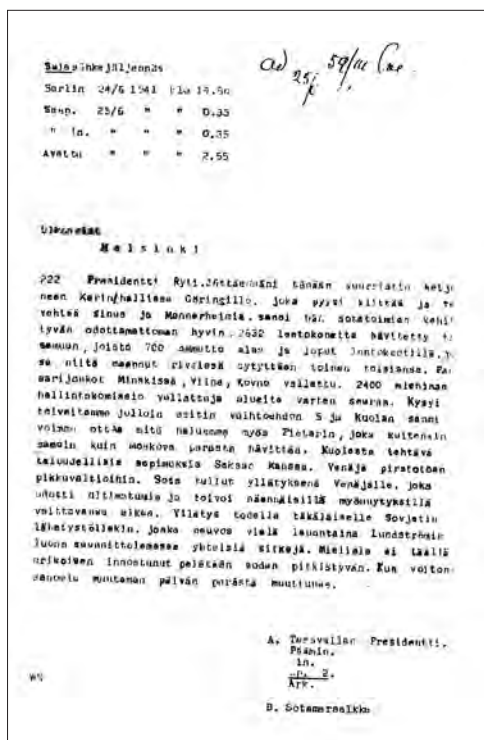

К. Г. Маннергейм на территории Советской Карелии
в городе Олонце, 10 сентября 1941 г.

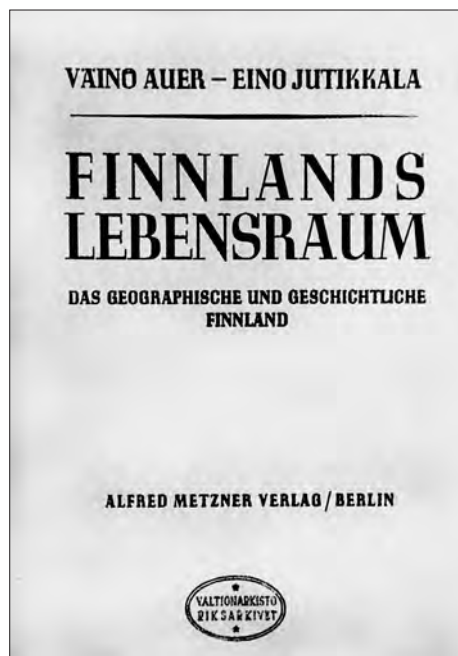

К. Г. Маннергейм на советской территории на линии фронта у реки Свири,
октябрь 1941 г.

Так в 1941 г.
финская пропаганда
представляла боевые
возможности финской
армии

Документ Архива МИД Финляндии,
подтверждающий, что К. Г. Маннергейм
24 июня 1941 г. знал о планах
уничтожения Ленинграда

Обложка книги Ауер В.,
Ютиккала Е.
«Финское жизненное пространство»

№ 1.
Suomen Puolustusvoimain Ylipäällikön
j u l i s t u s
Karjalan väestölle.

1. Sillä alueella, josta Suomen miehitysvoimat ovat ottaneet haltuunsa, on väestön elinkeinon ja asutuksen osalta Suomen Lakiin nähden määrättyä suurempaa määrää kirkkoita, koulukouluja, kirjastoja, sairaaloita, sairaalokotiloja, kirkko- ja koulukouluja, jotka on pidettävä kirkko- ja koulukouluina, ja kirjastoja, sairaaloita, sairaalokotiloja, jotka on pidettävä kirkko- ja koulukouluina.

2. Vallatun alueen asukkailla on Suomessa asuessaan sellaisia oikeuksia, jotka ovat Suomessa asuessaan, jollei toisin ole määrätty.

3. Aseet, ammusvarusteet, räjähteet, räjähteiden valmistusvälineet, jotka on pidettävä kirkko- ja koulukouluina, on pidettävä kirkko- ja koulukouluina.

4. Väestön elinkeinon osalta, joka on Suomessa asuessaan, on pidettävä Suomessa asuessaan, jollei toisin ole määrätty.

5. Yllämainittuun lukuun kuuluu, joka on Suomessa asuessaan, jollei toisin ole määrätty.

6. Kirjasto- ja koulukouluja, sairaaloita, sairaalokotiloja, kirkko- ja koulukouluja, jotka on pidettävä kirkko- ja koulukouluina, on pidettävä kirkko- ja koulukouluina.

7. Vallatun alueen asukkailla on Suomessa asuessaan, jollei toisin ole määrätty.

8. Yllämainittuun lukuun kuuluu, joka on Suomessa asuessaan, jollei toisin ole määrätty.

9. Yllämainittuun lukuun kuuluu, joka on Suomessa asuessaan, jollei toisin ole määrätty.

Julkaisun numero: 1/1941.

Suomen Puolustusvoimain Ylipäällikön
Nähtäväkirje MANNERHEIM.

Обращение К. Г. Маннергейма

к населению оккупированной Карелии,

8 июля 1941 г.

ся финским войскам или наносить им ущерб, будет рассматриваться, в случае задержания, не как военнопленный, а как преступник, заслуживающий высшей меры наказания.

6. Всякое уничтожение имущества, продовольствия, скота, сена, повреждение и поджог построек и леса, независимо от того, принадлежат ли последние государственной или частной собственности, — строго воспрещается.

7. Население занятой территории обязано оставаться на своих местах и добросовестно заботиться об обработке полей и об уходе за своим скотом. Передвижение с одного места жительства на другое без разрешения военных властей — запрещено. В случае распоряжения военных властей о новом месте жительства население обязано переселиться на указанное ему место и оставаться на нем.

8. Жители занятых местностей так же, как и финские граждане, подлежат трудовой повинности. По распоряжению властей они обязаны выполнять сельскохозяйственные и полевые работы, на которые будут назначены, и данные им задания выполнять усердно и добросовестно.

9. Судебная власть на занятой территории принадлежит военно-полевым судам финской армии. Все преступления, совершенные жителями занятой территории, будут рассматриваться вышеуказанными судами, которые будут судить преступников по всей строгости финских военных законов.

Главнокомандующий финской армией маршал

Маннергейм

1. Население, находящееся на территории, занятой финскими войсками, должно беспрекословно выполнять все распоряжения финских военных властей. Всякое невыполнение данных распоряжений или действия, направленные на ущерб финской армии или же в помощь ее врагам, будут наказываться согласно финским военным законам.

2. Население занятых местностей обязано при требовании военных властей давать необходимые сведения о себе, о членах своей семьи и о месте жительства.

3. Оружие, огневые припасы, взрывчатые вещества и оставленное неприятелем военное снаряжение, находящиеся в руках населения, должны быть немедленно сданы властям или доведено о них до сведения последних.

4. Те, кто будут давать неприятелю сведения о финских войсках и соединениях и об их передвижении, а также обо всем, что может помочь неприятелю, равно как и те, кто будут добывать или пытаться добывать подобные сведения, — будут наказаны как шпионы. Также подлежат строгому наказанию те, кто будут скрывать у себя неприятельских солдат или помогать последним.

5. Лицо, находящееся на занятой финскими властями территории, не принадлежащее к армии противника и не носящее военной формы, пытающееся с оружием в руках сопротивляться

Маршал К. Г. Маннергейм и генерал В. Эрфурт, 22 сентября 1941 г.

Генерал А. Йодль с маршалом К. Г. Маннергеймом на улице города Миккели,
4 сентября 1941 г.

FINLAND REJECTS U.S. DEMAND

Six CIO Leaders Quit Mediation Board

IN PROTEST OVER CAPTIVE E DECISION

Levin vs. Lewis Decision Near.

WASHINGTON, Nov. 12.—The National Labor Relations board today announced that it had rejected the demand of the United States government that Finland should allow American troops to be stationed in that country.

The board's decision, which was announced in a statement issued in Washington, was a surprise to many observers, who had expected the board to rule in favor of the government's demand.

The board's decision was based on the fact that Finland is a neutral country and that the United States government had no right to demand that Finland allow American troops to be stationed in that country.

The board's decision was a victory for the Finnish government, which had been fighting a bitter battle to keep American troops out of Finland.

NEWS SUMMARY

WAR SITUATION
The National Labor Relations board today announced that it had rejected the demand of the United States government that Finland should allow American troops to be stationed in that country.

The board's decision, which was announced in a statement issued in Washington, was a surprise to many observers, who had expected the board to rule in favor of the government's demand.

The board's decision was based on the fact that Finland is a neutral country and that the United States government had no right to demand that Finland allow American troops to be stationed in that country.

The board's decision was a victory for the Finnish government, which had been fighting a bitter battle to keep American troops out of Finland.

TOUCHING THE TAXPAYER AGAIN

NEUTRALITY ACT Sees Peril in REPEAL FACES

Stopping War (with Reds Now)

Report 15 Line Up to Oppose War.

WASHINGTON, Nov. 12.—The repeal of the neutrality act is facing a serious test today as a group of 15 prominent Republicans lined up to oppose the measure.

The group, which includes several members of the House of Representatives, is expected to vote against the repeal of the act.

The neutrality act, which was passed in 1937, prohibits the United States from selling arms and ammunition to belligerent nations.

The repeal of the act would allow the United States to sell arms and ammunition to any nation, including the Axis powers.

The group of 15 Republicans is led by Representative Charles McNary of Oregon, who has been a vocal opponent of the repeal of the act.

BISHOP WARMS WAR BLOC: SEE YOU AT POLLS!

Broken Vows Mean Defeat, He Says.

WASHINGTON, Nov. 12.—The Rev. John Stambaugh, bishop of the Episcopal diocese of New York, today warned that the United States would suffer defeat if it failed to support the Allies in their fight against the Axis powers.

Bishop Stambaugh, who is a vocal proponent of the United States' support of the Allies, said that the United States must stand firmly with the Allies and must not allow itself to be divided by the Axis powers.

He said that the United States must support the Allies in their fight against the Axis powers, and that it must not allow itself to be divided by the Axis powers.

Bishop Stambaugh said that the United States must support the Allies in their fight against the Axis powers, and that it must not allow itself to be divided by the Axis powers.

BRITAIN'S SEA CONTROL LAID TO U. S. AID: WAR RISE RATE CUT

LONDON, Nov. 12.—The British government today announced that it had cut the rate of increase in the cost of living in Britain.

The government said that the rate of increase in the cost of living had been cut from 10 percent to 8 percent.

The government said that the cut in the rate of increase in the cost of living was a result of the government's efforts to control inflation.

The government said that the cut in the rate of increase in the cost of living was a result of the government's efforts to control inflation.

Elusive Tanks, Nazis Find, Are Ground Hogs

BRUSSELS, Nov. 12.—The German army today announced that it had found a large number of elusive tanks in the Ardennes region of Belgium.

The German army said that the tanks were hidden in the forests and were used to ambush Allied forces.

The German army said that the tanks were hidden in the forests and were used to ambush Allied forces.

OPEN TURNS OFF ALL CHRISTMAS LIGHTS IN 8 SOVIET STATES

MOSCOW, Nov. 12.—The Soviet government today announced that it had turned off all Christmas lights in eight Soviet states.

The Soviet government said that the turning off of the lights was a result of the government's efforts to control inflation.

The Soviet government said that the turning off of the lights was a result of the government's efforts to control inflation.

JOIN THE ARMY, STUDENTS URGE WARLIKE PROFS

WASHINGTON, Nov. 12.—A group of students today urged the government to join the army and to support the war effort.

The students said that the government should join the army and should support the war effort.

The students said that the government should join the army and should support the war effort.

THREE OUTSTANDING NEW BOOKS...

A South American book of...
A book of...
A book of...

THE WEATHER
Forecast for the next few days...

**MAA SCHOEDER,
AIR LINE OFFICER,
SUFFERS STROKE**
Maa Schoeder, an air line officer, suffered a stroke today...

Admiral's Son Dies
The son of an admiral died today...

Admiral's Son Dies
The son of an admiral died today...

Admiral's Son Dies
The son of an admiral died today...

October 1941
\$1,000,000
THE CHICAGO TRIBUNE

Американская газета «Чикаго Дейли Трибюн» от 12 ноября 1941 г., в которой сообщается об отказе Хельсинки прекратить военные действия против СССР

Первые пожары в Ленинграде, осень 1941 г.

Немецкий скоростной военный корабль на Ладожском озере, лето 1942 г.

А. Гитлер прибыл в Финляндию на 75-летие К. Г. Маннергейма и лично поздравил маршала с юбилеем, 4 июня 1942 г.

К. Г. Маннергейм в ставке фюрера во время рассмотрения военно-стратегических вопросов, 27 июня 1942 г.

К. Г. Маннергейм и Г. Геринг обсуждают военные планы

Встреча маршала К. Г. Маннергейма с Г. Гиммлером, прибывшим в Финляндию на переговоры, 29 июля 1942 г.

Малолетние узники лагеря для гражданского населения в Петрозаводске

Детский барак в финском концентрационном лагере в Карелии

Советские военнопленные в финском концентрационном лагере

Начальник разведки
ставки К. Г. Маннергейма
полковник А. Паасонен

Обсуждение в ставке К. Г. Маннергейма вопроса о перспективах участия Финляндии
в войне после поражения в Сталинградской битве, 3 февраля 1943 г.

Р. Рюти после переизбрания президентом страны 15 февраля 1943 г. приносит присягу в парламенте

Министр иностранных дел
Х. Рамсай

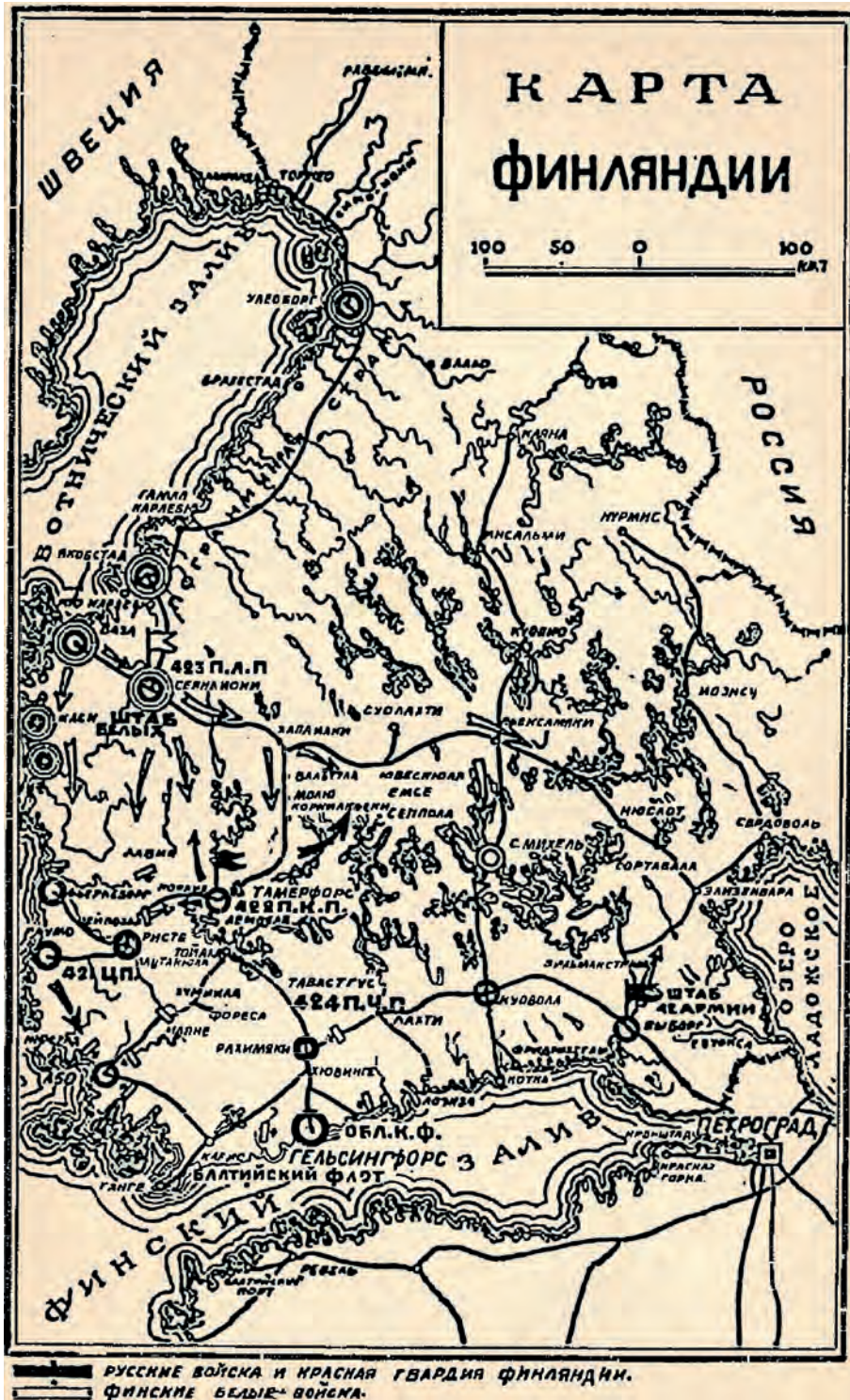
К. Г. Маннергейм и премьер-министр Финляндии Э. Линкомиес

Финские полевые укрепления на линии фронта на берегу Финского залива, Куоккала (Репино), 1944 г.

В финском блиндаже в начале советского наступления на Карельском перешейке, июнь 1944 г.

Расположение «красных» и «белых» войск в начальной стадии гражданской войны в Финляндии

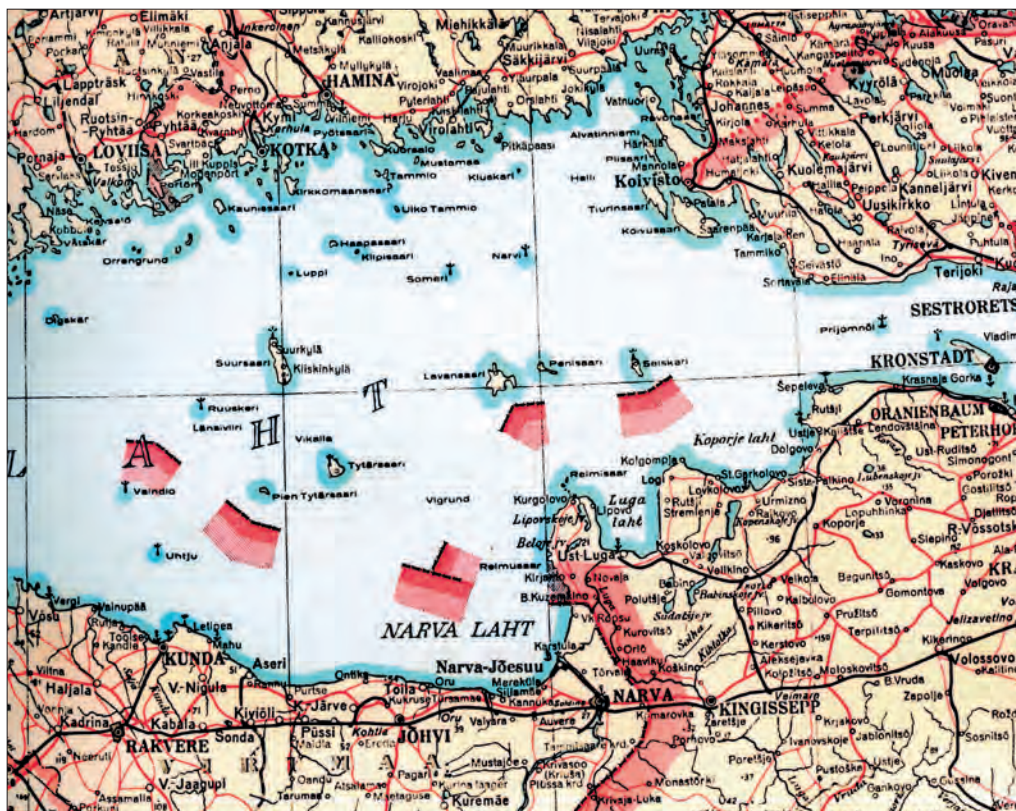

Схема Финского залива в акватории Кронштадта с обозначением государственных границ Финляндии, Эстонии и Советского Союза

Советские и финские предложения по изменению границы на Карельском перешейке на Московских переговорах 1939 г.

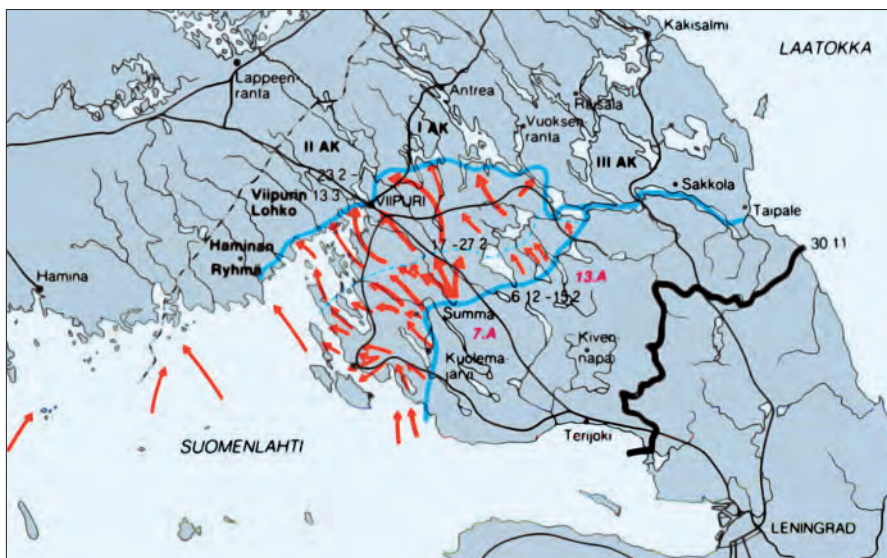

Схема наступления советских войск на Карельском перешейке, февраль — март 1940 г.

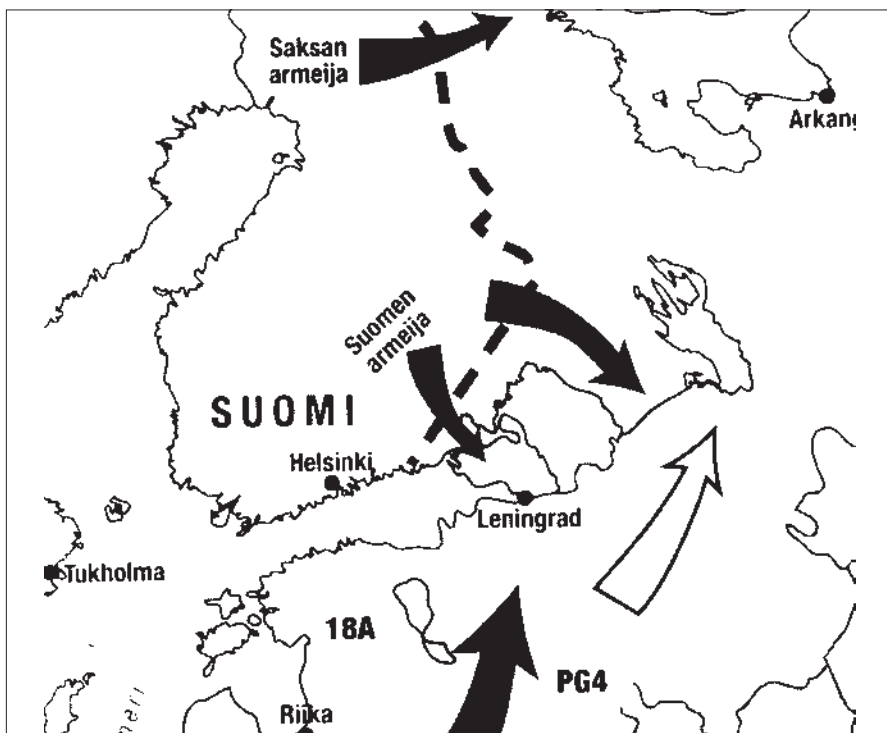

Схема направлений планирующихся ударов финских и немецких войск на ленинградском направлении, лето 1941 г.

Схема налета на Ленинград с территории Финляндии немецких бомбардировщиков 22 июня 1941 г.

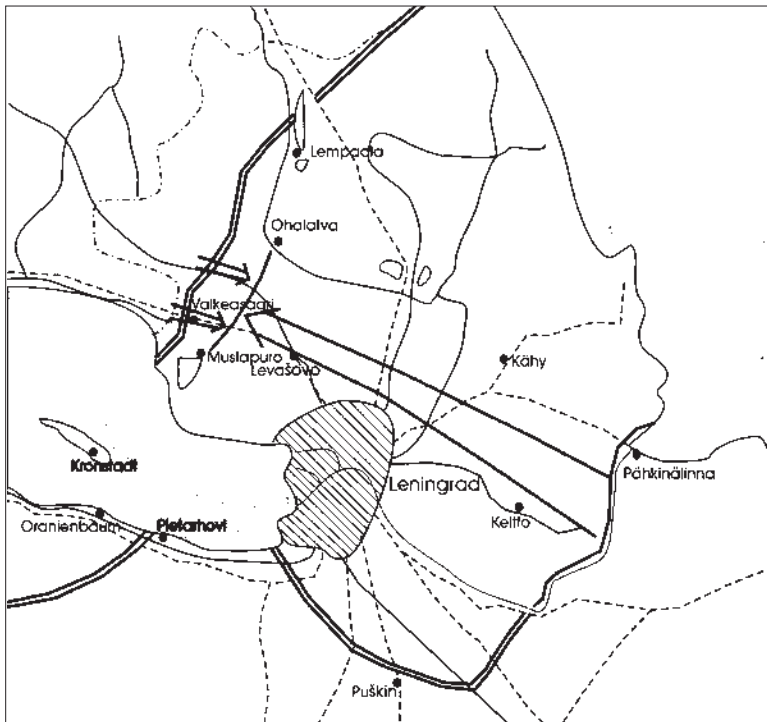
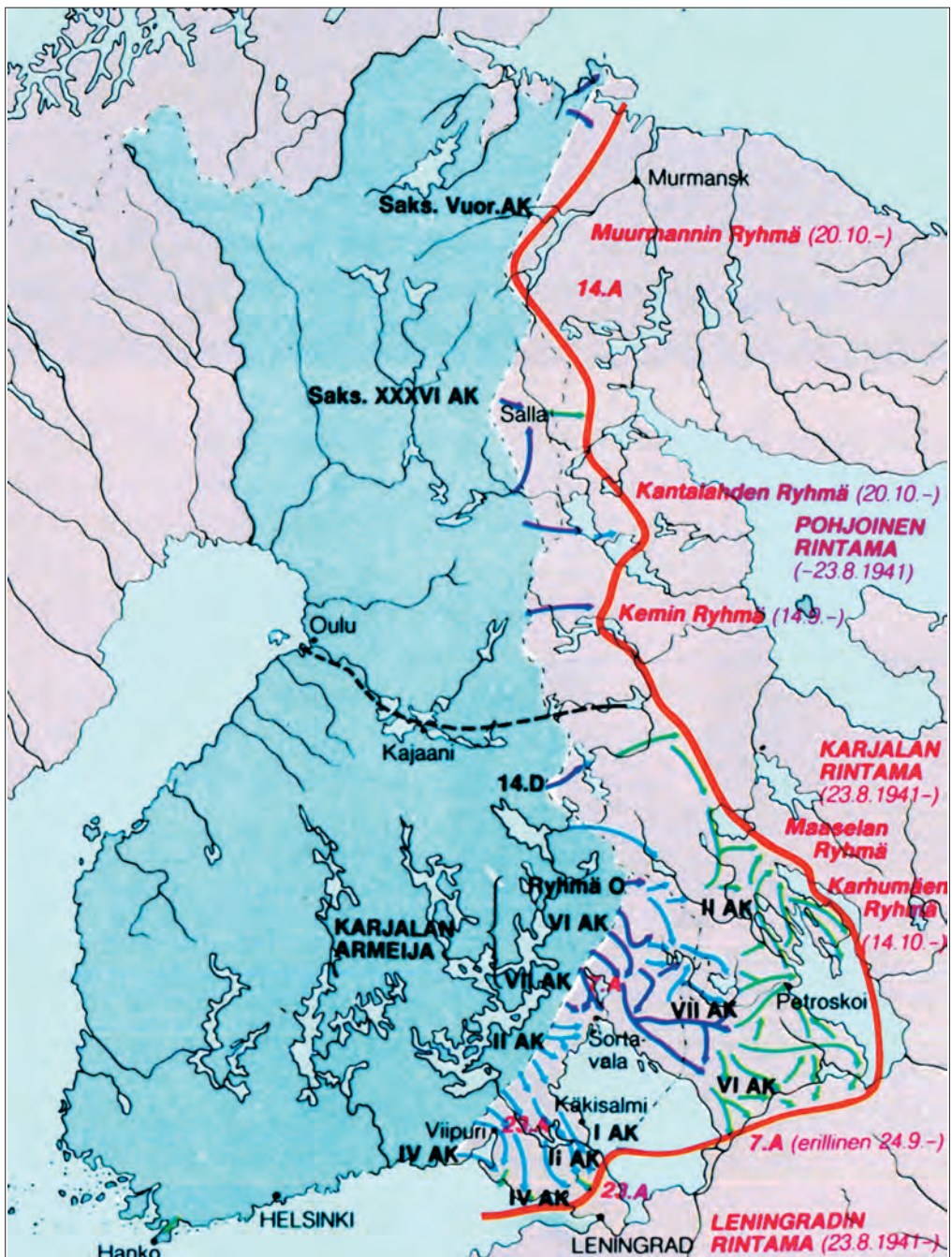
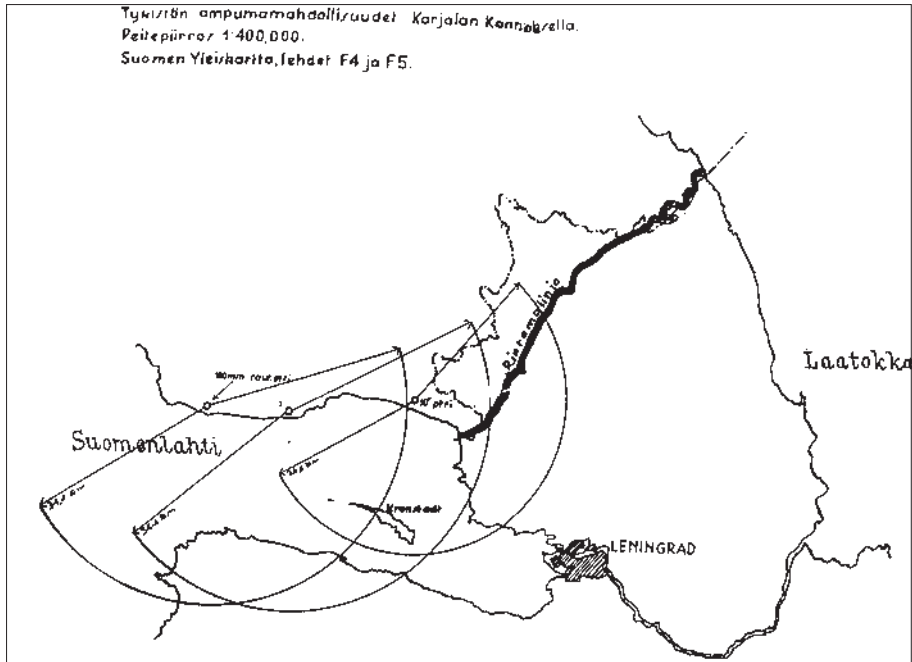

Схема плана совместных операций немецких и финских войск на ближних подступах к Ленинграду, сентябрь 1941 г.

Финская схема линии фронта на севере к концу 1941 г. Продвижение финских войск было полностью остановлено к середине декабря 1941 г.

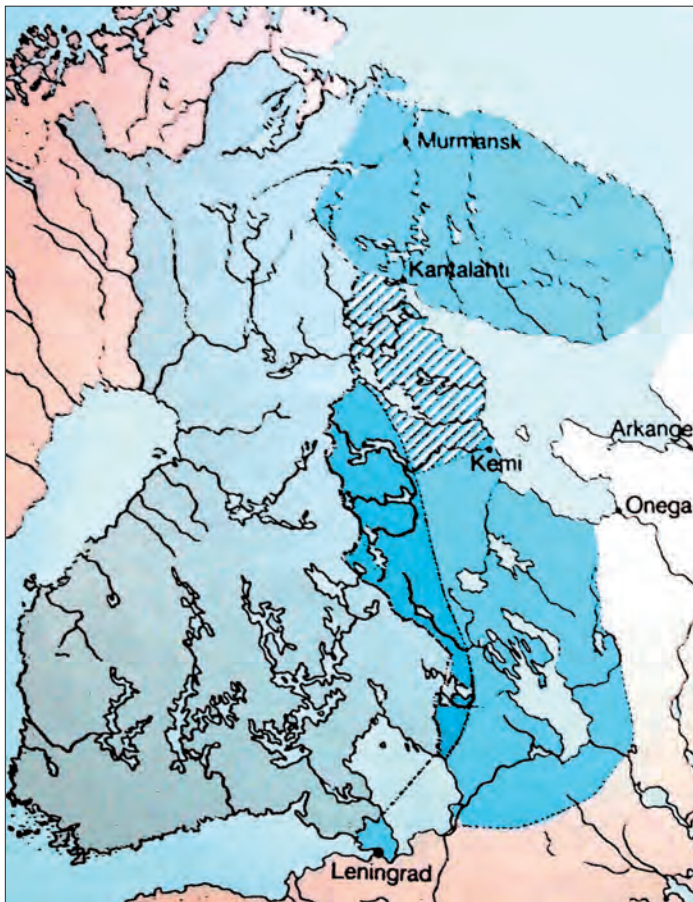
Tykytön ampumamahdollisuudet Karjalan Kennokseella.
Peitepiirros 1:400,000.
Suomen Yleisaristo, lehdet F4 ja F5.

Финская схема, показывающая зону возможного дальнотойного артиллерийского поражения района Ленинграда

Схема операции немецких и итальянских боевых кораблей по захвату острова Сухо с целью нарушить Дорогу жизни, октябрь 1942 г.

Границы «великой Финляндии», которые планировались в Хельсинки после победы над СССР, 1941 г.

Схема линий финских укреплений на Карельском перешейке, 1944 г.

Схема расположения финских войск на Карельском перешейке, июнь 1944 г.

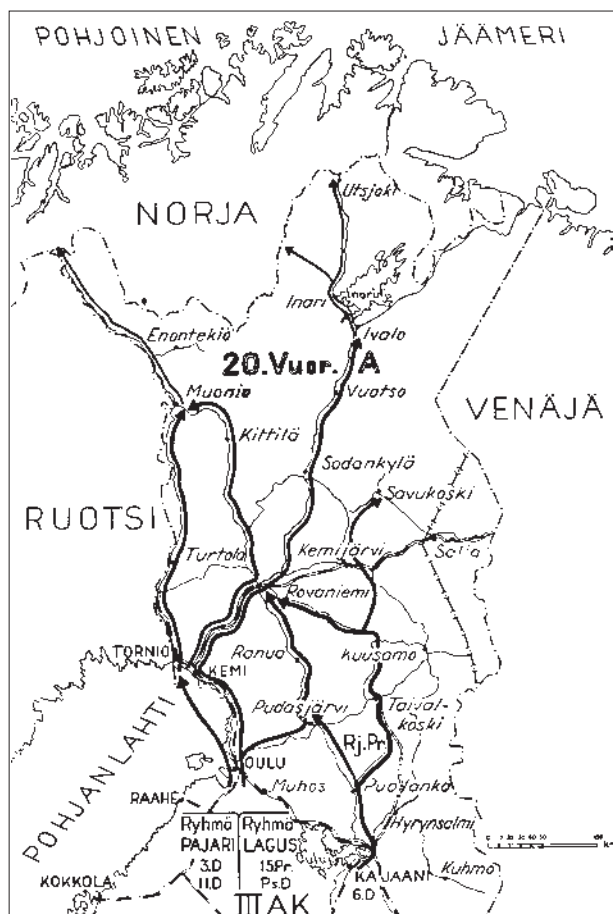
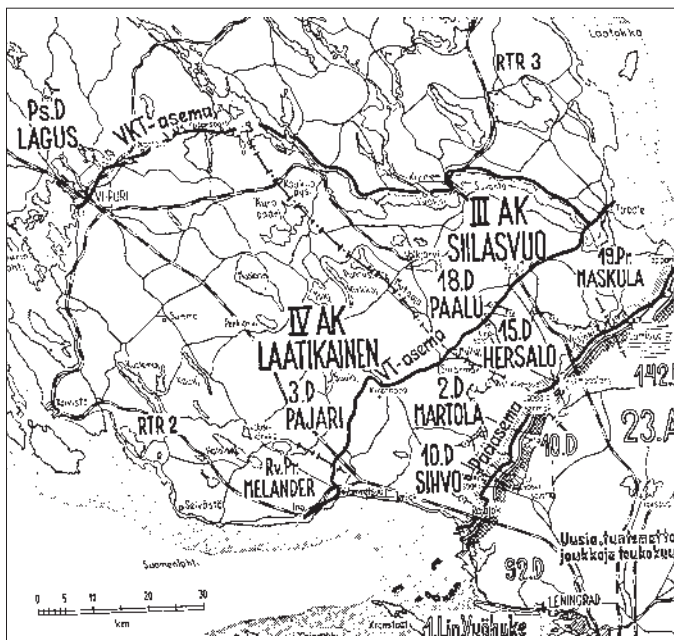

Схема боевых действий финской армии против немецких войск в Лапландии, 1944 г.

Советские танки на улицах Выборга, конец июня 1944 г.

Немецкая авиация на полевом аэродроме Карельского перешейка,
конец июня 1944 г.

Финские солдаты, оснащенные новейшим немецким противотанковым оружием, конец июня 1944 г.

Бригада германских самоходных штурмовых орудий направляется на фронт на Карельском перешейке, конец июня 1944 г.

К. Г. Маннергейм принимает поздравления депутатов парламента по поводу избрания 4 августа 1944 г. президентом Финляндии

К. Г. Маннергейм ведет заседание нового правительства, август 1944 г.

Финская делегация отправляется на переговоры в Москву, 7 сентября 1944 г.

Подписание соглашения о перемирии с Финляндией, 19 сентября 1944 г.

Прибытие в Финляндию главы Союзной контрольной комиссии А. А. Жданова, 22 сентября 1944 г.

Финские войска в районе города Кеми, октябрь 1944 г.

Выход финских войск к границе Норвегии, 20 ноября 1944 г.

Выступление Ю. К. Паасикиви 6 декабря 1944 г.

К. Г. Маннергейм в Португалии, 1945 г.

Привлеченные к судебному процессу по делу главных военных преступников Финляндии в качестве обвиняемых (слева направо): Ю. Рамсай, Т. Рейникка, А. Кукконен, Э. Линкомиес, Ю. Рангель, Р. Рюти, В. Таннер, Т. Кивимяки

Статья 1.

В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обеих государств вместе, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Первая статья договора о взаимопомощи с СССР, написанная К. Г. Маннергеймом на русском языке, январь 1945 г.

К. Г. Маннергейм подал в отставку и ушел с поста президента Финляндии 4 марта 1946 г.

В. Н. Барышников

МАННЕРГЕЙМ

И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

«Русское население заключать под стражу и переправлять в концентрационные лагеря».

— Приказ Маннергейма, 8 июля 1941 г.

«Свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий».

— Приказ Маннергейма, 10 июля 1941 г.

«Для одних Маннергейм ещё мог “представлять русскость и старую Антанту”, но для других стал уже сторонником “прусского милитаризма”».

— Профессор, историк Веса Варес,
Финляндия

«Маннергейм “отреагировал на приход Гитлера к власти со смутным любопытством и даже с некоторой долей восхищения”».

— Профессор, историк Хенрик Мейнандер, Финляндия

«Маннергейм — амбициозная, холодная личность, подчиняющая все свои действия амбициям и тщеславию... В Войне за независимость он был “белым генералом”, а в “зимней войне” превратился в “бело-голубого генерала”».

— Генерал Вальдемар Эрфурт, Третий рейх

«Маннергейм слишком много думает о своём некрологе и о том, в каком свете он будет представляться потомкам».

— Ристо Рюти, президент Финляндии в 1940–1944 гг.

9 785907 171473